

№ 5(23). 2017

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

НАШИ НАГРАДЫ

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"**

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо -2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Октябрь 2017 № 5 (23)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Григорий Блехман — член Союза писателей России
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылев — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ
Дмитрий Филиппов — прозаик, публицист

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 10 октября 2017 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашение к дискуссии	
Валерий Кириллов. Абсурд против традиции. О «поддельных цветах»	4
Проза	
Павел Кренёв. Беляк и Пятнышко. <i>Повесть</i>	12
Павел Демидов. Догадливые сыны века сего. <i>Рассказ</i>	32
Александр Лобанов. Розы у преисподней. <i>Рассказ</i>	38
Елена Тулушева. Первенец. Рядом ходит. Клад. <i>Рассказы</i>	51
Поэзия	
Евгений Семичев. Мы, русские люди, Россию любя... <i>Стихи</i>	66
Александр Кердан. Запоздалая молитва. <i>Стихи</i>	70
Владимир Спектор. Стараюсь поверить, простить и понять... <i>Стихи</i>	73
Галина Швецова. <i>Стихи</i>	77
Берега юбилеев	
Алексей Дмитровский. «Певец во стане русских воинов». <i>Очерк</i>	80
Сэда Вермишева. В белых снах пурги. <i>Лирическая поэма</i>	84
Валентина Коростелёва. «Время писать о любви...» Владимир Соколов. <i>Очерк</i>	87
Юрий Крупенич. Уроки испанского. <i>Рассказ</i>	94
Берега памяти	
Геннадий Сазонов. Храм у чистого озера. К 85-летию Василия Белова	104
Берега Новороссии	
Владимир Казмин. Мы из Кронштадта, мы из Донбасса. <i>Очерк</i>	111
Лиана Мусатова. Марта Носкова. <i>Очерк</i>	114
Ирина Бауэр. Три конфетки. <i>Рассказ</i>	122
Галина Стеценко. Запах костра. <i>Рассказ</i>	126
Переводы	
Гейза Дьонь. <i>Стихи. Перевод с венгерского и вступительная статья Арона Гаала</i>	129
Берега культуры и искусства	
Владислав Краснов. Памяти Ильи Глазунова	133
Русский мир без границ	
Берега Лондона.	
Россия 1917 года. Интервью журналиста Неониллы Пасичник с князем Н. Д. Лобановым-Ростовским	146
Берега Варшавы.	
Елена Черпакова. Диалог культур. Россия и Польша	154
Берега Вильнюса.	
Владимир Кольцов-Навроцкий. Литовский акцент «серебристов»	163
Берега Минска.	
Тамара Коваленок-Корнелюк. Этюды Полесья	170
Александр Ковалёнок. Любовь и вечность. <i>Стихи</i>	180
Критика	
Григорий Блехман. «Песня метели – не яблони цвет...» <i>Смятения и преодоления</i> <i>Сэды Вермишевой)</i>	183
Лидия Довыденко. Поэт о поэтах. <i>О книге Валентины Коростелёвой «Строки и судьбы».</i> <i>Повествование о творчестве 28 русских поэтов</i>	191
Наши друзья	
Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	194

Приглашаем к дискуссии

Валерий Кириллов

Валерий Яковлевич Кириллов родился 20 сентября 1946 года в Андреаполе Тверской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского Государственного Университета им. А. А. Жданова.

С 1977 года – редактор областной молодежной газеты «Смена», с 1986-го – заместитель председателя областного комитета по телевидению и радиовещанию, с 1988-го – первый заместитель редактора областной газеты «Калининская правда», с 1989 –го по 2001-й год редактор газеты «Калининская правда» («Тверская жизнь»).

С 1988 по 2000-й год председатель правления областной журналистской организации. В 1990–1993 гг. народный депутат РФ.

Член Союза писателей СССР, РФ. Автор 26 книг художественной прозы и публицистики. Лауреат премии «Слово к народу». Заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин Андреапольского района Тверской области.

Абсурд против традиции

О «поддельных цветах»

Грустное, а порой забавное зрелище представляет собой тверская «литературная политика». Причина тому «ценностные ориентиры» доминирующих кланов и приближенной к ним «творческой интеллигенции». Люди ещё ходят по инерции в областную библиотеку на «Неделю тверской книги», но всё меньше представляется на ней серьезных изданий. Вручаемая областной администрацией литературная премия им. М. Е. Салтыкова-Щедрина растратила авторитет. Вручают её за труды, далёкие от острой правды жизни, которую живописал бывший тверской вице-губернатор.

В 2016 году она досталась краеведу Борису Ершову за книгу «Всем миром мы вернули Тверь». Перу самого автора в ней принадлежит лишь вступительная статья, остальное – воспоминания 17 жителей города, проявивших активность при возвращении областному центру исторического имени. Собственно, литературного творчества как такового и нет. Ершов выступает составителем, хотя на титульной обложке обозначен как автор. Заметим, Борис Александрович – один из самых титулованных в Тверской области литераторов (премию М. Е. Салтыкова-Щедрина получил вторично, плюс высшую награду области – Крест князя Михаила Тверского), хотя стиль его письма мало чем отличается от стиля банальной канцелярской справки. «Творческий» уровень Ершова наглядно отражают и вышедшие под его редакцией «очерки известных людей Твери XX–XXI века» под названием «Мы сделали своё дело. Очередь за вами» (ОАО «Тверское княжество»), представляющие собой развёрнутые биографические справки. Названия соответствующие: «Оставить по себе добрую память», «Ветеран тверской электроэнергетики», «Полиграфист на всю жизнь», «Залог успеха в жизни», «Генерал, укрепивший тверскую милицию», «Строитель современной инфраструктуры региона», «Организатор. Работа на результат», «Укротитель» техники», «У каждого из нас своя судьба».

Борис Ершов не член СП РФ, однако губительная «литературная политика» не обошла стороной и местное писательское сообщество. Когда-то на слуху в Твери были писатели, публицисты, поэты общероссийского уровня Иван Васильев, Юрий Красавин, Михаил Петров, Александр Гевелинг, Михаил Суворов, Владимир Соловьёв, Константин Рябенский, Евгений Сигарев. Сейчас имён подобной значимости у нас нет. Зато на первый план вышли графоманы с писательскими билетами, что отметил в своей публикации «Апофеоз вкусовщины», посвящённой недавно вышедшей антологии тверской поэзии, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Тверского государственного университета Александр Бойников.

В частности, критик замечает: «...в сем пестром собрании нашлось место таким виршам пригретого Москвой Евгения Карасева:

«И знаете, что выдал жохам конченым?
Сосите хрен у пьяного ёжика!» (с. 155)».

Представлена в альманахе и верхушка правления ТРО СПР В. Редькин, О. Горлов, Н. Лосева. Александр Бойников подчёркивает: «Все они – члены Союза писателей РФ, и это в его тверском отделении считается единственным признаком таланта и гарантией увековечивания в антологии. Примитивный эстетический уровень, шаблонность и беспомощность образов, унылое мелкотемье их «поэзии» в расчёт не берется».

Ранее Александр Бойников издал книгу «Липачи». В ней приведены фрагменты из поэтической книги руководителя тверского отделения СП РФ, лауреата гумилёвской премии В. Редькина, на мой взгляд, даже переплюнувшего Карасёва:

*Метёт метель свою позёмку,
Трамвай трагически пропал,
Погреться бы сейчас с девчонкой,
Но денег нет и кончен бал.*

А вот другое, не менее яркое четверостишие:

*Из восточных изысканных блюд
Что-то новое мне подают,
С хрустом я откусил эту жуть –
Вздрыгнул: собственный фаллос жую.*

Стоило ли профессору, доктору филологических наук, заслуженному работнику высшей школы, автору немалого количества профессиональных критических статей заявлять о себе подобным, простите, «творчеством»?

Заслуженно прошёл острим взглядом Александр Бойников и по творчеству одного из предшественников Редькина на посту руководителя регионального отделения Союза писателей РФ В. Самуйлова. Вряд ли понравится ему, в прошлом заместителю мэра Вышнего Волочка, бывшему ответственному чиновнику Законодательного собрания, рецензия «Собрание измышлизмов «пушкиноведа» Самуйлова». Посвящённая книге «Тверские встречи с Пушкиным», она заканчивается абзацем: «Разве все эти пустопорожние измышлизмы «весьма глубокомысленного краеведа» – пушкинистика? Нет, ни в коей мере. Перед нами – её чистейшей воды профанация, закамуфлированная для блезира под документальное сочинение».

Между прочим, Самуйлов удостоен множества премий, званий, наград, «перечисление которых, как подчёркивает А. Бойников, «занимает без малого полстраницы машинописного текста». Приведём с сайта тверского отделения Союза писателей РФ часть из них: член-корреспондент Академии российской словесности. Лауреат литературных премий им. М. Е. Салтыкова, Российского фонда мира, Губернатора Тверской области, Национальной экологической премии России. Дипломант IV Всероссийского конкурса на лучшую творческую работу в области тифлокраеведения, Всероссийского конкурса краеведческой литературы «Наше культурное наследие». Награждён медалями Шолохова, Вернадского, медалью и орденом Святого Благоверного князя Даниила Московского Русской Православной церкви, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, почётным знаком «За заслуги в развитии Тверской области».

Впрочем, никакими цацками, на которые щедра по отношению к своим чиновничья рать, не прикрыть убогость насаждаемой ею «иерархии ценностей». Читающий народ молча её отвергает. Бывая в сельских библиотеках, я иногда спрашиваю, кого из тверских писателей, поэтов они знают, называю при этом Самуйлова, Горлова, Лосеву, Карасёва, Левитина, Капитанова и ряда других «мастеров словесности», лауреатов, обладателей почётных знаков и званий, дипломатов. В ответ встречаю недоуменные взгляды: «Кто такие?»

И ведь сколько неумной, агрессивной гордыни у иных! Александр Бойников приводит в своей книге выдержки из письма ему Николая Капитанова: «И я не графоман, как вы сказали. Вас и за 10 км нельзя поставить ко мне. Кто вы есть? Всего лишь критик, пишущий статейки, которые никому не нужны, тем более – литературе. Критики – это клопы, живущие за счет писателей... » «Если вздумаете на мое письмо ответить, я ваше письмо, не читая, выброшу в помойку, но сначала рас-

топчу ногами – в знак моего презрения». Капитанов не единственный в Тверском отделении СП РФ, кто мыслит подобно. Вряд ли облагоразуют их строки И. А. Крылова:

*Таланты истинны за критику не злятся:
Их повредить она не может красоты;
Одни поддельные цветы
Дождя боятся.*

Характерно, что снижение качества творчества не мешает постоянному росту количества членов СП. За годы «демократии» стало на тверской земле в три раза больше, чем во времена СССР (сейчас число членов приближается к шестидесяти), но в общественной жизни отделение СП РФ совершенно незаметно. Как мне видится, для большинства его представителей характеристикой могут быть слова Тригорина из чеховской «Чайки»: «...а я все отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд и, в конце концов, чувствую, что я умею писать только пейзаж». Они, эти люди, отстранены от проблем страны, области, не защищают публично русские традиционные ценности, русское слово, русскую провинцию. Многие просто не способны на это по своему уровню!

Не знаю, известно кому-либо из них выражение Михаила Зощенко: «Испуганный писатель – это потеря квалификации». Как-то я напомнил об этом одному из членов правления отделения СП РФ – этот автор специализируется на православной тематике и тоже не обделён наградами со стороны областной власти. В ответ он развел руками: «Ну, что поделаешь?» Но зато «инженерами человеческих душ» была проявлена завидная сплочённость при исключении из рядов отделения СП Александра Бойникова. Сейчас он, работая по-прежнему в Тверском госуниверситете, состоит на учете в Липецком отделении СП, избран членом правления.

Показателем низкого престижа Тверского отделения Союза СП РФ может служить то, что в Твери нет ни своего литературного журнала, ни своей литературной газеты. Больше того, у тверских писателей нет уже долгие годы даже собственного помещения. В то время, как в Вологде, например, стабильно выходят журнал «Вологодский ЛАД», газета «Вологодский литератор», а отделение СП имеет в своем распоряжении старинный особняк.

Правда, там и традиции другие – беловские. В отличие от Твери, где предпочитают «бренды» иного свойства.

Дементьевские «благотворения»

«Инновации», с завидной регулярностью привносимые в тверскую действительность поэтом Андреем Дементьевым, и в особенности та свистопляска, которую устраивают вокруг «фигуры федерального масштаба» тверские чиновники, не только возбуждают общественное мнение, но и во многом являются подтверждением вышеупомянутой подмены ценностей.

Началось это в не столь давнюю эпоху губернаторства Дмитрия Зеленина, при котором поэт зачастил в Тверь. Именно тогда начала раскручиваться Ассоциация тверских землячеств, возглавлял которую Дементьев, слышались высокопарные заявления, что она, де, берёт на себя ответственность за развитие области. Некоторые тверичи начали в неё даже вступать (это на своей-то родной земле!). Жизнь доказала: несмотря на то, что Ассоциация (несколько лет назад Дементьев отошёл от руководства ею) отметилась рядом полезных мероприятий, существенного вклада в «развитие области» не внесла. Больше того, её участие в распространении ряда книг вызвало массу вопросов хотя бы потому, что среди них оказались свыше десятка 600-800 страничных фолиантов, являющихся откровенным плагиатом.

В ту же примерно пору жители Твери узнали, что скоро в городе появится собственный Дом поэзии. Пошли разговоры: это, мол, бескорыстный подарок благодарного тверской земле поэта. Но вскоре выяснилось, что это подарок поэту, обещанный Зелениным, но сделанный не на деньги Зеленина, а за счет бюджета. Открытие Дома поэзии, состоявшееся уже при губернаторе Андрее Шевелеве, сопровождалось восхвалениями Дементьева и заявлениями типа «Тверь превращается в столицу мировой поэзии». Говорят, Шевелев не особо благоволил Дементьеву, и не без его участия был снят вывешенный в центре Твери огромный портрет поэта с надписью «Гордость земли Тверской». Как здравомыслящий человек, Андрей Владимирович, должно быть, понимал: не было у А.С. Пушкина при жизни ни портретов в центре Москвы или Санкт-Петербурга, ни «Пушкинского дома», и – ничего, как-то и без этого обходился, стал всемирно признанным классиком. И у Ф.И. Тютчева не было, и у других. Но скромность – была.

Заметим, на «дом», в котором предусмотрены рабочий кабинет и комнаты отдыха для самого поэта и его гостей, потрачено 78 миллионов рублей бюджетных средств. И это на фоне того, что ежегодная бюджетная сумма, выделяемая на культуру среднего района области, не превышает 8-10 миллионов рублей. Следом в Твери (полагаю, тоже не на деньги поэта) получили хождение хозяйственные пакетики с рекламой «Дома поэзии Андрея Дементьева». То есть поэзия и коммерция как бы сошлись в «одном флаконе», что неудивительно, ибо в представлении либералов превращение культуры в бизнес – явление естественное и необходимое.

Прошло немного времени, и, благодаря Дементьеву, появился новый повод для ажиотажа. Тверь, со времени возвращения ей исторического названия, имела неофициальный гимн, написанный Владимиром Филипповым и Владимиром Воробьевым, люди к нему привыкли, однако неожиданно местная власть возжелала иметь официальный гимн. Автором его слов оказался, понятно кто – Андрей Дементьев. Несуразиц в гимне немало, но как говорится, дарёному коню в зубы не глядят. Однако со временем открылось – «конь» не дареный. По слухам, сие творение обошлось бюджету города Твери в сумму, исчисляемую несколькими миллионами рублей.

А чуть позже возле Дома поэзии появился памятник поэтам-шестидесятникам, изваянный Зурабом Церетели, к числу которых почему-то оказался причисленным и Дементьев, на что Александр Бойников (воздадим должное его принципиальности) отозвался аргументированной статьёй «...и примкнувший к ним Дементьев». Правда, напечатать её в «свободных» тверских СМИ не смог. Не решились они предать огласке, что «Андрей Дементьев не имеет к феномену шестидесятичества никакого принципиального отношения, разве что чисто хронологическое. В 1955-1963 гг. несколько его тонких книг издано в Твери (тогда Калинин), и огромной аудитории в московском Политехническом музее и тем паче на столичных стадионах он в то время не собирал и властителем молодёжных дум – увы – не был».

И далее: «...то, что свершилось в Твери 16 июля 2016 г. с достойной лучшего применения помпезностью и ночном фейерверком за счет средств городского бюджета, обязательно войдет в историю, как образец безвкусной ангажированности и пускания в глаза широкой общественности пиаровской пыли по причине неоправданно разросшегося тщеславия одного человека, которому очень хочется застолбить себе место в русской литературе. Если не стихами, то хотя бы громоздкой и невыразительной металлической конструкцией, испортившей вид старинного купеческого особняка, между прочим, памятника архитектуры».

Мнение Александра Бойникова, разделяемое многими жителями Твери, не охладило пыла поэта и его друга Церетели. В июле 2017 года Тверь была отмечена событием, приуроченным к 89-летию Дементьева и 4-летию Дома поэзии. Речь идёт о конкурсе российских молодых поэтов «Зелёный листок», который вряд ли можно считать удавшимся. В статье Петра Тимошенкова «Тверская поэзия и ломаный грош», напечатанной в газете «Караван», отмечалось: «...молодых поэтов из Твери, указанных в списке участников слета, обнаружить не удалось. Не выступили и объявленные ведущим со сцены 15 июля Владимир Селянкин и Марина Крутова-Кулинич – победители первого, тогда ещё регионального конкурса «Зелёный листок». Отсутствовал на разрекламированном мероприятии и тверской поэт Владимир Львов, прежде входивший в состав конкурсной комиссии. Думается, не случайно – тем самым тверские поэты, скорее всего, выразили отношение к Андрею Дементьеву, а точнее к его назойливым «инновациям».

Не обошлось и в этот раз без высоких почётных гостей из столицы, среди которых, конечно же, был и Зураб Церетели. 16 июля палисадник, отделяющий Дом поэзии от тротуара, получил название Сквера поэзии. На церемонии его открытия были сняты чехлы с пересекающих «сквер» церетелевских композиций, представляющих собой метрового диаметра плоские цилиндры, которые, как пишет Тимошенков, «рождают единственную ассоциацию – это ломаный медный грош. На свежённых относительно друг друга половинках грошей начертаны поэтические строки поэтов – по два поэта на монету. Здесь и дамы: Казакова, Мориц, Ахмадулина, Шпаликов, и Костров, и кто-то ещё. Я не нашел только Владимира Соколова – уроженца Лихославля, ровесника Дементьева, также лауреата госпремии, «тихого» поэта-шестидесятника».

Автор задаётся вопросом, «что означают медные монеты? Поэт не стоит ломаного гроша? Или поэт стоит ломаного гроша? Почему эти поэты, а не те?» Эти вопросы так и остались без ответа. К ним напрашивается ещё один: а может, не стоит ломаного гроша для тверской культуры вся эта странная композиция? Между тем, Зураб Церетели, выступая, подчеркнул, что Тверь может ожидать от него новых

подарков. У него, мол, есть Дементьев стоя и Дементьев – сидя, и ещё кое-что, чего хватит на целую аллею поэтов. Можно предположить: на продолжение дарения Церетели вдохновило то, что губернатор И. М. Руденя удостоил его высшей награды области «Креста святого князя Михаила Тверского».

Сдается, ни скульптору, ни Дементьеву неведомо применимое к данному случаю предостережение философа Артура Шопенгауэра: «...ставить кому-либо памятник при жизни значит объявить, что нет надежды на то, что потомство его не забудет». Поэтому нельзя исключать того, что на следующий год, подобное публичное объявление состоится. Уж больно навязчиво внедряется в общественное сознание мысль об исключительности Андрея Дементьева, хотя как поэт, он, по моему разумению, куда менее значим, чем наши земляки Владимир Соколов, Николай Тряпкин, а также уже упомянутые Константин Рябенкий, Владимир Соловьев, Александр Гевелинг. Кстати, и сам неугомонный Андрей Дмитриевич не остался без очередной награды. Получил из рук губернатора в связи с 89-летием почётный знак «За благотворительность. Великая княгиня Анна Кашинская», что вызвало явное недоумение у тверской православной общественности. Дело в том, что тяга к славолобию, его поощрение, воспринимается по православным канонам как тяжкий грех. Поскольку чиновники у нас теперь сплошь православные и патриоты, думаю, им достанет разума осознать, что подлинная благотворительность это всё-таки нечто иное. Тем более что известно немало случаев, когда люди искренне жертвовали личные средства на благие цели. Причем делали это и продолжают делать, как и подобает православному человеку, скромно, без всякой шумихи и наград.

Ежегодно патриотические тверские поэты участвуют в празднике фронтовой поэзии в селе Борки, под Великими Луками. Лауреат Ленинской и Государственной премии Иван Васильев на свои литературные гонорары создал здесь два музея – краеведческий и экологический. Собрал картинную галерею. И никто не решился при жизни писателя даже заикнуться о том, чтобы краеведческому музею было присвоено его имя. Васильев, в силу моральных качеств, не позволил бы (к тому же, в советское время существовал на этот счет установленный органами власти строгий порядок). Русский писатель Василий Белов в родной Тимонихе на свои гонорары и с приложением собственных мастеровитых рук восстановил православный храм. Жительница поселка Бобровец Андреапольского района Наталья Манежева на средства, вырученные от продажи квартиры в Москве, построила в Андреаполе «Дом искусств», но отнюдь не «Дом искусств Натальи Манежевой». А недавно узнаю: получающая скудную пенсию Татьяна Павловна Сочилина, талантливый фотограф, собирательница камней и огородница, продав гараж, подарила 100 тысяч рублей для проведения ремонта в районной больнице.

Так что неплохо бы тверским СМИ оповестить общественность, сколько и на что из личных средств пожертвовал на тверской земле обладатель почетного знака «За благотворительность. Великая княгиня Анна Кашинская». Какой и где построил музей, храм, какой больнице (клубу, библиотеке) лично помог? Ведь в таком почётном деле важна конкретность. И вообще, пора, наконец, поставить точку в этом бесконечном потоке празднеств, фейерверков, комплиментов, и, опустившись на грешную землю, обратить вдумчивое внимание на то, следствием чего стало вышеописанное, а также на проблемы тверской литературы, в которых, надо заметить, зеркально отражаются проблемы литературной жизни в России.

Прилепин в «формате»

«А литература есть ПРАВДА, – писал Василий Шукшин. – Откровение. И здесь абсолютно всё равно – кто смелый, кто сложный, кто «эпопейный», кто – гомосексуалист, алкоголик, трезвенник. Есть правда – есть литература»... «Какие же деревенщики! Мы – народные писатели!» Думаю, будь Василий Макарыч жив, он бы ужаснулся тому состоянию, в которое загнаны либерал-глобалистами народные писатели, и, рванув рубаху на груди, воскликнул бы гневно: «Что ж вы, смердяковы, делаете?!» А потому делают, что глубинная народная правда и нравственное здоровье народа «элите» не нужны, ибо непросвещенным народом легче манипулировать. Вот донцовы – те в самый раз, оттого и не слезают с телеэкрана.

Можно спорить, была ли сочинена именно Даллесом «доктрина Даллеса» или это сделал кто-то другой, не в этом суть. С помощью изошрённых политтехнологий, допустим, «Окна Овертона», «доктрина» сатанинским образом взрастила в России немалое количество всевозможных «псевдо» – псевдописателей, псевдорежиссеров, псевдополитиков, псевдоученых, псевдолитературы,

псевдоистории, псевдоблаготовертности и т.д. Заражённые глобалистской бациллой толерантности, мы привыкаем к этому, смиряемся с этим, не понимая, что это обезличивает, обесценивает и нас самих, превращая в псевдограждан без роду-племени и без исторической памяти.

Именно из-за сатанинского абсурда глобализации в театрах и кино витийствуют русофобы и креативщики с педерастическим мышлением, а несокрушимые ранее столпы национальной культуры и литературы подвергаются пересмотру, а то и откровенной обструкции. К примеру, нам на полном серьёзе твердят, что Бродский равен по таланту и значению в русской культуре «нашему всё» Пушкину. Жванецкого сравнивают с Достоевским. Разговаривая с живущим в Вологде нашим земляком (родился в деревне под Торжком) писателем Геннадием Сазоновым, поинтересовался, не поставили ли памятник Василию Белову. «Да что ты?! – удивляется. – Кому нужно?».

Не ставят по той же причине, что и Георгию Свиридову в Москве. Оба они масштабные представители национальной русской культуры, а не «граждане мира». А вот Солженицыну очередной памятник (или очередные) уж точно установят. Ведь этот человек 30 июня 1975 года заявил, находясь в США: «Я друг Америки... США давно проявили себя как самая великодушная и самая щедрая нация в мире... ход истории сам привёл вас – сделал мировыми руководителями... Пожалуйста, побольше вмешивайтесь в наши внутренние дела...». Что они сейчас делают ещё более нагло и открыто, чем при жизни призывающего «жить не по лжи» Солженицына, оклеветавшего Шолохова, Сталина, придумавшего немислимые количество, в 100 миллионов человек, сталинских репрессий.

Кстати, прозорливый ум Георгия Свиридова предвидел перерождение элиты в сторону предательства национальных интересов, и тот хаос и раздраз, который она, унаследовав опыт троцкистов, внесёт в русскую культуру и литературу. Сохранился черновик письма Василию Белову, в котором композитор пишет: «Вас постараются сейчас рассортировать и поссорить, рассорить (верное ли это слово?). Способ старый, но очень действенный. Для этой цели одного – одного возвышают, другого – унижают». Причём, унижают и замалчивают то, что продолжает национальные традиции русской литературы. Игорь Гревцев в «Русском вестнике» отмечает: «... книжный фестиваль «Красная площадь» – событие радостное, но грустные мысли навеивает оно. Это здорово, что мы храним национальную литературу, рождённую в позапрошлом веке. А грустно оттого, что в свет не выходит национальная литература XXI столетия. Как будто у нас сегодня не существует истинно русских одаренных поэтов и писателей. Они есть, но кто-то объявил их «неформатом» и то ли запретил, то ли убедил издателей не печатать их книги. Вот и не печатают наших современных талантливых соотечественников... Если дело и дальше пойдет так, наши потомки останутся без русской классики XXI века. А значит, они уже не будут русскими. Ведь национальную духовность и язык хранят не издатели, не журналисты, не ученые, а национальные поэты и писатели. Они главные создатели русской культуры».

Следует уточнить: «неформатом» объявил современных национальных писателей всё тот же глобализм. Под глобалистские запросы подстроено премирование писателей, вручение им грантов, госнаград, предоставление им места на ТВ. Как-то на ОРТ представляли «европисателя». Самодовольный, вальяжный такой тип... По его мнению, главное – умение продавать свои книги и мысли. Надо понимать – и душу продавать. А ещё ляпнул сей «член Союза писателей России и Европы», что важно рождать в себе не только писателя, но и продюсера. Стало быть, если ты не продюсер, но написал хорошую книгу, о ней никто не узнает, а если – продюсер, можешь обогатиться на дерьме. Особенно хорошо оплачивается нынче поношение СССР, Сталина и русского народа. При этом предпринимаются усилия, чтобы на примере отдельных писателей создать видимость поддержки национальной литературы.

Один из таких писателей – Захар Прилепин. Постоянно и в разном обличье мелькает он на телеэкранах, где его представляют не только писателем и публицистом, но и политиком, философом, филологом, актёром, ведущим телепрограмм, редактором, режиссёром, певцом, композитором, музыкантом, общественным деятелем, рэпером, благотворителем и т.д. и т.п. Согласно Википедии, в октябре 2014 года Прилепин вошел в число ста людей года в России (по данным журнала «Русский репортер»). В ноябре занял восьмую строчку в списке самых перспективных политиков России (согласно исследованиям близкого к Кремлю Института социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ)). В апреле 2015 года в аналогичном списке поднялся уже на пятую строчку. В том же апреле роман Прилепина «Обитель» занял первую строчку в рейтинге самых продаваемых книг года по данным сайта «Pro-Books.ru».

По результатам опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2015 году Прилепин занял вторую позицию как «Писатель года в России» (уступив Дарье Донцовой). В 2016-м, по опросу ВЦИОМ, как «Писатель года в России» разделил третье место с Борисом Акуниным, Александром Прохановым и Виктором Пелевиным, а по данным компании «Медиалогия», стал самым упоминаемым в СМИ писателем, опередив Андрея Усачева и Людмилу Улицкую. Если так дело пойдет и дальше, то у Захара (Евгения) Николаевича есть все шансы опередить «акул пера» Донцову, Акунина и Улицкую. Всё к тому идет. Вот это будет успех!

Но можно ли считать Прилепина русским национальным писателем? В первую очередь поводом для сомнений в этом служит его творчество, тщательно ограждаемое от какой-либо критики теми, кто пытается прилепить к Прилепину ярлык «выдающегося современного писателя». Но критика всё же иногда прорывается сквозь заграды и доходит до читателя. Речь, в частности, о статье Александра Кузьменкова «Туфта, гражданин начальничек...» (журнал «Урал», июль 2014).

Кузьменков отмечает: «...нужна поистине недюжинная фантазия, чтобы разглядеть в неизлечимо неряшливой и глубоко вторичной «Обители» литературное событие года»... «Вообще, я думать не люблю», – признался однажды Прилепин. Новый опус – лишнее тому свидетельство. Каждая попытка рассуждать кончается либо термоядерным паралогизмом («Человек тёмный и страшен, но мир человечен»), либо до дыр истрёпанной банальностью («Русскому человеку себя не жалко»).

Одолев первую сотню страниц, я остановился в лёгком недоумении: да что такое, право? – ни полукруглых сосков, ни блинов с изразцом по окоёму. Парадокс! Разгадка обнаружилась в выходных данных: «Литературный редактор Е.Д. Шубина». Вот, стало быть, и причина скоростной грамотности.

Переводить с прилепинского на русский брались и М. Котомин, и А. Шлыкова. Удачнее прочих с задачей справлялась именно Елена Данииловна, и примером тому «Грех». Но к середине «Обители» редакторский поводок заметно ослабевает, и бесконвойный З.П. становится вполне узнаваем. «Галья сидела в гимнастёрке и больше без всего» – наверно всё-таки без ничего? «Потянул с плеча винтовку... с надетым штыком», – штык, воля ваша, не носок, его не надевают, а примыкают. «Самостийный зверь» – що, відкриваємо Майдан звірячої незалежності? «Три пышных, сладострастных булки», – без комментариев. «Все это играло не меньшее, а большее значение», «какая-то птица начинает кружить на предмет его печени», – помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!»

Автор статьи подмечает в «Обители» не только многочисленное огрехи стилистики, но компилятивные, а подчас откровенно абсурдные моменты. Между тем, не любящий думать Захар не страдает и присутствием скромности, что и подтвердил в своем блоге: «Я написал хорошую книгу. Вот увидите». Увидели, что, в действительности, представляет собой это книга. Не только Александр Кузьменков, но и многие другие увидели...

Заставляют усомниться в принадлежности Прилепина к русским национальным писателям и его отдельные высказывания. Например, в беседе «Мы уже победили!», напечатанной газетой «Завтра» (№ 27, 2017) Захар заявляет: «За нищенские деньги, совершенно непонятные москвичу, – 16000 рублей, – 26-тысячная армия ополчения в течение трёх лет сражается и умирает, отдавая за наивысшие человеческие ценности собственную жизнь», «Совершенно поразительно, когда люди депрессируют, впадают в панику, пребывая в мирных городах с отличными зарплатами. А люди, которые ничего не имеют за душой, в любую секунду могут получить смертельный удар или увечье, пребывают в отличнейшем настроении духа. Это поразительно! Привыкнуть к этому невозможно».

Почему для Прилепина «это поразительно» и «привыкнуть к этому» ему «невозможно»? В психологии истинно русского человека «отличная зарплата» и любовь к Отечеству, готовность его защищать вещи нетождественные. По своему духу он не коммерсант, а государственный. Следовательно, русского писателя не должно поражать то, что русские люди без «высокой зарплаты» «пребывают в отличнейшем расположении духа» и, защищая русский мир, достойно противостоят пронацистскому киевскому режиму? А вот ещё один фрагмент беседы: На вопрос: «Почему наши «интеллигенты» так яростно и оголтело поддерживают украинских нацистов, хотя в большинстве случаев это им не с руки?» Захар отвечает: «Я три года на эту тему размышлял, но ответа так и не нашёл». Между тем ответ очевиден – «новая интеллигенция» в «новой России» изначально создавалась как русофобская (примеров несть числа), отсюда и ее солидарность с украинскими русофобами. Прилепину ли, поработавшему в либеральной «Новой газете» и на либеральном телеканале «Дождь», этого не знать?

Думается, большинство русских писателей, отправленных космополитическим олигархатом ещё в 90-е в состояние внутренней эмиграции, не имеющих (в отличие от Прилепина) доступа к влиятельным СМИ и работающих во благо России без всякой зарплаты, премий, грантов, а по зову сердца, понимают не только причину «непонятливости» Прилепина, но и того, почему премии на него сыпятся словно из рога изобилия.

Вернуться на родные просёлки

Русский богослов, философ Георгий Флоровский подметил весьма важную и объективную деталь: «...есть бесспорная правда в живом пафосе родной территории, – дорога и священна родимая земля, и не оторваться от неё в памяти и любви. Но не в крови и почве подлинное и вечное родство. И географическое удаление не нарушает его, если сильны и крепки высшие духовные связи». Однако вряд ли кто возьмётся оспаривать тот факт, что российская «новая элита» была сформирована при непосредственном участии Запада и под западные интересы, и её невозможно даже заподозрить в родстве с почвой и, тем более, в высших духовных связях. Скажем прямо: она толкает русский народ на путь духовного самоубийства, что неизбежно приведёт его и к самоубийству геополитическому.

В существующей, благодаря этой «элите», атмосфере подмены смыслов и понятий невозможно рассчитывать на то, чтобы национально ориентированное писательское дело вновь обрело высокое общественное звучание и значение. Её следует решительно менять. Но изменить можно лишь в том случае, если власть будет рассматривать культуру как средство духовного, нравственного воспитания народа, и социальным заказчиком не только культуры, но и науки, образования, выступит государство. Не деньги олигархата, не либеральная или псевдопатриотическая тусовка, способная только произносить красивые слова, должны определять литературный процесс в России, а сила нравственной необходимости, поддерживаемая осмысленной государственной политикой.

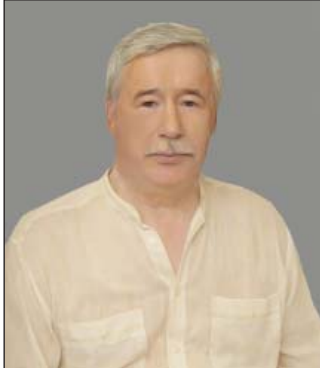
Впрочем, многое зависит и от нас самих. Вот говорят: надо решать проблему русских, Россия, мол, не имеет юридического статуса как государства русских и т. д. Да, надо решать, да нужен статус, но никто за нас, русских, не будет этого делать. Глобалистская нерусь нагло заявила нам, что «место русских у параша», что «Россия, как государство русских, не имеет будущего», убила русскую провинцию, выбросила из общественного сознания современных русских национальных писателей, даже название нашей национальности из наших паспортов выбросила, а мы всё чего-то ждём, униженно о чём-то просим, надеясь на благорасположение сильных мира сего. Но что делал прежде русский писатель в лихую для Родины и русского человека годину? Он не приспособлялся к обстоятельствам, не думал об «отличнейшей зарплате», высоких гонорарах, премиях, прижизненном увековечивании своего имени, а твердо и последовательно отстаивал русские традиционные ценности, главная из которых – совесть.

Иван Васильев в своих «Раздумьях» писал: «Истинная публицистика – это сжигание самого себя, своих чувств и нервов, души и разума... Наш путь тогда чего-то стоит, когда на просёлки свои возвратясь, не стыдно людям в глаза посмотреть». Мы должны отчётливо сознавать, что ворчиновник, грабящий и без того обездоленного русского человека, мерзавец-политолог, носящий историю нашей Родины, наши традиции, трусливый лицемер-приспособленец с пером, покупающийся за деньги, – все они потому и наглеют, и юродствуют, что не встречают должного сопротивления. Пора, давно пора нам, русским писателям, последовав примеру своих предшественников, возвращаться на изуродованные, опустошённые либеральной похотью, страстью к наживе, но по-прежнему милые и дорогие каждому честному русскому сердцу, родные просёлки: тверские, псковские, новгородские, вологодские, владимирские, рязанские, другие, чтобы внести свой творческий вклад в духовное возрождение нашего народа. Если это произойдет, мы увидим, что национальная русская литература почти за три десятка лет циничного либерального прессинга не умерла и готова заявить о себе в полный голос.

Но будет ли это? Не проснёмся ли мы в одно прекрасное утро с ощущением того, что живём в национально обезличенном, в том числе и по нашей вине, псевдогосударстве? А может, мы этого даже не заметим?

Проза

Павел Кренёв

Павел Григорьевич Кренев (Поздеев) – коренной помор, родился и провел детство в деревне Лопшеньга, что на Летнем Берегу Белого моря. Окончил факультет журналистики Ленинградского Государственного университета, работал в ленинградской прессе, многие годы служил в ленинградских властных структурах.

С 1987 года живет и работает в Москве. Окончил аспирантуру Академии безопасности России. Кандидат юридических наук. Долгое время состоял на военной и государственной службе России на высших должностях, являлся сотрудником Администрации Президента РФ, был Полномочным представителем Президента России в Архангельской области. Работал на руководящих должностях в российских федеральных ведомствах. Печатался в журналах: «Нева», «Ленинград», «Наш Современник», «Москва», «Родная Ладога», «Север», «Вертикаль» и других. Является Секретарем Правления Союза писателей России, лауреатом ряда Всероссийских литературных премий. Имеет ряд правительственных и ведомственных наград.

БЕЛЯК И ПЯТНЫШКО

Повесть

1

В самом центре города Архангельска горит Вечный огонь. В короткие, белесые северные ночи пламя его, бледное и жёлтое, тускловато помаргивает среди серого гранита и совсем почти не освещает прозрачную ширь серёдки северного лета. Разве можно осветить маленьким огнём бесконечную светлость белых ночей? В ту пору Вечный огонь заметен лишь вблизи.

Зато зимней холодной чёрной ночью огонь раздувается прилетающим с полуночных краёв северным холодным ветерком «Сиверко», который шквальной своей рванью расплёскивает пламя в разные стороны. И отблески огня прыгают по площади, залетают в окна окружающих домов, улетают далеко в небо и красят в розовый цвет падающие на город снежинки.

Рядом с Вечным огнём стоит странный памятник. Вряд ли кто-нибудь из российских граждан видал что-нибудь подобное в других городах мира.

Это памятник гренландскому тюленю. Он словно бы только что вышел из Северной Двины, которая течёт за его спиной, прополз, опираясь на ласты, через пляжный песок и вскарабкался на высокий камень-постамент. Громадный, бронзовый, он поднял высоко голову и глядит с обелиска на город, на людей. Глядит внимательно, пронзительно и придирчиво. Он словно всматривается в лица горожан, в их сердца и задаёт очень важный для них и для себя вопрос: правильно ли он поступил, отдав за живущих в этом городе людей столь невозвратно много? Взгляд его и тревожный и требовательный, ведь он отдал за этот город свою жизнь.

Ему хотелось бы, чтобы это было совершено не напрасно, чтобы люди оценили его жертву и помнили о нём

Многие, особенно приезжие, удивляются совсем не нужной с их точки зрения сентиментальности жителей Архангельска.

– Причем тут тюлень? Не лучше ли было поставить памятник собаке или, например, кошке или какому-нибудь, там, оленю. Они, эти животные, много полезнее для человека, чем это ластоногое существо.

Я сам слышал такие разговоры.

Давайте простим их. Люди просто не знают предмета, о котором судят. Они не ведают сути событий, происходивших, впрочем, совсем не в такие уж давние времена...

2

Девочка Аня Матвеева приехала в заполярный город Мурманск. Приехала она на поезде, конечно же, не одна – кто бы отпустил её-подростка в дальнюю дорогу без надёжного сопровождения? Время военное, лихое, в разорённой беспощадной войной стране всякое случалось на дорогах. Бывало, что и взрослые люди пропадали не за понюх табаку, попав ненароком в какую-нибудь случайную дорожную заваруху. А тут деревенская девчонка, нигде ещё не бывавшая сиротинка – безотцовщина. Её облапошить – любому «жигану» в радость, раз плюнуть.

Стоял месяц март 1945 года. Война шла уже к завершению. Смертельный её вихрь, покружив над российским северо-западом, разметав деревни, спалив лес, унёсся на Запад и крушил теперь города Польши и Германии, коверкал людские судьбы и везде оставлял после себя только выжженную землю и незаживающие язвы неизбывного человеческого горя.

В почти совсем разрушенный и малолюдный Мурманск Аня приехала через притихшую и обугленную Карелию. Весь этот город, раскиданный по чёрным, опалённым пожарами сопкам, всего полгода назад сотрясаясь от взрывов снарядов и бомб, и был теперь похож на погашенный гигантский костер с ещё тёплыми, раскиданными по земле головёшками – недогоревшими остатками бывших человеческих жилищ. Ане показалось, что прямо через город проехал тяжёлый, гигантский, размером до небесной выси, сокрушительный каток лютой войны. Проехал и раздавил всё, что жило в нём раньше.

На улицах, посыпанных углями и пеплом, почти не было людей. Только кое-где сновали подгоняемые резкими командами охранников, безликие, худые фигуры, одетые в серые лохмотья – силуэты немецких пленных. Разрушив город, они теперь его восстанавливали.

Но мурманский морской порт работал. Он снабжал возрождающийся город, корабли и воинские части всем необходимым, через него переправлялись в глубину России товары Ленд-лиза, отсюда уходили на рыбный и зверобойный промысел суда морского пароходства.

3

Аня приехала с бригадой зверобоев. Ей самой, её маме и их родне – дедушке Илье – стоило больших хлопот, чтобы она попала в эту бригаду. Входило в неё всего-то пятнадцать человек, а желающих участвовать в зверобойном отряде от деревни набралось человек двадцать пять. На колхозном собрании долго судили-рядили, привередливо обсуждали каждую кандидатуру. Это потому, что зверобои испокон веку хорошо зарабатывают, а всякая семья хочет, чтобы и в их дом пришла копейка.

– Почему эт Аньку зуйком посылать? – допытывались односельчане. – Лучше парня какого. У ей силёнок не хватит шкуры по льду таскать, да туши. Парня надо!

Аня с мамой сидели среди односельчан, волновались. Мать рвалась выступить и сказать хоть пару слов, да понимала: бесполезное это занятие. И слушать не станут; знамо дело – мамка за дочку хлопочет. Хуже только будет. Но сказал веское слово дед Илья – уважаемый в деревне человек.

– Я вам так скажу, селяне; эта девка мужика хорошего стоит. Я в прошлом годе сиживал с ей на Никольской тоне, дак знаю. И на вёслах гребёт в погодушку, и кашеварит не хуже наших жёночек. Труженица она, надо брать её.

Сопротивлялись некоторые. Выступала Калинична – самая напористая деревенская крикунья:

– Ты, Илья, хоть и рыбак самолучший, а не прав ты! Родно свою ташшышь. А другим ведь тоже надо рублик да другой заработать.

Дед Илья был родным дядей Аниной матери – братом её отца – и крыть ему было нечем. Так бы, наверно, и заклевали девочку, и не поехала бы она на зверобойку, но слово взял председатель колхоза Майзеров. А его мнение, чего уж там, самое авторитетное:

– Тут надо по-хорошему, по-человечески подойти. Все же знаем, что у Анны нашей Матвеевой год назад «похоронка» на отца пришла, и она, девочка эта, младших братишек своих вытягивает. Как взрослая женщина работает в колхозе всё лето, во все каникулы. Мать у неё с туберкулёзом – это всем известно, а Анна всего-то в седьмом классе, вы же знаете. Надо бы помочь семье этой.

Председатель, сидя в президиуме, опустил голову, спрятал покрасневшие глаза, помолчал. Потом рывком голову поднял и уже с улыбкой сказал притихшему залу:

– А, кроме того, надо бы поддержать будущего нашего зоотехника. Матвеева Анна летом будет поступать в сельхозтехникум по нашей путевке, а потом, значит, к нам и вернётся, в наш колхоз.

Все дружно захлопали, и Аню включили в бригаду, которая отправлялась на промысел гренландского тюленя в район Зимнего берега Белого моря.

4

В мурманском порту бригада погрузилась на транспортное судно «Лена». Этот гигантский трофейный корабль на период тюленьей охоты специально переоборудовался для перевозки промысловиков, тюленьего сала, мяса и шкур. Один из трюмов предназначался для жизни в нём людей. Там стояли застеленные койки, тумбочки, столы. Питание в большой кают-компании организовывалось по очереди, побригадно.

Ане на судне понравилось всё. После деревенской обыденности, где на море плавают всего лишь карбасы, и всё давно уже кажется однообразным, здесь была другая жизнь.

На палубе работали матросы. Они перематывали и перекладывали канаты, приводили в порядок корабельный такелаж, шаркали по доскам длинными берёзовыми «голиками», смазывали мазутом чёрные стальные лебёдочные тросы. Аня смотрела и думала: наверно, лебёдкам предстоит большая работа, вот они о них и заботятся.

Она стояла на палубе, прислонившись к борту. Ей было холодно, потому что корабль шёл по морю, а на море всегда ветра. Голова её была укутана в старый шерстяной, но, в общем, тёплый платок, тельце прикрывал поношенный мамин свитер и выдавшая виды мамина же фуфайка. Холодный восточный ветер продувал насквозь всю эту одежду, но Ане совсем не хотелось спускаться в трюм. Ей нравилось разглядывать летящих за кораблем чаек и далёкий берег, тянущийся бесконечной неровной полосой за правым бортом. На нём, словно тупые зубья огромного чудища, высились полярные сопки, выкрашенные в белый и коричневый цвет. Между тёмным берегом и серо-синим морем постоянной белой полосой пролегал прибрежный лёд. От него в море отплывали отколовшиеся льдины. Слово белые пароходики, отправившиеся искать приходящую из-за синя-моря Красную весну. На некоторых таких пароходиках посиживали вальяжные пассажиры – тюлени. Они плыли на льдинах и грели свои толстые бока на солнышке. Они уплывали из надоевшего холода навстречу весне... Ане совсем не хотелось в трюм.

5

– Эй, пассажирка, ты чего тут зябнешь? – Аню кто-то окликнул. – Вот помрёшь, тогда будешь знать.

На трапе, ведущем к капитанскому мостику, стоял и улыбался всей своей веснушчатой физиономией какой-то молоденький морячок. Фуражка у него красовалась на голове набекрень, а козырёк закрывал правый глаз. Аня сразу решила, что так могут носить фуражки только хулиганы, хвастуны и вообще несерьёзные, а может быть, и нахальные люди. И она ответила так, как и должна была ответить скромная деревенская девушка, отличница и комсомолка.

– А Вам-то какое до меня дело? Хочу и стою.

Морячок, видно, не знал, что и сказать. Он маленько опешил: только выскочил из каюты и сразу замёрз, а тут стоит какая-то ненормальная, видно, что продрогла вся, да ещё и хамит:

– Да ты же в самом деле заболешь. А у тебя работа впереди. Не на курорт ведь отправилась.

Аня понимала, что он прав, что давно пора идти в тепло, но не могла же она вот так сразу, по команде этого хвастунишки, взять и куда-то бежать. Она только фыркнула и отвернулась, стала смотреть на небо и на чаек.

– Ладно, – примирительно произнёс морячок, – вижу я, что ты решила закончить свою молодую жизнь самоубийством. Но я лично не считаю, что это правильно. Комсомольцы должны умирать ради чего-то, например, за Родину. А просто так нельзя. Комсомольский устав это не разрешает.

Аня ещё раз фыркнула и спросила:

– Откуда Вы знаете, что я комсомолка?

– Да по тебе сразу видно. Ты же ненормальная. Комсомольцы все такие.

– И Вы тоже такой?

– И я такой же.

Он попереминался, поёжился, и вдруг заявил:

– Я знаешь, чего решил?

Аня промолчала. Она не могла и не хотела долго разговаривать с посторонним незнакомым человеком, какая, в конце концов, разница, чего он там решил?

– Я буду стоять здесь, пока ты не уйдешь с палубы в тепло. Умру вместе с тобой.

И он втянул голову в куртку, как будто ему стало ужасно холодно, и что он в самом деле приготовился к самому худшему. В глазах его возникла решимость. Аня понимала: шуточная, конечно. Потом он сказал:

– Мне как-то неудобно стоять рядом с тобой одетым, когда ты мёрзнешь. Хочешь, я отдам тебе свою куртку? Она тёплая.

Быстрым и уверенным движением он сбросил с себя форменную куртку и набросил её на Анины плечи.

– Так будет лучше, – сказал он.

Аня не знала, что и сказать, не знала, как реагировать. Всё это было впервые... Но парень явно не был бесстыжим нахалом.

– А вообще, – сказал он, – давай знакомиться. Меня зовут Михаил Плотников. Я четвёртый помощник капитана, штурман.

– Чего-то я сомневаюсь, – сказала Аня. – Такие молодые штурманы разве бывают?

– Ну, зачем мне врать? – стал серьёзно возражать Михаил. – Семь классов – это четырнадцать лет, затем мореходка три года, штурманский факультет – это семнадцать. Я год как работаю в этой должности, и мне сейчас восемнадцать. Всё реально.

В Ане шевельнулось какое-то чувство, похожее на уважение к этому живому веснушчатому парню в лихой фуражке.

– А меня зовут Анна. Аня Матвеева. Я учусь в седьмом классе.

– Наверно, отличница?

– Есть такое дело. Но я этим не горжусь, просто так получается.

– А как же, дорогая моя, тебя отпустили на зверобойку? Уроки же идут. Ты что; отпетая прогульщица?

– Ничего, я наверстаю. Меня директор отпустила. Просто у меня в семье очень трудно сейчас. Мама болеет, работать не может.

– А отец на фронте?

– Мой папа погиб год назад на Карельском фронте.

Плотников покачал головой, помолчал. Он спустился по ступенькам на палубу, решительно взял Аню за руку и повёл по лестнице вверх. Она не понимала, куда и зачем её ведут, сопротивлялась.

– Слушай ты, комсомолка, голодную вся, замёрзла совсем и ещё упирается. Давай, двигай! Мы тебя хоть отогреем немного.

Он привел её в командную рубку, где находился капитан и его старший помощник. Там Аню накормили американской тушёнкой и напоили чаем с печеньем. Тушёнку Аня никогда в жизни не ела, и она показалась ей невероятно вкусной. Потом ей дали корабельный бинокль, и она долго разглядывала море, расстелившееся по бескрайним просторам вокруг корабля, небо и облака, летящих над водой чаек, белые льдины на темно-синей и свинцово-серой воде, далёкий берег... Близость дальних предметов потрясла Аню, и она всё глядела и глядела в прохладные окуляры. А четвёртый помощник Плотников стоял рядом и подсказывал, как надо пользоваться оптическим прибором по названию бинокль.

А потом, когда прошли опасное ледяное поле, капитан отдал штурвал старшему помощнику и долго беседовал с Аней о деревне, о колхозе, о поморской жизни. У него самого осталась дочка в Архангельске, он её редко видел, потому что всё время был в море, и видно, что сильно по ней скучал.

Плотников явно не хотел уходить из рубки, и капитан его прогнал. У четвёртого помощника было много обязанностей в корабельном хозяйстве.

Аня, разморённая едой, теплом, добрым разговором с капитаном, уставшая от дороги и впечатлений сегодняшнего дня, уснула прямо в кресле. Капитан отнес её на руках на топчан, стоящий в углу капитанской рубки и накрыл своей шинелью.

Так она провела первую свою ночь на зверобойном промысле.

Ранним утром следующего дня транспортное судно «Лена», ведомое ледоколом «Капитан Мелехов», преодолело горло Белого моря и вошло в морскую акваторию. Лежал недолгий путь к лёжкам гренландского тюленя, испокон веку расположенных в одних и тех же местах – напротив Зимнего берега Белого моря. Этот коренной полярный житель – гренландский тюлень извечно живёт в холодных водах северных морей и Ледовитого океана. Из-за лютых штормов, разбивающих любые льды, там невозможно продолжать потомство, выращивать детёнышей – их убьёт океан. Поэтому Белое море, более спокойное и мелкое, загороженное со всех сторон сушей, гренландские тюлени рассматривают в качестве родильного дома для своих детёнышей и собираются здесь каждую весну, чтобы продолжить свой тюлений род.

Кроме того, в Белом море очень долго не тают ледяные поля. На их кромках, около самой воды самкам удобно рожать тюленят и нянчить их первое время. Потом тюлени очень быстро растут и становятся самостоятельными. Рядом с самками всегда много взрослых самцов. Они почему-то всегда воюют друг с другом и постоянно дерутся. Так создаются лёжки – места скопления тюленей. Здесь всегда стоит рёв дерущихся бойцов.

Судно «Лена» пришвартовалось прямо к ледяной кромке, ко краю огромного ледяного поля, упирающегося дальним своим концом прямо в Зимний берег. Примерно в километре от места швартовки вдоль края льда чернела толстая полоса тюленьей лёжки.

Все шесть бригад зверобоев, представителей колхозов всех беломорских берегов, каждая по двенадцать-пятнадцать человек, сошли на лед.

Бригадир коллектива от колхоза «Промысловик» Пётр Зосимов по-военному построил своих колхозников, разделил на группы и всех проинструктировал. Сержант в отставке – на войне он был тяжело ранен осколками вражеской мины в лицо и в лёгкое и поэтому говорил плохо – с трудом выговаривал слова, задыхался. К такой его манере все привыкли ещё в деревне, и поэтому его речь была для всех понятна.

– Задачи у нас простые, – сказал он, – добыть и сдать на транспортное судно как можно больше морского зверя. От этого зависит общий заработок. Устраиваем соревнование: стрелок, занявший первое место, сверх зарплаты получает премию, равную зарплате. Кто окажется на последнем месте, тот в следующий сезон на зверобойку не поедет. Всем понятно?

– Поня-ятно, – заголосили зверобои.

– Имейте также в виду, что среди колхозных бригад организовано социалистическое соревнование. Лучшие бригады будут отмечены грамотами профсоюза области. Это большая честь для нашего колхоза и для нас с вами. Надо бы побороться, товарищи, за эту высокую награду. Согласны, товарищи?

– Со-о-гласны! – прогудела бригада и все пошли по своим местам. Речь бригадира, короткая и понятная, всем понравилась. Работа началась.

Стрелки от колхозных бригад заняли выделенные им сектора и пошли вперёд к тюленьей лёжке. Все они были вооружены трехлинейными винтовками системы Мосина калибра 7,62 мм и тяжёлыми дубинами. Приблизившись к лежбищу метров на двести, они сбавили ход, стали ступать медленно, а затем пошли вовсе внаклонку, крадучись. Шли так, пока наблюдавшие за ними самцы не стали один за другим скользить по снегу и нырять со льда в море. До стаи оставалось 50-60 метров. Стрелки все, как один, попадали на лёд, подползли к ближайшим ледяным ропакам и, положив на ледяные выступы свои винтовки, открыли по тюленям бешеную стрельбу.

Стреляли не по головам, а по силуэтам. Так надёжнее: легче прицеливаться, а разрывная пуля, выпущенная из мосинской трехлинейки, обладает страшной начальной скоростью и, попав даже просто в корпус, не оставляет никакому живому существу шансов на выживание.

Отстреляв по двадцать патронов (по четыре обоймы), стрелки поднялись, подхватили винтовки и дубины и побежали к тюленьему стаду. Основная часть близлежащих тюленей была неподвижна. Звери лежали, уткнув морды в окровавленный снег, некоторые валялись на боку, безвольно опустив на живот лапы и откинув назад головы.

Часть билась в предсмертных судорогах, и стрелки к ним не подходили: зачем тратить патроны и силы, если зверь сам скоро подохнет.

Но многие тюлени с кровавленными боками, раненые, но ещё живые, кидались с окровавленными, разъярёнными пастями, полными острых клыкастых зубов на людей, и стрелки или убивали их в упор из винтовок, или глушили дубинами.

Забой гренландских тюленей – дело очень кровавое. Стрелки шаг за шагом продвигались вперёд среди мёртвых тюленьих туш, не оставляя за собой ничего живого. Под ноги им часто попадались тюленьи детёныши-бельки – доверчивые, любознательные существа, одетые в белоснежные шкурки с чёрными бусинками глаз. Но на этой зверобойной кампании плана по их добыче и сдаче не было, стрелки не обращали на них внимания, а уж совсем докучливых просто отпинавали в стороны.

Но лёжка гренландского тюленя и широкая, и длинная. Она протянулась вдоль морской кромки на километры. И вот группа других стрелков, «отработавших» свою территорию, обходит справа и идёт вперёд к ещё не отстрелянному зверю. И там начинается новая бойня.

И повсюду посреди ослепительно белого снега в красных от крови полыньях лежат туши убитых и раненых тюленей, и растекаются от них кровавые ручейки, раскрашивая всё новую снежную белизну в ярко-алый цвет.

И повсюду ходят люди с дубинами и винтовками, и над всем ледяным пространством далеко вширь и высоко в небо разносится предсмертный рёв убиваемых людьми животных.

Сразу за стрелками идут и принимаются за свою работу обелёвщики, свежеватели тюленьих туш. Каждый подходит к убитому зверю и своим острым ножичком разделяет его на две части – на шкуру с приросшим к ней толстым слоем жира и на мясо. И уж потом в работу включаются волочильщики. Их задача – подтащить мясо и шкуры к месту погрузки на транспортное судно.

Те и другие ходят по красной жиже – по насыщенному кровью снегу.

8

Аня ещё в деревне была назначена волочильщицей. Ей, как и другим, выдали стальные крючья. Здесь в обиходе их называли гаками. Вообще Аня скоро убедилась, что в зверобойном деле много специальных терминов, странных, словно иноземных, слов. Здесь тюленьи лапы называют катарамми, ледяные торосы именуют ропакками, а стальной трос – это финш. Здесь тюленью тушу называют рауком, ошкуривание тюленя обелёвкой, а роды самки тюленя – это вам совсем и не роды, а говорят: утельга оценилась. Аня недоумевала: тюленята, это же не щенки. Почему тогда «оценилась»?

Она уже стояла на льду вместе с другими волочильщиками, крутила в руках свой тяжелый гак, примерялась, как станет подцеплять им шкуры убитых тюленей, как будет тащить их по льду. А как же, везде требуется сноровка.

Её окликнула ледокольная повариха Варвара, с которой они познакомились ещё в Мурманске. Оказалось, что та давно работает на судне, знает многих поморских рыбаков и зверобоев. Знала она и отца Анны: тот не однажды бывал на тюленьем промысле до войны. Искренне опечалилась, когда узнала, что хороший человек погиб.

– Анечка, погоди маленько, я тебе сказать хочу.

И побежала по трапу к ней.

Подошла без накидки, без телогрейки, в одной кофтёнке, мороз ей не мороз. Голова в тоненьком платочке. Отвела за локоток в сторонку.

– Предупредить хочу тебя, девка. Сейчас ты много кровушки увидишь. Сможешь – нет выдерживать такое? Дело-то страшенно. Бывает, что которы и не выдерживают, назад убегают. Девки-то молоды особенно. Сидят потом в уголке, глаза прячут.

И она, наклонившись вперёд, выгнула голову, вытаращила глаза, рассматривая Анино лицо.

Аня съёжилась; она уже слыхала и в деревне, и на судне о том, что картина будет тяжёлая. Но куда ей было деваться? Какими глазами придётся ей смотреть на голодную семью, если она не привезёт хоть немного денег? Она приехала на заработки, а деньги – это она хорошо знала с самого измальства – никто в карманы просто так не накладывает. Их все тяжким трудом зарабатывают.

– Я постараюсь, – сказала она просто и посмотрела поварихе в глаза. – Мне надо денег домой привезти, у меня семья дома голодает. Куда мне теперь бежать отсюда?

Она пошмыгала носом и как будто даже приободрилась.

– Я, тетя Варя, видала, как овцу соседи резали. Не умерла же со страху, и сейчас, наверно, тоже не помру.

– Сравнила тоже, овцу-у, – едко передразнила её повариха. – Тут не одна овца, там страхи Божии что учиняется, по кровушке вышагивать будешь, дева. Видала я это дело коегодни... Форменны страхи Божии.

Она совсем скукожилась от холода, тяжело подпрыгнула пару раз на скрипучем снегу, заторопилась обратно в корабельное тепло.

– Ладно, девка, прозябла я чево-то, пойду-ко я.

Варвара резко развернулась, шагнула к ледакольному трапу, остановилась, повернулась опять к ней со скрещёнными на груди руками, озябшая, со сморщенным лицом.

– Жалко мне тебя, Анька. Вот ведь как тебе приходится, сиротинке. Держись уж как-нибудь Христа ради.

Скрюченная, вдруг сгорбившаяся то ли от холода, то ли от жалости, она шла по трапу вверх. Что-то вытирала ладонью на своем лице.

9

Увиденное потрясло Аню. И она подумала: это белое поле в огромных, кривых пятнах красного цвета, лужи крови с лежащими посреди них тушами тюленей, кучи из мяса, тюленьих внутренностей и лежащие повсеместно жёлтые пласты снятых шкур, ещё дымящихся, будет приходить к ней во сне теперь постоянно, всю жизнь. Хмурые, деловые лица мужиков, несущих в руках окровавленные ножики, переходящих от туши к туше...

Аня отвернулась от этой чудовищной картины, подошла к ближайшему ледяному ропaku и тяжело на него села, наклонилась. Её рвало на лед, она никак не могла откашляться.

Подошел бригадир Зосимов, сел рядом, обнял за плечи.

– Некогда нам с тобой рассиживать, Анна, надо план выполнять. Нельзя колхоз подводить.

И заторопился куда-то, ушёл.

Анна Матвеева встала и пошла работать. У неё не было возможности опустить руки и уйти куда-нибудь от этого страшного места. Дома её ждала семья, находящаяся в беде.

10

Любая поморская девочка, привыкшая к тяготам быта, к суровым условиям жизни на Севере, быстро ко всему принаравливается. На Аню обрушилось так много работы, что ей некогда было лить девичьи слезки. Поначалу она боялась оглядываться по сторонам, страшилась наступить ногой на что-нибудь мягкое и скользкое, но жизнь заставила быстро привыкнуть к новой обстановке. Надо было выполнять план!

Работа у Ани Матвеевой была не сложная, но тяжёлая. Главная хитрость заключалась в том, чтобы среди ропakov и снующих туда-сюда людей выследить, не потерять обелёвщика: рядом с ним шкуры и туши, которые надо было подтащить к общим кучам всей бригады, к кромке льда, где стояло судно. Народу много, а искать своего постоянно перемещающегося обелёвщика некогда: надо было поторапливаться. Выход нашел бригадир Зосимов. Раздобыли где-то красную материю и нитками закрепили красные полосы на шапках обелёвщиков своей бригады. Теперь их было видно издалека, теперь зосимовская бригада напоминала боевой партизанский отряд.

Аня принаровилась работать с обелёвщиком Леонидом Петровым. Молодой этот ухватистый парень был чем-то вроде автомата. Он со своим шкерочным ножичком подбегал к только что подстреленному тюленю и полосовал его за несколько минут. И как будто не мёрзли у него руки, и не брала усталость. А лицо Леонида горело под стать красной повязке на шапке – такое же алое. От мороза, от азарта работы и просто от здоровья.

– Аню-ютка! – кричал он всякий раз радостно, когда очередная ноша была готова, и махал обеими руками, и ножик в его правой руке сверкал на солнышке так же радостно.

Видно было, что Аня Матвеева ему нравилась, и она это понимала. Просто понимала и всё. В своей непростой жизни ей было некогда думать о чём-то постороннем, кроме учёбы, младших братьев и о матери, которые нуждались в её помощи. Кроме того, Леонид был уже женат. Совсем

недавно он сыграл свадьбу с хорошей деревенской девушкой Зиной Худяковой. Просто ветер у него в голове, у Леонида, не нагулялся он, вот и всё.

Но сейчас была зверобойка и обелёвщик Петров радовался встречам с Аней Матвеевой и учил её правильно таскать по льду рауков – тюленьи туши и тюленьи шкуры.

– Анечка, крюк надо цеплять сюда. Так волосы на шкуре будут лучше скользить по льду, и тебе будет легче её волоочь. Понятно?

– Понятно, понятно, – улыбалась Аня в ответ.

Иногда он распрямлял молодое своё гибкое тело, весело глядел ей в лицо и, видимо понарошку, сокрушенно выговаривал:

– Вот дурак я, дурак! Рано женился, дурак. Надо было мне тебя маленько подождать.

И не ясно было, шутит Леонид, или нет. Аня смеялась в ответ и старалась поскорее уйти подальше от этих шуточек.

11

На другой же день зверобойки на свидание с Аней с «Лены» удрал четвёртый помощник Плотников. Он обрадовался встрече с ней, подарил свои тёплые рукавицы, обшитые с внешней стороны брезентом.

– Это тебе от меня на долгую память. Носи на здоровье, – сказал, – чтобы больше не замерзала.

Лицо его в крупных веснушках было слегка обожжено весенним солнышком и крепко разругалось.

Аня ему тоже почему-то обрадовалась. И сама не понимала почему. Она до сих пор старалась не обращать внимания на мальчишек и взрослых ребят тоже. Все они казались ей придурками, с которыми и разговаривать-то не о чём. А тут обрадовалась.

– Можно, я тебе помогу маленько? – спросил он, сверкая восторженными глазами и поправляя рукава какой-то задрипанной куртки явно не со своего плеча.

Аня хотела было поинтересоваться, откуда такая странная одежда, но Михаил вопрос опередил:

– Это я для маскировки надел, чтобы меня капитан не нашёл.

– Можно, конечно можно, – отвечала Аня, пряча глаза и слегка отворачиваясь. Она хотела скрыть от Миши Плотникова свою радостную улыбку и своё смущение. Такие новые для неё...

Потом они вдвоём таскали по льду шкуры, держась за один крюк. И Миша Плотников о чём-то весёлом, болтал... А Аня ему поддакивала. Уже открыто улыбалась, а иногда даже смеялась. Им хорошо работалось вдвоём. Аня в тот день выполнила полторы рабочих нормы.

Капитан судна тем временем потерял своего четвёртого помощника, но быстро нашёл, догадавшись, где он может быть. Капитан взял медный свой мегафон и гаркнул в него в адрес Плотникова такие нужные слова, что того как ветром сдуло из зосимовской бригады.

Всё же, убегая, он попросил Аню выйти вечером на палубу.

И она вышла. И они опять пили с ним чай в кают-компании. И опять долго проболтали.

А когда прощались и стояли на палубе, Аня вдыхала всей грудью морозный морской воздух, вглядывалась в тёмное пространство ледяного поля и невольно думала о том, что в этой холодной темени на снегу ползают беззащитные, одинокие тюленьи детеныши-бельки, плачут, как маленькие щенята и разыскивают своих матерей. И не могут найти, потому, что их отняли у них люди.

Такие мысли будоражили теперь и просто терзали её сердце, и она, как и эти маленькие тюленята, была беззащитна перед своими думами, ведь всё это было правдой. Но ей некуда было бежать от этого ледяного поля со множеством убитых тюленей и от своих мыслей тоже.

Однако, человек – существо безграничное в своем мировосприятии и в своих чувствах. Теперь, когда Аня видела своего нового знакомого Плотникова, когда разговаривала с ним, в душе её, в самом дальнем её уголке вдруг оживал и начинал шевелиться тёплый комочек, который стал её постоянно согревать. И она стала думать о нём и заботиться, чтобы он не остыл, а чтобы жил в ней, в Ане, всегда жил.

12

Трагедия самки гренландского тюленя – утельги заключается в том, что она ни в коем случае не может бросить своего детёныша. Даже, когда ей самой грозит смертельная опасность.

Если на её маленькое дитё посягает посторонний тюлень – не важно, самка это или самец – она с лютым рёвом бросается на обидчика и терзает его острыми зубами, пока тот не сдастся, не отступит.

Когда к детёнышу или к ней самой подходит человек, утельга до последней минуты будет защищать себя и свое чадо, но не отступит, не убежит к спасительной морской кромке. Самка гренландского тюленя – раба и жертва материнского инстинкта, который люди называют материнской любовью.

В этом и заключается промысел морского зверя на тюленьих лёжках. В то время, как самец при первых выстрелах промысловиков, при первой же опасности бросает своих самок и детёнышей и убегает со льда в море, утельга не может покинуть своего ребенка. Она остаётся с ним рядом до конца и поэтому – она лёгкая добыча.

Вот она простая и неминуемая правда – среди убитых на зверобойных промыслах гренландских тюленей практически нет самцов. Это всё утельги.

Мясо и сало её спасли в военное время от голодной смерти города Архангельск, Северодвинск, и во многом блокадный Ленинград. Тот памятник в центре Архангельска стоит не зря.

Это памятник Утельге.

Это памятник всем тюленьим матерям, погибшим за то, чтобы жили люди. Их были многие сотни тысяч.

Я прошу горожан приходить к памятнику и возлагать к нему цветы.

Утельга это заслужила. Она совершила подвиг материнской верности.

13

Работа на льду продолжалась четверо суток. Это был срок фрахтовки поморскими колхозами транспортного судна «Лена» и ледокола «Капитан Мелехов». На большой срок эти суда не могли оставаться в распоряжении колхозов. У них было ещё много других задач в акватории северных морей.

Вот и промелькнул последний рабочий день. Наступил последний вечер зверобойного промысла. Началась погрузка использовавшегося оборудования, саней, винтовок, топоров, верёвок... Каждый проверял своё хозяйство, всё ли поднято на судно, не забыто ли чего. Стояла суета, которая вечно стоит перед отправкой в дорогу.

Аня проверила всё и своё, и чужое. Она стояла на льду возле трапа, глядела на снующих туда-сюда людей, на огромный корабль. Была тяжёлая работа, но уезжать не хотелось. Здесь останутся её переживания, её успехи в работе, первое в жизни зарождающееся серьёзное чувство...

У каждого члена бригады было плановое задание. Своё она выполнила и перевыполнила. Она знала, что не подвела никого: ни себя, ни бригаду, ни колхоз. Этой осенью ей надо будет уезжать в город на учебу, и теперь Аня знала, что заработала достаточно денег, чтобы купить для себя обновы. Что будет что надеть, и она в новой одежде не будет выглядеть хуже других, и что теперь можно будет приобрести новые обувки для братишек, а то ходят в таком рваньё... Не зря она съездила на эту зверобойку.

14

Уже под самый конец сборов бригадир Зосимов мимоходом сказал ей:

– Сбегай-ко, Аня, в бригадный урез. Чего-то у меня душа болит, всё ли мы там собрали?

В бригадный урез – значит в дальний конец выделенного бригаде участка.

Сказал, а сам аж трясётся весь, зубы у него колотятся. Стукоток стоит такой, что и Ане слышно. Простыл он вчера крепко: пропотел в работе, а потом продрог – так уж получилось – и теперь его всего корежит. Видно, что надо бы ему в тепле побыть, да отогреться, а как тут уйдешь со льда, когда сборы, и за всем нужен пригляд.

И Аня побежала.

А Зосимова окликнул с борта «Лены» боцман Новоселов – неунывающий, весёлый, хлопотливый человек, которому до всего есть дело. Он Петра приметил в работе и зауважал.

– Петруша, а чего ты не в себе как будто. Белый весь и качает тебя. Не прихворнул случаем, Петруша?

Зосимов только махнул рукой и признался:

– Худо мне в самом деле. Простыл вчерась. Скорей бы дело закончить, на ногах еле стою...
 – Ты едри это, чево? Ты геройство своё брось показывать, не удивишь им никого. Один недавно так же выказывал тут, помер на обратном пути в дороге, гортань у него замёрзла вся – не откачали. Так же хочешь?

Боцман, держась за круглую окантовку борта, потоптался, повертел головой туда-сюда, видно размышлял, отважиться ли ему на решительный шаг. Потом всё же отважился, дёрнул головой и приказал:

– Давай-ко ты, Петя, шагай сюда ко мне. Я тебя лечить сейчас буду, быстро вылечу.
 – Да у меня пока тут заботушка есть, всех обрядить бы надо.
 – Уже обряжены все. Сам не видишь? Отходим через час. Сборов-то и не осталось уж. Сам на ногах не стоит, а тоже ему надо думать за всех, обряжальщик, едри ты.

И он проводил Зосимова в свою каюту. Там заставил выпить стакан едва разбавленного спирта. Считай, без закуски, только кусочек хлеба и дал.

Уставшего, израненного на войне, задёрганного в хлопотах и полуголодного, ослабленного сильной простудой Петра Зосимова от такой дозы крепко развезло. Так сильно, что он уснул мертвецким сном прямо в каюте боцмана.

Через пару часов Новоселов его кое-как разбудил и помог добраться до своей койки в трюме. Боцману ведь тоже надо было отдохнуть в своей каюте после трудового дня.

А Зосимов упал на свою койку и ушёл в болезненное забытие.

15

Разве это расстояние – километр туда, да километр обратно? Снега на льду уже почти нет, его выело пусть и нежаркое совсем, но довольно въедливое мартовское солнце. Под ногами плотный и гулкий лёд. Туда-сюда можно обернуться за двадцать минут.

Прибежав к дальней границе участка, Аня обомлела: вдоль всей трехсотметровой кромки моря повсеместно лежали тюленьи шкуры. Туш не было, а вот шкуры лежали. Вероятно, волочильщики, справившись с тушами, просто отвлеклись на другие дела, да позабыли, что недокончили свою работу....

Сейчас некогда было рядить, кто прав, кто виноват. Надо было срочно сволочить эти шкуры в одно место, в кучу, и начать переправлять их на судно. А там подключится вся бригада. Нельзя же бросить такое богатство.

Так она решила.

И Аня взялась за дело. В первую очередь пошли в ход шкуры, лежащие подальше. И надо было делать всё быстро, ведь она может задержать отправку судна и подвести не только свою бригаду, но и все колхозы и само судно, и капитана, такого доброго к ней человека.

Но перетащив бегом по льду первые пять шкур, она поняла, что уже сильно устала. Ладно, ещё надо бы пять, и она отдохнет. Вот, наконец, она присела, чтобы хоть немного отдышаться. Но почти сразу вскочила: сколько можно отдыхать, ведь её ждут люди, она всех задерживает! А у корабля всё расписано по часам, его нельзя подводить!

И Аня опять бросилась таскать эти тяжеленные тюленьи шубы с толстым слоем сала каждая. Она волочила, волочила по льду стокилограммовые тяжести, – эта деревенская девочка, пока не устала совершенно, пока совсем не выбилась из сил.

И она сказала себе: « Ладно, я чуточку отдохну, совсем чуточку и пойду звать людей. Только чуточку...»

Силы совсем её оставили, но ведь не на лёд же ложиться. Кое-как, с трудом унимая сильную дрожь в локтях, она подцепила крюком одну из шкур за край, протянула её так, чтобы шкура лежала мехом кверху, и упала на неё. И потеряла сознание

Она очень устала, ученица седьмого класса Анна Матвеева.

16

Две недели назад, в начале марта, самка гренландского тюленя Утельга родила двоих малышей. Она долго, очень долго – целых одиннадцать с 7половиной месяцев – готовилась к этому важному для любой матери событию.

Жившие в ней зародыши всё это время купались вместе с ней в водах Карского и Баренцева морей, гонялись за косяками сайки, трески, мойвы и сельди около побережий Шпицбергена, Новой Земли и Земли Франца-Иосифа. Утельга набирала жир, который потребуется ей для рождения и вскармливания детей, для последующего сразу за этим нового принятия в себя зародыша, для начала очередного этапа материнства длиной в одиннадцать с половиной месяцев.

В начале марта Утельга вместе со своим самцом выбралась из воды на льдину, где уже собиралась колония из множества таких же тюленей. На этом месте вековечно, из года в год, из столетия в столетие живёт, рычит и пищит гигантский «родильный дом», продолжающий существование так называемого «беломорского стада» гренландского тюленя численностью в сотни тысяч голов.

Над «родильным домом» с февраля по апрель вековечно гремит многоголосый гомон живущего здесь зверя: рёв самцов, дерущихся друг с другом, грозный рык самок, защищающих своих детёнышей, жалостливое повизгивание тюленят, схожее с плачем щенят, потерявших свою мамку.

Утельга выбрала место для своей лёжки в заветерье от северного ветра – под наклоненной глыбой широкого ропака. Она несколько раз переваливалась с боку набок, приминала снег, чтобы будущий её ребенок не запутался в рыхлой замяти, не задохнулся.

Ей не пришлось долго ждать родов. Спустя пару часов она уже облизывала мордочки двух сыночков. Их запах совпадал с её собственным запахом, и она узнала бы своих детей среди миллионов других щенков.

Самка гренландского тюленя редко рождает двоих детёнышей. Как правило, рядом с ней только один. Но сейчас их было двое. И как только Утельга сорвала с них прозрачные родовые плёночки, сыночки её, одетые в розовые шубки, поползли к ней под брюхо искать молочные соски. Их мамка повернулась на бок, откинула с помехи свои лапы, и щенятки быстро нашли то, что требовалось. Чмокая и урча, они бойко и деловито принялись сосать жирное тюленьё молоко. А Утельга лежала на боку и жмурила глаза. Самец её лежал поодаль, ревниво поглядывал на свою самку и тревожно порывался во все стороны. Наверно, он остерегался, чтобы другие самцы не напали и не разрушили его семью.

Детёныши росли быстро. Утроенные жизненные силы им дает необычайно жирное и питательное тюленьё молоко. Уже вскоре с трудом поначалу ползающие «зеленцы» превратились в крепеньких белоснежных тугих бочоночков-бельков, которые начали заводить друг с другом и со своей мамой Утельгой боевые игры.

Дети были совершенно белоснежны, как и подобает всем белькам, но у одного из них над черным глазом выделялось серое пятнышко. Как будто на лбу у сыночка темнел ещё один глаз. Утельга своим языком пыталась слизнуть эту тёмную точку. Но точка оставалась там, где и была.

Скоро уже, совсем скоро Утельга, повинувшись древнему инстинкту, должна была покинуть их, своих детей и начать новую игру со своим самцом. Властная Природа требовала, чтобы она вновь зачала в себе новую жизнь и снова стала матерью.

На льдине, рядом с кромкой бесконечно синего моря лежала со своими детенышами Утельга – самка гренландского тюленя. Выходило над ней солнышко, разгорался и угасал закат, и висел над её головой огромный чёрный небесный купол, утыканный хрусталиками ярких звездочек.

Трескались где-то льдины, и грохот этот пролетал над её головой, над её бельками, уносился к горизонту и исчезал в морской дали.

Иногда матери надоедало лежать долго без движения, и она отползала от своих щенков, двигалась к находящейся рядом морской кромке. Там она наклоняла голову в воду и соскальзывала со льда в привычную для себя глубину. В погоне за быстрой сайкой, она выгибала уставшее лежать в неподвижности тело, резвилась в родной стихии. Но это не могло продолжаться слишком долго, ведь она была матерью; через короткое время Природа звала её обратно, на лёд, где Утельгу ждали её дети.

Иногда она приносила своим белькам из морских глубин каких-нибудь рыбок и стелила их перед их мордочками. Смотрите, детки мои, каких вкусных селёдочек принесла вам ваша мама из морской глубины, – как бы говорила она. Но детки на ту пору ещё не кушали рыбу. Они предпочитали всем деликатесам мамино молочко. С принесённой им рыбой они предпочитали играть и вырывать рыбок друг у друга из пасти.

Наигравшись, детёныши опять сосали материнское молоко и снова лежали с двух сторон у своей

матери, прижавшись к теплым её бокам, слабо при этом похоркивая и посвистывая во сне, то и дело ворочаясь и тихо урча что-то свое, детское.

Утельга лежала на льдине рядом со своими детьми. Она выполняла извечный свой материнский долг.

17

Однажды утром дремлющую с детёнышами Утельгу и лежащего рядом Лысуна – её самца – разбудили звуки выстрелов и гортанно-булькающие, всегда страшные для тюленей голоса людей – их извечных врагов. Её самец рывкнул и, подпрыгивая на сильных лапах, умчался к морской кромке. Раздался громкий всплеск. Это Лысун шлёпнулся в воду и исчез в глубине.

Утельга не сдвинулась со своей лёжки. Её приковал ко льду материнский инстинкт, не позволяющий бросать детёныша в момент опасности. Пока её ребенок-белёк не наберет достаточный вес, чтобы начать самостоятельную жизнь и самому добывать себе корм, она будет находиться рядом с ним, какая бы угроза над ней ни повисла, пусть даже и угроза гибели.

У Утельги было два детёныша, и, когда пришла к ней смертельная опасность, она их не бросила.

Грохот выстрелов был всё ближе и ближе. Когда человеческие шаги зазвучали совсем близко, Утельга высоко подняла голову. К ней шел коренастый человек с равнодушным красным лицом. Он нёс в руках какие-то длинные предметы. Утельга поняла, что её детям грозит смертельная опасность. Она приподнялась на лапах и ринулась на врага с оскаленной пастью, со всей материнской решимостью защитить своих детей.

Коренастый человек равнодушно выругался и, почти не целясь, привычно, из-под локтя выстрелил Утельге в голову.

Человек выполнял обычную свою, рутинную работу.

За ним шёл обелёвщик со своим острым, как бритва, ножичком. Для него это была тоже самая обычная тюленья туша, которую надо было разделить на три части. Он уже сбился со счета; которая она – туша тюленя – на сегодняшний день. Кажется, где-то из третьего десятка.

Два маленьких белька лежали поодаль и смотрели на людей чёрными маслинками широко открытых глаз. Всё происходящее было для них добрым и счастливым, как их короткое детство, совсем не ведающее страха.

18

Стояла северная мартовская ночь, морозная и звёздная. Ледокол «Капитан Мелехов» шёл полным ходом курсом на Архангельск. Толстым и упрямым своим корпусом он проламывал смёрзшуюся за холодную ночь шугу, долбил и отгонял прочь с дороги плавающие тут и там льдины. Ледокол расчищал путь транспортному судну «Лена», следующему в кильватере. Транспорт – крупнотоннажный трофейный корабль – был огромен, тяжёл был и груз, лежащий в трюмах, но мощные немецкие дизеля давали хороший ход. И всё шло по графику. В девять часов утра следующего дня «Лена» должна была доставить свой груз в порт «Экономия» Архангельского пароходства.

Пассажиры «Лены» – зверобои из поморских деревень – долго не спали. Все обсуждали удачный для всех деревень промысел. Все выполнили плановые задания, и все были довольны, что не подвели свои деревни, что будет прибыток в домах.

Русский мужичок не может без заначки. И вот стали из пестерьков, из мешочков доставаться сокровенные припасы: у кого бражка, у кого невесть что намешанное, но тоже с градусами, а у кого-то припрятана для такого случая золотая бутылочка драгоценной водочки.

– И-и, эх-х! – зазвенели песенки, да прибауточки.

Народ пережил тяжеленные военные времена. Многие из этих мужичков – раненые, да покаленные, списанные с войны по причине военной негодности, а в основном, пожилые все люди, для которых прошёл срок воевать. Но сейчас, на этом судне, их всех объединила удача хорошей добычи. И нет повода, чтобы не гульнуть, не пошуметь на радостях.

А женщины спали. Скажите, кто может быть практичнее русской женщины? Ни в жизни не найдёте! И, если выпадает хоть одна минутка, свободная от детей, мужа или работы, русская женщина вмиг засыпает. И это справедливо, потому, что женщина наша непомерно много работает.

Аня открыла глаза. Её бил тяжелейший озноб. Всё тело пронизывала ледяная дрожь. Мертвящий холод проник в каждую клеточку тела, лежащего на льду посреди морозной ночи, и тело перестало слушаться её. Тряслись ноги и руки, громкой барабанной дробью стучали зубы. Замёрз язык и холодил рот неподвижной льдинкой.

– Надо двигаться! Я ведь могу умереть! – эта мысль пронзила Аню. – Надо попытаться подняться. Надо встать, встать!

И она начала подниматься. Но не хватило сил оторвать плечи от лежащей на льду шкуры. Плечи и руки будто были прибиты гвоздями к ледяной корке.

Ей стало страшно.

Но она постаралась взять себя в руки. Поморская девочка, она слышала сотни историй о том, как люди погибали из-за того, что не смогли совладать со своим страхом в трудных ситуациях, будь то на море, на льду или в лесу. «За свою жизнь надо бороться до конца», – так учил её отец. Так же говаривали опытные люди, бывавшие в разных переделках.

– Со страхом в море не суйся, – судят поморы. – Он тебя в глубь и утнет!

Аня полежала, собралась с силами и стала раскачивать, приподнимать плечи ото льда попеременно. Тело стало совсем чужим, и каждое движение давалось ей с великим напряжением всех сил. Затем рывком перевалилась набок и поджала, подтянула к животу колени. Из этого положения ей легче было встать на четвереньки, а потом попытаться поднять и все тело.

На четвереньки она встала, покачала перед собой трясущиеся руки и поняла, что совсем не чувствует ни ладоней, ни пальцев. Их будто не было совсем. Аня стукнула кистями рук друг о друга, но ничего не почувствовала. Руки стали совсем чужими, будто деревянными.

Но ей надо, во что бы то ни стало надо встать на ноги и начать шагать, чтобы согреться, вобрать в себя тепло и оживить продрогшее тело.

Предприняв невероятные усилия, Анна всё же поднялась на ноги, медленно-медленно распрямила тело. Это трудно ей далось, потому что трясущиеся плечи необоримая сила водила из стороны в сторону.

Она попыталась сделать шаг.

Аня сделала его. Но шагнула она с превеликим трудом, потому что ноги её совсем не слушались. На них невозможно было удержать равновесие. Качаясь из стороны в сторону, она сделала два шага по окровавленному ледяному полю, но не устояла и упала на бок, сильно ударившись плечом и головой о лёд. Впала на секунду в забытие, немного полежала, но скоро взяла себя в руки. Она осознала, что здесь, на голом льду, оставаться надолго нельзя, что тут она замёрзнет очень быстро. Тогда, собрав остаток сил, Аня поднялась на колени и, опираясь на трясущиеся, непослушные руки, кое-как доползла до спасительной шкуры. Встала на коленях на её край, потом повалилась набок и, наконец, тяжело перевалилась на спину. Аня понимала: так она сохранит в своём теле хоть на чуточку, но всё же больше тепла.

И ещё она поняла, что этой своей попыткой встать на ноги она потеряла последние силы.

Тело её не двигалось, только судорожно тряслось от мертвящего холода. Одежда, мокрая от изнурительной работы, лежала на ней мёрзлой коркой и совсем не согревала. Ноги были обуты в бахилки, совсем новые, старательно смастерённые дедушкой Ильей из хорошей кожи. Но и они за прошедший в беготне день по сырому льду тоже насквозь промокли и промёрзли и сейчас стягивали ноги как тяжеленные колоды.

Она поняла, что нигде рядом нет людей, что она одна.

Никто за ней не пришёл, даже бригадир, который её сюда направил. Наверно, что-то случилось... Не могли же её бросить односельчане, хорошие все люди. Что-то случилось...

Кругом только ночь, мертвящие сполохи холодного северного сияния и ещё мороз, сковавший тело. И одиночество посреди жуткого мерцающего света...

Её клонило ко сну. Аня подумала: «Я, наверно, сейчас умру». Живущая на Севере, она уже много раз слышала, что людей, умирающих от холода, тянет ко сну.

Она лежала лицом вверх с трясущимся от страшного холода телом и глядела на звёзды. Раньше она любила их разглядывать. Она знала, где Малая и Большая Медведицы, где Полярная Звезда.

Сейчас Полярная Звезда висела прямо над ней и мерцала ярким, равнодушным, мертвящим светом.

Аня Матвеева в самом деле умирала, и маленькому беззащитному её сердцу оставалось стучать совсем не долго.

20

Четвертый помощник капитана Михаил Плотников спустился в пассажирский трюм и с растерянными глазами начал шарить между коек. Он не дождался на палубе человека, с которым уже привык проводить вечера – Аню Матвееву, потерял терпение, заволновался и начал её искать. Он не мог поверить, что девушка, которая так ему понравилась, и которой он вроде бы тоже стал небезразличен, вдруг просто так, без объяснения причин, не захотела с ним знаться. Ведь он не дал для такого отношения никакого повода.

Он уже знал, где расположена койка Ани, но к своему изумлению самой её там не обнаружил.

В голову само собой пролезли всякие глупые мысли: где она и с кем? Но Плотников их решительно отвергнул.

И стал орать:

– Эй, вы; что тут обалдели все! Где Анна Матвеева из колхоза «Промысловик?»

Люди стали просыпаться и недовольничать. А обелёвщица Парасья Житникова, крепкая и грузноватая женщина, с которой Михаил уже успел познакомиться, села на койку в длинной толстой сорочке, потрясла головой, чтобы стряхнуть сон, и пробурчала:

– Капитан, ты чё тут орёшь? Людей будишь.

– Публика, вы чего, охренели? Где Анна Матвеева из вашей бригады? – с искаженным лицом продолжал голосить Плотников.

– Как это где? – Парасья начала просыпаться. – Она с тобой должна быть. Болтаете вы с ней допоздна каждый вечер, знамо дело.

– Вот я здесь перед вами. А где Анна?

Проснулись все.

В самом деле, где она, Анна? Где? Народ заволновался.

– Да где она может быть? С нами же была. Все её видели, с нами была.

– Когда была?

И вот на этот вопрос толком не ответил никто. Все вдруг осознали: последний раз видели её на льду.

Бригадира Зосимова пришлось долго расталкивать. Он сидел, тряс головой и, наконец, вспомнил:

– Дак я же посылал её на край участка проверить не осталось ли там чего не прибранного.

Он округлил глаза, перекошенное, израненное лицо его задёргалось в нервном тике. В глазах вспыхнул ужас.

– Разве она не вернулась?

И склонил резко голову. Плечи его скукожились, руками он схватился за столешницу, пальцы затряслись... Потом он схватил штаны, начал совать ногу в штанину, никак не мог попасть...

21

Охваченная тяжёлым, мертвящим сном Аня едва почувствовала, как в левый бок её ткнулось что-то мягкое и тяжёленькое, прижалось к ней и стало потихоньку греть.

Потом она с трудом, как в тяжёлом беспробудном сне, расслышала постанывания и всхлипывания. Так плачет проголодавшийся грудной ребёнок, тянущийся к маминой груди. Этот кто-то прижимался к ней всем тельцем и как будто искал ласки и еды. От тельца веяло слабым, но глубоким теплом.

– Наверно, это мне так блазнится, – подумалось ей среди тяжёлой полудрёмы. – Но это значит, что я ещё жива?

Ане захотелось повернуться к нему и понять: кто это? Но тело её не слушалось.

И вот, надо же! С другого её, правого бока тоже прильнуло что-то такое же плотное и упругое и тоже стало потихоньку согревать. До этого она боялась уснуть, боялась, что никогда больше не

проснется. Теперь же, пусть и совсем немножко, но всё же обогретая неизвестными живыми созданиями, она уснула, уже не опасаясь умереть во сне.

Ночью к ней пришёл её отец Федор Северьянович Матвеев. Пришёл из ночного мрака со стороны моря. Он был без шапки, в линялой гимнастёрке, и ветер пошевеливал седые его волосы. Шёл к ней и шаркал о лёд каблуками кирзовых сапог. И это гулкое шарканье разносилось далеко над ледяным полем. Он подошёл к дочери совсем близко, и от него повеяло бесконечно близким с детства, бесконечно родным отцовским запахом. В нём было намешано так много памятно-домашнего, что у Ани перехватило дыхание. И аромат дома, и сенокоса, и запахи морских водорослей, и всей деревни, и ароматный дух отцовских густых волос, в которые маленькая Аня любила прятать своё лицо, и многое другое родное, связанное с её детской беззаботной жизнью, когда все были дома, были здоровы и когда не было войны.

Он опустился на колени прямо на лёд совсем рядом с ней. На груди его висела медаль, а рядом с медалью виднелась дырочка, отчётливо сквозная, через которую Аня видела далёкую маленькую звёздочку, мерцающую на небе за отцовской спиной.

– Почему ты седой, папа? У тебя ведь были такие красивые чёрные волосы.

– Бой был тяжёлый очень. Я в нём поседел. Людей много погибло.

– Зачем ты стоишь на коленях на льду? Ты ведь простудишь ноги! И без шапки! Ты же можешь заболеть.

– Доченька моя, тебе тяжело сейчас, но я с тобой. Я всё время с тобой, хочу, чтобы ты это знала.

Аня хотела протянуть руку к его лицу, но рука была непомерно тяжела...

– Мне не холодно, мне хорошо с тобой, доченька. Я попрошу, чтобы ты не умерла (какая-то странная точка после «умерла»; не исчезает при попытке уничтожить)сейчас. Ты должна жить, чтобы выжили мои сыночки, твои братики, чтобы мама наша поправилась. Ты за меня в семье осталась, всё на тебе... Думаю, меня послушают, я ведь погиб за матушку нашу, за Россию...

Он поклонился своей дочери низко-низко, коснулся лбом льда и словно растворился в воздухе. Сквозь мрак ледяного сна услышала Аня, как её зовет к себе родная деревня. Послышался ей перезвон весенних сосулек, свесившихся с летнего ската крыши, теньканье прозрачных капелек, падающих с них.

Ей промычала Зорька – любимая семейная корова, которая стоит в хлеву и ждёт-не дожждётся прихода настоящего тепла. Поднадоело Зорьке коротать длинную северную зиму в тесном стойле. Аня узнала её призывное мычание.

Горланисто и отчётливо звонко пропели для Ани крикливые свои песни деревенские петухи. Разбудили, наверно, всю деревню. Их голоса тоже давно знакомы Ане.

Она услышала лай соседского пса Буянка, своего любимца. Буянко, когда видит Аню, открыто ей радуется, весело влаивает, растягивает в улыбке свою клыкастую пасть, несёт ей изгрызенную до невозможности, но всегда одну и ту же палку и требует, чтобы Аня с ним поиграла. Та игру поддерживает и старается вырвать палку из Буянквой пасти. Пёс старается тоже. Он страшно и люто рычит, будто жутко злится на Аню, вертит своей рыжей головой и делает вид, что хочет палку отнять. Так они играют. Сейчас Буянко очень ждет Аню. Ждёт и зовёт.

Ждёт её и скворец, который каждый год селится в скворечнике, выструганном отцом и установленным на вершине телеграфного столба прямо напротив их крыльца. Анин отец, взгромоздив скворечник на столб в конце зимы, никак не мог дожидаться, когда же прилетит скворец. Нервничал: к тому прилетели, к этому тоже, а у нас никто не селится.

Однажды утром отец разбудил Аню, крадучись подошёл вместе с ней к окошку и заворуженно громко прошептал:

– Гляди-ко, Анютка, гляди!

Прямо на крыше скворечника, выгнув в сказочной позе кверху голову, широко раскрыв клюв, растопырив крылья, щебетал дивные песни наконец-то прилетевший скворец. Аня помнит, как они с отцом сидели у окошка, ошеломлённые, восторженные, радостные...

Сейчас до Ани вновь донеслась весенняя, зовущая её домой песня того самого их с отцом скворца.

Где-то на краю деревни стучит и стучит топор. Это рубит баню вернувшийся домой без ноги

Ефим Федотов – сорокалетний деревенский конюх. И стукоток этот доносится досюда, до этой холодной льдины.

А на самом морском берегу, на ледяной корке, у воды стоят трое: её мама Наталья Александровна и братишки Сашка с Серёжкой. Они внимательно и пристально всматриваются в морскую даль и кричат в сумрачный, далёкий простор, в голомень что-то родное и нежное. Аня не может разобрать их слова, но она понимает: они зовут её домой.

23

Капитан «Лены» был опытным моряком. Когда судно было на переходе, он никогда не уходил в свою каюту, а спал прямо в капитанской рубке. Вот и сейчас второй его помощник был у штурвала и вёл корабль по Белому морю. Курс – Архангельск. А капитан отдыхал на топчане, как здесь недавно ночевала Анна Матвеева.

И тут в капитанскую рубку ворвались двое совершенно ошеломлённых чем-то людей. А конкретно: четвёртый помощник Михаил Плотников и какой-то взвинченный, косноязыкий мужик, как потом оказалось, колхозный бригадир Пётр Зосимов.

– Человека бросили! – заорали они благим матом. – Человек на льду остался!

Капитан давно не просыпался в таком кошмаре. На него таращились два взбешённых, потерявших нормы приличия субъекта. Они стояли перед ним, ещё не проснувшись, и выкрикивали какие-то неслыханные в своей несуразности и невозможности слова.

– Мы человека бросили! Скорее всего, она уже погибла!

И что-то ещё, совершенно не укладывающееся в голове. Впрочем, такие слова в основном выкрикивал его помощник Плотников. Хороший парень, но тут прямо паникёр какой-то.

Капитан сидел на топчане в кальсонах и в белой рубашке и совершенно ничего не мог понять. Наконец, он проснулся и сказал на сколько мог спокойно:

– Миша, ты помолчи, прошу тебя.

И приказал Зосимову:

– А ты говори.

Зосимов с заплетающимся языком, как мог членораздельно, сказал, что на месте промысла случайно осталась член их бригады Анна Матвеева.

Капитан ничего не понимал:

– Как это случайно? Это можно молоток случайно забыть, или, там, плоскогубцы, а тут человек.

– Бросили мы её, бросили – вот и всё! Погибает она там одна, мороз там! Девчонка же! – вопил Плотников.

Капитан вспомнил её.

– Это та Матвеева, которая чай у нас пила?

– Та самая, та самая! – орал помощник. – Спасать её надо, срочно спасать! Возвращаться надо.

– Информация проверена? – спросил капитан, натягивая на кальсоны форменные брюки. – Тут нет никакой ошибки, товарищи?

– Да какая тут ошибка? Человек погибает! Одна на льду, мороз, Вы это понимаете? – продолжал кричать четвёртый помощник.

– Витя, стоп машина! – твёрдо сказал капитан своему помощнику, стоящему у штурвала. – И вызови мне по радиации «Мелехова».

Радиосовещание между капитанами транспортного судна «Лена» и «Капитан Мелехов» состоялось на траверзе поморской деревни Летний Наволок. Было решено «Мелехова» отправить обратно на поиски Анны Матвеевой. С этой целью на борт ледокола был пересажен бригадир зверобоев Пётр Зосимов. А транспорт «Лена» со своим ценным грузом продолжил путь в Архангельск.

Михаил Плотников всеми силами тоже рвался пересечь на «Капитана Мелехова». Его с трудом удержали. И, наклонившись через борт транспорта, он кричал вслед уходящему ледоколу:

– Передайте Ане, что я её жду! Жду я её!

Но ветер, волны и шуршание льда о борта судна заглушали его крик.

А уплывающий обратно отставной сержант, а ныне бригадир Пётр Зосимов знал, что нельзя ему возвращаться в деревню без живой Ани Матвеевой. Что деревня не простит ему, если с ней случится что-нибудь плохое. Он ведь старший, а это значит, что отвечает за всё.

Медленно вылезавшее из-за моря, из-за дальних льдов солнце, приподнявшись над горизонтом, из огромной своей полости вылило жёлто-красную краску на белый ледяной простор, на торосы.

Краска эта залила всё бескрайнее синее морское пространство и белое безмолвие, бесконечно раскинувшееся вдоль побережья. И на схваченной ночным и утренним крепким морозом ледяной поверхности образовались миллиарды похожих на снежинки хрусталиков. Разбросанные на льду, они выстреливали в воздух, в пространство яркие разноцветные брызги солнечных лучиков. И лёд на многие километры был похож на сказочно-роскошный, тончайшей работы дивный ковёр, усыпанный драгоценными камнями.

Аня открыла глаза. Первая пришедшая мысль была: «Я всё ещё жива».

Все тело было деревянным и почти не двигалось. Очень болели ступни и пальцы ног, страшно ныли колени, стали ледяными ладони. Гортань будто залило свинцом.

Она понимала: её спасало то, что она лежала на тюленьей шкуре, которая не пропускает холод, идущий ото льда. Кроме того, по бокам к ней прижались и отдавали ей свое тепло какие-то живые существа.

Кто же это?

Аня с большим трудом повернула голову налево и обомлела: к ней прижался и, закрыв глаза, посапывал маленький тюленёнок. Он был совершенно белый. «Значит, возраст его около двух недель», – подумала она. Это белёк. Скоро детёныш гренландского тюленя начнёт покрываться серыми пятнами и станет именоваться хохлушей.

А что же присоседилось с другой стороны? Ане тяжело дался поворот головы на правую сторону – шея, перехваченная морозом, совсем не слушалась. Справа, тесно к ней прижавшись, спал богатырским сном другой тюленёнок. Только не совсем белый. Этот уже начал свою перекраску: на его лбу, выше глаза, серело маленькое серое пятнышко.

Она поняла, что в крошечной темени они приняли её за свою маму, прильнули к ней и укрылись под её надёжной защитой.

Аня совсем не знала, да и не могла знать, что шкура, на которой она лежала, была шкурой матери этих тюленят – Утельги. И что бельки пришли сюда на запах своей матери.

Она хотела сказать им что-нибудь ласковое, ободряющее, но горло её замёрзло. И рот, и губы тоже не двигались. Тогда она стала говорить с ними. Беззвучно, про себя.

– Я теперь буду вашей мамой, дорогие мои дети, – говорила она, глядя полузамёрзшими глазами в небо. – Во-первых, спасибо вам за то, что вы спасли мне жизнь. Я теперь буду вам благодарна всегда. Во-вторых, как любящая мама, я обязана дать вам имена. Ты, беленький, получишь красивое имя и будешь называться Беляком. – Тут она маленько подумала, – а ты, с пятнышком, получишь не менее красивое имя. Ты теперь будешь Пятнышком. Согласны, дети мои? Ну, чего вы сразу загалдели, заперебивали друг дружку? Вижу, что согласны. Вот и хорошо, вот и молодцы.

Аня попробовала пошевелить ногами. Ничего у неё не получилось.

– А теперь, в-третьих, – продолжила она разговор со своими малыми детками, – вы должны твёрдо знать, что я, ваша мама, никогда не дам вас в обиду. Я же вас люблю, как же я могу допустить, чтобы моих деток кто-то обижал...

Солнце приподнялось над горизонтом и обдало природу слабеньким, еле различимым теплом. Но уже лёгкое дуновение мартовского северного солнца вызвало испарину схваченной ночным морозом ледяной поверхности, и над белым пространством повис холодный искрящийся туман. Воздух от этого стал ещё более промозглым.

– Знаете, дети мои, чего я хотела бы больше всего на свете? – беззвучно разговаривала с Беляком и Пятнышком Аня. – Я очень хочу, чтобы выздоровела моя мама. Чтобы она играла опять со мной, пела своим замечательным голосом песни, чтобы ходила со мной в лес. А она только слабеет и слабеет. Это меня очень беспокоит, дети мои.

Из глаз её вытекли слёзы, но она их не вытерла со щек, потому что не смогла поднять одеревеневшие руки. И слёзы хрустальными стеклышками застыли на её щеках.

Тюленёнок, который был слева, зашевелился, и Аня с трудом повернула голову на своего Беляка. Тот лежал, держа мордочку у неё подмышкой и глядел на её лицо немигающими чёрными глазами, похожими на чёрные маслины.

– Ну вот, сыночек мой Беляк, ты проснулся и слушаешь мамин рассказ. Наверно, Пятнышко тоже не спит. Тогда не перебивайте меня и сидите тихо. А я буду с вами разговаривать.

– Ещё я очень хочу, чтобы поскорее подросли мои братья. Они совсем меня не слушают, даже маму нашу слушают не всегда. Нам с ними трудно справляться. Уж скорее бы они стали серьёзными. А вы, сыночки мои, что на это скажете?

Аня попробовала пошевелить пальцами рук. И не поняла, получилось у неё это, или нет, потому, что пальцев она не чувствовала. В её ладонях, как и в ступнях ног, стояла неизбывно-тяжёлая боль.

И ещё были вопросы, которые совсем недавно стали её сильно волновать. Совсем беззвучно, не шевеля ни губами, ни языком, она высказывала своим детям наболевшие эти вопросы:

– Серьёзно ли относится ко мне Михаил Плотников? Не шалапут ли он какой-нибудь, не бабник ли? Я так боюсь в нём ошибиться... Нравлюсь ли я ему? Или это всё шуточки для него. В фуражечку вырядился, видите ли... А он, сыночки мои, мне нравится. И даже очень! А, может быть, и больше того. Волнуюсь я и почему-то тревожусь. Не было со мной такого никогда...

А дети её, Беляк и Пятнышко, ворочались у неё с двух сторон, прижимались к ней, хлопали своими чёрными глазами и что-то там попискивали, словно щенята рядом со своей мамкой.

Совсем закоченевшая Аня Матвеева не сомневалась, что люди к ней вернуться, что её найдут. Ещё ей хотелось, чтобы за ней пришёл, чтобы нашёл её четвёртый помощник капитана Михаил Плотников. В своей фуражечке.

25

Она с трудом сдерживала смыкающиеся веки, но ей нельзя было спать – это она хорошо понимала.

Мысли её вдруг ушли к Тому, Кого всё чаще и чаще вспоминала её мама. Она обращалась к нему обычно по ночам, когда все спали и шёпотом называла его то Господи, то Боженька. Мать упрашивала его пожалеть её доченьку, и её сыночков. Просила, чтобы вернулся с войны муж, хотя на него пришла уже «похоронка». «Но Ты верни его мне, верни, Господи, ведь я люблю его очень. Не нагляделась я на него, не надыхалась. Хоть и прожили с ним изрядно, а всё, как один день. Не хватило мне... Да и семье-то как без отца, без кормильца? Не выжить ведь нам без него».

Ещё она просила продлить ей хоть ненадолго жизнь. «Знаю я, – шептала она в ночную тишину, – что умру я скоро. Лихоманка у меня неминуемая, съела меня совсем, но Ты, Боженька, продли хоть на годик-другой денёчки мои. Надо мне ребятишек своих поднять. Малы ведь совсем, да глупы. Не в приют же их отдавать. А Анечке моей надо учиться. Она умница у меня, в школе успевает на «отлично». Но ведь избилась она совсем в трудах немилосердных. Девчонка ещё малая, подросток, а работает больше всех. Не надорваться бы ей... Помогите нам, Господи, помогите и помилуй!».

И мама тихо плакала в подушку.

И Аня тоже плакала. Ей было нестерпимо жалко свою маму.

Сейчас, первый раз в своей жизни она тоже стала думать о Боге.

«Я тебя совсем не знаю, Боженька, и не могу разобраться точно, есть Ты или нет на белом свете? Я ведь комсомолка, а наш комсомол не верит в Тебя. Но в Тебя верит моя мама, а ей я доверяю больше всех на свете».

Потом она подумала и белыми беззвучными губами сказала Богу со всей решимостью:

– Теперь я тоже буду жить с верой в Тебя, как моя мама. Так мне легче будет жить, я это точно знаю.

Аня попробовала пошевелиться. Движения не получилось. Тело совсем её не слушалось. Только с боков её подталкивали, пошевеливали её тельце и отдавали часть своего тепла два живых существа, её сыночки Беляк и Пятнышко.

«Я прошу Тебя, Боженька, выручи меня, помоги мне. Мне совсем не хочется умирать. Рано ведь ещё. Я в жизни ничего не видела... Пусть за мной придут».

Силы совсем оставили её. Она обратила к Боженьке последнюю свою мысль:

«И помоги сыночкам моим Беляку и Пятнышку. Они ведь тоже остались без матери».

И потеряла сознание.

Было десять часов восемнадцать минут утра. Стояло 15 марта 1945 года. Ледокол «Капитан Мелехов» причалил к ледовой кромке как раз в том месте, откуда вчера отходило транспортное судно «Лена». Бригадир зверобойной команды Пётр Зосимов сам выбросил за борт и закрепил деревянный слип. Он буквально сбегал с трапа и быстрым шагом вперемежку с трусцой засеменял туда, куда вчера ушла отправленная им Анна Матвеева. За ним поспевал один из матросов ледокола – Шостак, выделенный ему в помощь боцманом.

Зосимов торопился и изнывал от своей малой скорости. Но быстрее двигаться он не мог – мешала одышка. Дышать полной грудью не давало пробитое осколком лёгкое. Он страшно клял себя: как же, как же потерял он Аню? Не доглядел, вернулась ли она, зашла ли на борт? Сам послал, а не проверил, пришёл ли человек обратно? Конечно, оправдание имеется: спешка, погрузка, суета, простуда эта... А он главный. За всем и за всеми разве уследишь? Заботушки в такие минуты много... Но ведь сам же отправил девчонку! Сам! И фактически оставил её одну. Считаю, что бросил.

И, когда шли на ледоколе, и сейчас его терзала, разворачивала ему душу ещё одна зловредная мысль: что бы сказал ему в эту вот минуту Фёдор Матвеев, мастеровой мужик, уважаемый в колхозе человек, который ещё в предвоенные годы учил его рыбодобыче и зверобойке, и который лежит где-то в карельской земле? Отец Анны. Ничего хорошего он не сказал бы, а может быть и рожу ему набил. И правильно бы сделал.

...Аня лежала на тюленьей шкуре неподвижная, с мертвенно-белым лицом и, показалось Зосимову, бездыханная.

Он рванулся к ней, прильнул к лицу, ко рту: дышит или нет? Нет, дыхания не слышно. Не дышит! Сердце тоже молчало. Эх, ты, беда! Он понимал, он знал, что у умирающего на морозе человека дыхание как бы замирает, его трудно обнаружить, даже если человек ещё дышит. И тогда он стал перед её лицом на колени и сбоку уставился на едва открытый рот. Должен быть парок, если человек дышит.

Ничего не видно.

Зосимов замер, распахнул широко глаза, взгляделся в белые губы, в тёмную извилилку между ними... Ему показалось, что в какое-то мгновение между Аниных губ промелькнула полупрозрачная, тоненькая, невесомая полоска морозного пара.

Может и показалось, но в ожесточённо стучащем от волнения сердце его родилась крохотная нотка надежды, родилась и подала свой слабенький, но радостный голосочек. Она зазвучала, эта нотка.

И Зосимов скинул рукавицы, стал тёплыми ладонями растирать лицо Ани, её руки, ноги, тело.

– Жива, ты Аня, жива! Теперь не умрёшь! Мы тебя выправим! Оживай, девочка, оживай! Ишь, помирать удумала! Рано тебе помирать! Ты сперва внучат нарожай Фёдору...

Он не говорил, а кричал. Наверно, подспудно ему казалось, что его крик может разбудить Анну Матвееву, отринуть от навалившегося непомерно тяжёлого сна.

Он чего-то ещё выговаривал, кричал, растирая Анино тельце. Пока его умоляющий вопль не разбил болезненные препоны, отгородившие её от живого мира, пока она в самом деле не услышала его спасительный крик, и не открыла с трудом веки.

Только после этого обессиленный Зосимов перевалился набок и зашёлся в судорожном кашле. Из рта его выплёскивались маленькие капельки крови.

– Ничего, – хрипел он, – это лёгкое хандрит, едри его корень, пройдет оно, ничего.

Только теперь разглядел он, что его каблук на сапоге пытается в клочья разорвать белый маленький тюленёнок. Справиться с каблуком у него не хватало силёнок, но он урчал, посвистывал и крепко с ним воевал.

– Ну, ты, брат, даёшь! – сказал бригадир, отталкивая тюлененка другой ногой. – Чем же я тебе насолил?

Со вторым тюленёнком, который был на другой стороне от лежащей на льду Ани, воевал матрос Шостак. Белоснежный малыш нападал на него и старался цапнуть за ногу.

– Эх, жалко я багра не взял, – возмущался тот. – Сейчас бы тюкнул, да и всё.

– Не трогай их, – прохрипел ему Зосимов. – Видишь, они нашу девочку обороняют. Они, наверно, спали рядом с ней, за мамку приняли. А тут мы пришлёпали. Вот они и гонят нас от своей мамки.

– Такие клопы, а туда же – нападать! – возмущался и весело шумел Шостака и кое-как всё же отодвинул тюленят в сторонку. Те сидели теперь в трёх метрах от людей, помаргивали чёрными круглыми глазками, хоркали и посвистывали. Наверно, они возмущались человеческим нашествием на их обжитую территорию.

Аня лежала, открыв глаза и молчала. Теперь её оттирал Шостака. Наконец, она тяжело-тяжело повернула голову к Петру Зосимову и едва различимо ему улыбнулась.

– Ну, всё! – расплылся в радости бригадир. – Стала улыбаться – теперь не помрёт. Давай, матрос, понесём её на судно.

Они ушли и унесли на руках Аню. А её сыночки Беляк и Пятнышко сидели рядышком и глядели им вслед.

И эта мама от них ушла.

27

Аня пролежала в больнице долго – целый месяц. С трудом восстанавливались сильно обмороженное лицо, руки, ноги, тяжело залечивалось сильнейшее двухстороннее воспаление легких.

Но какую хворь не одолеет юный крепкий организм?

И вот она, с перевязанными руками и ногами, уже выходит из палаты, прохаживается по больничным коридорам, воркует с нянечками и медсёстрами.

Её тут все уже знают, все именуют её с ласковым уважением – Анечкой. Всем известно и об Анечкиных страшных приключениях. Все хотят с ней поговорить, познакомиться. И она – добрая душа – общается с людьми с открытым сердцем.

В крепких её снах возникают перед ней картины страшной той ночи. И в укутанные бинтами её ноги ложатся два белых ангелочка с чёрными глазками – её сыночки Беляк и Пятнышко. Они снова прижимаются к ней тёплыми бочками, от этого и ногам её, и телу становится тепло-тепло. Аня давно уже знает, что ангелочков этих послал ей Тот, к Кому она обращалась за помощью, к Кому обращался и её отец. Она знает, что помощь Его спасла её.

А кисти рук, получившие сильнейшие обморожения, спасли от ампутации тёплые варежки, подаренные четвертым помощником капитана транспортного судна «Лена» Михаилом Плотниковым. Об этом ей сказали врачи. Уже три раза прибежал к ней в больницу и он сам.

У судна «Лена», как и у любого, задействованного в каботажных перевозках, короткие рейсы: снабжение поморских деревень и воинских частей всем необходимым, доставка и выброска геологических партий, перевозка грузов и специалистов на Новую Землю и другие точки Белого и Баренцева морей, да мало ли чего ещё потребуют нужды народного хозяйства. А возвращение – всегда в родной город, в порт приписки Архангельск. Этого возвращения Михаил с некоторых пор ждет особенно...

Когда он встречает Аню Матвееву, у всех возникает ощущение, что не может Михаил надыхаться самим её присутствием, тем, что она рядом. И люди всегда радуются его приходу потому, что этот парень всегда приносит с собой откровенный праздник любви. Скажите, кто не рад такому празднику?

Аня тоже его всегда ждёт, очень ждёт.

День выписки Ани из больницы счастливо совпал с приходом «Лены» в родной порт.

Плотников ворвался в больницу с букетом гвоздик, возбуждённый и счастливый от того, что не опоздал. Аня ждала его в вестибюле. Сидела и ждала неизвестно чего и была уверена: он придёт. И он пришёл!

Потом они долго-долго, до самой ночи, просидели у маминой тёти, Павлы Андреевны, живущей в Соломбале, говорили-говорили и не могли наговориться.

Мише нельзя было опаздывать на вахту, и он умчался на своё судно. Аня на другое утро уехала в свою деревню.

Перед тем, как расстаться, они обещали писать друг другу письма, и обещание своё сдержали. И подружились крепко-крепко.

На всю жизнь.

Проза

Павел Демидов

Павел Павлович Демидов родился в Баку в 1931 году. Образование: гуманитарное – английская филология; техническое – судовождение. Работал в Прибалтике, на Дальнем Востоке (Камчатка, Сахалин, Приморье), затем в Москве. Основной род занятий – журналистика (газеты «Советская Россия», «Известия»), кинематография (Творческое объединение «Экран» Центрального телевидения, киностудия «Мосфильм»). В настоящее время – главный редактор журнала «Лампада» московского храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине. Автор ряда книг, пьес, сценариев игровых и документальных фильмов. Член Союза журналистов и Союза кинематографистов РФ. Лауреат премии Союза журналистов России. Есть церковные и светские награды.

Догадливые сыны века сего

До экзаменов оставалось всего ничего; да ладно, если бы у Василия только конь не валялся. За год учёбы он настрополился управляться с этими непарнокопытными. Хуже было другое. На работе – как прорвало: заказы сыпались один за другим (это в кризис-то!), а чуть тормознуть или сбавить темп – он же понимает, что такая «пруха» долго длиться не будет. Так что свалившийся фарт – как бурундуку запасы на зиму.

«Оперативная полиграфия» – так назывались две небольшие комнатки с шестью компьютерами, одним чёрно-белым и двумя цветными принтерами, стареньким ксероксом и, кажется, двумя печатными машинами, одна из которых постоянно находилась в ремонте. Называлась фирмочка на удивление просто и точно, что не отвечало нынешним брендам и трендам. Войдя в новую жизнь, мы очень полюбили громкие, многозначительные наименования, которые, как, видимо, считалось, помогали быстрее расстаться с замшелым прошлым и обрести современное будущее. Например, «Барвиха Лакшери Виллидж» или, допустим, Корпорация «Экологичи Сервис Интернешенал». Не имело значения, что «лакшери виллидж» – это в недавнем прошлом подмосковная деревенька Барвиха, а «сервис интернешенал» – всего лишь сбор ТБО – твердых бытовых отходов, проще говоря – чистка придомовых помоек.

Фирмочка, в которой директорствовал Василий, была частной структурой в составе ещё нескольких подобных салонов, над которыми стояли хозяева – два брата крайне жлобской сущности. Она исправно занималась своим нехитрым бизнесом – печатала календари, буклеты, визитные карточки, словом, делала практически любую малотиражную полиграфическую продукцию, и к тому же, в самом деле, оперативно и хорошо.

К чему так подробно о второстепенном? Не зная этих вроде бы частных, можно не ухватить нить, распутывающую клубок сюжета. А сюжет требует аккуратности изложения, или, выражаясь киношным языком, проснятости эпизодов. Потому продолжим в том же ключе.

Подчинённых у Василия было не много: художник-дизайнер и вообще первое лицо в салоне Марсель, наборщики Николай и Костя, печатник Салават и курьер по вызову Владимир Иванович. Василий занимался клиентской базой, то есть держал руку на самом пульсе. Держал, надо сказать, хорошо, поскольку был человеком, располагающим к себе, или, как теперь говорят, харизматичным. Помогала и привлекательная внешность. Немного, правда, искажала общую картину чуть заметная выпуклость, нависающая над брючным ремнём, но для дела это не имело значения. Возможно, потому Василий и подзапустил себя, а когда обнаружил проруху благодаря ироничному замечанию особы противоположного пола, сокурсницы, к коей питал симпатию, расстроился, разозлился на подругу и вообще впал в уныние, хотя знал, что уныние есть тяжкий грех. В дополнение к портрету нужно добавить, что Василий был по образованию историком, но, как большинство близких по воз-

расту соотечественников, занимался не тем, на что был профессионально заточен. Ему ещё повезло: он пошёл по стопам родителей-полиграфистов, а не в купи-продай («ретейл!»), не в какие-нибудь менеджеры, девелоперы или дистрибьюторы, не заделался оператором или экспертом неизвестно чего. Он стал хорошим специалистом, справлялся с делом успешно, но сказать, что был доволен судьбой, не мог. Совестьливый, наделённый обострённым чувством справедливости и очень самолюбивый, он глубоко страдал от нашей молодой, ещё неустоявшейся структуры частного предпринимательства, в которой ему приходилось работать по найму, – от её бездушия, хамства, безмерной жадности, вороватости и от собственного беспорядка. Но времена, как сказал поэт, не выбирают. Времена, добавлю от себя, делают люди.

Коллектив у Василия, повторюсь, был небольшой, но настоящий: надёжные товарищи, которые ещё ни разу не подвели, а работали они вместе уже не первый год. Каждый был классным специалистом в своём деле. Вот только о Марселе было затруднительно так сказать, ибо этот рыжебородый малый знал буквально всё, и всё одинаково безупречно. Немногословный, скупой на эмоции, почти не жестикующий, он производил впечатление тугодума, и даже те, кто хорошо его знал, порой обманывались и думали, что он чего-то не догоняет, и начинали повторять вопрос или задачу. Тот, однако, продолжал безучастно гулять мышью по монитору, а через минуту-другую выдавал решение, от которого все либо ахали, либо приходили в восторг. Поразительно разные, будто подобранные специально, Василий и Марсель, тем не менее, были подлинно друзьями. Странно? Но разве электрон и протон взаимно не притягиваются именно из-за того, что у них разные заряды? Поэтому, когда Василия припекло настолько, что конь, который ещё не валялся, стал казаться крохотным пони в сравнении с огромностью всей проблемы, он обратил свой взгляд на Марсея.

Проблема заключалась не в ситуации, связанной с работой. Такие авралы случались, были они в радость, потому что, если всерьёз, работы вообще всегда должно быть много, и ребятам было не привыкать не только задерживаться допоздна, но, раз надо, оставаться и на ночь. Проблема заключалась в том, что до сессии оставалось катастрофически мало времени, и Василий понимал, что не сможет осилить гигантский объём материала, который предусматривала программа экзаменов. Жалел он, что вообще ввязался в эту учебу? Разве только в отдельные моменты, когда страсть как хотелось отдохнуть или развлечься, а надо было идти на занятия и отбарабанивать там минимум четыре часа или срочно накатать пятидесятистраничный реферат на тему типа: «Понятие таинства и обряда. Христианский обряд и языческий магизм. Значение жертвы в православном богослужении». А в целом, конечно же, не жалел. Можно сказать, это вышло почти само собой. Чуть ли не так же, как он вообще пришёл к православной вере. Не было у него ни чьего-то личного примера в отчем доме (вся семья – типичная советская техническая интеллигенция в первом поколении), ни поворотной встречи со священником или с духоносным старцем, ни голоса никакого внутреннего, ни вешего сна. В двенадцать лет он почему-то решил, что ему надо креститься, причём по православному чину, чем немало удивил домочадцев. Стал понемногу ходить в церковь, читать молитвы. Любопытный по натуре, желающий во всем дойти до самой сути, к тому же, как уже отмечалось, самолюбивый и честолюбивый, Василий не мог остановиться там, где, к сожалению, останавливаются многие, переступив церковный порог. Достаточно сказать, что он порой часами пытал своего продвинутого в церковном отношении соседа, пока тот однажды не сказал ему: «Поступай на дополнительное в Свято-Тихоновский – и получишь ответ на все вопросы».

Ответ на все вопросы, во всяком случае, в нынешней ситуации, Василий мог получить только с помощью шпаргалки – он понимал это как никогда. Он присел к столу и вывел на экран ноутбука расписание лекций и консультаций, оставшихся до сессии: Священное Писание Ветхого и Нового Завета, введение в литургическое предание, церковнославянский язык, иконоведение, история христианской Церкви, новые религиозные движения, сравнительное богословие, Устав и гимнография, святоотеческая письменность, история Русской Православной Церкви, литургическое предание, догматическое богословие. В каждой дисциплине от одного до нескольких десятков вопросов, а некоторые ещё и с подвопросами, и всё это включено в экзаменационные билеты. Грех вырисовывался отчётливо и безальтернативно. Но оставался вопрос, который буквально истерзал его и на который он не мог найти ответа. Если быть точным, ответ он знал, то есть знал, каким тот будет, если он к кому-то обратится. Тогда, спрашивается, зачем мучиться? А вам никогда не доводилось

задаваться вопросом, ответ на который заведомо известен? Человек не перестаёт надеяться даже в очевидной ситуации – в этом, думаю, всё дело.

Говорить ли про шпаргалки на исповеди? – вот что не давало покоя совестливому Василию. В самом деле, вопрос не так прост, как может показаться. Если не говорить – значит, идти на заведомый грех. Так, может, не исповедоваться перед сессией? Но ведь и так нечестно – Господь-то знает... А с другой стороны, пока не совершил грех, это вроде как помысел. Открывать помыслы духовнику обязан монах, а Василий мирянин. Зря что ли говорят: не согрешишь – не покаешься? Голова кругом... Дошло до того, что Василий решил посоветоваться с Марселем: самый нейтральный человек. Да лучше бы не спрашивал! «Можно подумать, ты не знаешь» – всё, что он услышал.

Итак, морально-этическую сторону проблемы Василий для себя худо-бедно решил. Оставалась вторая, не менее важная, – организационно-техническая. Понятно, что «шпоры» он будет составлять сам. Благо, писать не от руки, и шрифт можно сделать сколь угодно малым. Но даже в таком компактном виде они составят стопку в две карточные колоды, и где он там будет незаметно раскладывать свой пасьянс в поисках козырей? Решение напрашивалось само: нужен напарник, который дистанционно будет вкладывать Василию знания прямо в голову. Технически задача настолько примитивная, что её и описывать нечего. Оставалось договориться с Марселем – с кем же ещё? – но после его «Можно подумать, ты не знаешь» Василий не был абсолютно спокоен. Разговор между ними случился вот какой:

– Значит, фуксом хочешь проскочить, – сказал Марсель, привычно выдержав паузу после того, как Василий изложил другу сюжет.

– Да пойми, Марс! Это же лошадиную башку надо иметь.., – Василий выжидающе смотрел на Марсея, а тот лишь чуть покачивал головой, словно отвечал каким-то своим мыслям. – Друг ты мне или нет?

Марсель вспыхнул своими, как у египетской кошки, восточного разреза жёлто-зелёными глазами под припухшими веками и опять уткнулся в экран. Снова пауза...

– Ма-арс!

– А православного Бога своего не боишься? – Василия словно обдало кипятком. Он чуть не врезал другу. Но неожиданная мысль, показалось ему, всё объяснила:

– Я понял тебя, Марсель Зарипов! Ты – мусульманин и помогать чужой вере считаешь неправильным. Но ты же помогаешь не вере, а мне. Это тоже неправильно?

– Во-первых, я – обыкновенный русский татарин. Почти советский. Для меня любая вера – чужая. Мне ни Христос, ни Аллах не мешают. Они сами по себе, я сам по себе. А это всё равно неправильно.

– Учить будешь?

– Когда экзамены-то? Надо будет отгулы взять.

...А ещё у Василия была нежно лелеемая и тщательно оберегаемая мечта – уехать на свою историческую родину, в Испанию. Почему он считал своей родиной страну басков, а не Москву, объяснению не поддаётся. На Пиренейском полуострове родились его предки по отцовской линии – это так; но мать и её предшественники – коренные москвичи, что тоже так. В паспорте он, правда, записан испанцем, но запись – всё же производное от правды жизни, а правда, она, как правило, двояковыпуклая или вогнутая, но опять же – двояко. Его отца крохой вывезли из Мадрида в Москву в 1937 году, когда в Испании шла гражданская война, и мы, как всегда, выполняли свой интернациональный долг. В СССР отец Василия, кстати тоже Василий, или Базилио, женился на русской красавице Ольге, родившей мальчика Василия и девочку Анастасию, и рано отошел ко Господу по причине плохого сердца. Василий до сих пор скорбит из-за того, что отец так и не принял таинства Крещения, хотя вроде бы шёл к этому, но... не дошёл. Наследнику досталась звучная двойная фамилия Родригес-Куэрто, что в совокупности с общей завидной статью и неожиданными голубыми глазами производило убойное впечатление на..., сами понимаете, на кого, и дважды подбросило ему арбузную корку в виде одинаково поспешных и одинаково неудачных браков.

Безумная любовь Василия к практически чужой стране всё же должна иметь какое-то объяснение. Проще всего, наверное, обратиться к сакральным истокам: голос крови, зов предков, самоидентификация, генетический код и т. д. – весь набор современной научно-патриотической атрибутики.

Но едва ли это было бы правдой. Может быть, излишне жёстко для иного чувствительного сердца, однако, сталкиваясь с этим явлением (причем не однажды), невольно вспоминаю «Барвиху Лакшери Влладж» или нечто в подобном роде. Что ж: иногда так тянет уйти от повседневности, от привычной серости жизни, что хочется хоть как-то расцветить её – хотя бы как уже срубленную и обреченную ёлку обложить ватой вместо снега и украсить бумажными фантиками вместо настоящих конфет. Или всё-таки генетический код? Но тогда почему он, человек, любящий и умеющий учиться, к тридцати с небольшим знал всего лишь примитивные «буэнос ночес» и «буэнос диас» и ровным счётом ничего больше? И это при том, что мечтал переехать в Испанию «на пээмжэ». Скажу больше: занялся оформлением, хотя понимал, что шансов мало: политическая причина не выкруливалась, ценности, как специалист, он не представлял, капиталов не имел, а зов предков, похоже, был слабоват для тугих на ухо инстанций. Но – мечтал.

Удивил Марсель, когда попросил перекинуть ему файлы уже готовых шпаргалок. «Зачем?». – «Хочу подойти к задаче осмысленно». Потом снова удивил: «Вась, есть вопрос. Ваш Бог спрашивает Адама, когда тот спрятался от Него: “Где ты?”. А потом Он же спрашивает у Каина: “Где Авель, брат твой?”. Если Бог действительно всемогущий, разве Он не знает, где они?». Василию показалось, что у него досрочно началась сессия. Значит, надо отвечать: «Господь спрашивает их не потому, что не знает. Он даёт им возможность сказать правду, а это значит – покаяться. Бог так любит людей, что каждому даёт шанс спастись. Но это возможно, если только сам человек хочет. В этом свобода воли, дарованная человеку Богом». Марсель молча слушал, привычно потирая левой рукой голубой якорёк между большим и указательным пальцами правой – память о срочной службе на Тихоокеанском флоте. Потом, молча же, кивнул и гукнул: «Угу».

Василий привык к этим экзаменационным праймериз и, когда Марсель на несколько дней замолчал, даже поинтересовался: «Процесс осмысления завершён?». В ответ услышал краткое: «Надо будет – спрошу». Василий разгадал гениальный замысел друга: задавая вопросы, тот заставлял его всё время быть в форме, как бы на линии старта. Василия это нагружало дополнительно, однако объективно было полезно, и он мысленно благодарил друга, восхищался им, не подозревая, насколько заблуждается.

Вскоре Марсель обратился к Василию: «В Евангелии от Луки, в притче о неверном домоправителе...»...

– Этого же нет в вопросах! – оторопел тот.

– Ну и что? – невозмутимо спросил Марсель. – Христос говорит, что сыны века сего догадливей сынов света. Это о нас?

– В каком смысле?

– А чтобы не завалить сессию.

– Ну, ты даешь... богослов! Давай-ка ближе к теме.

Сессия должна была начаться вот-вот. «Шпоры» и всё прочее было готово. Накануне первого экзамена провели генеральную репетицию. Василий набрал телефон Марселя и упрятал свой мобильник во внутренний карман. Подошёл к столу с воображаемыми билетами, якобы взял один, отчётливо и громко назвал номер и сел готовиться. После этого в соседней комнате повёл свою партию Марсель. Он споро отыскивал нужные шпаргалки и начал по телефону читать ответы, которые через микронаушники прямым попаданием попадали в Василиеву голову. Тот едва успевал записывать. Система работала безупречно.

Как и следовало ожидать, Василий сдал сессию успешно. Хотелось праздника жизни, хотелось не думать о неоднозначности ситуации, но не получалось. Помните, как у Ильфа-Петрова? Бендер, наконец, обрёл вожделенный миллион, а почему-то ему было грустно. Они сидели в кафе неподалеку от своей «Оперативки» – отмечали событие, и Василий допытывался у друга:

– Почему я чувствую себя, как последний второгодник?! Да не молчи ты!..

Марсель не молчал. Он думал. А это совсем другое. Молчать можно и просто так. А думать просто так невозможно. Что он мог ответить? Они же всё делали вместе... Так неужели он имел право сказать другу хоть слово упрёка?..

– Уснул?! – Василий тряс Марселя за плечо.

– Не... Я, Василь, это... Я вот о чём подумал... Ты искал путь, а я тебе помогал, чтобы поменьше пота пролил...

- Какого пота? – уставился на друга Василий.
- А который на лице. Когда хлеб свой будешь есть.
- Ты предлагаешь мне жить по Ветхому Завету?
- Ничего я тебе не предлагаю. Живи, по какому хочешь. Ты же сам учил меня, что человек наделён свободой выбирать. Я о другом, Васёк.
- О чем же? – в голосе Василия язвительная ирония. – Может, научишь?
- Пусть тебя там учат, – Марсель махнул в сторону, где находился университет. – Если твоя вера самая правильная...

Принесли заказ. Василий негромко прочитал «Отче наш», перекрестился, осенил крестом «питие и ястие». Марсель смиренно ждал, опустив глаза и оглаживая рукой с якорьком свою рыжую бороду.

– Человек... как бы сказать..., – чувствовалось: он тщательно подбирал слова, – человек не может не грустить, если нарушает свою веру. Даже если он этого не знает. Вот.

Марсель никогда так много сразу не говорил и сейчас чувствовал себя, словно оттрубил на работе полный день. Так много за один присест и Василий от Марселя не слышал. А тем более – такого. Оставшуюся часть вечеринки они провели почти в молчании, рождённом не огорчением, но скорее разными мыслями.

Дома Василия ждало письмо из посольства Испании. Второй секретарь имел честь сообщить г-ну Базилио Б. Родригесу-Куэрто, что его просьба о предоставлении ему испанского гражданства и разрешении на въезд на территорию Королевства Испания для постоянного жительства... Василий удержал глаза на последнем слове, боясь двинуться дальше. Однако набрался мужества: *удовлетворена*. Не веря прочитанному, он шарил взглядом по письму – искал отрицание *не*, которое, конечно же, просто стоит в другом месте, то ли случайно, то ли по ошибке, то ли чьей-то злой шуткой. Но дальнейший текст письма рассеял его страхи. Г-ну и т. д. предлагалось явиться в посольство Королевства Испания в Российской Федерации в удобное для него время для оформления необходимых документов и получения соответствующих инструкций. Самым удобным временем для него было, схватив такси, помчаться в посольство немедленно, но охолонул и понял, что удобное время наступит не раньше завтрашних девяти утра. Господи, как он плакал, г-н Базилио Б. Родригес-Куэрто! Как он плакал!.. От счастья, конечно. От чего ещё?

Когда Василий сообщил о событии Марселю, тот произнёс в своей обычной манере – негромко и после паузы:

- К католикам едешь...
- Василий опешил:
- Почему к католикам?!
- А у них там какая вера?
- Да ты что? – залотошил Василий. – Там и православных храмов полно, – последнюю фразу он произнес не очень уверенно.
- Когда?
- Что «когда»? – поначалу не понял Василий. – А как бумаги оформлю, – похоже, он обрадовался, что Марсель ушёл от щекотливой темы. – Как оформлю...
- Ясно-понятно... А как с университетом?
- Ну... буду приезжать... сдавать...
- Значит, наушники сохраняем?
- Думаешь, я теперь только со «шпорами» и могу? – Василий так хлопотливо радовался, что парня было даже немного жаль.

Его провожали мама Ольга Афанасьевна, сестра Анастасия с мужем Петей и Марсель. Пять часов перелёта Василий провёл в основном в мыслях о будущем, что понятно. Но время от времени вспоминал и продолжавшего его удивлять друга. Когда в аэропорту они выгрузились из машины, Марсель – он ещё оставался за рулём – поманил Василия. «Чего тебе?». – «Понимаешь, Васёк, не могу разобраться в ситуации. Ты исповедуешься священнику, а назавтра он же принимает у тебя экзамен. Ты отвечаешь на пятерку, а он знает, что ты пользовался шпаргалкой. Он имеет право снизить тебе оценку? Будет это разглашением тайны исповеди или нет? С одной стороны, один и тот же человек. А с другой – экзаменатор использует информацию, которую доверили не ему, а

исповеднику. Вот и не знаю, как правильно, а?». Василий, который уже весь был в Испании, тупо смотрел в кошачьи глаза Марселя. Егохватило только: «Да ну тебя!».

...Наведаться в Москву Василию удалось только через шесть лет. Первым, кому он позвонил, был, конечно, Марсель. Разумеется, нужно знать этого человека, как знал его Василий, чтобы не обидеться на тон, каким тот говорил: будто расстались вчера. Но Василий действительно хорошо знал Марселя и по чуть изменившейся интонации, когда он произнес «Васёк?!», понял, что тот ему очень рад. Они договорились встретиться в том самом кафе, где когда-то отмечали экзаменационный успех Василия. «Я сегодня вечером как раз свободен», – сказал Марсель, чем немного удивил друга. «А для меня не смог бы освободиться?» – «Даже для тебя, извини».

Кафе, как ни странно, сохранилось в почти прежнем виде. И тот самый столик оказался свободным. «Как всегда?» – спросил Василий. Марсель кивнул. Они сидели и молча смотрели друг на друга. Короткие телефонные звонки и эсэмэски, которыми они обменивались за эти годы, не проливали практически никакого света друг на друга. Так, общие слова: привет-привет – дела нормально – на работе тоже – у нас нет православного храма, а ездить далеко и дорого – бывай! Шесть лет вроде немало, но внешне они мало изменились. Марсель чуть погрузнел, а Василий, напротив, подтянулся: видно, жизнь на родине не давала скучать. Но нечто почти неуловимое произошло с их лицами: у Василия чуть опустились углы губ, Марсель перестал прятать глаза под веками.

Подошёл официант, поставил тарелки, элегантно разлил водку и испарился. Василий вкусно потянулся к рюмке, но Марсель поднял ладонь. Тот удивленно посмотрел на него. Марсель стал негромко читать «Отче наш». У Василия отвисла челюсть. «...Но избави нас от лукаваго», – закончил Марсель, перекрестился и, совсем как тогда Василий, осенил крестом «питие и ястие». У Василия дрогнул голос: «Это... ты ради меня?!». «Прости, и это не ради тебя», – ласково улыбнулся Марсель и посмотрел куда-то вверх головы друга. Такой улыбки и такого взгляда Василий никогда прежде у него не видел. Кажется, он начинал догонять ситуацию. Было уже не до водки.

– Так ты... ты крестился?! – на лицо Василия вернулось его прежнее – всегда живое, как бы искрящееся – выражение, отсутствие которого его друг отметил при встрече.

– Теперь я Савва. Точнее – отец Савва. Даже бороду не пришлось отращивать, – и засмеялся.

Проза

Александр Лобанов

Александр Александрович Лобанов родился 7 октября 1954 года. Жил с родителями в Донецке. В 1972 году поступил в медицинский институт, а после четвёртого курса перевёлся на военно-медицинский факультет в Куйбышев (Самара), связав таким образом жизнь со службой в армии в качестве военного врача. Полковник в отставке. Ветеран боевых действий. Прошёл Приднестровье, Чечню. Член Союза приднестровских писателей, а также Союза писателей России.

Повести и рассказы неоднократно публиковались в «Нашем современнике», «Российском писателе». Постоянный автор альманаха «Подвиг», на страницах которого вышли в свет романы «Крутой этап», «Приднестровец», «Будем жить», «Шайтан», «Снежная королева». Первый сборник повестей и рассказов «Последний бой» был выпущен Агентством по печати и массовым коммуникациям Республики Коми в 2010 году, там же в 2014 году вышла книга Александра Лобанова «Небесные колокольчики». Живёт в Сыктывкаре

Розы у преисподней

1

– Вов, а наш дом виден?
– А ты как думал? Оттуда вся земля видна.
– Класс! Тяжело, наверно?
– Да так. Я раз десять лазил. Не в кипиш.
– Страшно было в первый?
– Ещё чего! Мы что, не фраера?
– Ясен перец, фраера. А не сорвёмся?
– Дело твоё. На сам глей можешь не лазить, я один. Только тогда ничего толком не разглядишь. Да и позор, быть наверху, на глей не взобраться. Стыдобища.

Мальчишки помолчали. Который повыше, Вовка, ухмылялся, наблюдая, как Васёк, младший брат, пытается храбриться. У них начались каникулы. Лето выдалось жарким, ни облачка. Синева над городом мешалась с серой угольной пылью, дымами и ядовитыми различными газами от терриконов, металлургического, азотного, коксохимического заводов. Ультрафиолет до земли почти не доходил, загорай не загорай, толку никакого. Если с высоты посмотреть на горизонт, то ужаснёшься: слой атмосферы над кромкой совсем чёрный.

Солнце жарило, люди маялись от духоты. У родителей зарплаты были невысокие, мальчишкам приходилось большую часть каникул проводить безвыездно в их родной, горячо любимой и столь вредной для здоровья шахтёрской столице. Чтобы не помереть с тоски, придумывали всяческие развлечения, типа сегодняшнего восхождения на старый, порыжевший с годами террикон, что был похож на застывший вулкан. Каких только небылиц про него ни рассказывали. И что внутри заполнен раскалённой магмой, и что однажды, лет десять назад, туда провалился целый бульдозер. А ещё молва приписывала рыжей горе различного рода мистификации. Кто утверждал, что на вершине её пляшут ведьмы, а кто-то даже видел пещерного короля у входа в дыру, что зияла посередине глея.

– Слышь, Вовка, а почему верхушку глеем называют?
– Ну... Как тебе сказать? Называют и всё. Никто не знает.
– Странно. Глей... Какой такой глей? А, правда, что там водятся эти?
– Кто?

- Ну, эти, черти там всякие, ведьмы.
- А-а-а. Так мы сейчас и проверим. Дрейфишь, что ли?
- Да ладно. Чего это дрейфлю! Интересно просто.

Братья, пересекли большую лесопосадку, что живой лентой тянулась вдоль железной дороги, и перемахнули через забор, за которым располагался «стройдвор». Так в посёлке именовался комбинат подсобных предприятий. Там было много цехов, которые изготавливали арматуру, бетонные плиты, всякую столярщину, мебель и даже кастрюли из алюминия и нержавеющей стали. Чтобы подобраться к террикону, надо было миновать «стройдвор». Сразу за ним начиналась территория «тринадцатой», их знаменитой старинной шахты, благодаря которой и существовал Горняк, посёлок, в котором они жили. Передвигались нелегально. Любой встретившийся начальник мог сдать охране, а там разбираться не станут, сразу в детскую комнату и на учёт, начнут мытарить. В школу сообщат, родителям на работу. По этой причине Вовка, когда они прокрались к столярному цеху со стороны кучи опилок, стружек и обрезков досок, пригнулся и пустился короткими перебежками. Васёк послушно последовал примеру.

За арматурным старший брат принялся что-то высматривать среди производственного мусора, которого здесь водилось в избытке. Наконец, нашёл два арматурных прута по полметра длиной. На удивлённый взгляд пояснил:

– На всякий случай. От ведьм отбиваться или королю пещерному по чайнику, если прикапываться начнёт. Мало ли кто там кроме нас шляется.

Поигрывая прутами и сбивая по пути головки с бодяков, мальчишки приблизились к террикону. Издали он не казался таким огромным, каковым предстал сейчас, от подножья. Вершина его упиралась в облака, которые набежали в зенит и вдруг начали быстро тучнеть, становясь чёрными, как антрацит. Террикон действительно был старым, непогоды основательно обтрепали некогда ровные склоны. Порода, натасканная из штреков вагонетками, спрессовалась в монолит. Вершина закруглилась, а ниже, метров на двадцать, обтесалась дождями и ветрами так, что получилось подобие человеческой головы на короткой, мощной шее. С северной стороны в довершение сходства имелось нечто наподобие носа, под которым зияла похожая на рот пещера. Голова и звалась глеем.

Постояв с минуту, братья начали подъём. С годами вода намыла целую канавку, по которой, как по тропинке, несложно было добраться до глея. Восхождение вначале давалось легко. Даже позволили себе некоторое расстояние преодолеть бегом. Но через пару десятков метров ноги налились, дыхание сделалось частым, не хватало воздуха. Ещё через минуту мальчишки покрылись испариной, а минут через пять вовсе упрели. Остановились отдышаться. До вершины оставалась половина пути, но даже здесь, когда они огляделись, захватило дух. Всё, что осталось внизу, вдруг сделалось миниатюрным, и Васёк от удивления закричал:

– Вов, смотри, какие игрушечные машинки ездят. Вот здорово! Брёвна, брёвна-то, как спички. А вон тётка идёт, глянь, лилипутка. Ха-ха.

– Это ещё что, – Вовка заморожено, словно в первый раз, любовался открывшимся пейзажем, – вот погоди, мы на макушку взберёмся, увидишь и не такое.

Когда они, наконец, поднялись на шершавую, но довольно-таки ровную площадку перед глеем, Васёк несколько сник. Настоящая скала. Страшновато. Вовка смотрел на брата с иронией. Сдрейфил, мелочь ходячая. Однако сам никак не мог избавиться от мурашек, что копошились на спине. И было из-за чего. В прошлом году пацан из их уличной компании сорвался, чуть-чуть не добравшись до пещеры, и сломал ногу. Так всё лето в гипсе и ковылял. Да ещё от мамки исхлопотал ремня.

Вокруг террикона ползали тучи, чуть ли не цепляясь за него чёрными пузами. Ветер – разве что не сбивал с ног. По всей вероятности, дело шло к дождю. Надо было торопиться и решать, что дальше: взбираться на глей или спускаться, несолоно хлебавши. Но куда там, спускаться! Разве ж это мыслимо? Как потом друг другу в глаза смотреть? И братья полезли.

Коварным оказался глей. Уступчики махонькие, зацепиться не за что. Тут опытному альпинисту туговато бы пришлось. Знали бы отец с матерью, чем их бестолковые чада занимаются, шкуру натурально бы спустили.

Местами они зависали, держась на одних пальцах и лихорадочно шаря кедами в поисках выбоинки или торчащего камешка. Сколько раз Вовке и Васёку казалось, что всё, хана, сорвутся насмерть. Но, стиснув зубы, яростно боролись за жизнь и упорно пробивались кверху. И для чего, спраши-

вается, риск? Кто бы знал, кто бы дал ответ. На то они и мальчишки. Так, наверное, воспитывается мужество. Именно с опасностью для жизни, с невероятными страхами и полной уверенностью, что геройство закончится отцовской поркой. Или, что ещё страшнее, пещерный король – вдруг да существует на самом деле, выжидает, потирая волосатые клешни. А что, лакомая достанется добыча. Заберёт к себе в гору и зажарит в раскалённой магме. Тут и пруты вряд ли помогут. Да и не было их с собой, пришлось бросить, когда полезли на штурм глея.

Вовка первым ухватился за край, перекинул ногу и ввалился в пещеру. Сразу же протянул руку. Но Васёку зацепиться за неё не удалось. Тогда Вовка перехватил братишку за шиворот. Оба едва переводили дыхание. Руки дрожали. Гулял сквозняк, пахло серой. В рост не подняться, угнездились на корточках. Не такая уж она и большая, пещера. И где, спрашивается, страшный король? Ха-ха. Враки. И ведьм никаких. Васёк улыбнулся и приободрился. А когда глянул на ладошки, присвистнул. Пальцы, сами ладоши были исцарапаны и кровенили. И рубашка в нескольких местах порвалась, и штаны в коленях. Теперь мамка найдёт, что сказать. Изодрался и Вовка. Они взглянули друг на друга, рассмеялись. Что ещё оставалось?

– Ну, ладно, отдохнули, давай дальше, – предложил не вполне уверенно Вовка. – Или может, обратно повернём?

Он в глубине души рассчитывал, что Васёк подхватит мысль. Что-то расхотелось Вовке лезть на верха. Если б младший согласился... Но тот проявил характер:

– Нет уж, раз взялись, давай до конца.

Тогда старший первым, прижавшись к стене всем телом, даже щекой, полез. Васёк следом. За пещерой начиналось закругление, взбираться стало легче. И вот она, их Джомолунгма, их Эверест – вершина мира!

Ветер трепал им куцые вихры, полоскал штанины, надувал пузырьём рубахи. Мальчишки стояли, широко расставив ноги, держась за руки. Глаза источали восторг. Они победили. Гордость переполняла грудь.

– Ого-го-о-о! – закричал младший.

– Ого-го-о-о! – спохватился старший, замахал свободной рукой, будто сигнализируя кому-то.

Ветер подхватил их крики и унёс в потучневшие облака, что по-прежнему копошились вокруг. «Кто-нибудь снизу смотрит и, наверное, думает, что ведьмы на вершине гуляют», – подумал Васёк, но вслух не сказал. Так им было радостно, что оба забыли, как хотели рассмотреть и свой дом, и школу. Вдруг рядом, из самого массивного и тёмного тюка небесной ваты, хлопбыстнуло яркой ослепительной вспышкой. Доморощенные альпинисты от неожиданности присели на корточки. Через пару секунд так громыхнуло, что Вовка с перепугу закричал, словно молния пальнула в него. Они потом не могли вспомнить, как очутились на площадке перед глеем, причём, ни у кого не прибавилось ни одной царапины. Не чуя ног, скатились по канавке с террикона и, уже не таясь, на всех парусах кинулись прочь, миновали шахту, «стройдвор». Только в посадке остановились, оглоушенные внезапным мраком.

Небо потемнело и стало низким-низким. Казалось, уже тучи ползли по верхушкам акаций и ясеней. Воздух терпко пах озоном, травой и листьями, сделавшись густым и липким. Стало не по себе как-то. Держась за руки, они продолжали безмолвствовать, словно парализованные невнятным страхом. Опять сверкнуло, ударил гром, раскатистый, трескучий. Началась гроза. Вовка первым пришёл в себя:

– Надо, Васёк, рвать когти. Сейчас ливень будет.

Братья выскочили на дорогу и побежали к переезду. Но замелькали красные сигналы, резко зазвонил звонок, и шлагбаум, когда до него оставалось метров тридцать, шустро опустил полосатую лапу. Справа раздался протяжный гудок. Тепловоз приближался быстро, как будто не ехал по рельсам, а летел, разрывая в клочья пространство, отчего по бокам разлетались могучие вихри.

– Бежим! – скомандовал Вовка и рванулся к шлагбауму. – Должны проскочить.

Васёк старался от брата не отставать, но куда там. Вовка в ту подростковую пору имел в два раза длиннее ноги и совершал прыжки, как кенгуру. Он бы успел. Но младший не смог. Вовка у шлагбаума остановился и обречённо махнул рукой, заметив, как вышедший из будки встречать состав путейщик выразительно пригрозил ему кулаком и что-то стал кричать. Поезд налетел смерчем и заглушил все остальные звуки. Замельтешили вагоны. Было видно, как с другой стороны переезда

подъезжают машины с включёнными фарами. Их свет размеренно дробился проносимыми «пульманами» на отдельные кадрики, как лента в проекторе. Мальчишки заворожено смотрели живое кино и, почти оглохшие, непроизвольно вертели головами в такт прямоугольным теням.

И тут хлынуло. Грохочущий, как из преисподней, поезд, и мелькающие огни, и ветер, и ливневые капли величиной с яблоко, образовали сумасшедшую феерию. Было и страшно, и восторженно. Оглянувшись, Васька видел, какая длинная очередь машин выстроилась и за их спинами. Хвост исчезал за поворотом, словно светящийся ручей или даже целая река с перекатами и водоворотами. А поезд всё мчался и мчался.

– Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, – Вовка пытался считать вагоны, сбивался, но всё равно продолжал. – Сорок три. Пятьдесят. Ничего себе. Пятьдесят четыре.

Они промокли до последней нитки, до самых костей. Ливень хлестал, рассекая косыми тетрадными линейками все ракурсы, словно кто-то там вверху, впав в неистовство, сочинял и на скорую руку записывал драматическую пьесу, изобилующую батальными сценами, приключениями и трагедиями. И когда, наконец, всё стихло, братья подумали, что наступил конец света, поскольку дождь настолько усилился, что не стало видно ничего, кроме смутно пробивавшихся через плотный водяной слой красных мерцающих лучей.

Шлагбаум поднялся, машины, сигнала, разъехались. Остался лишь ливень. Вдоль дороги зашумели ручьи, на их поверхности лопались огромные пузыри. Подростки стояли, чуть ли не по колено в воде. Когда до них это дошло, рассмеялись громко и заливисто. Смех стал своеобразной разрядкой после пережитого шока, настолько сильного, что, кто знает, может, он определил их дальнейшую судьбу, полную приключений, тревог и невзгод.

2

На первом же экзамене Владимир провалился с треском. Нет, он многое знал, упорно штудировал необходимое по вступительной программе, даже гулять не выходил, всё над учебниками сидел. И билет попался хороший, вопросы знакомые. Но преподаватель, сухопарая, не первой молодости тётка, рыжая и вся в конопушках, брезгливо кривила тонкие губы и твердила, как заведённая:

– Вы ничего не знаете. Вы ничего не знаете.

Вовка скрипел зубами и очень хотел рыжей надерзить. Еле сдерживался. Что значит, «ничего не знаете»? Буквально перед тем, как зайти в аудиторию, просматривал учебник. Как по заказу, попался прочитанный вопрос. Абитуриент материал излагал уверенно, пока не натолкнулся на совершенно пустой взгляд. Господи, до чего же противная, эта экзаменаторша! У Вовки не было ещё опыта скрывать эмоции, и на лице парня отражались все оттенки, что обуревали молодую, нетерпящую несправедливости, душу. Преподаватель без труда прочитывала страсти, и её глаза становились совсем пустынными, как будто не человек перед тобой, а робот с перегоревшими контактами.

– Так, можете не продолжать. С вами всё понятно. Вы вообще на вступительные, зачем пришли?

И, не моргнув глазом, вывела в экзаменационном листе: «неудовлетворительно». И уж совсем повергла в шок змеиной улыбкой:

– Приходите на следующий год. Только, пожалуйста, подготовленным.

В коридоре в нетерпении топтался брат. Василий вымахал ростом даже выше, правда был тощее и жилистее.

С тех пор, как они лазали на террикон, прошло три года. Старший закончил десятилетку. Родители настояли, чтоб сын пошёл в институт, и заставляли готовиться, освободив от любой работы по хозяйству, а заодно от гулянок и танцулек. Отец отличался твёрдостью характера, и раз уж сказал, то всё. Был уверен, что сын обязательно поступит, он же так сказал! И никакой другой вариант не рассматривался. А вышло-то она как.

Васёк пока ещё не знал о фиаско и переживал за брата под дверью. Он тоже был уверен, что тот поступит. Лично проверял. Всё знал, что ни спроси. И формулы выучил, и законы физики затвердил, что называется, на зубок. Вот сейчас выскочит, радостный, счастливый, и они побегут в кафе-мороженое, отмечать. Брат появился, ни жив, ни мёртв. О чём-либо расспрашивать не имело смысла.

– Вот сука! – Вовкино лицо из бледного мгновенно сделалось багровым. – Таких тварей убивать надо. Гадина, гадина!

Заметив испуг младшего братишки, обнял за плечи.

– Пойдём отсюда, Васёк. Тут козлы и сволочи. Лучше в армию, чем с такими вот несколько лет мучиться.

Они вышли и медленно побрели по ухоженной аллее институтского парка. Попалась скамейка, присели. Вовка достал сигареты.

– Будешь?

– Не-а. Я бате обещал, что никогда в рот не возьму.

– Да я не скажу.

– Понимаешь, я ведь слово дал.

Владимир потрепал Василия по вихрам и притянул к себе. Молодец всё-таки! В отца характер. Девятиклассник всего лишь, а ведёт себя, как мужик. Чего греха таить, завидовал младшему. Особенно после памятного восхождения на глей. Ох, и страху тогда натерпелись! Но победитель-то младший. И как-то пошло, что Васёк стал негласным лидером. Не сказать, чтобы он выделялся чем-то или волю свою навязывал, нет. Получалось само собой. Даже родители считали Васю несколько выше себя по «статусу». По какому, пока ещё неясно было. Но младший занял в семье, и не только в семье, в школе, а как выяснилось позже, и на улице, главенство, основанное на подсознательном к нему уважении.

– И правильно! Нечего травиться. А я, брат, закурю. Что за невезуха!

От обиды смахнул невольную слезинку. Как легко от него избавились! Конечно, всякое болтали. Говорили, что без блата в институте нечего ловить. Что там дерут с поступающих баснословные взятки. Неужели, правда? Вот стервятница! Чего бате-то сказать?

– Делать нечего, Васёк. Буду сухари сушить.

– Может, отсрочку дадут?

– С какой это стати? Я что, инвалид или двоих детей уже настрогал? По осени забреют, на полных два года. Послужим. Теперь на тебя вся надежда. Заранее начинай готовиться. Ты-то уж поступишь, я знаю.

Мимо прошли две девушки, стрельнув глазками из-под густо накрашенных ресниц. Потом вернулись.

– Ребята, не угостите сигареткой?

Владимир вообще-то был симпатичным, и Василий привык, что к старшему липнут девчонки. Вот и сейчас несколько не удивился. Сам-то Васёк, хоть и перешёл аж в девятый класс, считал, что не настало ещё время для противоположного пола. Но, по правде сказать, с некоторых пор данный вопрос начинал волновать. Так, слегка.

– Пожалуйста, дамочки, – развязно ответил Вовка и протянул недавно начатую пачку. – А берите всё, мне уже без надобности.

Видя, как удивлённо приподнялись брови у одной, добавил:

– Я с этой минуты не курю больше.

Решительно поднялся и, кивнув брату, пошёл к троллейбусной остановке, совершенно не обращая внимания на девиц, что разочарованно пялились вслед огромными глазищами, в которых заметались бесовские искорки.

– А ведь они познакомиться хотели. Слышь, Вов?

– Ежу понятно. Только мне как-то не захотелось. Ненавижу курящих.

– Я тоже.

– Он тоже. Да ты когда такой вывод успел сделать? Надо же, а я и не знал, что братишка уже на юбки засматривается.

– А мы разве не фраера? – Васёк рассмеялся, припомнив их детскую поговорку.

– Смотри у меня, «фраер»! Не вздумай тут ожениться, пока я долг Родине отдавать буду. Женилку отрасти сначала. Впрочем, – он оглядел брата с ног до головы и удовлетворённо крикнул, – насчёт женилки, похоже, намекать поздно. Ну, хочешь, вернёмся, они ещё ждут.

– Да ну их. Пепельницы ходячие.

– Ладно, поехали в кафе. Неудачи, брат, иногда тоже полезны. Кто знает, может, меня судьба к чему другому подводит. Или уводит от чего-то...

Кафе располагалось на главной улице недалеко от площади Ленина. Она носила имя легендар-

ного революционера Артёма, огромный гранитный памятник которому возвышался перед сквером, где буйствовала сирень и цвела акация, источая сильные ароматы. Вдоль всей улицы, как и на самой площади, было бесчисленное количество клумбочек, засаженных красными, жёлтыми и белыми розами. Город удивлял баснословным множеством розовых кустов. Иностранцы диву давались. Да и сограждане тоже. Кто бы ни приехал в их шахтёрскую столицу, сразу же, в аэропорту или у железнодорожного вокзала, восхищённо восклицал: «Но как, откуда столько?»

Столица угольная имела хорошо развитую сеть совхоза «Зеленстрой», и обком, и исполком не жалели на эстетику и красоту денег. Большое внимание уделялось поддержанию чистоты. Дворники постоянно что-то подметали, повсюду стояли урны, по улицам носились поливочные машины, смывая с асфальта пыль и заодно орошая клумбы. Дворники трудились с пяти утра. Кроме того, регулярно устраивались субботники. Школьников, студентов периодически выгоняли вскапывать клумбы, палисадники, подметать дорожки, белить извёсткой бордюры и деревья высоко, на полтора метра от земли. У завхозов всегда имелась в наличии краска, а посему оконные рамы, дверные косяки и сами двери, всякие заборчики и узорные изгороди были свежих цветов и радовали глаз.

Донбасс давал стране угля. Много, сверх плана. Эшелоны с чёрным, как любили в ту пору говорить, золотом громыхали и днём, и ночью. И как памятники ударному стахановскому труду, по всему Донбассу возвышались островерхие терриконы. Они были всяких размеров, от небольшого кургана, и такие, как Эльбрус. Пылища от них! Воротник к вечеру становился чёрным. Городскому воздуху требовалось постоянное очищение, что достигалось пышным озеленением. Ясени, акация, тополя. Даже была программа для терриконов. На некоторых деревья прижились.

А вот розы... О как это было замечательно! Куда ни глянь, розы, розы и розы! На площади Ленина летом работал фонтан, выполненный в роскошном ампире. В солнечные дни он играл радугой, обдавая брызгами на десятки метров. Детвора от восторга визжала и лезла купаться. В жару он был просто спасением. Освежённые водяной пылью розы пылали в лучах. Люди улыбались и радовались. Сколько влюблённых создали счастливые семьи среди этого розового раздолья. Сколько семей сохранилось, благодаря всеильной магии свежей красоты.

Братья заняли столик у окна. Кафе «Арктика» считалось одним из самых роскошных. Богатые декорации, медвежья шкура на стене, корабельные штурвалы, картины с полярными пейзажами, расписные стены, хрустальные люстры. Официантки все как на подбор красавицы, в кокошниках, белых передничках, коротких юбках и туфлях на шпильках. В меню имелось с десятков сортов мороженого, коктейли, вина, конфеты, шоколад. Лакомства молодёжные. Однако сюда любили заглядывать не только влюблённые парочки. Часто можно было встретить за столиком и пожилую супружескую чету, и деловых людей. Но больше всех кафе посещали школьники и студенты.

Официантка, что подошла, выглядела дорогой куклой из магазина игрушек. Осветлённые вьющиеся волосы, аккуратно забранные сзади, длинные-предлинные ресницы, на которых висело по килограмму туши, губки бантиком, щёки румяные. Вся такая тоненькая, стройненькая. Когда она наклонилась над столиком, то край блузки несколько отошёл. Васёк стрельнул туда взглядом и обмер. Ему ещё никогда не приводилось видеть в живую девичью грудь. А тут... Юноша вспыхнул и мгновенно покрылся румянцем, заставил себя отвести глаза в сторону и глубоко-глубоко вздохнул. Девушка обо всём догадалась, но не подала вида, только улыбнулась. Однако не распрямилась. Может быть, специально?

Приняв заказ, кукла исчезла за портьерой в виде паруса. Вовка заговорщически подмигнул:

– Хороша? Чего покраснел?

– Уф, даже вспотел, если честно. Какая она красивая! И что мы раньше сюда не заходили?

– Им положено по работе такими быть. Вон, гляди, одна лучше другой. А ты, я гляжу, парень у меня не промах. Под кофточку дамочке чуть ли не руками полез.

– А ты думаешь, она заметила?

– А как же. И обрати внимание, не мне она себя демонстрировала, а тебе, не оперившемуся ещё. Дамочкам такого рода за кайф молодёжь совращать.

– Ну, прямо-таки, совращать. Чего она сделала-то такого? Думаешь, нарочно наклонилась?

– А то? Погоди, мороженое принесёт, ещё чего-нибудь выкинет.

И, в подтверждение, официанточка, как яркая бабочка, выпорхнула из-за паруса. Подлетела к пустому соседнему столику, поставила поднос, чтобы подать креманки с мороженым. При этом

повернулась спиной и нагнулась так, что стали чуть-чуть видны трусики с очаровательными белыми кружавчиками. Владимир стукнул брата под столом по ботинку, гляди, мол, какие ножки. Тот заёрзал на стуле, не зная, как себя вести. А когда кукла уже во второй раз склонилась именно над ним, то вообще затаил дыхание и больше не дышал, изо всех сил борясь с соблазном поглядеть ей за оттопырившуюся блузку. Поставив мороженое, девица вдруг в упор взглянула пареньку в глаза. Из-под ресниц пахнуло такой бездонной синевой, что Васёк начал захлёбываться, как в омуте. Насладившись произведенным фурором, она широко улыбнулась и незаметно для Вовки подмигнула малому, тот чуть в обморок не свалился.

– Может быть, молодые люди желают сухого вина? – это она спросила уже у старшего, на время оставив сконфуженного подростка наедине с внезапно навалившимися переживаниями.

Вовка, глянув на братика, согласился. Не помешает по бокалу «сухарика», подумал он, видя, что происходит. Да, Васёк, похоже у тебя, родной, первое боевое крещение? Ничего, полезно. А то вымахал под два метра, а сам ребёнок ребёнком.

Виляя бёдрами, официантка неспешно проследовала за портьеру, откуда вели наблюдение две такие же куклы:

– Люська, пять баллов, – защебетала одна, толкая другую локтем. – Отлично сработано. Цель поражена прямо в сердце. И выбрала как удачно. Ну, ты психолог. Сопляк-то почти без чувств сидит. Гляньте-ка, девоньки. Ха-ха-ха!

– А ты как думала! Я, Эллочка, бью, как снайпер, всегда наверняка. Старшего не стала трогать, а то бы и его. Только неинтересно, заранее результат просчитывается. А вот младшенький мне понравился. Сосунок сосунком, а на титьки пялился с такой страстью, что мне истомно сделалось. А покраснел, покраснел-то. Эх, девоньки, так приятно, что кто-то ещё от тебя краснеть может. Особенно такой мальчик, непорочный, красивый, будто Нарцисс.

– Взяла бы, да и занялась, – вставила другая кукла. – У него, наверняка, хозяйство уже в полном порядке, как при развитии социализме. Видишь, под носом пушок? Молоденькое мясо вкуснее. Побежит за тобой, куда скажешь.

– Ша, подружка. Я чту уголовный кодекс. Разврат малолеток – это статья. Оно мне надо?

– Да брось ты! Какой разврат? Педагогика. Благородное дело. Ха-ха-ха!

А братья, не подозревая, какие вокруг сгущаются тучи, лакомились пломбиром с шоколадом и орехами. О том, что официантка ему подмигнула, Васёк, неизвестно почему, умолчал. В голове варилось непонятно что. По крайней мере, сердце билось не так, как раньше. Даже, когда они чуть не сорвались с гляя, оно так не билось. А по телу гуляли волны доселе незнакомой энергии.

И уж совсем сконфузило мальчишку, когда на горизонте, вновь сияя и сверкая подобно модной на ту пору польской дорогой бижутерии, возникла его фея-соблазнительница. Запотевшая бутылка «Ркацителли», два бокала и плитка шоколада. Старался смотреть только на них и не посмел даже поднять глаз. Официантка ликовала. Принявшись поправлять скатерть, она как бы нечаянно коснулась его руки. И сама вздрогнула. Словно обожгло. Вот тебе и нарцисс. Васёк весь напрягся. Он хотел, было, отдёргнуть руку, но не смог. Будто притянуло магнитом. Вовка в это время, выковыривая пробку из горлышка и прикидывая, по сколько кому налить и не предложить ли девушке с ними за компанию выпить, не заметил ничего. Васёк украдкой глянул на брата и, убедившись, что тот занят бутылкой, сам прижался – себе на удивление! – к руке девушки. Ему так сделалось приятно, что закружилась голова, и всё естество запело гимн любви.

Конечно же, в их классе много было красивых девочек с вполне развившимися и округлившимися формами. Бывало, с пацанами подкарауливали их на переменах, зажимали в неумелых объятиях. Девчонки визжали, хихикали, вырывались со смехом, бросались нахам вдогонку и колотили по голове учебниками. Но всё это было как-то весело, несерьёзно, баловство, одним словом. Сейчас же девятиклассник вполне конкретно ощутил себя мужчиной. Ему вдруг захотелось остаться с этим удивительным созданием наедине, а там... Он вспыхнул, пальцы начали дрожать.

И совершенно необъяснимо чувствовала себя Люська-официантка. Что произошло? Словно током ударило, парализовало. Она медленно выпрямилась, но уйти не могла. Ей стало жарко, несмотря на то, что в кафе исправно работал кондиционер. Что это за мальчик встретился ей сегодня? Сколько народу побывало, скольких мужиков она соблазнила и отбрила одновременно. И ничего. А тут ерунда какая-то. Она завороченно смотрела сверху вниз на выстриженную макушку. И тут

он поднял глаза. Зелёные! Разоблачающие! Или нет, влекущие, раздевающие, сводящие с ума. Господи! Это глаза не человека. А чьи? Дьявола? Да нет, какой же он дьявол. Ангел? Конечно, ангел. А я-то, что удумала.

– Люська, ну ты чего, самый клёв начался. Зачем убежала? – накинулись подруги, когда она влетела за портьеру.

– Оставьте меня. Ну, вас к чёрту, дурёхи, – огрызнулась Люська и кинулась в подсобку, где, закрывшись на шпингалет, уселась за стол и зажала ладонями виски, а глазами, полными неожиданных слёз, уставилась в угол.

Бокал вина проскочил как минералка. Парень его и не почувствовал. Раньше от полстакана начинало кидать из стороны в сторону. А сейчас хмель вообще не брал. Васёк потянулся к бутылке. Брат перехватил руку:

– Не гони так быстро. Что с тобой? Зацепило?

– Да так. А что, заметно?

– Я тебя таким не видел ещё.

– А что во мне вдруг такого необычного?

– Ну, как сказать. Не знал бы, что ещё шестнадцати нет, подумал бы взрослый мужчина. Взгляд у тебя сейчас какой-то. Нормально себя чувствуешь?

– Всё нормально, Вов. Давай, наливай. Хорошее вино.

– Вот те раз! Он уже и в винах разбирается.

– Да ладно тебе, чего прицепился, ну? Лучше подумай, как с отцом говорить.

– Подумал уже. Расскажу, как было. Что же он, не поймёт? Батя, не чужой человек. Да и мамка поддержит. Не будет же он, в конце-то концов, меня пороть!

– Может, закажем ещё чего-нибудь, – предложил Васёк, когда они допили сухое. – Может, по коньячку?

– Ну, ты совсем оборзел. Рановато коньячок. И откуда деньги? Вот поработаю перед армией пару-тройку месяцев, тогда гульнём.

– Слушай, а пристрой и меня на лето. Тоже не помешает копейка в кармане. Сколько можно у мамки пятаки стрелять?

Вовка взглянул на брата с восторгом. Вот это да! Действительно, серьёзный мужик перед ним. И чувство гордости за то, что его брат, самая близкая родня, вот уже вырос, переполнило слегка захламлённого от «Ркацители» старшего.

– Где же наша обольстительница? – недавний абитуриент порыскал глазами по залу, но официантки нигде не было. – Пора бы уже и рассчитаться. Где её носит? Полчаса, как всё съели и выпили.

– Она не придёт, – тихо проговорил младший, так тихо, что брат не расслышал.

– А и леший с ней. Пойдём. Я деньги на столе оставлю. Что за бардак! Эти торгаши... То в магазине облают, то обслужить, как следует, не могут. Пошли отсюда.

3

В ноябре Владимира призвали. Мамка почему-то рыдала в голос. Отец, её обнимая, приговаривал, что сейчас не война, беспокоиться не о чём. Проводы отгуляли сквозь слёзы. Из первого же письма узнали, что сын их попал служить в далёкий Узбекистан, в учебный центр, через три месяца станет сержантом. Всё у него хорошо, кормят отлично, живут дружно, старшие командиры хоть и строгие, но справедливые. Отец возгордился, а мама в очередной раз расплакалась. Бередили ей душу предчувствия.

Младший, одолевал свой девятый. В классе был лучшим. Одни пятёрки. Помнил наказ старшего. И не просто помнил, а исполнял, как нечто святое. Они с братом действительно остаток лета проработали на том же «стройдворе» в столярке, где начальником цеха был знакомый их отца. Василий, с восторгом наблюдая за опытными столярами, их виртуозной работой, выучился мастерить табуретки, скамейки, оконные рамы. Всё в жизни пригодится. По работе, однако, ему позволяли только мелочи. Подмести, опилки вынести, помочь мастеру на пилораме или при изготовлении на станке дверной филёнки или косяка. Они с братом насквозь пропахли древесной смолой, и когда приходили после смены, мамка, учуяв их по запаху, из кухни кричала: «А-а-а, работнички мои явились»? И спешила накрывать стол.

Первая их зарплата была отдана мамке, конечно. А вторую она брать отказалась. Правильно, согласился отец, пусть парни развлекутся. Вовка сразу же все деньги прокутил с друзьями. А Васёк... не мог спать по ночам. Из-за неё, той официантки из кафе «Арктика». Много красивых девушек в городе. Глаз не хватало, чтоб всех рассмотреть. Но Ваську и не хотелось на всех-то смотреть. Он грезил о той. И денежки приберёт.

Первая в жизни любовь! Она неизбежна, безжалостна и почти всегда остаётся безответной. Василий, его сейчас из уважения именно так все звали, переживал её, эту первую, в себе и ни с кем не делился. Мамка заметила, что младшенький как-то замкнулся, стал неразговорчивым. Догадывалась. Но по природному своему такту в душу к парню не лезла.

Когда Володя ушёл в армию, Василий всё же решился. Её он заметил сразу, как вошёл. В кафе былолюдно. Она – всё такая же, ослепительная. Сняв пальто, стал высматривать свободный столик, сам оставаясь в тени, незаметным, как он думал. Купленный по дороге у старушки букет хризантем держал за спиной. Людмила обслуживала целое семейство, мужчину, женщину и троих детишек. Хозяин глазел на официантку так откровенно, что супруга не выдержала, одернула и злобно зашипела на ухо, чтобы не позорил её и детей при людях. Вася рассмеялся. Однако решительности у него поубавилось. И он продолжал торчать около вешалки, сам на неё, вешалку, похожий. Столиков, как назло, свободных не было.

Принеся детям и жене мороженое, а мужу бутылку, издали было не разобрать чего, Людмила вежливо улыбнулась и направилась к «парусу». Нет, какая-то она не такая. Что-то изменилось. И блузка не оттопыривается, Да и юбка не выше колен. А ресницы всё такие же, длинные-предлинные, из глаз синевой так и хлещет. Что бы это могло значить? Васёк наблюдал за девушкой и постепенно начинал трепетать в сладостном предчувствии. Сердце забилося учащённо. Как в тот раз. Ладоши сделались горячими.

И вдруг Людмила остановилась перед портьерой-«парусом», застыла на мгновение. И неожиданно резко повернулась. Их глаза встретились. Она поставила поднос на ближайший столик, не обращая внимания на удивлённые взгляды сидевших, быстро подошла. Вася протянул букет. Девушка схватила парня за руку, потащила с собой. Они миновали «парус» и очутились в подсобке.

– А я ведь чуть не умерла. Даже в больнице лежала. Почему ты не приходил?

– Я боялся, – честно признался он.

– Чего? Чего ты, глупыш, боялся?

– Ну, что отвергнешь, посмеёшься.

– Господи! Да я правда из-за тебя не умерла чуть. Так мне стало невозможно жить. А ты всё не приходил.

– Прости меня. Я тебя так люблю.

Она перехватила букет в свою руку, уткнулась в него лицом.

– Спасибо тебе. Не верила, что такое может быть на самом деле. А ты?

– Мне по ночам не спится, к тебе хочется, сил нет.

– Да... Так и должно. Но ведь я уже старуха. Мне целых двадцать три.

– Подумаешь, разве возраст двадцать три?

– Но ведь ты мальчик совсем. Извини. Я не то хотела сказать. Понимаешь, нас не поймут, осудят.

– Пусть попробуют! И если только... прибью любого. Языки всем укорочу.

– Я сразу поняла, что ты необыкновенный. Вела, конечно, я себя тогда. Но ведь ты простил? Правда? Хочешь, уйду с этой работы, обрыдла она мне.

– А кто будет людям радость приносить?

– Я не хочу людям, хочу только тебе.

– И куда же думаешь перебраться?

– К себе в институт. Я ведь учусь. Заочно. И работать там же буду, в лаборатории. Я вообще хорошая.

– Я знаю. А ты.

– Что?

– Ты... любишь?

– Больше жизни!

Со страной что-то стало происходить. И не к лучшему. По телевизору шёл бесконечный трёп непонятно о чём. Какая-то гласность, плюрализм. Слово-то ругательное, как будто плюёшься. Люди недоумённо пожимали плечами. Генсеки, один за другим, то приходили, то помирали. Наконец, явился Михаил Сергеевич. Великий реформатор. И покатило.

Василий учился на последнем курсе. Получал повышенную стипендию и уже писал кандидатскую. На первом же году на него положил глаз заведующий кафедрой. Влюбился прямо-таки в своего лучшего, с нестандартным мышлением и удивительными способностями, студента. В хорошем, академическом смысле влюбился. К третьему курсу Василий уже был председателем студенческого научного общества, имел свыше двух десятков опубликованных статей. Завкафедрой готовил место для него в аспирантуре. И даже, забегая далеко вперёд, прочил Василия в собственные наследники.

Людмила из кафе ушла на следующий же день после их встречи. Она теперь работала заведующей своей же лабораторией при институте, который, благодаря Васе, закончила с отличием. Он ей и курсовые писал, и дипломную, и чертежи рисовал. Ему это – как семечки. А Людмиле приходилось крутиться. Как ни настаивал муж – а они поженились, как только возраст жениху позволил – подрабатывать она ему не разрешила. Семью обеспечивала сама. Родители помогали, конечно, но какой у них достаток.

Мать с отцом вначале стали на дыбы. Ой, горе-то, какое! – причитала мама. Жениться надумал, а сам дитё совсем. Отец только хмурился. Что скажешь? Раз решил, переубедить бесполезно, мой характер. А когда Вася познакомил родителей с невестой, мать как-то сразу успокоилась. Отец вообще воссиял. Девушка пришлась по сердцу. И они приняли её в свой дом. Если откровенно, мать сама была старше отца на три года. Ну и что? Прожили так, что все завидовали. К тому же Василий, когда привёл Людмилу, вдруг повзрослел. Мать только диву давалась: как всё у сына по полочкам разложено, всё по уму. Людмила оказалась прекрасной хозяйкой. Потом у них появился ребёнок, и родители чуть ли не на руках её стали носить. Мальчик был копией деда.

Вовка, старший брат, домой из армии так и не вернулся. Остался на сверхсрочную. Потом окончил школу прапорщиков. А ещё через год стал офицером. Семья вначале ничего не знала о его службе. Владимир всё отписывался: дела идут нормально, служу без эксцессов, пока не женился и не собираюсь, в отличие от братика младшего. Не послушался моих наставлений, пусть живёт со своей красавицей без меня. И всё в шутейном тоне. Но в один из чёрных дней к ним зашёл военком. Они с отцом знавались с детства. Полковник долго молчал, не зная, с чего начать. Мать окаменела, догадываясь. Пропал ваш сын без вести, сказал полковник и не успел договорить, мама упала без чувств.

Служил их сын, как оказалось, в Афганистане. В одном бою погиб весь его взвод, но Владимира среди мёртвых не нашли. Среди живых тоже. Сочли без вести пропавшим. На следующее же утро родители собрались лететь в Москву, дальше в Термез. Военком отговаривал. Но мать оставалась непреклонной. Людмила одолжила, сколько смогла, денег в институте, Василию тоже выделили матпомощь, соседи собрали кое-какую сумму.

Потянулись полные тревоги и неизвестности дни. Вася ходил сам не свой. На кафедре, во время одного из заседаний научного совета, сцепился с преподавательницей, той, рыжей, которая Вовку завалила на вступительном экзамене. Наговорил ей всякого нелюбезного, обвинил в свалившемся на семью несчастье. Рыжая разрыдалась. Собственно, её вины не было. Просто в то время в их вуз поступила инструкция, по которой на приёмных экзаменах отдавалось предпочтение абитуриентам, имеющим рабочий стаж или отслужившим в армии. Институт строил несколько новых корпусов, и требовалась бесплатная рабочая сила. Вот и набирали работяг. Студенты по целому месту трудились на новостройках. За так, естественно. А Вовка что, школьник вчерашний, пацан. Не повезло ему.

Завкафедрой долго с Василием беседовал и настоял, чтобы он перед рыжей извинился. Василий и сам хотел, когда остыл. Пришлось купить розы, коробку конфет. Рыжая вначале надула щёки, изображая обиду. Но когда в неё, опустившись почти с двухметровой высоты, упёрлись зелёные Васины глаза, растаяла. Будущий аспирант имел на женскую часть кафедры магическое влияние, перед которым сдавались даже такие крепости, как эта рыжая и весьма принципиальная доцентша,

гроза и источник всех бед нерадивых студентов. Розы и конфеты, а также целование ручки растопили лёд. Рыжая не только простила, но и напоила кофе, да ещё сильно возражала, когда Василий поднялся уходить. И что уж совсем огорошило, пообещала лично устроить в институт Владимира, когда тот вернётся. Заметив, как сник при этих словах Василий, она обняла его, несколько нежнее, чем следовало, и прошептала:

– Будь уверен, с братом твоим всё будет в порядке. Я всё-таки женщина, я знаю. Не тебе же одному колдуном быть. Я тоже ведьма. Ведь так?

И рассмеялась, правда несколько натянуто, а когда Василий вышел, задумчиво прошептала:

– Далеко мальчик пойдёт, – и, призадумавшись, добавила, – а кому, как ни ему. И, дай Бог. Парень-то каков! Эх, где вы, мои двадцать лет?

Родители объявились аж через месяц. Василий, изведшись, уже сам хотел лететь в Термез, деньги одалживал. Как вдруг в один из вечеров к дому подкатило такси и начало сигналить, да так назойливо, что вскоре сбежались все соседи. Людмила как стирала детские вещи, так и выскочила вслед за мужем с мокрыми руками. А такси всё сигнало. Наконец, открылась передняя дверца, показался отец. Вася замер. С какой вестью? Неужели с чёрной? В груди так и оборвалось. Но что это? Лицо отца растянула от уха до уха счастливая улыбка. Вышла из машины и мама, такая же, сияющая, хоть лицом и осунувшаяся. Слава Богу, жив братишка!

Они оба, Вася и Люда, кинулись к родителям с объятьями. Но батя выставил вперёд ручищу и крикнул:

– Стоять, гвардейцы! Смирно! Равнение на... – и церемонно открыл заднюю дверцу.

– Вовка! Живой! Бог мой, братик родной, – Василий, не удержав слёз, обрушился на старшего ураганом. – Я знал, я знал. Что мы, не фраера? Вовка, брат.

Опасаясь, что младший задушит старшего в неконтролируемых объятьях, отец вмешался:

– Васёк, погоди, не так сильно. Раненый он, нельзя его так. Да погоди же ты, скаженный. Лучше погляди, кто перед тобой. Давай, давай, глаза разуй.

Когда расстояние между братьями стараниями отца и подросшей на помощь мамы маломальски увеличилось, и присутствующие устремили внимание чисто на Вовку, в толпе раздались восхищённые голоса. Перед ними стоял капитан ВДВ – как потом выяснилось, звание присвоено было досрочно – в безупречной по красоте парадной форме. Но даже и не это всех сразило. На груди у Владимира сверкнул золотой лучик. Звезда Героя Советского Союза! А рядом – орден Ленина. И две нашивки, одна жёлтая, другая красная. Жёлтая – за лёгкое ранение, а красная... И пока толпа пребывала в ступоре, капитан проследовал к невестке, ни слова не говоря, сгрёб её в охапку и поцеловал прямо в губы. Да так крепко. Людмила вырвалась не без труда и, смутившись чуть ли не до обморока, спряталась за Васину спину.

– Не сердись, – Вовка в очередной раз обнял брата и тихо поклялся, – это в первый и последний раз. Слово офицера. Я за тебя и за твою жену-красавицу любого порву. Ты меня знаешь. Господи, как я вас люблю всех! Как долго я к вам добирался. Пап, давай, приглашай всех соседей. Гулять будем. Мама, Люда, стол на улице накрывайте, в доме не уместимся. Семёныч, – это он крикнул водителю, – раскрывай багажник, выгружай припасы. А ты, братуха, веди, показывай наследника, моего законного племянника, я ему тут привёз кое-чего.

5

– А мы, Васенька, даже в Кремле были. Представляешь, сам президент, Михаил Сергеевич нашему Вовочке награду на грудь нацепил. На израненную грудь-то.

Мать снова заплакала. Людмила обняла её и стала гладить по спине:

– Мама, ну сколько можно! Пожалейте себя, обошлось ведь. Вы нам здоровенькая нужны, чтоб подольше жили с нами.

– Ох, Людочка, сиротиночка ты моя, дай обниму тебя покрепче. Как Васеньке повезло с тобой.

И ещё больше навзрыд, только теперь обе. А мужики во дворе беседовали. Было уже за полночь. Погода стояла тёплая, комары в тех местах не водились. Замечательная ночь! Вовкин племянник сладко посапывал в кровати, которую вынесли из душной комнаты на свежий воздух. Рядом с кроватью стоял новенький велосипед «Орлёнок», дядьки подарок.

– Я начальнику госпиталя говорю, сын мой у вас. А он, нельзя, и всё тут. Ну, погодите, говорю,

я к командующему пойду. И пошёл ведь. Генерал выслушал, угостил коньяком, кофе. При мне позвонил полковнику этому, медику. Понимаете, говорит, уважаемый, сын ваш только что из операционной, в реанимации. Туда даже меня не пустят. И это правильно. Но через день доктор обещал. Самое страшное позади. Герой, говорит, сын ваш. Спасибо вам за него. Кабы не он, то под угрозой оказалась бы вся армия. Ну, скажи ты, хоть.

– Пап, да не так же всё было. Ну, взяли нас духи в оборот. Ребят своих так жалко. – Владимир заскрипел зубами. – Пацаны все, по девятнадцать-двадцать лет. Это они дело сделали. А я что. Я тут, с вами. Коньяк вот пью. Помнишь, Васёк, ты хотел? Давай, ещё по одной. Не чокаясь. Помянуть хочу парней.

Они выпили. Помолчали.

– Их тогда целый полк, считай, на наш взвод навалился. Разведчики-то знали, и доложили кому надо вовремя. Но у наших генералов свои планы. Что им какой-то там взвод. Высотку мы оборудовали хорошо. Поэтому и держались целых два дня. Пока я один не остался. Я бы и один их, чурок поганых, косил, но они стали по высоте пушками бить. Думали, нас батальон целый. Ну, снарядом меня и накрыло. Не пойму, как цел-то остался. Очнулся в госпитале. А передо мной мама сидит и плачет. Ну, думаю, это я уже в раю. Но тут, и батя входит, да не один, а с комдивом нашим. Генерал бережно так жмёт руку мне, а сам глаза отводит. Выходит, это он нас на смерть благословил. Хотел плюнуть в рожу ему тогда, дак ведь дышать толком не мог. А теперь думаю, генералу нашему ещё тяжелее пришлось. Мне-то что, меня разведчики отбили у духов, раны зажили, звезду на грудь кинули, почёт да уважение. Льготы опять же... А ему?

И опять зависло молчание. Долго, братишка, тебе ещё с этим жить, подумалось Василию. Так долго, что и конца края не видно. Что же ждёт нас всех? Неспроста эти раны и эти звёзды геройские.

– Я хочу, мальцы, выпить за доктора, – произнёс отец в задумчивости. – Хирурга, что Вовку нашего с того света вернул. Чтоб безмерная благодарность наша во всём помогала ему, святому человеку.

Когда опрокинули рюмки, Вовка шепнул брату:

– Я тебе после расскажу, какой святой наш хирург. Всех медсестёр оприходовал в госпитале. Молодой, здоровенный мужик, полковник, рост, размах плеч, усики такие белогвардейские. Но руки золотые. Его заслуга, что сижу здесь с вами, это уж точно.

– Есть идея, – Василий сверкнул заговорщически глазами и склонился к Вовкиному уху. – Предлагаю назавтра, а чего откладывать, восхождение. Только, тс-с-с.

6

Когда в окнах порозовело, Вовка бесшумно, на цыпочках прокрался в комнату младшего брата. Людмила примостилась у Васи подмышкой и тихо посапывала с таким счастливым выражением на лице, что брат-герой залюбовался. Молодец, братишка. Так и надо за счастье бороться. Наперекор всему. Я бы не смог, наверное. Железный характер. Впрочем, и мы не лыком шиты.

– А ну, голубки, подъём!

– А? Что? Вов, это ты? Чего так рано?

– Как чего? А кто предлагал вчера? Раз сказал, то слово держи.

– Да ты что! Тебе ж нельзя.

– Кто сказал? Мне теперь всё можно. Вставай.

Людмила смотрела непонимающе то на мужа, то на брата его старшего.

– Ты гляди, невестка, родителям ни слова, а мы мигом обернёмся.

– Ребята, вы чего задумали?

Вася наклонился и чмокнул её в щёку.

– После расскажем. Спи.

Они миновали железную дорогу, посадку, зашли на территорию «стройдвора». У столярки Вовка остановился, зачерпнул горсть опилок.

– Чуешь, как пахнет? Детством нашим. Сколько раз, Васёк, я этот запах вспоминал там, в Афгане. Эх, и хорошо же дома!

– Арматуру, я думаю, брать не будем? – рассмеялся в ответ Васек.

- А если пещерный король козыря предьявлять начнёт?
- Так мы его голыми руками. Что мы, не фраера?

До глея добирались почти час. Вовке каждые десять метров подъёма давались тяжёлой одышкой. Раненое лёгкое никак не хотело входить в режим. Но постепенно раздышался. Васёк следовал сзади и контролировал каждый его шаг, что вконец разозлило старшего.

- Ты ещё скажи, что на глей мне нельзя лезть.
- Так ведь, сам понимаешь, батя прибьёт, если что.
- Да ты случаем, не сдрейфил ли, салага?
- Что! Я салага?
- А то кто же, я что ли?
- Ой-ой-ой. Звёзды геройские нацепил и думаешь, всё тебе само дастся?

– Конечно. А как иначе? «Вперёд и вверх, а там ведь это наши горы, они помогут нам». Слышал Высоцкого?

- Дома пять кассет с его песнями.
- И ты молчал?! Вот я тебя. А ну, пошли, пацан.

В пещере пришлось им сесть в обнимку, еле уместились. Когда вылезли на вершушку, так же, как и много лет назад, взялись за руки. Туч на небе не было. Солнце поднялось уже высоко. Тополя и вершина соседнего террикона, выросшего втрое, переливались оранжевыми сполохами. Василий толкнул:

– А брёвна-то, как спички. А вон тётка с дядькой идут, точно лилипутики. Смешно. Домишки какие миниатюрные. Вов, а нашу школу не видно.

- Эй, альпинисты! – раздалось вдруг снизу у глея. – Вы там поосторожнее.
- Не, я не понял. Это что же дееется? Людмила твоя и на горшок с тобой ходит?

– Вот скаженная! – Вася, хоть и сделал вид, что рассердился, но сдержать блаженную улыбку не смог. – Людка! Не смей, слышишь! Не вздумай лезть. Вов, пошли обратно, а то ведь залезет, она такая.

Они спустились. Осмотрели друг друга. Порядок, ни одной царапины. Люда прижалась к братьям:

- Жуть! Высотища... Будто настоящие горы. И как это вы не боитесь?

– А мы что, не фраера? – в свою очередь рассмеялся Вовка и закашлялся.

– Ну, всё, мамка теперь съест живьём.

– Это, Василёк, как пить дать. Обязательно съест. Да я и сама хотела. А когда следом за вами взобралась, то передумала. Здорово здесь. Душа поёт.

– Братцы, – вдруг выкрикнул старший брат, – а давайте сегодня в «Арктику»? А, Людочка? К твоим подругам. Может, с какой познакомлюсь? Нарвём нахально по дороге роз в сквере или прямо на площади... Чего вы?

Супруги поникли головами. Люда, чуть не плача, объяснила:

– Деверь мой дорогой, долго тебя не было. Закрыли кафе. И роз не получится нарвать. Нет их больше ни в сквере, ни на площади. Нигде нет. «Зеленстрой» за нерентабельностью разогнали. И колбаса из магазинов пропала. И грязь по городу развелась. Ничего больше не осталось из жизни нашей прежней. Плюрализм всё заменил, да прожектор перестройки. А первыми розы...

Вовка, потрясённый услышанным, даже присел. Горько сделалось. Так горько, что не выдержал и заорал на всю округу:

– А-а-а!!! Гады! Гады! Что ж вы творите, мерзавцы! Розы-то за что? Ну, ладно, нас грешных косяками кладёте. Пёс с вами. А розы? Выходит, когда мои ребята на высоте один за другим в землю сошли, розы уже погибли. Первыми.

Ветер шумел, рвал одежду, трепал Людины волосы, и они вились вокруг её плеч, словно пламя горящего факела. Вася обнял брата. Они втроём прижались друг к другу. Младший сказал старшему:

- Теперь нам по жизни только так, всем вместе. Иначе не выстоять. Мы же семья.

А ветер всё шумел и шумел. Солнечные лучи с трудом пробивались к земле. Над горизонтом по всей окружности широкой полосой нависла мгла чёрной угольной гари и промышленного смога, и казалось, что это затягивается гигантская, удушающая всё живое, петля из самой преисподней.

Проза

Елена Тулушева

Тулушева Елена Сергеевна родилась в 1986 году в Москве. Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Автор книг рассказов «Чудес хочется!» (Москва, 2016) и «Виною выжившего» (Минск, 2016) и около 100 публикаций в ведущих российских изданиях, а также в русскоязычных журналах разных стран. Рассказы Тулушевой переведены на арабский, венгерский, итальянский, китайский, болгарский, белорусский, сербский. Лауреат V и VII Международных форумов славянских литератур “Золотой Витязь”, премий “В поисках правды и справедливости”, “Югра”, “Прохоровское поле”, победитель российско-итальянской премии “Радуга” и др. Член Союза писателей России. Живёт в Москве

ПЕРВЕНЕЦ

Рассказ

Лида в который раз пыталась сложить ноги поудобнее. Никак не получалось найти нужную позу. Разозлилась, резко встала, но голова закружилась. Снова села на край кровати, начала раздражённо постукивать по холодному металлическому изголовью. Решётки... Везде решётки: на окнах, на кроватях, ещё бы шкафы решётчатые сделали... Ходить от окна до двери надоело. Стала расковыривать трещину в штукатурке на стене. Потом вдруг почувствовала очередные толчки. Подняла футболку и уставилась на свой живот, на котором то появлялись, то исчезали бугорки.

Там что-то происходило. Что-то, что раньше не касалось Лиды. А последние два дня её лишили всего остального мира, и вот она осталась наедине с этими толчками.

Накануне тощая медсестра ставила Лиде капельницу и, видно, от скуки спросила, мол, как зовут. Лида не сразу поняла, про кого она. Та кивнула на живот: “Назовёшь как?” Лида удивлённо разглядывала мужеподобную тётку: сухая, с одутловатым алкогольным лицом и короткой стрижкой «под ёжик». Алкоголиков Лида определяла легко, даже тех, кто работал и выглядел прилично. Тётка смотрела безразлично, двигалась, как робот. А потом сказала, что надо разговаривать с ребёнком, чтобы слышал голос. Лида только и смогла промямлить: “А о чём?” Медсестра уставилась на Лиду стеклянными глазами: “О погоде”.

И вот ребёнок *там* снова шевелился. Кто его знает, просит что-то или просто переворачивается. У него уже есть руки и ноги, наверное... А волосы? Они с волосами рождаются или лысые? Да какая разница. Лида старалась отгонять эти мысли. Они приводили всё к новым и новым вопросам. А в конце – в конце вообще непонятно. Несколько месяцев получалось об этом не думать. Лида жила с ощущением, что можно будет задуматься потом, что ещё есть время. И вот это «потом» настало. А думать совсем не хотелось. От мыслей в голове начало пульсировать, хотелось бежать отсюда скорее... Лида снова упёрлась взглядом в решётку на окне.

Через три дня она неспешно поднималась по лестнице женской консультации, поторапливаемая Алевтиной – тучной социальной работницей, которая резво семенила, хоть и краснела всё гуще с каждым пролётом. Они опаздывали. Лида специально тянула время при выходе из центра и здесь, в холле поликлиники.

Врачиха приняла вне очереди, хотя и была недовольна. Лида разглядывала непонятные картинки на стенах: развитие плода по месяцам. Фотография девушки на плакате была дополнена рисунками наподобие иллюстраций школьных учебников. Лицо девушки на плакатах не менялось, а живот становился всё больше, эмбрион увеличивался и менял положение. Лиду затошнило. Ей казалось, он какой-то уродливый, скрюченный. Такие кривые ноги наверняка не смогут ходить. Похоже, он был слепым! Лида взглянула на лицо девушки: та выглядела счастливой. С чего бы?

– Так... значит, постановка на учёт, – услышала Лида голос врачихи. – Ты бы ещё на сороковой неделе пришла...

– Да вот как её привезли, так мы сразу к вам, – вступилась ещё не отдышавшаяся Алевтина.

Доктор смерила социального работника недовольным взглядом.

– Где до этого была? Где наблюдалась?

– Да так... – Лида ощутила подкатывающую тошноту, ладони вспотели. Хоть бы отвлечься. Мерзко. Тяга пошла. Сбежать бы скорее, да куда тут. Живот разросся. Жирная утка. Надо хитростью. Как из больницы. Думай. А чём думать, мозг не варит. Сейчас бы хоть один укольчик, хоть маленький. Просто, чтоб в себя прийти.

– Доктор, там выписка из детдома. Она как из больнички-то сбежала зимой, так вот её всё искали.

– Я вообще-то не пряталась! – огрызнулась Лида. – В детдоме знали, где я была. Им лень приезжать было.

– Сиди уж! – шикнула Алевтина.

– Ну и где же ты была всё это время? – доктор смотрела мягче, как будто озадаченно. Переводила взгляд с Лидино живота на теребящие край футболки пальцы.

– У молодого человека... своего.

– Молодой! – фыркнула Алевтина. – Сорок шесть лет – юнец просто! Уж ты, Лида, давай тут дуру-то не валяй! Время не тяни. Некогда доктору твои сказки слушать! Наркоманила, так и говори, теперь вот и расхлёбываешь своё! А этого твоего упечь бы пожизненно за такие дела, так ведь никто не займётся! Сам наркоман паршивый, и девку за собой уволок!

Медсестра оторвалась от талончиков и нерешительно взглянула на врача. Та, опустив взгляд, чуть хрипло сказала:

– Алина, сходи-ка... К-хм, сходите, пожалуйста, с социальным работником к заведующей, надо оформить документы на государственного ребёнка и рецепты на витамины и молоко.

Медсестра поднялась:

– Идёмте, я вас провожу. Девочка несовершеннолетняя, нужно ваше согласие, как представителя опекуна.

– Да, – окликнула врач. – Потом ждите в коридоре, осмотр буду проводить без посторонних.

– Да я что, я с радостью! Вот только за ней, доктор, глаз да глаз нужен! Вы учтите, из наркологички сбежала, из приюта сбежала, а нам вот теперь отвечай!

– Я поняла, идите.

Врач замолчала. Уставилась куда-то, так и замерла. Потом как будто заметила Лиду и немного нахмурилась.

– Значит, срок беременности не точный?

– Ну да.

– А почему до этого никуда не обратилась? Или обращалась?

– Да как-то не до этого. Виталик сказал, рожай.

– Виталик – это тот мужчина, который старше тебя?

– Да. Наркоман.

– Ты... тоже употребляешь?

– Да. – Лида отвечала быстро, на выдохе, не дослушав вопрос. За последнюю неделю посещения всех этих детских комнат, приютов, инстанций она повторяла свою историю не раз.

– Значит, и во время беременности?

– Да.

– Внутривенно? Как часто?

– Раза три-четыре в неделю, – всё так же быстро, пока не передумала говорить, как есть.

– Как насчёт стерильности?

– Плохо. Там вон в карте есть все анализы.

Только сейчас врач посмотрела на кипу бумажек, разложенных у неё на столе. В анамнезе значился ВИЧ положительный, впервые выявленный два года назад.

– Это он тебя наградил или кто-то ещё?

– Не, наверное, кто-то ещё. Виталик говорит, он чистый.

- В смысле: говорит? Ты анализы его видела?
- Не-а. А зачем ему врать. Это ж он хотел ребёнка.
- Если ты от него забеременела, то теперь он тоже инфицирован.
- Да?
- Врачиха внимательно взглянула, помолчала.
- Так, а что ты думаешь с родами? Тебя вообще кто-то консультировал за это время? Хотя один врач?
- Нет. Я у Виталика жила. Я же сказала. Он говорит, рожай, деньги будут.
- Он говорит, рожай... – эхом повторила врач. – Так, ладно. Нам надо с тобой многое успеть обсудить. Давай попробуем поговорить честно.
- Да я и не вру. Чё теперь врать-то. Только пить очень хочется.
- Сейчас мы обсудим, и попьёшь в коридоре. Лида, твой ребёнок может заразиться от тебя ВИЧ-инфекцией. Но если приложить усилия, он может родиться относительно здоровым.
- Да какой он здоровый! Он же уже наркоман там, да? Как я.
- Сейчас речь не об этом. Если сделать кесарево сечение, то риск заражения во время родов значительно снижается. То есть, если мы проведём операцию, то он может родиться без ВИЧ, понимаешь?
- А это больно?
- Нет, операция проводится под наркозом и быстрее обычных родов. Потом чуть дольше восстановливаться, но нам важно сейчас думать не об этом.
- Ну да, я согласна. Только вон соцработники, они же, вроде, всё теперь решают, мне же нет восемнадцати.
- Решать будем мы с тобой. Но здесь есть одно “но”: операцию нужно успеть сделать до начала схваток. Обычно на тридцать восьмой неделе. Пока мы не знаем, какой у тебя срок. Но учитывая твои побег...
- Что?
- Ты сможешь дотерпеть до тридцать восьмой или опять убежишь?
- Лиде не хотелось врать. Врачиха – первая за эту неделю, кто хотя бы не пилил, не давил на вину. Хотя у Лиды уже выработался иммунитет к таким разговорам, но чего она только не наслушалась и в полиции, и в детском доме. А ведь какое их дело...
- Да куда тут сбежишь, я вон едва хожу.
- Человек *зависимый* может убежать и при более сложных обстоятельствах... – врач немного помолчала и продолжила, как будто сама с собой. – Я видела молодого человека, который из реабилитационного центра сбежал, сломав ногу, когда выпрыгнул из окна. Это не помешало ему бежать дальше и ещё две недели лежать в притоне с распухшей посиневшей ногой, пока не нашли.
- Ни фиги себе! – Лида, было, ухмыльнулась, но доктор посмотрела на неё как-то странно, скривившись как от боли.
- Лида... А ты сама-то хотела рожать?
- Лида постаралась отвечать так же на выдохе, быстро и по делу. Но с каждым разом говорить становилось сложнее. Почему-то с соцработниками и их нотациями было проще. Они обвиняли, Лида огрызалась. Злиться было проще. А сейчас, когда врачиха говорит “мы” и “нам”... Как бы не разреветься.
- Сейчас, конечно, ничего уже не изменишь. Надо будет рожать. Судя по размеру, тебе осталось немного. Как я понимаю, до этого родов у тебя не было. А аборт или выкидыши?
- Ну..., чтобы у гинеколога делали аборт – нет.
- В смысле?
- Был один. Мать таблетки купила.
- Ты имеешь в виду не операционный, а медикаментозный аборт? Давно?
- В одиннадцать. Только я не знаю, это беременность была или просто.
- А зачем тогда таблетки, если не точная беременность?
- А мамкин сожитель меня изнасиловал со своим другом. Она тогда «отрубилась» от героина. А они того. Она проснулась, ну и поняла. Наорала на него. И в аптеку со мной потащилась. Мать сказала, что на всякий случай, а то мало ли: забеременеть от таких...

– Господи, в одиннадцать...

– Да это давно уже было, не переживайте. Мать его выгнала, но он нам денег дал тогда много. Правда, мамка, наверное, их все спустила, я не помню. Потом меня бабка к себе забрала. А этот мужик снова к матери переехал.

– И в милицию не заявляли?

– Не-а. Мамка сказала никому не рассказывать. Ещё меня обругала: вечно я дома ошиваюсь, вот и неприятности. Я только года два назад рассказала психологу в приюте. Она говорит, наверное, потому я к мужикам старым и бегаю, что у меня вроде как травма.

Лида тараторила всё быстрее. Она ничего не чувствовала, когда это рассказывала. Но обычно те, кто слушал, ужасались или почти плакали. Странно было это видеть и ничего не ощущать...

В дверь заглянула Алевтина:

– Доктор, я всё оформила. Мне чего с ней, на УЗИ ещё? Это мне сейчас талон взять в общую очередь или нам приехать в другой день? Нам бы лучше сейчас, а то сбежит опять, она ведь беглая у нас, даже не думает, что беременная! А у нас машина одна. Таких, как она, ещё пятнадцать девок. Только поумнее.

Доктор раздражённо подняла глаза.

– Ждите в коридоре. – Потом посмотрела на Лиду. – Тебе, получается, больше некуда пойти, только к ним? Они ж тебя съедят своими нравами... Может, есть сестры или тётки? Не хотелось бы, чтобы их нотации спровоцировали тебя на побег. И здоровым самостоятельным женщинам иногда беременность даётся нелегко, особенно когда вокруг некому пожаловаться. Здесь у меня часто ноют. А тебе, несовершеннолетней, без семьи, с постоянными мыслями о наркотиках... Их упрёки могут тебя окончательно измотать, не выдержишь – уйдёшь ведь...

Зря она сказала про упрёки. Копившееся за последнюю неделю напряжение, наконец, прорвалось слезами. Рыдать или подвывать Лида разучилась давно: через год, как забрали от матери. Видимо, прорыдала всё там, в первом ещё приюте. Но сейчас так жалко себя стало, оттого что идти некуда, и даже единственную радость – героин – отобрали. А там, на свободе, Виталик гуляет, и ему хорошо...

– Да они мне всю неделю мозг пилят, какая я бесстыжая. И запугивают, что ребёнок будет больной, оттого мне придется труднее, чем другим девочкам – с инвалидом на руках. А я сама виновата, потому что бессовестная, убивать ребёнка наркотиками. Ещё всё время водят на беседу с какой-то настоятельницей. Она меня пугает, как надо будет ребёнка воспитывать. Что Бог дал мне ребёнка, чтобы я жизнь поменяла. И если даст больного, то чтобы грехи мои искупать мучениями... А и так жить тошно! Сил нет, ходить тяжело. Как я с ним потом – я же вообще ничего не знаю! Я не хочу никого растить, я плохая мать буду, у нас в роду не было хороших!

Врач встала. Налила в стакан воды из-под крана.

– На, попей. – Она подошла так близко, как будто вот-вот обнимет. Лида невольно отстранилась, но доктор только отдала стакан и отошла к окну. – Поплачь, Лида. Тебе можно. Ты беременная. Ты умничка...

Потом они долго молчали. Врачиха о чём-то своём у окна. А Лида всё никак не могла унять слёзы: только вытрет, а они снова.

– Всё у нас получится. Сейчас бумаги оформим, сходим вместе на УЗИ и посчитаем, сколько нам нужно дотянуть до кесарева. Всем беременным тяжело, тебе тем более. Поплачь, может, хоть чуть полегче станет.

Она вернулась за стол, когда Лида перестала всхлипывать.

– Давай мы с тобой договоримся. Я знаю... ждуть обещаний от наркомана – дело глупое. Я и не прошу. Давай мы просто договоримся, что ты попробуешь дотянуть до «кесарева». Ведь если ты убежишь, Лида, ты не вернёшься. Мы же обе понимаем, где ты будешь. И будешь там прятаться до самых схваток. А там поздно будет оперировать. Да и роды для тебя будут тяжёлым испытанием. Это физически тяжело.

– Да я понимаю. Я не сбегу.

– Ты просто постарайся поставить себе одну цель. Ничего большего. Очень прошу, не думай, оставишь малыша себе или нет. Ты уже дала этому ребёнку, что могла. Лучшее, что ты можешь сейчас сделать – попробовать помочь ему родиться без ВИЧ-инфекции. А уж будут силы или нет, захочешь ли воспитывать – это ты станешь решать сама, в любой момент. Поняла меня? В любой!

– Да вроде. Но они говорят: потом – привязанность... Сама не откажусь. Правда, я совсем не понимаю, что надо будет делать... Как это... Там, конечно, в центре помогают, но они запугивают, что ночи бессонные, и что никто за меня ничего делать не будет, притворщицам-наркоманкам не верят...

Лида снова почувствовала, что ревёт. Это было так непривычно. Наверное, первый раз за последние полтора года. И как будто легче от этого становилось. Хотелось плакать и плакать.

– Так, Лида, соберись. Ты забыла, о чём мы договорились. Наша цель – просто дотянуть до «кесарева». И всё. Дальше – даже не думай ни о чём. Болтают эти соцработники, а ты не слушай, кивай просто. А сама думай – мне бы только до «кесарева», а там выдохну. Поняла меня? Твой финиш – «кесарево»! Всё.

– Угу, – прошмыгала Лида.

То ли от слёз, то ли от тона доктора, но ей как будто стало легче. Начал рассеиваться жуткий страх от слов “будущая мама”. Эти навязчивые картинки больного скрюченного младенца. Если только до «кесарева» – можно попробовать. Тем более, если под наркозом. А то эта монашка как затянет своё про муки роженицы, аж до дурноты. Половину слов не понять, что-то про грехи... Стоп, не думать... Надо не думать. Как врачиха сказала: просто кивать и всё. Надо попробовать.

– Ну что, сейчас сходим с тобой на УЗИ, и поедешь отдыхать. Тебе нужно сейчас побольше отдыхать и научиться играть в глухую. У тебя важная миссия: дотянуть до «кесарева».

– А это... осмотр?

– Да какой осмотр на твоём сроке. Только УЗИ теперь и померить живот. Это я так, чтобы выпроводить твою надзирательницу.

Они прощались после выхода из кабинета УЗИ. – Тридцать три недели, девочка. По УЗИ пока без явных патологий.

– Спасибо, – Лида не знала, как завершить разговор. – Мне ещё к вам прийти... можно? То есть... это... надо ещё?

– Да, Лида. Тебя должны привезти через десять дней, тогда будут готовы анализы, и мы всё обсудим. Береги себя, отдыхай. Жду тебя через десять дней, постарайся приехать.

– Спасибо... что поговорили...

Доктор кивнула и двинулась дальше по тусклому коридору. Сначала хотела было отвести в сторону соцработника на пару слов: попытаться объяснить ей, что давить на Лиду сейчас нельзя. Иначе точно сбежит. Да и что за бред: оставить новорождённого Лиде. Девочка ведь малыша к себе в притон потащит... Но потом поймала себя на мысли, что снова начинает играть в спасателя. Где она – грань бессилия и безразличия... Где грань чужой и своей истории...

Она открыла дверь в туалет. Никого. Подошла к наполовину закрашенному окну и открыла тугую форточку. Задыхалось легче. Достала телефон, пролистала недавние вызовы... Не нашла. Набрала ручную цифру. Телефон высветил “Лёшенька”... Никто не отвечал. Она начала набирать сообщение, но после слова “сынок” не смогла ничего написать... Где ты... как нога... приезжай... возвращайся... Всё это было не то. Ответа она не получит.

Она родила своего первенца в тридцать четыре года... “старородящая”... Родила здоровенького, красивого мальчишку... В детском саду он заболел гломерулонефритом, стал инвалидом, набрал огромный вес, почти не мог ходить... Пять лет она практически носила его на руках, лежала с ним по больницам, не давала посадить на гормоны. И всё-таки вытасила его каким-то чудом... К началу шестого класса по его инициативе они отказались от инвалидности, всех полагающихся льгот и пособий... Хотя с деньгами тогда было очень туго... Лёша стал ходить в школу и на физкультуру, от которой был освобождён, записался на фехтование... До 9-го класса был идеальным сыном и учеником.

И вдруг в пятнадцать лет попытка суицида. Вроде из-за несчастной любви. А потом депрессия, таблетки и через полгода наркотики... И этот последний его глупый побег из реабилитационного центра, когда он сломал ногу... Последняя попытка поговорить с ним, после которой он перестал отвечать на звонки... За что? Ну, ладно эта девчонка Лида, из неблагополучной семьи, дочь наркоманки... А ведь у Лёшеньки было всё...

Она посмотрела на продолжающий светиться экран мобильного телефона... Где он сейчас? Ей хотелось надеяться, что и ему, быть может, встретится кто-нибудь, кто, как она сегодня, найдёт несколько лишних минут, чтобы выслушать и поговорить.

РЯДОМ ХОДИТ

Выходя из электрички, Антон сразу заметил его. Кажется, больше года не виделись, и ещё бы столько. Антон даже не видел лица Костика, просто ощутил боковым зрением болезненно знакомый жест: суетливое приглаживание косой чёлки. Этой нервной привычке уже лет двадцать. Костик, замотанный в какие-то тряпки, ёжился у подножия лестницы в компании двух похожих типов. Они как будто невзначай подходили то к одному, то к другому прохожему и так же быстро сутуло уходили, когда им отказывали.

Антон оглянулся. Другого выхода со станции не было. К нему подойдут точно, “своих” чувят даже через много лет. Антон вспомнил уловку, когда нужно было в старших классах «слинять» из лица посреди уроков мимо въедливых охранников. Он прикладывал к уху телефон и начинал изображать, что говорит с мамой: “Да, мам, ага, вижу твою машину, бегу-бегу, извини, долго переодевался”. Обычно охранники не прикапывались.

– Да, Пётр Алексеевич! Конечно. Я вас понял. Давайте попробуем какие-то другие варианты. Вас какие даты интересуют? Мы что-нибудь придумаем. У меня под рукой нет компьютера, сейчас добегу до дома, смогу вам сразу отписать! – нехитрого монолога хватило на всю лестницу.

И вот Костик как-то неуверенно отделяется от компании и двигается в сторону Антона. Вот они уже в двух шагах друг от друга. Костик пытается непринуждённо улыбнуться. Поднимает руку, наверное, похлопать по плечу. Антон, быстро сообразив, ловит руку Костика и крепко пожимает. Чуть отодвинув телефон, громко шепчет: “Привет, братан! Рад тебя видеть! Сто лет! Как сам?”. И, не дождавшись ответа, прибавляет шаг: “Да-да, конечно, с этим я согласен. Но вы и мою позицию поймите, это же полный абсурд получается. Действия сотрудников непродуктивны!” Ещё несколько метров Антон ощущает, что Костик неуверенно плетётся сзади. Антон всё идёт и идёт, с трудом стараясь не переходить на бег. Толпа вечерних пассажиров постепенно расплзается по переулкам. Антон продолжает говорить всё так же громко и возмущенно, пока не проходит квартала три. Пронесло...

Пронесло? Оборачивается. Облегчённо вздыхает. И тотчас обдаёт жаром, как будто в баню вошёл, – накатывает чувство стыда. И следом детские картинки, эпизоды, страхи, бесконечные кошмары последних лет... Ещё неизвестно, что хуже: общение с Костиком или их общие воспоминания.

И вот уже Антон как будто не на унылой зимней улице спешит домой после смены, а там, в неторопливом лете, ставшем рубежом его детства...

В тот день они расчерчивали поле боя: рисовали на песке расположение войск, делили линии фронта. С крыльца их окликнул Мишка Батон. Батоном его прозвали, потому что жирный был. Перестройка, магазины пустые, родители без денег, пацаны все тощие, а этот – как колобок. Вот и дразнили его от зависти. Отец Батона заправлял каким-то судом, его видели редко. А брат Батона работал на заводе, по вечерам ходил поддатый и «отвешивал люлей» всем, на кого младший показывал. Потом брату надоело мальчишек ловить, и он смастерил Батону здоровенную рогатку. Но кого удивишь рогаткой, пусть даже большой? Залезь на дерево (если, конечно, пузо не мешает) – наломай сколько хочешь этих рогаток. Потому брат смастерил ещё и особенные “патроны”. Вечером Батон вышел со своей рогаткой на крыльцо. Мальчишки были увлечены игрой и лишь по привычке обернулись на звук захлопнувшейся подъездной двери, но, увидев Батона, брезгливо отвернулись.

– Эй! – крикнул Батон. Никто не повернулся к нему. – Ща как стрельну! – он навёл рогатку на копошащихся ребят.

Первым распрямился Лёха.

– Давай, стреляй! Чё, слабо?

Остальные мальчишки тоже начали подниматься и, деловито выпятив грудь, стали дразнить Батона.

– Крутой, да?! Стреляй, рискни!

– Попадёшь – держись!

– Да гляньте, он её даже не зарядил! Ну, лошок! – Антон вместе со всеми соревновался, кто поддразнит громче и смешнее.

Батон подержал мальчишек под прицелом несколько мгновений и опустил “оружие”. Потом достал из кармана горстку “патронов” и медленно примерился. Мальчишки с любопытством смо-

трели. Рогатка, уже заряженная, снова уставилась на ребят, потом неспешно повернулась вправо на старый растрескавшийся дуб и немного подалась назад от сильного натягивания. Хлоп. Батон отпустил тетиву.

Дальше... Антон помнил только, как совсем рядом с глухим воплем упал Костик. Антон как будто в замедленной съемке повернул голову и ошарашенно уставился на скрутившегося у его ног друга. Рядом с ним валялся окровавленный “патрон” – согнутый крючком гвоздь.

Привели взрослых, помчались ловить Батона. Антон вспоминал урывками. Просто кадры, один за другим, как будто замершие навсегда. Никто не мог понять: то ли гвоздь отскочил от дерева, то ли поменял траекторию и, бешено вертась, высверлил Костику глаз.

Антон потом ездил с мамой к Костику в больницу. Тот сидел на койке с залепленным бинтами глазом и бойко болтал:

– Я теперь как пират, скажи?! Я своих попрошу черную повязку купить! Жаль, доктор сказал, скоро буду как новенький – я бы остался пиратом! Вот мы навалием этому жирдяю!

По дороге домой в дребезжащем трамвае Антон рассказывал маме, как они Батону устроят «тёмную». Мама почему-то беззвучно плакала и обнимала Антона. А потом прижала и начала шептать ему в самое ухо быстро-быстро: “Маленький мой, самый родной! Обещай мне, ради Бога, никогда... никогда, слышишь? Не подходи к этому Мишке! Пожалуйста, никого больше не дразни! Я тебе куплю приставку! Мы накопим и купим! Уже в следующем месяце, слышишь? Только обещай, что никогда-никогда не будешь играть в войну на улице! Обещаешь?”

Антон хотел возразить: “Как же не играть в войну? Во что же тогда? И как навалить Батону, если к нему не подходить?” Но мама всё плакала и плакала, и уже пассажиры как-то тревожно смотрели на них. Тогда Антон отодвинулся и по-взрослому, как делал отец, погладил её по спине: “Мам, ты успокойся. Всё будет хорошо. Я тебе обещаю”.

Стало ли хорошо – сложно сказать. Стало по-другому. За пару месяцев двор опустел. Кого отправили к бабушкам, кого держали дома под разными предложениями, кого вдруг начали таскать с собой на работу.

Антону купили приставку. Как выяснилось много лет спустя, мама продала свои серьги с рубинами – подарок бабушки. Узнал это Антон уже будучи отчисленным студентом, когда ему позарез нужны были деньги. Диким и глупым показался ему такой поступок матери. Двадцатилетнему Антону, “поставленному на счётчик” за наркотики в долг, казалось, что именно те серёжки, так по-дурацки проданные матерью, могли бы решить все его проблемы...

Костика выписали только через три месяца. Потом он ещё до самого Нового года ездил по разным санаториям. Его мечта остаться пиратом сбылась. Глаз вернуть не смогли, и Костик ходил с повязкой.

А Батону так никто и не навалил. На следующий день его отвезли в деревню. Через пару недель куда-то съехала и вся его семья. Больше их не видели.

Антон и не заметил, как добрёл до дома. Настроение стало тягостным. Он вытащил из кармана горсть мелочевки, в поисках ключа от домофона.

– Вот чёрт, ключи! – он поморщился, увидев на ладони ключи от пищеблока. – Идиот, забыл сдать охране!

Антон растерянно замер перед подъездом. Снег валил хлопьями... Завтра у него выходной. А теперь? Не оставил ключи – снова тащиться в Москву, а это, считай, полдня в никуда! Уродский вечный стресс. Стрес-с-с – слово-то какое противное! Как ногтями по школьной доске.

Антону вдруг захотелось плакать. А следом накатила злость от жалости к себе.

Открыл дверь квартиры, машинально промямлив: “Привет, дед!”. Взгляд зацепился за родной скейт. А ну вас всех! – Он швырнул сумку, ухватил доску и, прихлопнув дверь, сбежал по лестнице. У подъезда вспомнил, что забыл в сумке плеер, и несколько секунд стоял в нерешительности: вернуться, нет.

– Да вашу мать! Надоели! – прошипел он кому-то в небо. – Успокоюсь я сегодня, наконец?! Так покатаюсь, плевать!

Он шёл по заснеженным вечерним улицам. Прохожие косились на зажатый под мышкой скейт, на его двухдневную щетину.

– Чё пялишься? – мысленно давал он отпор каждому. – Скейт не видел, жиртрест? А ты, синюшный, только бухать умеешь? – При этом Антон отводил взгляд или стеснительно улыбался, за что злился на себя ещё больше. Хотелось одиночества. Только так, кажется, можно было освободиться от бесконечной неловкости и стыда. Перед родными, девушкой, сослуживцами, прохожими.

Всё шло не так. Ключи, забытый плеер, обрекший его на диалог с собственными мыслями, эти механические улицы, медленно движущиеся ему навстречу, липкий плачущий снег, лишние прохожие. Вечер не задался! Он шёл, пытаясь сжаться в точку, незаметную миру.

Наконец остановился. Ноги сами вспомнили дорогу: старая площадка над теплотрассой. Маленькая, конечно, и захламленная, но зато снега нет: он таял, ещё не коснувшись асфальта, оставляя мокрые следы. Правда, Антон не один оказался таким умным. Двое мальчишек лет тринадцати разучивали переворот по видео с телефона. Они оторвались, было, от экрана, но, взглянув на Антона с бесстыжей подростковой снисходительностью, отвернулись. Он кивнул им, наклонившись, как будто затянуть кеды.

Ботинки! Ну и придурок! – на нём были совсем неуместные зимние ботинки на липучках. Для виду он их поправил, но сути это не меняло: ботинки были на толстой тракторной подошве, буквально неделю назад вытащенные с антресолей – уж больно зябко стало ждать на всех пересадках до работы.

– Пофиг, всё равно уже! – пробубнил он достаточно громко. Услышав своё “пофиг”, он невольно улыбнулся. И правда, кому какое дело. Не повыпендриваешься, конечно, в такой обуви, но проверить можно.

С плеером было б полегче! Антон старался не замечать пацанов, но чувствовал их любопытные взгляды. Он перебирал в голове любимые мотивы. Ботинки жёстко фиксировали подъём, через подошву почти не ощущались движения доски, но постепенно он перестал нервничать и, наконец, немного выдохнул. Обрывки любимых мотивов вытеснили калейдоскоп болезненных воспоминаний; он крутился на доске, немного неумело, но весело. Как будто снова был подростком, радующимся каждому даже неуклюжему движению. Когда он присел на перила передохнуть, вокруг уже было пусто. Он не заметил, как мальчишки куда-то ушли. Снег прекратился. Он один на этом чёрном асфальтовом островке, а вокруг всё как будто бережно упаковано, завернуто в снег. Тихо. Прислушался – вроде и в душе улеглось. Теперь можно домой.

Он неспешно брёл назад. Струйки пота щекотали спину под «толстовкой», мокрые перчатки покалывали горячие ладони. Антон стянул шапку. Приятный холодок обдувал. Настроение совсем выправилось: мысли об уютном вечере грели... Чаю с дедом навернём! Пельменей нажарю, с лучком. Как раз его футбол через час начнётся!

С дедом жить забавно. Да и легче, чем с родителями. Особенно когда тебе под тридцать. Можно при случае говорить, что за стариком просто присмотр нужен (а то нынче, если в тридцать живёшь с роднёй – уже недоделок как будто). Дед хорош молчанием, своим ритмом. Дверь в квартиру закроешь – и как отрезало от суеты. Когда бабушка была ещё жива, дом дышал жизнью, двигался. Дед тоже никогда без дела не сидел, но как овдовел, то будто тише стал, медленнее.

И Антону нравилась эта медлительность, неспешность, эта обособленная жизнь. Он чувствовал себя здесь защищённым. Как будто в детстве, но не его реальном, а в детстве из книжек Гайдара, советских фильмов, родительских рассказов. У него не было пионерских лагерей на три смены и школьных кружков, не было вожатых или других старших, которые бы приглядывали, поддерживали. В его детстве были тревожные взгляды мамы, её слёзы и папины бесконечные подработки, поиски денег. А потом подработки закончились, появились папины бутылки. В последние годы у родителей как-то выровнялось, но почему-то, как только он заходил в родительскую квартиру, внутри поднималась тревога, даже страх.

С дедом было спокойно. Нет, они с бабушкой не накопили денег на чёрный день. Просто оба были родом из военного детства, и вся эта мрачная суета девяностых воспринималась ими как нечто, что обязательно схлынет, пройдёт. Не блокада! А уж с остальным справиться можно.

Антон подошёл к подъезду, полез в карман и снова вспомнил про ключи от пищеблока. Ладно, что-нибудь придумаем. Значит, в Москву завтра. Ничего, возьму скейт, там, кстати, в центре всегда расчищено, вдоволь покатаюсь. Алиске позвоню, в кафе приглашу, она любит выбираться в центр, – он улыбнулся простым решениям тех проблем, которые ещё пару часов назад казались тягостными

и невыносимыми. В последние годы он научился выдыхать и давать себе время на обдумывание, вместо того чтобы сразу отчаиваться. Эх, эту бы способность отослать Антону-подростку, которому жизнь казалась беспросветной.

Поднимаясь по лестнице, Антон замечает тень на втором пролёте у мусоропровода. Тень двигается. Да мало ли кто! Антон пытается унять зарождающуюся тревогу.

– Привет!

– А! Привет, брат! – Антон отвечает как на автомате, даже улыбается слегка. – Рад тебя видеть! Как сам?

– Да это... нормально. – Костик по привычке смотрит куда-то в сторону.

Антон и сам до сих пор с трудом заставляет себя смотреть людям в глаза.

– Давно не появлялся! Уже год, наверное! Лечился?

– Да не совсем... Два два восемь¹. Ну, сам знаешь. Полтора года дали. Если бы не предыдущее, условный был бы. Но судья докопался. Не вывернуться.

– Бывает.

– Но теперь всё, лечиться еду.

– Вот молодец! А куда?

– Пока не решил. Но теперь точно. Теперь уже насовсем.

– Красавчик! Всё правильно! – Антон пробует потихоньку начать обходить Костика, чтобы подняться дальше. Телефон остался в квартире, так что недавний трюк не пройдёт.

– А ты как? – Костик неловко пытается запихнуть руки в карманы потёртых джинсов, переминаясь с ноги на ногу. На куртке карманы оборваны, не спрятать опухшие кулаки.

– Да ничего, как все. Рутинка, сам знаешь.

– Ты всё с доской? Не холодно?

– Да не, отлично!

– А мне вот что-то холодно. Одежды тёплой не осталось. Раздал ребятам, когда понял, что посадят. А вернулся, и нет ничего. Поесть бы, согреться. – Костик ёжится, мнется. – Может, будет у тебя рублей двести?

– Не, Костян, я вот катался, с пустыми руками! – Антон знает, на что Костику деньги. И в то же время так не хочется сейчас портить настроение. А с каждой минутой разговора всё больше затягивает то тёмное, страшное, давнее, постоянно сверлящее изнутри. В заднем кармане есть сотни три точно. Сунуть бы, и дальше. Костик отлипнет, и можно будет забыть... Но ведь понятно, зачем ему деньги. Забыть не выйдет. Потом опять накроет, внутри будет стыдом гореть, разъедать. За нечестность свою, за слабость.

– Понимаешь, чтобы на работу устроиться, надо одежду нормальную купить. А денег-то негде взять. Я пока жду, ребята обещали достать. Вот с едой хуже. Хоть согреться бы. Я могу подождать, если у тебя дома есть. Ты не думай, я отдам. – Костик разглаживает длинную чёлку налево. Его сальные волосы сильно поредели. – Как на работу устроюсь, все долги раздам. Теперь уже точно понял, что это не моё!

Антон смотрит на Костика, и тошнота накатывает от этого зеркального отражения его самого семилетней давности. Фразы, мысли, интонации...

– Нет, брат, извини, сам на мели! Зэпэ подчистую. Ты ж понимаешь, с моим прошлым только на копейки устроиться можно, все проедаю, сам в долгах. Хочешь, заходи! Я тебя обедом накормлю! Дед всегда рад гостям.

И вот на какой-то миг Костик как будто замирает. Глаза его, тёмные, затравленного зверя, вдруг освещаются чем-то тёплым, человеческим. Антону хочется зажмуриться и очутиться снова там, где им лет десять... Они грязные притащились к Антону домой. К Костику бесполезно – там крикливая бабка. Мать Антона тоже, конечно, ворчит: “Опять на пустырь ходили? Грязищи-то нанесли! Выпороть бы обоих!” Но её ворчания надолго не хватает. Отправляет руки мыть, и за стол. Набив рот, они болтают, смеются...

В семье Антона любили и оберегали Костика, ему часто разрешали оставаться на ночь. Его ла-

¹ 228 – статья УК РФ «незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...»

сково звали Костик, помня о его детской беде. Пройдёт всего три года, и эта дружба обернётся бесконечным кошмаром, *употреблением*, раскаянием, новыми дозами.

Антон смотрит на Костика. Он всё понимает. И Костик понимает. От того сутулится сильнее. Ему бы сбежать сейчас от стыда, да проклятая тяга вертит-крутит, заставляя до последнего унижаться ради денег. Антон всё это проходил. Вместе проходили. И тошно от этого, и бессилие двинуться с места не даёт. Молчание затягивается. Костик тоже не двигается, смотрит под ноги.

Снизу слышатся шаги. У обоих как будто отлегло.

– Чего стоишь, ключи что ль забыл? – дед смотрит на Антона, неспешно поднимаясь по лестнице.

– Дед! Привет! Да нет, вот встретился тут... А ты чего? – Антон готов деда расцеловать, вовремя он пришёл.

– В магазин ходил. Папиросы кончились. Чего тут-то отираетесь, если ключи есть?

Костик едва слышно произносит “здрасьте” и отворачивается, как будто смотрит в окно.

– А чего, друг-то твой не зашёл? – дед неспешно стягивал ботинки, присев на обувницу.

– Костик? Да нет, он не зайдёт. Он из тех, давних.

Дед покосился на Антона:

– Из дурных твоих, что ли?

– Ну да, из... из *употребляющих*, – опять это чувство вины, стыда.

– И чего вам неймётся... Молодые мужики. Ты-то хоть уже не балуешься? – дед, кряхтя, поднялся, стянул куртку. Антон стоял, как будто провинившийся школьник.

– Дед, я ж тебе говорил. Я уже семь лет как чистый. Иначе я бы сейчас не работал, а вон... как Костик. Да деньги бы у тебя таскал.

– Я б тебе потаскал! Деловой, – дед направился в ванную. – А он чего? Курит дрянь эту?

– Колется, – тихо выговорил Антон. – Да, думаю, да.

Антон стоял в смятении. Так бывало всегда, когда он видел бывших друзей, когда замечал на вокзалах эти трясущиеся руки, маниакальные взгляды. Потом долго ещё не отпускало.

Дед вышел из ванной:

– Чего стоишь? Пошли! Ужина ещё нет, а матч через полчаса. Вон натекло с тебя.

Антон машинально разделся, стянул промокшую толстовку и протиснулся в кухню. Дед налил воды в кастрюлю, поставил на плиту и присел рядом.

– Курить будешь?

– Да не, дед, я ж не курю, ты знаешь.

– Ну, это я так. Не очень-то ты радостный от встречи с другом... Это тот, который без глаза?

– Он самый. Костик.

– И чего дурень колется! И так девчонку не найти, а тут ещё наркоманит.

– Дед, ну у него ж травма.

– Да я помню, что без глаза. Но и слепые, вон, живут и ничего.

– Я про психологическую.

– Это чего такое? – дед достал, было, папиросы, но убрал в карман. – Назовут же ещё умными словами.

– Понимаешь дед, это ж как смерть так близко видеть. Мне самому до сих пор страшно. Может, оттуда всё и началось.

– А чего её бояться, смерть? Раз рядом ходит – ещё не скоро заглянет. Видать, не подходишь ты ей.

– Да ладно б на войне, а пацана на всю жизнь просто так покалечило, обидно!

– Это всегда обидно. Я вот, помню, у нас тоже ребята калечились, да и помирали ни за что, в училище.

– В войну? Так ты ж в эвакуации был, в Азии, разве там много умирало? Кормили, небось, хорошо.

– Кормили хорошо, это да. У курсантов паёк, как на фронте, калорийный. Надо же было этих ребят как-то вырастить... Училище... Это у нас под Саратовом лётное училище было. А когда в Туркменистан в сорок втором эвакуировали – одно название осталось. Да и то потом поменяли на “лётный лагерь Кара-Бугаз”. Представь – пустыня бескрайняя. До ближайшего городка Кизил-Арбат километров семьдесят. Весь лагерь – десятка два военных палаток да пара дощатых доми-

ков – для начальства и хозчасти. И вокруг самолёты стоят, брезентом прикрытые. Вот тебе и всё училище... А чуть дальше кладбище... в месяц двух-трех точно хоронили. Мне тогда сколько – лет десять, получается, было? Отец задание дал – на фанерках звезду рисовать, имя и дату. Помню, сначала тяжело было – пыхтел, всё хотелось покрасивее, а сам плакал. Рисую, а перед глазами лицо этого Петьки или Лёши. Они ж со мной все за руку здоровались, учили разному: кто на гармошке губной играть, кто стихи какие-нибудь. Отец после каждых похорон подолгу, бывало, сядет и молчит. А потом говорил, мол, держись, Вовка, это война. Иногда за неделю двоих могли хоронить. Тоже всё рядом ходила, смерть эта.

– Заразу, что ль, подцепляли?

– Да нет, молодость, видать, их губила. Самоуверенность, пыл, в небо хотели.

– А как же их в небо отпускали, неподготовленных?

Дед рассеянно похлопал по пиджаку, потом снова выудил из кармана смятую пачку “Явы”.

– А как ты его непустишь? Их присылают с бумажками, что всю теорию прошёл, и с указом в такие-то сроки подготовить для выполнения боевых задач. А они до этого самолёты только по книжкам изучали. Мальчишки, и двадцати не было, только-только из-за парты. Отец сколько мог их натаскивал. Ты представь, парень из какой-нибудь Якутии. А тут жара каждый день – сорок! У меня, у пацана волжского, голова к обеду гудела от зноя. А им весь день занятия слушать, потом в *машине* раскалённой сидеть отрабатывать. Да и самолёты, сам понимаешь, лучшие на фронт отправляли. А нам старьё да что попроще. А если ещё буря песчаная...

Дед покрутил папиросу, кряхтя потянулся за спичками, неожиданно громко продолжив:

– Ребята эти – все на фронт рвались! Эх, как куражились они в небе – глаз не оторвать. Отец ругал их страшно, и полётов лишал, и наряды раздавал. А им что... Каждый ведь считает, что смерть рядом пройдет, его не тронет...

Дед задымил.

– Не тронет... От этой дряни, говорят, тоже помирают! – дед с ухмылкой показал Антону дымящуюся папиросу. – Так что уж её бояться, смерть эту. Она найдёт, где прибрать.

Антон вспомнил, сколько раз снился ему кошмар про тот гвоздь, мог ведь свернуть чуть раньше и тогда угодил бы не в Костика, а в него. Сколько раз прокручивал он малейшие детали, которые могли всё повернуть по-другому. Он попытался выбраться из воспоминаний, стал разглядывать привычные предметы на кухне. Поглядел на деда. Может, что-нибудь расскажет. Хорошо бы, а то совсем тяжело на душе.

– Помню, хозяйственник у нас был – Василич – толковый мужик. Его тоже, как отца моего, на фронт не пускали. Только отца из-за квалификации, чтоб молодых учил, а у этого полступни не было, оторвало на заводе. Так вот, очень сообразительный был, отец за него держался... Он, понимаешь, умел как-то гробы доставать!

– Да уж, прям гений! Добра-то. Лучше б самолеты доставал нормальные! – Антону не нравился разговор, все больше удививший к теме смерти.

– Э-э, темнота! Это тебе сейчас на каждом углу похоронное бюро, в каждом райцентре, небось, есть. А ты представь, ближайший аул – два часа езды на разваленном грузовичке. Туда не повезёшь хоронить, это на весь день машину занимать. Да и местные настроенно к нам относились, и хоронят они по-своему. А вокруг училища – пустыня. Землю копать – мука. А если не глубоко закопать – так ветром быстро верхний слой снесёт, а там и падальщики налетят. Без гроба здесь никак. Да и человек честно хотел за Родину воевать. Он что, своего места не заслужил на земле? Вон их сколько, до сих пор ищут, тех, кого похоронить не могли! Леса прочёсывают, целые районы. Велика она, земля наша, забрала себе, спрятала, обратно отдавать не хочет.

– А как же другим курсантам похороны: так ведь и боевой дух напрочь сбить можно?

Дед помолчал, прищурился, то ли от едкого дыма, то ли по привычке.

– Боевой дух... это дело такое..., – дед неожиданно ухмыльнулся. – Помню, Василич как-то приезжает, а у него в машине сразу десяток гробов. Отец хмуро на него глянул, но что тут скажешь. Василич-то мужик толковый. Он всё отцу разложил: мол, пока он десять раз туда-сюда съездит, сколько машина километров накрутит, и так едва дышит. А им о живых заботиться надо, вдруг кто покалечился или заболел, а машины нет.

– Изворотливый твой Василич был.

– А как по-другому в военное время! Ему всё училище обеспечивать надо и едой, и одеждой. А спрос весь с него. Там ведь чуть что, объяснений не примут. Жёсткое время было!

– Всё равно, не по себе как-то. Гробы впрок.

– Да это ещё чего! Вся штука была в том, что хранить эти гробы негде было! Бараки заняты. Лишних построек нет, даже сарайчика какого свободного, где их возмёмшь, стройматериалы? Не ставить же гробы курсантам в палатку или столовую!

Антон невольно ухмыльнулся:

– Да уж, товар не самый приятный, под кровать не спрячешь.

– Вот-вот. Так он их за хозчастью поставил. Курсанты мимо идут, а тут – гробы. Территория маленькая, хочешь – не хочешь, наткнёшься. Не выдержали ребята. Сначала просто роптали на Василича. А потом взбунтовались. К отцу пришли, забастовка у них! Представляешь?

– Вполне логично. Люди всё-таки! Имеют право.

– Да какое право?! Война! Всех под трибунал за такое дело могли! Чудак-человек, это ж советские солдаты, в военное время подрывали дисциплину в лётном училище! Их по-хорошему арестовать и отправить в город для разбирательства, да поскорей, чтобы агитацию не разводили!

– Дед, это ты такой умный уже тогда был? Или сейчас понял? – Антон улыбнулся редко наблюдавшейся у деда эмоциональности.

Дед ухмыльнулся:

– Да не, я-то что. Я тогда перепугался. Лица у них, понимаешь... лица такие были, когда вошли... Испугался, что отца убьют... У меня же никого кроме него и не было. Помню, тайком приказы все читал, что ему приходили. Боялся, что его на фронт оправят... Но отец с ними держался жёстко. Они сначала молчали – а взгляды исподлобья. Потом один, умный такой паренёк был, Пашка Лосев. Он вперёд вышел и говорит уже так неуверенно, будто просит, а не ультиматум ставит. Я тогда помню, почувствовал, что отпускает меня страх: не сделают ничего отцу. Жалко их стало. Эх, малы пацаны были. Им бы ещё жить да жить...

Дед затушил сигарету.

– Так чем закончилось?

– Закончилось? Так ведь победой, Антошка! 9 мая – не знал что ль? – дед подмигнул.

– Да ну тебя, дед! С гробами что?

– С гробами-то? – дед достал обмётанный покойной бабкой платок, вытер лоб, аккуратно сложил его, как будто невзначай, погладил. – Отец долго ребят молчанием мучил. А потом говорит – так, мол, и так. Под трибунал он их не отправит. Дураков малолетних. Не для того, мол, страна их обучала, деньги тратила, чтобы потом они до фронта не добрались! Но за такие бунты с каждого наряд вне очереди: отдраить всё училище до блеска! Новые гробы такими партиями привозить не будут, но и эти обратно не отправят. А раз что не нравится, то пусть сами придумают, куда их спрятать. Срок – двое суток. Хоть портянки свои переведут, чтобы укрыть, ему, мол, всё равно.

– Пожалел, получается...

– Пожалел.

– А гробы-то куда?

– А они их разобрали. – Дед лукаво улыбнулся. – Сложили стопочками, все гвоздики да доски, как положено. И в хозсарае вдоль стены припрятали. И места мало занимают, и как будто, понимаешь, не гробы, а просто доски лежат. А как понадобятся – так собрать за полчаса можно. Гордые ходили, вроде как начлёт¹ победили.

Помню, потом отец с Василичем сидели на крыльце, выпивши, курили, в небо смотрели. Василий ворчал: “Пожалел, выходит?” “Война сама решит, кого пожалеть, – сказал отец. – А хоть пару месяцев пацанам ещё пожить”. Потом Василий успокоился. Вспоминать стали ребят ушедших. А отец ему и шуткует: “Василич, смерть – она же баба. Баба своё барахло везде приметит. А у нас барахло всё ненужное – вместо гробов доски в сарае да гвоздики. Глядишь, баба-то глупая, не поймёт, мимо пройдёт”. Так что, Антошка, чего бабу-то бояться. Ходит она рядом, ну и пусть себе ходит.

Дед поднялся, посмотрел на кастрюлю.

– Тьфу, дурак старый! Газ не включил! Вот тебе и пельмени!

Антон улыбнулся:

---

¹ Начлёт (разг.) – начальник лётного училища.

- Иди, дед, а то сейчас футбол начнётся. Я сам. Приготовлю – принесу тебе.
- А ты что ль пропустишь начало?
- Да иди-иди, фанат. Я по твоим крикам и так пойму, что происходит.

Антону хотелось побыть одному. Подумать. Ему нравились байки деда. Для Антона они никогда не звучали как эти поучительно-назидательные “а вот в наше время... что у вас за проблемы по сравнению с нашими... так что сидите и не нойте”...

Когда-то такие нравоучения бесили Антона, толкали на улицу запить, занюхать. Все почему-то считали, что его можно вылечить постоянными упрёками и давлением. Сколько лет этот замкнутый круг было не разорвать. Они с Костиком часами жаловались друг другу, ненавидя весь мир, оправдывая каждую новую дозу безысходностью и враждебностью окружающих... Это тоже была война. Годы ушли у Антона, чтобы понять, что только ты сам можешь выбрать, на чьей будешь стороне. Что посередине остаться не получится. Так же как и бегать туда-сюда. Он выбрал. А Костик... Костик решил остаться там. Ему как будто и не к кому было идти сюда. Да и сил, наверное, не было. Слишком долгой и выматывающей была его борьба за выживание.

В рассказах деда Антон любил эту спокойную интонацию. Может, и в его жизни когда-нибудь настанет такое время, когда обо всех своих страхах и травмах он будет рассказывать так же размеренно и тихо, как будто всё случилось в далёкие-далёкие времена...

– Да ну что ж вы творите, бесстыжие! Кто вас понабрал?! Ноги бы оторвать! – послышалось из комнаты.

Антон улыбнулся.

КЛАД

- Слышь, пацан, что за баракло у тебя?
- Дяденька, купите тюльпаны! Красивые какие! Жене подарите!
- Где нарвал-то?
- Да в парке, далеко отсюда! Там много!
- И почём продаёшь?
- 100 рублей за штуку!
- Ну, ты борзый! Вон в цветочном – 50.
- Мне деньги нужны. Очень!
- Так у родаков попроси.
- Нету...
- Денег нет?
- Родителей нет. Бабушка нас с сестрой воспитывает. Мамка умерла зимой, а отца я не знаю.
- Ну и чё, бабка тебя сюда послала? Или на сигареты деньги стреляешь?
- Нет, я не курю! Бабушка не знает. Она в больницу попала, старая уже.
- На лекарства что ли ей? Сколько надо?
- Да нет. На крещение. Сестрёнке.
- А это зачем?
- Если бабушка умрёт, нас с сестрой в детский дом сдадут. Сказали, что в разные; она маленькая совсем, а мне уже десять лет! А там, в детдоме, чего только не творят! Кто за неё заступится, если меня рядом не будет? Только Бог! А она не крещёная. Раз не крещёная – то и не заступится!
- М-м, это тебе кто сказал?
- Бабушка сказала, что когда родителей нет, только Бог заступится, никому другому верить нельзя. Меня крестили маленьким, а сестру так и не успели. А вот теперь вдруг бабушка умереть может. Нужно обязательно крестить, пока нас не забрали. Соседка говорит, она дня три присмотрит за сестрой, а потом уже не сможет, надо будет в приют звонить.
- Мужчина посмотрел на Витьку, на его тюльпаны.
- Мороженого, может, хочешь?
- Не хочу. Мне деньги нужно заработать.
- Мужчина постоял некоторое время, как будто оценивая Витькин товар.

– Пойдём, отойдём что ли, где потенистей, куплю парочку.

Витька, воодушевлённый мыслями о первых деньгах, помчался в сторону сквера. Мужчина неспешно пошёл за ним.

– А мамка у тебя отчего умерла?

– Не знаю. Бабушка говорит, уколы какие-то плохие делала и умерла. Кто-то подсунул плохие лекарства.

Мужчина хмыкнул и пробежал взглядом по Витьке.

– Да, уколы нынче часто плохие. Тебе не колола она свои уколы?

– Да нет, я же не болел. А мама много болела. Ей всё время было плохо, она лежала белая-белая и тряслась. Только уколы и помогали.

Витька переминался с ноги на ногу, не решаясь уже попросить денег за цветы. Времени оставалось мало.

– А вам какие дать: жёлтые или красные?

Мужчина помолчал немного. Потом как-то недовольно сморщился.

– Что-то они совсем хилые у тебя. Слушай, а ты по-другому заработать не хочешь?

– Да нигде не берут! Я уже просился и в кафе, и газетами торговать. Говорят, я для такого слишком маленький! Только с четырнадцати лет работать можно, иначе полиция поймают.

– Есть у меня работёнка, для которой ты в самый раз подойдёшь. И полиция таких не ловит... Хочешь?

– Хочу, конечно! На мойке что ли?

– Нет, у нас интереснее. Тебя как звать-то?

– Витёк!

– Ты, Витёк, клады когда-нибудь искал?

– Ну да, – радость Витьки поугасла. Времени на клады у него не оставалось. – Только вон в фонтане проще монеток набрать, чем клад найти.

– Это верно. Но у нас работа наоборот: клады прятать, чтобы потом другие находили, понимаешь?

– Понимаю! – Витька не очень понимал, но хотел сойти за взрослого; вдруг и правда работу предложит. Да ещё такую интересную.

– В общем, давай через полчаса подходи вон в ту цветочную палатку через дорогу. Там скажешь, что от дяди Миши.

– А причём тут клад?

– Там тебе дадут клад. Ничего интересного: маленький пакетик, семена. Вот тебе их нужно будет спрятать. Тебе скажут, куда.

– И всё?

– И всё. Если справишься – получишь 100 рублей. Для первого раза. А потом получишь ещё клад, и за него уже сможешь получить больше. Чем больше кладов спрячешь, тем больше заработаешь.

– А не обманете?

Мужчина улыбнулся и потрепал Витьку по голове.

– Вот, вижу, умный, правильно, что интересуешься. Тюльпаны мне твои не нужны, но я дам тебе сто рублей, чтобы ты был уверен, что не обману.

– Просто так?

– Просто так. Я же тоже надеюсь, что ты не обманешь и спрячешь клад правильно. Потом вернёшься к палатке, тебе там отдадут твои заработанные сто рублей.

Витька выжидательно смотрел на мужчину.

– А можно сразу несколько взять, чтобы больше заработать?

– А ты, малый, не промах! – мужчина хмыкнул и достал из кармана сотню. – Давай для начала с первым справишься, а я посмотрю, на что ты способен. Вот, держи. Только уговор: никому об этом не говорить, понял?

– Понял! Это ж клад!

– Вот-вот. Этот клад очень нужен определённым людям. Но другие могут тоже захотеть его получить. За просто так.

Мужчина протянул сотню и улыбнулся.

– Не забудь, подходи через час к палатке со своими тюльпанами.

Витька с нетерпением ждал дядю Мишу. Работа оказалась ерундовой. Он спрятал малюсенький свёрток за трубой дома в соседнем дворе. Всё, как сказали в цветочном. Его не обманули, сто рублей дали. Но следующий клад сказали, даст дядя Миша. И вот теперь он ждал.

Витька уже посчитал, сколько кладов ему надо спрятать, чтобы хватило на крещение. Он представлял, как придёт с гордостью в церковь, покажет деньги, и та вредная бабка запишет сестрёнку. Он вспомнил, как прогнала она его утром... Витька долго стоял при входе, не зная, к кому обратиться в пустом и тихом пространстве церкви. А потом увидел бабульку, которая гасила и выбрасывала свечки. Она сказала, что крещение – это тоже работа, и за неё надо платить. На Витькины объяснения, что денег нет, она начала подталкивать его к выходу – “чтобы не шумел в приличном месте”.

Дядя Миша подошёл, когда уже начало темнеть. Он издали увидел Витьку и махнул ему головой, показывая в сторону подземного перехода. Витька помчался вслед.

– Ну что, малой – молодец! Проверили, сказали; ты отлично справился.

– А кто проверил? Уже нашли клад?!

– Да, нашли! Всё правильно спрятал.

Витька немного растерялся. Он не понимал, зачем кому-то рассказали, где спрятан клад, чтобы его так быстро нашли. Но дядя Миша был вроде доволен.

– А ещё дадите?

– Дам. Но не здесь. Сейчас зайдём в метро. Держи проездной. Зайдёшь со мной в один вагон, но сядь подальше, чтобы никто не знал, что мы вместе. Понял?

– Понял! А то следить будут?

– Вот-вот. Игра такая. Следить будут. Выйдем через четыре остановки на конечной. Там тоже будет палатка с цветами. Я уйду по делам, а ты к ним подойдёшь, они дадут тебе сразу два клада и два места, где спрятать. Справишься – получишь ещё 250 рублей.

– Справлюсь! А можно сразу много кладов?

– Сразу нельзя. Ты можешь забыть, где прятать, и пропадёт товар. Семена, то есть.

– А они дорогие?

– Конечно! Так что если ты вдруг потеряешь или не там спрячешь, придётся тебе за них самому платить или отрабатывать. Пакетик – четыреста рублей. У нас с этим строго! А то бабушке твоей придётся отдавать.

– Понял! Нет, я не напутаю ничего. Пойдёмте скорее, может, успею ещё больше спрятать!

– Может, и успеешь. Но не забудь: если кто спросит, ты меня не знаешь. Просто играешь с мальчишками, прячешь клад, кто дал – не знаю, сам нашёл. Понял?

– Да понял-понял! Я всё сделаю!

– Ну, вперёд. Да, и в том цветочном скажешь, что ты от Стаса.

Витька счастливый шел домой. В кармане у него лежали семьсот рублей. Он почти не устал. Только с одним кладом оказалось сложно: сказали закопать возле дерева и сверху прикрыть камнем. А совка с собой не было. Земля из-за жары была сухая, пришлось ковырять её пальцами. Он посчитал, что за два дня соберёт всю сумму. А если вдруг повезёт, то и за завтра.

Бабушка говорила, что в случае беды им с сестрой надо идти в церковь: “Там никого не бросят. Бог всех, кто к нему приходит, любит и оберегает”. Теперь Витька был доволен. Он заработает столько, чтобы и сестрёнку Бог полюбил.

Поэзия

Евгений Семичев

Семичев Евгений Николаевич родился в 1952 году. Окончил Куйбышевский (Самарский) институт культуры (по образованию режиссёр) и Высшие литературные курсы Московского литинститута. Секретарь Союза писателей России. Автор 9 поэтических сборников и множества публикаций в центральных и региональных изданиях России, антологиях и коллективных сборниках. Лауреат всероссийских литературных премий. Живёт в Самарской области.

* * *

В этом мире Праздник Солнца
Миллиарды зим и лет.
И к чему ни прикоснёшься –
От всего исходит свет.

Тьму веков пронзает светом
Неба солнечная твердь.
И не надо быть поэтом,
Чтобы горний свет узреть.

Облаков льняная млечность.
Небо плещет синевой.
Перемальвает вечность
Солнца жернов огневой.

На поля, луга и ельник,
На полынь и бересклет
Бородатый сеет мельник
Негасимый Божий свет.

А в лучистом горне солнца
Для земных насущных треб
Божьей волею печется
Золотой небесный хлеб.

Этот мир искрист и светел.
И блажен из века в век.
В этом мире, что он смертен,
Знает только человек.

Отчего ж стою печальный
Светом солнечным сражён?
Оттого, что – гость случайный
Я на празднике чужом.

* * *

Окно всегда считалось ликом
В державном русском терему.
Проходим, странникам, каликам
Вменялось кланяться ему.

В миру ещё во время-оно
Не дверь, не красное крыльцо –
Окно светилось, как икона,
И света отчего лицо.

Да, русич по миру скитался,
Но возвращался в отчий дом.
А, уходя, окно старался
Забить андревским крестом.

Что значило – в житейском море,
Святую вознося мольбу,
Безродное не мыкать горе,
А рускую пытаться судьбу.

Пётр прорубил окно в Европу,
Чтоб утвердить России стать.
Чего так рвутся остолопы
Лицо державы забивать?

Неужто сын, как вор безродный,
Стыдись перед Европой всей,
Забьёт доскою лик иконный
Несчастной матери своей?

БРАТКИ

Костерок у притихшей реки.
Птахи певчие в небе порхают.
Постреляли крутые «братки»,
А теперь по трудам отдыхают.

Постреляли таких же «братков»
Из чужой и непрошеной стаи...
Дух хмельных голубых васильков
В чистом небе блаженно витает.

Вожделенно дымят шашлыки.
Водка плещет ручьем быстротечным.
Поминают убитых «братки»,
Памятуя о Царствии вечном.

Уложили чужих и своих
Без суда и разбору, по пьяни.
Бог, прими души грешные их!
Все по жизни они христиане.

Не вини, не казни, не клейми
Воровскую блатную ораву.
А как есть, всю её восприми,
Как воспринял убийцу-Варраву.

Ибо все они – эти и те –
Люди русские, кровные братья,
На соседнем с Иисусом кресте
Распахнули для мира объятья.

Не лишай их всевышней любви
И прощенья родного народа.
Ведь извечно по горло в крови
Восседает на троне свобода.

* * *

Когда ночь над московским Кремлём
Стелет ангелам Божьи полаты,
Прилетает двуглавый орёл
И, нахохлясь, сидит у кровати.

Сиротливо он жмётся к плечу
И в две глотки протяжно вздыхает:
«Эх, соколик, давай прокачу!
Президент ничего не узнает.

Надоело висеть на гербе
За грехи человечьи распятым,
Вот и я прилепился к тебе,
Как старшой брат ко младшему брату.

Ты, какой-никакой, всё же – свой.
Кто ещё обо мне пожалеет?
Тяжело жить с одной головой,
А с двумя и того тяжелее...»

«Не горюй! – я орлу говорю,
Заключая по-братски в объятья. –
Ни за что я тебя не корю.
Завтра снова тебе на распятье.

На Руси, на спесивой Москве,
Испокон в головах паутина.
А одна голова или две –
Это Господу Богу едино...»

* * *

Читал мои стихи и плакал,
Печаль не в силах превозмочь.
Спать не давал своим собакам –
Стихами их травил всю ночь.

К утру его подушки взмокли.
Постель насквозь проволгла вся.
Собаки от волнения сдохли,
Печали не перенеся.

Он встал, шатаясь, словно пьяный,
Себя не помня, как в бреду.
Лопату взял, чтоб вырыть яму
И закопать собак в саду.

Хотел от горя застрелиться,
Припомнив все свои грехи.
Подумал и – решил напиться,
И больше не читать стихи.

Он пил полгода без закуски,
Устроив знатную гульбу.
Он был отважный «новый русский»,
А вот теперь лежит в гробу.

Как пошутила беспристрастно
Над ним насмешница-судьба...
Поэзия – небезопасна.
Помянем Божьего раба!

* * *

Вышел и бросил стихи на дорогу.
Видно, пришёл их черед.
Или же чёрт на ходу сломит ногу.
Или же Бог подберёт.

Бог не торопится. Чёрт догоняет.
Всё же решился настичь.
Глазки прищурил, лукаво пеняет:
«Вы обронили кирпич.

Ежели так станет, походя, каждый
Всякий разбрасывать хлам...
А уверяли доверчивых граждан,
Что строить будете храм».

Господи! Что он ко мне привязался?
Я никогда не любил
Этих досужих, премудрых мерзавцев –
Парнокопытных дебил.

Боже, избави от этого срама.
Всем, чем могу, услужу.
В стену небесного вечного храма
Скромно кирпич возложу.

Пусть он в сверкающей кладке лучистой
Грозной восстанет стеной
Против пронырливой силы нечистой
Этот кирпич именно.

* * *

Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.

Полыхает костром зоревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем.
И не сгинет Россия, куда живёт
На спасительном выдохе Божьем.

Зря кликуши истошно хоронят её.
Пировать на костях не придётся.
Понапрасну клубится над ней вороньё –
Не затмить ему русское солнце.

И пребудет Россия во все времена,
Потому что на вечные лета
Светом Божьим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.

ЯСАК

1

– Что ещё русские, плачут?
– Воют и волосы рвут.

– Видно, они нас дурачат,
Если так дюже ревут.
Что же, обратно идите.
Режьте, как подлых собак.
Глотки зубами порвите,

Но соберите ясак.
Бейте. Давите арканом.
Жгите огнём и бичом
Видно презренным шакалам
Есть ещё плакать о чём.

2

– Что ещё русские, плачут?
– Нет! Они горькую пьют.
Пляшут. Друг друга собачат.
Песни срамные поют.
Видно, устали бояться.
Нечего больше терять.
Если к рассвету проспятся,
То соберут свою рать.
Шибко они матерятся
В пьяном угарном бреду...

– Значит пора возвращаться
Нам в Золотую Орду.

* * *

Ну, что дружок, продрог? –
Садись поближе к печке.
Буран в бараний рог
Согнул ветлу у речки.

Упрямый, как баран,
Таранит стекла окон.
Ослабясь на буран,
Труба завывла волком.

Благословим судьбы
Звериные повадки.
Дым плещет из трубы.
А значит – мы в порядке.

Труба ревет, как зверь.
А за родным порогом
Буран упёрся в дверь
Своим кручёным рогом.

Налей себе вина.
И мне по дружбе малость.
Буранная страна
В наследство нам досталась.

И ледяной таран
Нам от роду не страшен.
Пускай буран-баран
Под нашим боком пляшет.

Какая – к черту! – грусть?
Вино печаль развеет.
Заснеженная Русь
Сынов в объятьях греет.

Вино разгонит кровь
И сбросит с плеч усталость.
Буранная любовь
Нам к Родине досталась.

Стоит, как святой дух,
В буранном переулке
Небесный наш пастух
В своей буранной бурке.

Среди буранной тьмы
Рыдают колокольцы,
Чтоб не забыли мы,
Что мы Господни овцы.

Чтобы смогли найти
Тропу к своим истокам.
И с млечного пути
Не сбились ненароком.

В космической пыли
Клубится русский воздух.
В шестую часть земли
Упёрся божий посох.

Россия – третий Рим.
Другого быть не может.
Крылатый Серафим
Целует посох Божий.

Взгляни, дружок, в окно:
Там небо стужу мелет
И млечное руно
России в ноги стелет.

* * *

Когда полночные снега
Укрыли пастбища и доли,
Мой сад оделся в жемчуга,
Дремучий, как туземец голый.

Плеснула стайка снегирей
Ему на ветви алой краски.
И сад, как племя дикарей,
Заколыхался в дикой пляске.

То ли колдун, то ли шаман
Шиповник лупит в лунный бубен.
А кто из нас сегодня пьян? –
Мы с ним разгадывать не будем.

И нету в том вины ничьей,
Что оба мы пьяны, как черти.
Но я его ещё дичей
И весь, как есть, в звериной шерсти.

Во мне проснулся вольный зверь,
Что спал под волчьей шкурой ночи.
А ну, посмотрим, кто теперь
На пляски дикие охочей.

Такая темень в декабре –
Мороз мурашками по коже.
Вселенная с луной в ноздре
На вепря лютого похожа.

Кого из нас хоть раз луна
Хмельным не опоила светом?
Россия – дикая страна,
Где всяк рождается поэтом.

Не говори мне о любви.
О ней премного люди знают,
Когда в метель, как соловьи
Собаки в рифму завывают.

В такую ночь, хоть волком вой,
Призрев рассудочную трезвость.
Мир укрывает с головой
Зимы разнеженная зверость.

Мне по душе хмельной дурман.
Он кровь горячую не студит.
А кто из нас, читатель, пьян? –
Давай разгадывать не будем.

Поэзия

Александр Кердан

Александр Кердан родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных Силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор 57 книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, на Урале и в Западной Сибири. Стихи переводились на английский, немецкий, итальянский, болгарский, белорусский, азербайджанский, хантыйский, коми и др. языки. Лауреат Большой литературной премии России, все-российских и международных литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ. Награжден орденом Дружбы и многими медалями. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живет в Екатеринбурге.

ЗАПОЗДАЛАЯ МОЛИТВА

Господи, помилуй, Господи, прости,
Что грешил так много на своём пути...
Научи смиряться, ближним не пенять,
И хулу, и славу – всё, как есть, принять,
До последней точки, до исхода дня,
Где за всё бывшее спросишь Ты с меня.
Мне от глаз Отцовских некуда уйти:
Господи, помилуй! Господи, прости...

В СКОРОМ ПОЕЗДЕ

Я – один в купе. Дорога
Перестук колёсный множит...
Подводить пора итоги –
Жизнь оценивать поостроже.

...Вспомнил мамину работу –
Стук «костяшек» счетоводных...
Мне давно домой охота,
Но отчёт у мамы сводный:

Дебит-кредит за полгода –
Бьют «костяшки» друг о друга...
За окошком – непогода,
Разыгралась нынче вьюга.

Мама трудится до ночи,
Еле движутся минуты...
Я устал, и страшно очень
Завывает ветер лютей.

Но уйти нельзя и, значит,
Потерпеть немного надо...

Мама справится с задачей
И меня одарит взглядом

Одобряющим, бездонным,
Нет которого добрее.
По тропинкам заметённым
Побредём домой мы с нею...

...За окном мелькают годы,
Мельтешат, итожа память,
Не боюсь любой работы –
Так меня учила мама:

Не давать себе поблажки,
Если делать, то – на совесть...
Всё стучат, стучат «костяшки»,
Всё летит мой скорый поезд.

* * *

С чего – не знаю – сердце возрпало,
Мол, в детстве ласки мне недоставало,
Мол, не могу теперь припомнить дня,
Чтоб мама просто так к груди прижала,
И пожалела, и расцеловала
Сыночка ненаглядного – меня.

У памяти есть странные провалы...
Меня, конечно, мама обнимала –
Был долгожданным чадом у неё...
Но видно так она меня любила,
Что память как-то вдруг не сохранила
Счастливое мальчишечье житьё.

Я помню маму собранной и строгой,
 Всегда в работе, ведь забот так много –
 Одной ей надо сына поднимать...
 И поднимала с помощью Господней...
 Я отдал всё б, наверное, сегодня,
 Чтоб маму хоть разок ещё обнять!

Склониться к ней, поцеловать ей руки,
 За все не встречи наши и разлуки
 Прощение у мамы попросить...
 Да, ропщет сердце. Оттого и ропшет,
 Что походить на мамино так хочет,
 И понимает, что –таким– не быть...

* * *

Ветер треплет над жильём
 Дыма ветхое тряпьё...
 В доме мы с тобой вдвоём:
 Всё моё – навек твоё.

Всё твоё – моё навек,
 Даже, если дом сутул,
 И скрипит, как человек,
 В этом доме старый стул.

Пусть над крышей дым дыряв,
 Но прозрачны небеса.
 Прагматичный век не прав,
 Что не верит в чудеса.

Потому, что мы – вдвоём,
 И любовь у нас одна,
 И судьба, какой живём,
 Нам на откуп отдана...

* * *

Пройдут и эти времена,
 И будем мы с тобой, жена,
 Смотреть в окошко на закат,
 Где облака огнём горят.
 Но, отпылав, погаснет свод,
 И ночь бездонная придёт.
 И нам уже во тьме ночной
 Не отыскать судьбы иной,
 Как – от звезды брести к звезде –
 По стылой лунной борозде
 И песню новую слагать,
 Что только нам двоим слышать,
 Про времена, которых нет
 Для всех, кто нам глядит вослед...

* * *

Я помню поздний вечер лунный
 И полный лунным светом сад,
 И взгляд любви полубезумный,
 Почти инопланетный взгляд,
 С которым невзначай столкнулся
 И понял, что навек пропал...

И растворился, и очнулся,
 И сам инопланетным стал.
 И потянулся за прекрасным,
 И потерял в душе покой,
 Чтоб весь свой век искать напрасно
 Похожий взор в толпе людской...

* * *

Не знаю, как судьбу благодарить
 За все свиданья наши и разлуки,
 За возвращенье радости – творить,
 У немоты вымаливая звуки,
 Которые слагаются в слова.
 Они приоткрывают понемногу
 И чувств замысловатых кружева,
 И грёзы, что зовут меня в дорогу.
 И страсть, и ревность, и печаль, и боль,
 И радости короткие мгновенья –
 Всё даришь ты, последняя любовь,
 Чтобы отнять потом – без сожаленья...

* * *

Когда покажется, в судьбе –
 Одна сплошная безнадёга,
 И ты живёшь, не помня Бога,
 И Бог не помнит о тебе,
 Остановись и оглянись:
 Как много тех, кому – труднее,
 И бесприютней, и больнее,
 И у кого – несчастней жизнь...
 Им помощи или хотя б
 Им посочувствуй всей душою,
 И в тот же миг – Господь – с тобою,
 И ты – судьбе своей – не раб!

* * *

Если натиск врага невозможно сдержать
 И окоп свой покинуть нельзя,
 Остаётся солдату одно лишь сказать:
 – Вызываю огонь на себя!

Эта фраза прощанью навеки сродни:
Миг – и больше не будет тебя!
Но звучит, как присяга, сквозь веси и дни:
– Вызываю огонь на себя!

Честь дороже всего – даже жизни самой!
Поливает эпоха свинцом,
Не согнёшься, так значит, умрёшь, как герой,
Ну, а струсил – живи подлецом...

Я готов все невзгоды, как данность, принять,
Но судьбу заклинаю, любя,
Дай мне силы такой, чтобы насмерть стоять:
– Вызываю огонь на себя!

* * *

Стихи – о невозможном ностальгия –
Со мной всегда, в любые времена.
Я помню строчки, сердцу дорогие,
И забываю лица, имена...

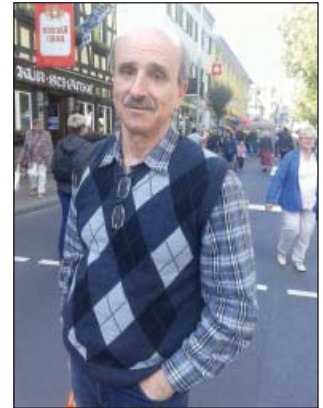
Пусть память с каждым годом всё старше,
Но в каждом слове – прежней страсти пыл,
И я уже люблю стихи сильнее,
Чем тех людей, кому их посвятил.

Поэзия

Владимир Спектор

Владимир Спектор родился в Луганске. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). После службы в армии 34 года проработал конструктором, ведущим конструктором, пресс-секретарем на тепловозостроительном заводе. Начиная с 90-х годов, работал главным редактором региональной телекомпании, собкором киевской газеты «Магистраль». Редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Автор более 20 книг стихотворений и очерковой прозы. Заслуженный работник культуры Украины. Сопредседатель Межрегионального союза писателей. Лауреат нескольких литературных премий. С 2015 года живет в Германии

* * *

С прошедшим временем вагоны
Стоят, готовые к разгрузке.
Летает ангел полусонный
Вблизи ворот, незримо узких.

Там, у ворот, вагонам тесно,
И время прошлое клубится...
Всё было честно и нечестно,
Сквозь правду проступают лица.

Всё было медленно, к несчастью,
Со скрипом открывались двери.
Власть времени и время власти,
Учили верить и не верить,

И привыкать к потерям тоже –
Друзей, что трудно и не трудно.
До одурения, до дрожи,
Себя теряя безрассудно,

Терпеть, и праздничные даты
Хранить, как бабочку в ладони,
Чтобы когда-нибудь, когда-то
Найти их в грузовом вагоне.

Найти всё то, что потерялось,
Неосязаемую тенью...
А что осталось? Просто малость –
Любовь и ангельское пенье.

* * *

У ненависти нет выходных.
И жалости тоже нет.

Зато обожает дать под дых
Привычно, а не в ответ.

Кажется, ей две жизни даны.
А, может быть, даже три.
Смеётся зло над чувством вины,
Не глядя в календари.

* * *

Усопших утопий незримые тени
Витают в просторах Фэйсбука.
Скажи мне: «Ты с теми, а, может быть, с теми,
Входя в зазеркалье без стука?»

Там правда с враньём – наугад, вперемешку,
Там белый становится красным...
Но, коль в короля превращается пешка,
То, значит, игра не напрасна?

А с кем и куда, и зачем, и откуда –
В утопии тонут ответы.
Незримые тени надежды на чудо
Витают в сетях интернета...

* * *

Условно делимы на «право» и «лево».
Как славно незримы «король, королева,
Сапожник, портной»...
Это со мною и с целой страной,

Где всех поделили почти безусловно
На «любишь – не любишь»,
на «ровно – не ровно»,

А будто вчера –
Жизни беспечной была, как сестра,

Страна, где так быстро привыкли к плохому,
Где «эньки-беньки» вышли из дому,
А следом свинец,
Хочешь – не хочешь, но сказке – конец.

* * *

Выжить...
Отдать,
Получить,
Накормить.
Сделать...
Успеть,
Дотерпеть,
Не сорваться.
Жизни вибрирует тонкая нить,
Бьётся, как жилка на горле паяца.

Выжить,
Найти,
Не забыть,
Не предать...
Не заклинанье, не просьба, не мантра.
Завтра всё снова начнётся опять.
Это – всего лишь заданье на завтра.

* * *

Удивить? Это, право, не стоит труда.
Самолёты летят и летят...
В здешнем небе отсюда пути и сюда.
В наше небо ведёт путь назад.

Там тревожно и тесно от птиц и границ,
И от эха разрывов и слов...
Удивить? Это вечностью кажется блиц,
Где любовью зовут нелюбовь.

* * *

«Оглянуться не успела...»
И. Крылов

Оглянуться, всё-таки, успел –
Лето пело, осень подпевала.
Было дело, даже много дел.
В общем, то ли много, то ли мало.

Но холодные глаза зимы
Остудили страсти ненароком.

Всё, казалось, выдано займы,
А пришла пора платить по срокам.

* * *

Кажется игрушечным кораблик,
Озеро – картиной акварельной.
Я учусь не наступать на грабли,
Только это – разговор отдельный.

Безмятежность нежного пейзажа
Кажется обманчиво-тревожной.
Я смотрю, я радуюсь, и даже
Верю: невозможное – возможно.

* * *

Всё случилось неожиданно –
У войны повадки резкие.
Направленье ею выдано
Нам в «края антисоветские».

Да и дома – те же пряники,
Что не куплено – то продано.
Все мы – странники-изгнанники
Из страны, что звали «Родина».

* * *

«Не будь дураком!» – слышал множество раз,
Стараюсь. А всё – никак.
Как был им тогда, остаюсь и сейчас,
Хоть, думаю, – не дурак.

Стараюсь поверить, простить и понять.
А слышу – «всё зря, всё зря»...
Лишь, всё принимая, вздохнут тишь да гладь,
Ни слова не говоря.

* * *

«Утопии остались
в далёком прошлом...»
Из ток-шоу

Обновить, как блюдо на столе,
Небо, землю, воду, времена...
Чтобы было больше на Земле
Счастья, чтоб закончилась война.

Сделать всем прививку доброты,
Чтобы антиподлость, антизлость

Были с антизавистью на «ты»,
Чтобы пелось, елось и жилось,

Как мечталось людям на Земле,
Где щедрот не меньше, чем забот,
Где лежит, как блюдо на столе,
Взорванный войною небосвод.

* * *

Кто прав, кто виноват – не ведают стрижи.
Летят себе, летят – попробуй, удержи...
Попробуй объясни, что нет пути назад
В безоблачные дни. Кто прав, кто виноват...

Вопросом на вопрос – не ищется ответ.
Он слухами оброс, где только «да» и «нет»,
Где правда, как магнит, но не внутри, а над...
Он знает, но молчит, кто прав, кто виноват.

* * *

Нешахматный ум не умеет предвидеть потери,
Беспечно шагает, идёт напролом, наугад.
И что остаётся – надеяться только и верить,
Что пешки пробьются и матом ответят на мат.

Нешахматный ум – дурачина он и простофиля,
Находки с потерями путает наверняка...
И он, и они, да и я, и мы все – жили-были,
Шагая по клеткам пространственного сквозняка.

* * *

Позабывтое эхо вчерашнего дня
Обернулось сегодняшним днём.
От него до меня, никого не кляня,
Сквозь постылость, в которой живём,

Пробивается эхо непонятых слов,
Неуслышанных, добрых, простых,
Где любовь, и вчера, и сегодня, – любовь,
И где вечность не дольше, чем миг.

* * *

Парим, несмотря на печали,
С билетом в один конец,
Сквозь солнечный ветер в начале,
Потом сквозь разрывы сердец.

Судьба продолжает негромко
Какой-то мотив напевать.
Посадка. Печалей котомку
Несём, как бутылки, сдавать...

* * *

Как научиться не ошибаться,
не обижаться,
не ушибаться,
Как разглядеть всё, что скрыто внутри?
Я забываю гул демонстраций,
блеск репутаций,
сон делегаций,
Времени стёртые календари.

Плюс или минус – память сквозь знаки,
сквозь зодиакы,
драки и враки
Ищет ответы, не может найти.
В небе далёком вдруг ненароком
эхо пророка
ветром с востока
Явится, Слово сжимая в горсти...

* * *

Время уходит, цепляясь за крыши
домов, за верхушки деревьев.
И отражается в окнах
спешащих куда-то авто.
Время уходит, и я вместе с ним,
посмотрите направо, налево...
Это любовь догорает,
не ведая, впрочем, за что.

Это любовь освещает, прощает
всё то, что, цепляясь, уходит,
Зная, не зная, что ждёт и не ждёт
там, где выключен свет.
Время уходит, и здесь, далеко,
и в невидимом Каменном Броде.
Время уходит, как будто не помнит,
что времени нет...

* * *

Друг другу, друг друга... С тобой или с Вами.
«Вай-фай» от испуга плюётся словами.
Читай или слушай, кто те, а кто эти...
Уловлены души незримою сетью.

Всех тварей по паре. Сквозь жизнь—одиночку
Не старый и старый, наивный, как строчка
Из книги «Детгиза», от края – до рая.
Как в поисках приза, – витая в «вай-фае»...

* * *

– Ты слышишь, как сердце стучит у меня?
– Нет, это – колёса по рельсам...

– Ты видишь – дрожу я в сиянии дня?
– Ты мёрзнешь. Теплее оденься...

– Ты видишь – слезинки текут по щекам?
– Нет, это дождевики – к удаче...

– Ты чувствуешь – я ухожу к облакам?
– Я вижу, я слышу... Я плачу.

* * *

На окраинах воздух свежей,
На окраинах дышится легче.
Там «Ещё», забыв про «Уже»,
Беззаботно шагает навстречу

Дню и ночи, не думая впрок,
Кто удачливей – принц или нищий?
Тот – не близок, а тот – не далёк...
Ну, а воздух – действительно чище.

* * *

– Всё хорошо. Только небо сердито,
Гром, как внезапный разрыв динамита
Или как эхо ночной канонады...
– Может быть, хватит, об этом. Не надо...

– Всё хорошо. Только дождь без просвета.
– Это преддверие бабьего лета,
Дальней зимы и мужской непогоды...

– Капля за каплей, за годами годы
Всё хорошо, – повторяю я снова,
Мальчик из прошлого. Дедушка. Вова...

* * *

«Больше дела, меньше слов,
До свиданья, будь здоров!» –
Так отец повторял, я смеялся,
а время летело...
«До свиданья» сменилось, увы, на «прощай».
В неизвестность отъехал последний трамвай.
Больше, всё-таки, слов и печали.
Такое вот дело.
А на фотках – улыбки, и взгляд без тревог,
Машет шляпой с трибуны смешной полубог,
И «Ура» отвечают, шагая не в ногу,
колонны...
Больше дела, – отец напевал, – меньше слов,
Я не спорю, допеть эту песню готов,
И пою. Только привкус у пенья
нежданно солёный.

Поэзия

Галина Швецова

Галина Николаевна Швецова родилась в Соколе Вологодской области. Окончила филологический факультет ВГПИ. Автор двух сборников стихов. Участница двух областных семинаров молодых писателей. Лауреат Всероссийского конкурса «Золотое перо». Победитель Всесоюзного юбилейного поэтического конкурса и неоднократный лауреат конкурса Московского Рубцовского центра «Звезда полей». Член вологодского Союза писателей-краеведов. Награждена юбилейной медалью «Николай Рубцов»

* * *

Остывает ли печь
с незакрытым засовом,
или северный ветер
тепло выдувает, –
только холодно женщине
в доме сосновом,
хоть горячая память
и во сне раздевает.
Я примет не боюсь,
я не верю в приметы.
Но подруга моя,
возвратясь из сторожки,
с первым снегом в село
после бабьего лета,
чёрной тучей
в моём отразилась окошке...
Вышла ей открывать.
Кто ты, женщина в чёрном?
Обняла незнакомка
замёрзшей рукою.
Кто ты, женщина? Кто?
Отчего я покорно
пропустила тебя
и прошла за тобою?..
Я примет не боюсь.
Отчего же сегодня
всё мне кажется тайным
и полным значенья:
и подруга пришедшая,
и непогода,
и чужие,
но близкие сердцу,
мученья.

* * *

Ещё один... Ещё один денёк,
Когда выходишь из подъезда – в лето!
Когда трава ещё теплом согрета,
Но в спелых яблоках на холода намёк.

Как в этот миг желанны, видит Бог,
Чуть тронутые осенью ромашки,
Уверенно ползущие букашки
И над тропой последний мотылёк!

Над ивняком, что падает в ручей,
Нависло солнышко бутонем золотистым,
И в тот же цвет оно окрашивает листья,
Как лепестки, на них роняя свет лучей.

Уехать бы куда-нибудь в село,
А вот опять работа до рассвета.
Но знаю я: в селе красиво летом!
Что ж, и с того
мне на душе
светло...

ВЕРБА

Не сошли ещё снега,
Зябко ёжатся луга,
А на вербе у дороги –
Золотые облака.

Может, рой пчелиный сел,
Будто с нёбушка слетел,
Грея бархатные спинки,
Лёгким облачком висел.

Шелохнуться не решусь,
С вербы пчёл спугнуть боюсь
И душистою пыльюю
Всё никак не надышусь...

* * *

Оркестр блаженства на полях
Да синевы канва.
Гляжу на птах, и только «ах!»,
И кругом голова.

В низине юркие мальки
Запутывают след,
Звенит кузнечик у реки,
Чем славит Божий свет.

Одна пред небом в этот раз
В ромашковой глуши,
Где не звучит ни ноты лжи,
И будто исповеди час
Распахнутой души.

Перебираю жизнь свою
Короткую, как песнь.
Я в этом хоре не пою
Ни ночь свою, ни день.

Сомкнул уста ошибок груз,
И никнет голова.
Но для чего-то я живу...
Ведь я ещё жива!..

Летом в лесу
Густые тени трепетных осин
Хранят прохладу озера лесного.
А лес вокруг так светел и красив,
Когда наполнен бурной жизнью снова!

Хвоинками напитана земля,
Истлевших листьев терпким ароматом.
Но, времени пришедшему внемля,
Уж земляники рдеющей – богато.

И золотистым роем мотыльков,
Как будто разлетевшихся от ветра,
В тени ветвей, колеблемых легко,
Порхают блики солнечного света.

Вот стрекоза расправила крыло,
И никуда от комарья не деться.
А на сердце покойно и тепло,
Как на ладонях матери – младенцу...

* * *

Словно рай родимый край:
Вкруговую зори.
Хочешь – ночью загорай,
Ночью света море.

Тьма ушла на краткий срок,
Видно, ближе к югу.
Не найти таких сорок,
Что припомнят выюгу.

Рвётся ввысь любой росток –
Огороду слава!
Смотришь – кризиса виток
Выдержит
держава.

Детям кризис нипочём,
Лишь бы рядом речка,
Папы крепкое плечо,
Мамино сердечко.

Пусть облуплены носы,
Но какое диво:
Зреет капелька росы
На листе крапивы!

* * *

...Не так ли и ты, Русь, что бойкая
необгонимая тройка несешься?..
Н. В. Гоголь.

Спят деревни, молчат колокольни
По обрывам извилистых рек...
А мне снятся летящие кони,
Их следы заметающий снег.

И откуда такое виденье,
Если снова явившимся днем
Не дает мне покоя в деревне
Заколоченный бабушкин дом?

Колокольня за дальним пригорком
На высоком пустом берегу...
А вот снится летящая тройка,
И не видно следов на снегу...

* * *

Потускнели мокрые луга –
Не манят цветами, как бывало.
Серыми воронами стога
Что-то ищут в поле запоздало.

Над тобой не властвуют дожди,
А наоборот – сияет солнце.
Оттого ль киваешь: «Подожди!» –
Глядя в запотевшее оконце?

Но дрожит усталая душа
Сорванным цветком в твоей ладони.
Так зачем же прячешь, не дыша,
В дорожную вазу на балконе?

И смакуешь тонкий аромат,
Нежными любуясь лепестками,
Как дитя невдумчивое, рад
Прикоснуться жадными руками.

В хрустале цветок ещё живой,
Влагу пьёт неверными толчками...
И клонюсь к тебе я головой,
В страхе упираясь кулачками...

* * *

Глаза открыла – светлое окно
Да тишина распаханного мира.
И ты сидишь, наверное, давно.
И будто не перо в руках, а лира.

Не подойду, не встану за плечом –
Так тишина рассветная прекрасна,
И миг спокойных мыслей ни о чем,
Когда и на душе, и в сердце ясно.

А ты тихонько лист перевернешь –
И не случится
Ничего на свете.
Лишь солнечного зайчика вспугнёшь,
Что так доверчив,
Словно наши дети...

Берега юбилеев

Алексей Дмитриовский

*7 сентября исполнилось 90 лет
старейшему калининградскому писателю, поэту, публицисту,
ученому Алексею Захаровичу Дмитриовскому.*

*Его публицистическая статья «Русский мир. Заметки
к определению» открыла первый номер журнала «Берега» – 1 - 2013.
Редакция журнала сердечно поздравляет
Алексея Захаровича и желает крепкого здоровья, большого счастья,
радости, бодрости, энергии! Многая лета!*

Алексей Захарович Дмитриовский – профессор кафедры зарубежной филологии Балтийского Федерального Университета им. Канта в Калининграде. Круг научных интересов – сравнительная типология славянских литератур. В лирике – культурологические мотивы славянской взаимности. Автор множества статей в различных научных изданиях. Сборник статей «Славянские записки». 13 сборников стихов. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Заслуженный работник культуры Российской Федерации

«Певец во стане русских воинов»

Поэма В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» стоит в ряду тех судьбоносных произведений русской и мировой литературы, которые, концентрируя в себе на роковых исторических рубежах созидательно-спасительное самосознание народа, сами становятся фактором его национально-исторического и художественного самоутверждения в настоящем и будущем. Поэма, которая возникла как откровение в самом горниле войны и – из горнила народно-национального духа. Произведение из тех, по которым человек и эпоха сверяют свою жизненную состоятельность и которые сами, обращённые к основам основ национально-исторического существования и, являясь в органически лёгкой речевой форме, обретают непреходящую и в каждую новую эпоху самообновляющуюся и возрастающую художественно-эстетическую и эмоционально-мобилизующую значимость. В связи с этим оправданы имеющиеся типологические сопоставления «Певца» Жуковского с дошедшими до нас фрагментами поэтической героини эллина Тиртея, кельта Оссиана и – великой «Марсельезы» Руже де Лилия. Василий Андреевич Жуковский был участником Отечественной войны, вступив в пехотный полк Московского ополчения в звании поручика, был прямым свидетелем Бородинской битвы, а затем состоял при штабе Главнокомандующего фельдмаршала М.И.Кутузова. Его поэма была написана в короткий и самый трагический период войны: 14 сентября – 18 октября 1812-го, т.е. между занятием французами Москвы и знаменитым Тарутинским сражением, положившим начало изгнания Наполеона из России. Поэт тогда же привёз её в действующую армию, она сразу распространилась в воинской среде, и в обществе, а сам поэт обрёл общенациональную славу. В своём «Певце» Жуковский впервые в русской литературе явил феномен отечественной патриотики не только как неперемногого свойства национально-государственного самосознания, что было и до него (Ломоносов, Тредиаковский, Державин), но и как свойство эмоционально-нравственного мира, как состояния души. Он соединил государственный патриотический долг с семейно-родовыми и сугубо личными чувствами дружбы, любви и художественного творчества, впервые явив в рамках романтического мирозерцания русский национальный характер в его жизненной многомерности и внутренней целостности, и главный философско-исторический импульс произведения и его общий дискурс составило осмысление свершающейся войны в бытийственном столкновении сил добра и зла, предвечного равенства народов и преступной претензии на одностороннее мировое господство,

агрессивной алчности и ответного спасительно-праведного мщения. В сюжете и композиции поэма представляет собой тризну, традиционный у славянских народов торжественно-поминальный и, одновременно, призывно-победный обряд, в данном случае – свершающийся на поле закончившейся битвы, – в составе Певца, поющего гимны, и Воинов, дружно вторящих Певцу. Всего гимнов двенадцать, и эта цифровая символика в её сакральном значении и календарном знаке повторяется также в 12-строчных строфах гимнов, составляющих в своей целостности поэтически типизированный русский нравственно-психологический и национально-исторический мир, оказавшийся перед фактом катастрофической угрозы своему существованию, причём жизненные ценности выстраиваются в гимнах Певца в строгой смысловой последовательности и нарастании идейно-эмоциональной энергетики. Так, воздав в первом вступительном гимне славу павшим героям, поэт сразу обращается к Отечественной истории в её героическом спасительном потенциале, к великим полководцам прошлого. И у читателя по сей день занимается дух при виде этой грандиозной героико-романтической картины:

*Смотрите, в грозной красоте
Воздушными полками
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами.
О Святослав, бич древних лет
Се твой полёт орлиный.
«Погибнем! Мёртвым срама нет!
Гремит перед дружиной.*

И вслед за этим третий и четвёртый гимн славят Родину, Отчизну. Это гимны стране нашего бытия, радости жизни в переживании красоты природы – поля, холмы родные, собственного детства, юности и зрелости, любви и дружбы. Ведь там наши жёны, чада, – наше личное родовое и общегосударственное настоящее и прошлое:

*И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.*

И гимн самому царю, как символу в то время и гаранту Российской государственности. Но самый большой по объёму пятый гимн и за ним шестой, центральные в общей архитектонике поэмы, это уже сама Отечественная война, это гимны ратным и вождям, т.е. рядовым воинам и генералам, полководцам, коих в поэме 26. Причём Жуковский даже при самом высоком пафосе романтической героизации являет своих персонажей в конкретных жизненных свойствах и боевых делах, в увлечениях мирной жизни, иногда в биографических деталях и даже в чертах внешности, и поэтому все они для современников были доподлинно узнаваемыми. Это ранение генерала Воронцова, известный манёвр генерала Кудашева, геройская смерть самого молодого генерала (в 22 года!) Кутайсова, увлекавшегося в мирное время поэзией и музыкой (Во струны ль арфы ударял – / Одушевлились струны), смертельное ранение генерала Багратиона. И возглавляет в поэме этот героико-патриотический ряд Главнокомандующий Русской армией фельдмаршал князь Кутузов:

*Хвала тебе, наш бодрый вождь
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь
И труд он делит с нами
О, сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!*

Таковы его внешность и героический характер в неразрывном единении полководца и воинства. И здесь же картина реального появления орла в небе перед Бородинской битвой во время смотра Главнокомандующим своей Армии, что было воспринято всеми как знак грядущей Победы:

*О диво! Се орёл пронзил
Над ним небес равнины.
Могущий вождь главу склонил.
Ура! Кричат дружины.*

Но хронотоп поэмы, её художественное время и пространство выходят далеко за пределы Бородинской битвы, отражая события до неё и после. Это подвиг генерала Раевского в бою под Салтановкой 23 июля с легендарным эпизодом участия в этом бою его юных сыновей, и успешные партизанские рейды атамана Платова, Фигнера, Дениса Давыдова, который в мирное и военное время одинаково счастливый певец вина любви и славы.

Седьмой гимн переводит вектор авторского вдохновения и читательского сопереживающего пафоса на уровень философско-поэтического осмысления насильственно-захватнической войны французов и спасительной Отечественной войны русского народа. Автор вскрывает внутреннее бессилие армии Наполеона, восходящее из тьмы племён, из «двенадцати языков», которые реально жаждут низложения императора, а его самого поэт перифрастически именуется пришлецом, хищником, злодеем. Всенародный характер освободительной войны провозглашается в словах:

*Сокровищ нет у нас в домах...
В мечи – серпы и плуги.*

И заведомым приговором преступному нашествию гремит лира Певца:

*Отведай, хищник, что сильней,
Дух алчности иль мщенья?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых Провиденье!*

Следующие три гимна в возрастающей энергетике катарсиса охватывают русскую духовно-нравственную и художественно-эстетическую сферу в составе дружбы, любви и поэзии, которые в условиях священной войны выступают в своей предельной концентрации и достоинстве. Здесь мирная личная дружба становится тождественной святому братству воинов в своей главной народно-освободительной задаче:

*Написан кровью наш союз
И жить и пасть друзьями.*

И более того – образ возлюбленной оказывается в неизменном соприсутствии воина-героя:

*Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана и в мечтах
Весёлых сновиденья.*

Но гимн Певца чистым музам в дар славит всё героико-патриотическое направление русской литературы в охвате семи веков от легендарного Бояна из «Слова о полку Игореве» до современности. Ведь вправду:

*Певцы – сотрудники вождем;
Их песни – жизнь победам.
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.*

Здесь имена поэтов Ломоносова, Петрова, Державина. И наконец, сам автор в автобиографической характеристике своей довоенной лиры, игравшей тихим лишь полям, и лиры героико-патриотической, когда сам поэт непосредственно там, «Где стук мечей. Где ужасы войны»...

Одиннадцатый гимн Певца составляет кульминацию сюжета поэмы и её героико-патриотического пафоса. Именно здесь поэт обретает слова концептуально-высшего значения и нравственно-психологической проникновенности. И здесь же в полную силу звучит мотив общеславянского масштаба:

*Подыдем чашу!..
Богу сил!
О, братья, на колена!
Он искони благословил.
Славянские знамена.*

И здесь же в поэтике благородного романтического максимализма поэт излагает нравственный кодекс русского народа в дедукции от Творца до личности каждого и – мужественно молитвенного заключения: «О! будь же, русский Бог нам щит!»

И, наконец, двенадцатый гимн Певца, составляющий развязку сюжета в виде готовности к новой битве, когда уже:

*Кони ржут, грызя бразды;
И строй сомкнулся с строем;
И вождь летит перед ряды
И пышет ратник боем.
И мы знаем, что вождь здесь – Кутузов.*

В своё время Пушкин писал Жуковскому: «Никто более тебя не имеет права сказать: глас лиры – глас народа», и не случайно в Великую Отечественную, в 1944-м, «Певец» Жуковского был издан отдельной книжкой, а уже в наше время В.Н.Ганичев отметил: «Певец во стане русских воинов» – это лучшая традиция отечественной литературы».

Победа над Наполеоном, по словам Пушкина, – это «в бездну повалили мы тяготеющий над царствами кумир, //и нашей кровью искупили //Европы вольность, честь и мир». Чтение героической поэмы В. А. Жуковского в её 12-и гимнах приобретает для нас особую и непреходящую значимость в залоге верности самим себе, своей исторической общности и современным перспективным взаимосвязям. Мир поэмы Жуковского грандиозен в своих гражданско-нравственных масштабах, героически-благородный и художественно прекрасный.

Берега юбилеев

Сэда Вермишева

Дорогая Сэда Константиновна!

Примите сердечное поздравление с юбилеем!

Нам дорого Ваше творчество, общие наши ценности: гордость за страну, желание трудиться для ее процветания, любовь к своей земле, не отказываясь от традиций, истоков, корней. Мы учимся понимать значимость Вашей поэзии для страны, для развития России. Желаем Вам здоровья, успехов и благополучия! Пусть в Вашей семье будет мир, и каждый новый день приносит радость!

Сэда Константиновна Вермишева – поэт, публицист, ученый, общественный деятель. Член Союза писателей СССР, председатель российского культурно-исторического общества им. Грибоедова, сопредседатель Московского общества дружбы с Арменией, сопредседатель русскоязычной секции СП Армении, член правления Международной ассоциации содействия культуре, член правления Союза армян России. Ею выпущено более 10 поэтических сборников. Стихи переводились на армянский, французский, словацкий, польский и английский языки. Сэда Вермишева удостоена множества государственных и литературных наград. Живет и работает в Москве и Ереване

В БЕЛЫХ СНАХ ПУРГИ

Лирическая поэма

1

Я устала от дней,
Выпадающих в иней.
От дороги
Среди
Бурелома и пней...

Я устала от ликов
Безумий России,-

Эта тема – как нож!..
(И ни слова о ней...)

2.

Я устала гадать
Что ещё с нами может
Случиться,
Наведя к небесам
Телескопом белесым
Глаза...

Мы уходим во льды!..

Оплывают пространства
И лица...

И восходит над миром
Ненавистных владычеств
Звезда.

3

Мне принять её сердцем –
Как с собою расстаться.
Только выбор ещё есть
У воли моей –
Оглянуться,-
В глубины Сибири
Податься, –
Где тайга,
Можжевельник –
Колючий, свободный,
Ничей...

4

Не вернуться назад!
Зачеркнуть в своем сердце
Реальность!
Отодвинуть,
Как чей-то назойливый жест...
И на зори глядеть,
И не мочь с этим миром расстаться
Где шумят неразгаданно,
Поле,
Страницы,
И лес...

5

И я глаза закрыла, –
Нет для меня дороги....

Вот здесь моя могила,
Здесь протяну я ноги
И обведу глазами
Притихшую равнину...

Пою!..
И мчатся кони,
И ветер дует в спину!..

6

Смута в душе моей
Поднялась,
Вздыбилась смута...

Словно огонь,
Она в небо взвилась,
Гневно
И круто...

И ничего ей уже не в резон,-
Землю копытит...
Слышите этот губительный
Звон,
Или все спите?

7

Хоть унижена Муза.
И унижено сердце.
И бредут,
Как слепые,
Дорогой в снегу...

Но от музыки века
Никуда им не деться...

И звучит эта музыка,
И волнуется детство,
И прекрасная юность танцует,
Вскинув руки,
На тёмном лугу!

8

Так люби меня,
Музыка!
Не покинь и не брось...
Протяни мне своих незабудок
Тёмно-пепельных,
Гроздь...
Напиши свои знаки
На облаке неба,
И продли,
И продлись!
И рассыпь меня в искры
Летящего света...

9

В. М.
И слова Мастера вспарило,
Оно со мною говорило
И высекало рубежи
На камнях скал,
На поле ржи,
И там,
Где зреют мятежи...

10

И было жарким, знойным
Лето, –
Горячий воздух – что огонь...

Но на плечо в лучах
Рассвета
Господь мне опустил
Ладонь,
Сказал:
«Живи!
Отныне слогом
Ты будешь говорить моим,
Ты под моим надёжным кровом,
Твой голос будет мной
Храним,

В пути бессрочном и бессонном...

Когда ж идти не станет сил,
Явлюсь тебе я в Слове новом,
В пространстве грозном, опалённом,
И прегрешенья отпустил.
И под моим зелёным клёном
Мне ветвь от пальмы подарил...

11

На каждом подъёме –
По капельке
Крови.
За каждым подъёмом –
Не воздух,
А ртуть.
А силы приходят
В движении,
В Слове,
И Бог указывает дорогу
И путь.
Ложились нам под ноги
Топкие дали,
Снегами глубокими путь был покрыт...

Пронзали морозы, как стрелы из стали,
И лебеди громко
Надрывно кричали...
Но вот – устояли
И Путь – не избыт...

12

И, может быть,
Уже в последний бой

Нас поведет былых времен
Наследство...

Шаг –
И бросок,
Безжалостный и злой,
Туда,
Откуда
Невозможно
Бегство...

13

И пусть я здесь
Не первая из скрипок,
Но сквозь меня
Проходит гул морей.

Я золотой и неразменный слиток,
Из серебра, из солнца и камней.
И пусть текут необратимо реки, –
Мне никуда от счастья не уйти,
Поэтом быть
И строить жизни вехи,
До счастья этого когда-то дорасти...

14

Лети строка!
Отведай гроз и боли,
Шуми ветвями в ледяном саду, –
Прикрой глаза:
Так ярки звёзды воли,
И кони мчат,
Как вихри в чистом поле,
И мнут – сминают горе – лебеду...

Берега юбилеев

Валентина Коростелёва

*Редакция журнала «Берега» поздравляет с юбилеем
Валентину Коростелеву и благодарит за талант
и огромный вклад в развитие журнала и русской литературы,
желает новых творческих успехов, любви, добра и радости,
благополучия и процветания!*

Валентина Коростелёва родилась в Кирове (Вятке), окончила Литературный институт им. Горького. Стихи, а позднее и рассказы публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали на радио. Издано 20 книг, из них 11 поэтических (в том числе в Болгарии). В 2012 году вышли – избранное поэзии «Золото судьбы» и прозы «На ветрах горячих лет». Член Союза писателей России, лауреат Международных литературных конкурсов имени Андрея Платонова и Алексея Толстого, «Добрая лира», «Литературная Вена», а также им. Фёдора Тютчева и Андрея Белого. Заслуженный работник культуры РФ. В настоящее время живёт в подмосковной Балашихе.

«Время писать о любви...» Владимир Соколов

*Очерк из новой книги «Строки и судьбы».
Повествование о творчестве 28 русских поэтов.*

Что и говорить, имя Владимира Николаевича Соколова стоит особняком даже среди авторов так называемой «тихой» поэзии, что говорит о таланте со своим лицом, о гармоничном сочетании личности и стихов. Одно из подтверждений этому – «Что-нибудь о России?..», одно из самых значимых его произведений.

Что-нибудь о России?
Стройках и молотьбе?..
Всё у меня о России,
Даже когда о себе.

Я среди зелени сада
И среди засухи рос.
Мне непонятна отрада
Ваших бумажных берёз.

Видел я, как выбивалась
Волга из малых болот.
Слышал, как песня певалась
И собиралась в поход.

Что-нибудь о России,
Стройках и молотьбе?..
Всё у меня о России,
Даже когда о тебе.

Ни слова, ни слога лишнего. И как много смысла! «Стройках и молотьбе» – это явный намёк на ожидания от поэта, входившего в своё время в круг таких корифеев публицистики, как Рождественский и Евтушенко, – более активного творческого участия в жизни страны с её гигантскими стройками и комсомольским энтузиазмом. Хотя и в душе, и во многих строках,

особенно на первых порах, он совершенно искренне был «попутчиком» комсомола, его трудовых достижений.

Душа – довольно трепетное дело.
В райкоме нашем я с учёта снят.
А вот душа ничуть не омертвела
И всё вперед летит, а не назад.

(«Разговор с секретарём»)

И всё-таки исподволь Соколов уже чувствовал своё предназначение как лирического поэта, незря он так любил Афанасия Фета.

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

(«Вдали от всех парнасов...»)

Проницательный читатель тут же ввернёт: а Некрасов?

И тут всё просто. Во-первых, Николай Алексеевич – не только борец за судьбу народную, но и прекрасный лирик («Ты всегда хороша несравненно...», «Я не люблю иронии твоей...», «О, письма женщины, нам милой!..», «Мы с тобой бестолковые люди...» и другие стихи), а во-вторых, отец Владимира Соколова был строителем, и будущий поэт немало поколесил с ним по стране и совершенно искренне гордился молодыми строителями, разделяя их гражданский пафос. Так или иначе это проявилось в первых сборниках поэта, причём и в конце жизни он не отрекался, как некоторые, от таких стихов. Другое дело, талант писателя всё чаще сам вёл его к более глубоким для души темам, тем более, что вырос Володя среди природы русской провинции, и самый родной ему город – Лихославль, что на тверской земле. Вот откуда такое нежное, а позднее и глубокое чувство ко всему, что согревало его душу до конца дней.

Я люблю эту землю свою,
У которой всегда на краю.
Потому что тоскую по ней
Среди множества улиц и дней.

Потому что я свой человек,
Там, где в озеро падает снег,
Где колодезный кличет журавль:
Лихославль, Лихославль, Лихославль!

(«Лихославль – это город полей...»)

Вернёмся к стихотворению «Что-нибудь о России?..»

Строка «Ваших бумажных берёз» – явный намёк на множество графоманских произведений, так или иначе перепевающих и есенинские, и другие строки, чаще всего уже штампы о «милых сердцу берёзках».

И две строки – «Даже когда о себе» и «Даже когда о тебе». «О себе» – потому что нет для него жизни без родины, «о тебе» – потому что любовь и родина, особенно малая, слились в его сердце навсегда. Вот что такое стихи настоящего поэта, когда строки – только небольшая часть айсберга, именуемого Поэзией.

Дорога в Литературу была непростой, учитывая особенность не только поэтического, но и личного склада поэта, более чем драматические перипетии его судьбы. Но в одном для него не было сомнения: «Станным, быть может, образом, но я с детства был уверен в том, что я писатель, а с отрочества, что я поэт».

Судьба устроила ему знакомство с известной тогда писательницей Еленой Благиной, которая взяла шефство над начинающим автором, научив со стороны смотреть на свои строки, работать над ними серьёзно. И не удивительно, что дорога его привела в Литературный институт, а это уже – весомая база знаний, постоянное участие в работе творческих семинаров, которыми руководили, как правило, известные писатели.

Поступил он туда в 1947-м, а уже на следующий год появилась первая публикация – стихотворение «Памяти товарища», связанное с темой войны, о чём позднее писал Евгений Евтушенко: «О Рождественском и обо мне иногда говорили как о поэтах, якобы впервые выразивших поколение, чьё детство прошло во время Великой Отечественной. Но это не так. За несколько лет до того, как мы только приступили к теме войны с точки зрения не воевавших, но мечтавших воевать мальчишек, Соколов уже писал:

Но в коридоре, становясь под знамя,
Мы верим ложной гибели сполна
И не догадываемся, что с нами
Играет настоящая война».

(«Начало»)

А через пять лет вышла из печати его первая книга стихов – «Утро в пути».

В эти годы, богатые на контакты, он общается с близкими ему по духу и творческому стилю Анатолием Передревым, Станиславом Куняевым, Николаем Рубцовым, о чём говорит, к примеру, обращение к Передреву в 1965 году.

Слушай, Толя, прочти мне скорее стихи
О твоём возвращенье в родительский дом.
У меня, как я слышал, цветут лопухи
Там, где рос я, не зная, что будет потом.
...Прочитай же скорее, прочти мне стихи
О возврате твоём под родительский кров.
У меня в Лихославле поют петухи
И вздымаются нежные очи коров.

(«Другу»)

Через пять лет, в 1958-м, вышла вторая книга стихов Соколова «Трава под снегом», позднее – «Смена дней», «Разные годы», а сборник стихотворений «Снег в сентябре» встретил положительные отзывы таких известных знатоков литературы, как Вадим Кожинов и Александр Михайлов. И если в первом сборнике ещё были ощутимы поиски своего почерка, своего поэтического мира, то далее уже всё чаще заявлял о себе сложившийся поэт – со своей темой, своим ощущением гармонии – и в человеческой жизни, и в природе.

Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что.

Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто.

Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,
За то спасибо, что никто
Не знает, что с тобой поделать.

(«Спасибо, музыка, за то...»)

Тут уже чувствуется мастер. Кажется, что такого в последней строке «Не знает, что с тобой поделать»? А она красноречивей всех эпитетов – конечно, для тех, кто умеет слышать музыку Поэзии. Поэт хорошо знает довольно жёсткие слова классика «Мысль изречённая – есть ложь», и не скрывает своего недостижимого, но такого понятного в применении к его поэзии желания.

Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!

Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свет, запели птицы,
Дохнула жизни глубина.

(«Как я хочу, чтоб строчки эти...»)

Но стихи стихами, а у повседневной жизни свои законы. И вот она – встреча с первой большой любовью. И звали её Хенриэтта Попова. Дочь солнечной Болгарии, будущий философ, студентка МГУ. Любовь была взаимной, ради Владимира будущая жена развелась с мужем и подарила поэту сначала сына, потом дочь. Вполне приличное жильё, удовлетворение работой, маленькие дети... В стихах Соколова стала всё чаще проявляться тема Болгарии... Но внезапная страсть Хенриэтты к одному из известнейших поэтов во время длительной командировки мужа смешала все семейные карты, и, будучи грубо оборванной на самом взлёте, привела женщину к трагедийной развязке. Гибель жены тяжело легла на сердце поэта, не отпускала несколько лет. И вторая женитьба не принесла радости.

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поёт за него.

...Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

(«Венок»)

Наяву – шедевр лирической поэзии. Чего только стоят эти две строчки: «Как удивительно в паузах / Воздух поёт за него!»

Можно и «выдать» секрет мастерства поэта. По словам Владимира Николаевича, «необходимо так обращаться со словом, чтобы оно легко и плотно облекло мысль и чувство». Что и удавалось поэту множество раз.

Надо сказать, что талант Владимира Соколова не свалился с неба, поскольку вырос он в образованной семье. С высшим образованием был его отец, Николай Семёнович и, несмотря на пресловутое гонение в качестве «врага народа» – в купе с тюрьмой, был ценим властями как успешный и перспективный инженер-строитель.

Мать, Антонина Яковлевна, вообще была очень близка к русской культуре: знала наизусть «Евгения Онегина», любила творчество Блока, Ахматовой, Северянина и других известных тогда поэтов. И это не случайно: за плечами – Петербургский Институт истории искусств. А Володя с сестрой Мариной каждое лето проводили у бабушки в Лихославле, который будущий поэт полюбил навсегда. Ранняя встреча с русской поэзией и природа тверского края – вот основа его творческого роста.

Кроме того, дядей Владимира был не кто иной, как известный в своё время писатель Михаил Яковлевич Козырев, автор нескольких сатирических книг в прозе, который тоже не избежал участи «врага народа» и погиб в 1942 году в тюрьме. Кстати, на его стихи написаны такие известные и поныне песни, как: «Эх, Андрюша...», «Называют меня некрасивою...», «Недотрога» и другие. Естественно, это была не только родственная, но и творческая связь с героем моего очерка.

Мало того, и сестра Марина постепенно увлеклась писательством, создала интересные рассказы о своих рабочих поездках в качестве гидролога и просто о жизни.

Так что все эти факты вкупе не оставляют сомнения в том, что будущий известный поэт Владимир Соколов так или иначе имел очень благодатную почву для своего культурного развития.

Аресты же в разное время отца и дяди по-своему оставили отпечаток в памяти. Не случайно многие, хорошо знавшие поэта, подчёркивали глубоко таящееся в нём чувство, похожее на вину. Словно он, подросток, мог быть виноват в том, что происходило с его родными, а позднее – что не славил во весь голос комсомольские и другие стройки, а также всё, что происходило в стране. В этом плане интересны такие его строки:

Чего ты хочешь, умный век,
В турбины заключивший воды?
Ну, лирик я, ну, человек
Из вымирающей породы.

...От бед твоих не в стороне,
Я отзовусь, ты лишь покликай.
Ты ошибаешься во мне,
Как и в душе своей великой.

(«Чего ты хочешь, умный век...»)

И, конечно же, поневоле вспоминаются его известные строки «Я устал от двадцатого века» из посвящения актёру Валентину Никулину:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек...

(«Я устал от двадцатого века...»)

Надо заметить, что последняя здесь строка полна того состояния, в котором находился поэт после гибели Хенриэтты. А первые строки – конечно, главные и фантастически правдивые, как оказалось, не только на период середины XX века. Причём знатоки творчества Соколова знают, что начальная строка была впервые произнесена и опубликована другим поэтом, Кириллом Ковальджи. Однако он великодушно признался, что у Соколова эти слова попали в десятку, значит, все права на них – у Владимира Николаевича.

Был аналогичный случай со стихотворением и самим словосочетанием «Звезда полей», когда Николай Рубцов вытянул его из недр памяти (а это было стихотворение Владимира Соколова) и создал лирический шедевр, а после выпустил и сборник стихов с тем же названием.

А кто не помнит, что некоторые строки, да и весь замысел пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» не были первозданными, они напрямую вели к «Памятнику» Державина. Но гений Пушкина дал им иную, совершенную жизнь, сделал достоянием всего образованного мира. И в этом – ещё одно доказательство, что о больших художниках и судить надо совсем по иным критериям.

Было бы странно, если бы у такого тонкого лирика, как Владимир Соколов, своё особенное место не занимали стихи о любви. В том числе в случае, когда по какому-то тайному закону неудачи в личной жизни восполняются поэзией, и в этом, возможно, счастье творца, равновесие, необходимое для души.

Нет сил никаких улыбаться,
Как раньше, с тобой говорить,
На доброе слово сдаваться,
Недоброе слово хулить.
Я всё тебе отдал. И тело
И душу – до крайнего дня.
Послушай, куда же ты дела,
Куда же ты дела меня?

На узкие листья рябины,
Шумя, налетает закат,
И тучи на нас, как руины
Воздушного замка, летят.

(«Нет сил никаких улыбаться...»)

И снова – ничего из ряда вон выходящего, кроме последних двух строк, а стихотворение буквально забирает читателя со всеми его потрохами.

Но и две последние строки «И тучи на нас, как руины / Воздушного замка, летят» – веский финал вроде бы абсолютно лирического произведения. Вот на таких стихах сам Бог велел учиться мастерству нашим молодым поэтам.

Самый последний сборник Владимира Николаевича вышел за год до его ухода из жизни, в 1996 году, и был посвящён своей последней любви и жене Марианне Евгеньевне Роговской. Он так и назывался: «Стихи Марианне».

Ты плачешь в зимней темени,
Что годы жизнь уводят.
А мне не жалко времени,
Пускай оно уходит.

...Не надо плакать, милая,
Ты наших поколений.
Стань домом, словом, силою
Больших преодолений.

Тогда и в зимней темени
Ты скажешь и под старость:
А мне не жалко времени,
Уйдёт, а я останусь!

(«Ты плачешь в зимней темени...»)

Мне кажется, творчество Владимира Соколова ещё не оценено в полной мере. Понятно, большое видится на расстоянии, и 20 лет после его ухода – небольшой для этого срок. Естественно, даже у гениев не бывает сто процентов шедевров, ведь они – тоже люди со своими праздниками и бедами, сомнениями и творческими взлётами. И у Владимира Николаевича есть вещи, к примеру, поэмы, которые не могут соперничать с его великолепной в большинстве случаев лирикой. Надеюсь, что кто-нибудь из истинных ценителей русской поэзии соберёт всё самое лучшее, найдёт издателя – и уже ни у кого не останется сомнений, что Владимир Соколов – поэт Божьей милостью и достоин своего, особого места среди избранных поэтических имён России.

Стоит заметить, что в разное время поэт не был обделён признанием заслуг перед государством – как здесь, так и за границей. Вот некоторые примеры этого: лауреат Государственной премии СССР (1983), первый лауреат Государственной премии России им. А. С. Пушкина (1995), лауреат Международной Лермонтовской премии (1996), кавалер ордена Кирилла и Мефодия и Международной премии имени Н. Вапцарова (Болгария, 1977, 1989 гг.) и другими наградами, достойными его таланта.

А в городе Лихославле, так любимом Соколовым, его именем названа Центральная библиотека, вблизи которой напоминает о поэте памятный камень.

Хотел бы я долгие годы
На родине милой прожить,
Любить её светлые воды
И тёмные воды любить.

И степи, и всходы посева,
И лес, и наплывы в крови
Её соловьиного гнева,
Её журавлиной любви.

...Хочу я любовью неустной
Служить им до крайнего дня,
Как звёздам, как девочке русой,
Которая возле меня.

(«Хотел бы я долгие годы...»)

Я думаю, что Владимиру Николаевичу Бог даровал долгие годы «на родине милой прожить», и эти сроки продлятся до тех пор, пока Россия не утратит своего слуха по отношению к Поэзии. И тут невольно вспоминаются строки Давида Самойлова:

Стихи читаю Соколова —
Не часто, редко, иногда.
Там незаносчивое слово,
В котором тайная беда.

И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо —
И от родства, и от печали,
Бог знает от чего ещё!..

(«Стихи читаю Соколова...»)

Берега юбилеев

Юрий Крупенич

Редакция журнала поздравляет Юрия Адамовича с 65-летием и желает новых, важных тем в творчестве, веры в добро и справедливость, востребованности и актуальности, прочитанности, крепкого здоровья!

Родился в городе Калининграде. Окончил Калининградское мореходное училище, Калининградский государственный университет. Ходил в море на рыболовных, научно-поисковых и торговых судах. Работал в местных и областных органах власти. Член Союза писателей России с 1994 года. Автор сборников стихов «О море, женищинах и кораблях», «Исповедь анклавитянина», «Записки вольного калининградца», книга прозы «Судовое время», «Идеалист», «Адмирал Белоус», «В море и на берегу». Лауреат и дипломант областных, всероссийских и международных литературных конкурсов. Живет и работает журналистом в городе Светлом

Уроки испанского

Рассказ

По трапу на борт среднего рыболовного траулера «Альтаир» поднялись четверо. Парень со спортивной сумкой через плечо сразу чем-то не понравился радисту Сергею Казбекову. «Маркони» не любил людей, которые слишком уверены в себе, как этот стилига в очках-«хамелеонах», оказавшийся на палубе первым. В Гаване СРТР «Альтаир» из Калининграда ждали давно. Но январская Атлантика показала свой «женский» нрав. Целый месяц, день за днём, траулер преодолевал один океанский вал за другим. К концу перехода из Калининграда он покрылся серым налётом морской соли. Как говорили в штурманской рубке, средняя скорость судна выходила не более 6 узлов. Поэтому к пирсу Гаваны СРТМ «Альтаир» подошёл на десять суток позже условленного срока.

Здесь их ожидал сюрприз. Экипаж получил неожиданное подкрепление для проведения советско-кубинской экспедиции в открытом океане. Сразу вслед за этим франтом в тёмных очках радист Казбеков увидел поднимающуюся на борт женщину, как говорят, бальзаковского возраста. Сразу было видно, что по характеру она – дама вполне контактная. На ней были светлые шорты и рубашка сафари. Кубинка подошла к стоявшим на палубе членам экипажа, каждому подала мягкую шоколадную руку. Когда следующей появилась девушка, худенькая, как тростинка, то тридцать пар мужских глаз привели её в страшное смущение. Было видно, что у неё было одно желание – быстрее проскочить по трапу и присоединиться к старшей коллеге. Последней шла молодая стройная женщина, как и парень-франт, в солнцезащитных очках. В шортах цвета хаки и красной рубашке, она сохранила фигуру подростка. Её возраст не угадывался, глаза скрывались за тёмными стёклами, смуглая кожа казалась шёлковой.

Наверху, в рулевой рубке у лобовых иллюминаторов, заняли свою излюбленную позицию старпом Петрович – бывший капитан, погоревший из-за частого появления на командном мостике «под бахусом» – и акустик Васильич, отставной майор авиации. Он, выйдя на военную пенсию, смотрелся молодцом. Поэтому решил сходить в море, чтобы поглядеть, пока врачи не возражают, какое оно – море с палубы.

Для своих лет Васильич был мужиком чересчур непосредственным, сразу став объектом для матросских розыгрышей. Первый раз он попался на удочку, когда его подняли в шесть утра. Мол, давай, отец, быстрее одевайся, а то не успеешь, о чём потом страшно пожалеешь. Васильич, как

был в семейных трусах, так и выскочил на палубу – экваторные столбы смотреть. Минут десять в горизонт вглядывался из-под руки, пока не услышал дикий хохот за крылом капитанского мостика. Другой бы разозлился, а он только добродушно рукой махнул, когда понял, что его разыграли.

Сейчас с самого утра старпом Петрович рвал и метал, узнав, что экипаж облагородили: «Три бабы на судне! Да что же это делается, едрит твою контору мать! Чем они там в «главке» думают?! Как пить дать, плакала наша премия...»

Васильич поддакивал: «Да, оно с мужиками, конечно, Олег Петрович, проще было бы, а тут, как ни крути, и до греха недолго». На переходе акустик красовался в шортах, которые сам выкроил из рабочих брюк. Эти шорты вызвали очередную волну шуток в адрес Васильича, но со временем страсти улеглись. А теперь, считай, для него всё начинается по новой. В таком «галифе» при женщинах появиться будет непросто.

В этот момент в рубку зашел боцман Андрей. Всем своим видом он показывал, что теперь и у него дел прибавилось, что с бабами-кубинками хлопот не оберёшься. Хотя в душе он веселился – ему-то, двадцатилетнему, чего протестовать против такого приятного разнообразия в жизни? Но, как боцман, он внешне выражал полную солидарность со старпомом – своим непосредственным начальником. Андрей явился на капитанский мостик из своей каюты, где успел развести мыльной пены и тщательно подравнять усы и бородку. Вдобавок он нацедил полную ладонь одеколона «Фараон» и освежился. Бдительный старпом моментально учуял лишний запах на капитанском мостике и нахмурился ещё больше.

Через полчаса в кают-компанию собрался экипаж в полном составе. Первым выступил Окунев, представитель министерства рыбного хозяйства СССР. Он выразил надежду, что очередная советско-кубинская экспедиция выполнит поставленную задачу, а затем поочередно представил кубинских специалистов. Главная из них была сеньора Мар Хуарес, для которой такие экспедиции стали привычным делом. Теперь она, успев переодеться, предстала перед экипажем в тропическом костюме, расшитом цветными нитями.

Парня в дымчатых очках звали Гильермо Падрон. Он бывал в Союзе, оказался выпускником астраханского института, отлично говорил по-русски. Тонкое лицо и горделивая манера держать голову выдавали в нём потомка конкистадоров. В светлых котоновых брюках, в рубашке с коротким рукавом Гильермо выглядел типичным представителем молодой кубинской интеллигенции.

Девушку-тростинку совсем засмущали открытые взгляды рыбаков. К такой большой, сугубо мужской компании она, видать, не привыкла. А тут ещё этот настырный взгляд боцмана Андрея, сидевшего прямо перед ней, благоухая дорогим одеколоном. Мария Фриас была мулаткой, чересчур эмоциональной и впечатлительной. Молодая статная женщина, не дожидаясь, пока её представят, встала и сама назвала свое имя: «Антуанетта Эстела де Леон». Тут она сделала паузу, скорей всего, означавшую, что в ином месте и при других обстоятельствах она называет себя более полным именем, как это принято у кубинцев.

Сергей Казбеков в свое время перечитал всего Майн Рида. И теперь Антуанетта почему-то представлялась ему одной из героинь романов этого американского писателя. Он вдруг решил, что она креолка. Её нежная смуглая кожа, безупречная фигура, лёгкая походка произвели на него сильное впечатление. Антуанетта со своими данными могла позировать для ярких туристических проспектов или журнала мод на фоне пальм и золотого океанского побережья.

Потому и третий штурман Костя Лихонос, сидевший рядом с радистом, многозначительно толкнул его коленом, кивая на Антуанетту. Отчаянный волокита, с чёрными щегольскими усиками и нагловатым взглядом Константин идеально подошёл бы для съёмки фильма о гусарах. Минуты две, ни разу не моргнув, Лихонос просвечивал своими голубыми глазами эту куколку. Но Антуанетта де Леон не принимала сигналов, упорно глядя почему-то в другую сторону – на акустика Васильича, который заелозил на стуле, чувствуя к себе внимание. У Кости Лихоносова первая неудача вызвала лёгкую досаду. Он не привык к женскому равнодушию в отношении своей персоны. К тому же близилось начало его вахты, и подойти сразу после собрания к этой красоте не удастся.

Затем выступил капитан траулера Рыженьков. «Кэп» был удивительно спокойным мужиком, давно занимался аутотренингом и вывести себя из равновесия никому не позволял. Даже когда он молотил по часу в своей каюте большую боксёрскую грушу, лицо его оставалось спокойным, как

на концерте классической музыки. В своей речи он сообщил, что кубинские товарищи получают на судне все условия для труда и отдыха, а дверь в его каюту для них открыта в любое время суток. На что сеньора Мар Хуарес одобрительно кивнула головой.

После обеда народ рванул в город в увольнение. Купить в Гаване что-либо существенное было проблематично. Разве что настоящее кубинское сомбреро из пальмовых волокон за одно песо. Даже пиво отпускалось на Кубе, как шутили между собой рыбаки, только членам профсоюза. Единственное, на что можно было поглазеть на улицах Гаваны за бесплатно, так это на хорошеньких женщин. Акустик Васильич решил сходить в гости на соседние пароходы, которые стояли в порту в два корпуса. Через полчаса он прибежал с круглыми глазами: «Мужики! Был на кормовичке СРТМ «Ноглики», так их радист Стас Рассолов ночью принял радиogramму с траулера-тунцелова «Вяндра». Они в Мексиканском заливе, только что за один замет невода-кошелька взяли 50 тонн тунца». Благая весть акустика Васильича, полученная им лично от начальника радиостанции Рассолова, мигом разнеслась по портовой округе.

А дело было как раз за день до праздника Дня штурма казармы Монкада – 26 июля. Традиционно в день праздника в городской офидине проводилось собрание. Замполит офидины, как всегда, соловьём с трибуны произнёс свою проповедь: да здравствует советско-кубинская дружба, скоро придеё окончательная победа социализма. Случилась очередная трудовая победа – экипаж траулера «Вяндра» за один замет выловил 50 тонн тунца. Естественно, в зале гром аплодисментов, крики «Молодцы!» и прочие проявления энтузиазма.

К ночи из промыслового района вернулся триумфатор «Вяндра» и ошвартовался на другой стороне пирса напротив «Альтаира». Народ ломанулся туда с поздравлениями: «Ну, вы, ребята, молодца, дали стране тунца! Надо ж как вам повезло!». А те ни в зуб ногой; не могут понять, о чём идёт речь. Когда им рассказали подробнее об их трудовых успехах и заочном чествовании передовика на собрании, «вяндровцы» попадали со смеху. Оказалось, что у них в трюме за весь выход в море набралось не более 500 килограммов тунца. Полный прогар. Только тогда все поняли, что не учли во всей этой истории главного фактора: Стас Рассолов свою фамилию полностью оправдывал, – бухарь был ещё тот, не просыхал сутками. На водолазной станции постоянно «чечечвал» у кубинцев спирт на мыло и зубную пасту. Вот и перепутал с перепоя цифры в азбуке Морзе, когда слушал эфир, в котором шла речь о траулере «Вяндра».

Кубинские научники потом ещё долго посмеивались над легковёрными членами экипажа и классическим «рыбаком» Рассоловым, которому померещился такой рекордный улов. Вечером того же дня СРТМ «Альтаир» вышел в рейс. Его курс пролёг через Карибское море в открытую часть океана. Пошли гидрологические станции, промеры глубин, траления. В такие периоды научной группе работы хватает по горло.

У Константина Лихоносова вахта начиналась в восемь часов вечера, а заканчивалась в ноль часов. Наверное, ещё на кораблях Колумба третьи штурманы прозвали эту вахту «прощай молодость». В самое благоприятное время младшему помощнику капитана приходится торчать в рубке. А тем временем в салоне команды крутят фильмы, идут сражения в «шеш-беш». А в промежутке между этими мероприятиями ведётся травля о том, что было и чего не было. Тем более сейчас, когда поговорить есть о чем: как-никак три женщины появились в экипаже. Для судов типа «СРТМ» это вообще редкостное дело. Такое могло раньше только присниться.

Уже с начала рейса Костя Лихоносов постоянно зазывал к себе на верхний мостик радиста Сергея Казбекова. А если учесть, что на руле у третьего штурмана стоял матрос Коля Парамонов, сорокалетний балагур и весельчак, с огромной лысиной, то втроём вахту нести оказывалось легче. Со временем Казбеков сам, не дожидаясь приглашения, привык навещать по вечерам в рубку, чтобы убить время. Игру в «шеш-беш» он считал идиотской, фильмы, взятые в кинопрокате на берегу, все уже давно просмотрел. А тут во время вахты третьего штурмана у них образовался своего рода клуб «С кем, когда и где».

Разговоры шли обо всём на свете. Встреча начиналась со взаимных подначек. Закрывая за собой дверь на верхний мостик, Казбеков неизменно говорил: «Привет, корнет». Третий штурман парировал: «Салют, «морковка», – на свой лад переиначивая слово «маркони». Это считалось в порядке вещей – постоянно подкалывать друг друга. Коля Парамонов, стоя на руле, только посмеивался, выполняя роль секунданта в этой словесной дуэли. Правда, вскоре огонь перемещался на него.

Зачастую ориентиром служила его лысина, светившая, словно луна, в тёмной ходовой рубке. В конце концов, разговор входил в своё обычное русло – о женщинах.

В этот вечер судно, выйдя из Гаваны, шло мимо небольших островков с вечно зелёными зарослями, чистыми лагунами, обрамлёнными песчаными отмелями. Каждый такой островок казался райским уголком. Коля Парамонов замечтал: «Эх-ма, была бы денег тьма, да забраться на такой островок, пожить в своё удовольствие». Казбеков засмеялся: «Но не в одиночку же?». Коля категорически заявил: «Нет, надо отдохнуть от этих баб. Мне моя «кобра» даже во сне покоя не дает. Представляете, вчера приснилась в форме милиционера. Будто привели меня к ней на допрос, и она, наставив мне в глаза яркую лампу, стала выпытывать, куда я заначку спрятал с последнего рейса. Хотела уже применять особую пытку – за пятку щекотать. Пришлось расколотся. Проснулся в холодном поту».

Казбеков усмехнулся, зная, что Коля за глаза называет жену «коброй», а в радиogramмах на берег нежно сюсюкает: «Дорогая, несравненная лапушка...» В разговор вступил третий штурман: «Не дадут тебе, Коля, здесь одному пожить. Местные аборигенши любят всё, что блестит, а уж твою лысину за десять миль можно запеленговать. Так что женский пол к тебе толпой повалит».

«Да, – согласился Коля Парамонов, погладив голову, – с этим никуда не скроешься. Вот был случай. Моя «кобра» ушла на работу в вечернюю смену, а я с соседом – ну, помните рефмеханика Шуева – в кабак «Атлантика» зашли. Ему как раз медаль «За трудовую доблесть» вручили, как же не отметить такое дело. Ну, взяли столик, за которым две дамы сидели, очень даже такие коммуникабельные. Познакомились, слово за слово, фужеры по такому случаю наполнили. Вдруг сосед меня толкает, мол, оглянись. И что я вижу, мать честная; моя «кобра» через весь зал к нам летит, зонтом машет... Шла, говорит, с работы мимо ресторана, гляжу, говорит – что-то знакомое между штор просвечивает. Ну, говорит, лысый ты келдыш, расстанешься ты у меня с партбилетом».

Дружный хохот прервался стуком двери. Неожиданно для всех в рубку вошла Антуанетта Эстела де Леон. Константин Лихоносков, как вахтенный штурман, сделал строгое лицо и первым нарушил паузу: «Вообще-то, мадам, посторонним лицам вход на капитанский мостик запрещён». «А я получила разрешение у капитана», – дружелюбно ответила гостья.

Она разговаривала по-русски с лёгким акцентом, словно родилась на Кавказе. Лихоносков, сменив тон, пробурчал: «Хорошо, сеньора, сделаем для Вас первое исключение».

Антуанетта прошла в темноту к правому иллюминатору и притихла в углу, как ночная экзотичная птица. Радист Сергей Казбеков только почувствовал, как мимо него проплыло пряное облако. Его мгновенно охватило смутное волнение, захотелось пройти в угол, куда прошла Антуанетта, и ещё раз вдохнуть этот пьянящий аромат здоровой женской кожи.

Третий штурман в это время удалился за перегородку. Там, в штурманской, у него имелся большой стол с морскими картами. Вскоре раздался его голос: «Серёга, зайди, а то не разберусь в твоих «навипах». Перед ним в самом деле лежали длинные листы со свежими «навипами», полученными по телетайпу. В этих навигационных предупреждениях все суда оповещались о закрытых районах артиллерийских стрельб кораблей США, учений подводных лодок. Но с ними Костя, конечно, давно разобрался. Его волновал другой вопрос: «Не знаешь, зачем она пожаловала?» Сергей пожал плечами: «Без понятия, хотя догадываюсь. У нас только один красавец-мужчина на судне. Так что это, наверное, к тебе». Константин довольный заулыбался, но затем, поняв иронию, чертыхнулся: «Ну, и язва же ты, «морковка». Он для виду повозился в своей боковушке и вышел, дымя сигаретой. Казбеков громко объявил: «Сеньора Антуанетта, позвольте рекомендовать – Константин Лихоносков, штурман по призванию, гусар по натуре, знаток женских душ».

На мостике наступила полная темнота, только в центре красным огоньком мерцала сигарета в том месте, где стоял Лихоносков. «А кто меня угостит сигаретой?», – с неожиданной простотой подала голос Антуанетта. При этом огонёк сигареты у третьего штурмана резко вспыхнул, словно лампочка, в цепи которой скакнуло напряжение. Он страшно не любил одалживать сигареты. Но тут после некоторого раздумья поступил своим правилом. Через минуту рядом с первым появился второй мерцающий огонёк. «А я знаю песню про моряка Константина из Одессы», – вновь нарушила молчание Антуанетта. Красиво растягивая слова, она стала рассказывать о своих студенческих годах в Астрахани.

Стоя рядом, Казбеков никак не мог избавиться от волнующего аромата, блуждавшего по рубке. Сейчас в темноте он не видел лица этой женщины, но оно представлялось ему необычайно красивым и притягательным. Кнехтом бесчувственным он себя не считал, даже писал стихи, замешанные на эротической грусти по берегу. В свои двадцать пять лет он уже порастерял часть романтического начала в характере, но всё ещё верил в светлые миги бытия. Ему, например, претила ругань в несколько этажей, когда кто-то в салоне мог выдать фразу из десяти слов, из которых только три можно найти в словаре, а остальные семь вызывали ощущения от лягушек, подкинутых вам в постель.

Особо этим грешил Костя Лихонос, из-за чего между ними и не было по-настоящему дружеских отношений. Третий помощник оправдывался тем, что у него от рождения слишком развита говорильная железа, и что теперь поздно обращаться к логопеду. Не нравилось Сергею Казбекову в Лихоносове и то качество, которое называют «донжуанством». По его рассказам, женщины перед ним так и падают, и проблема у него одна – какую выбрать.

Хоть и коробило Сергея от этих сказок о «тысяче и одной ночи» Лихоносова, но отказаться от своеобразного мальчишника на верхнем мостике он не мог. Потому и появилась самооправдательная мысль: «Мужик, в конце концов, ты, или – не мужик?» Действительно, не век же новеньким корабликом по морю жизни плавать, соль-то на бортах рано или поздно появится, ржавчина разводами когда-нибудь пойдёт.

Казбеков решил действовать:

– Антуанетта, а как по-вашему «море»?

– Мар, – донеслось из темноты рубки.

– А «звезда»?

– Эстреджа, – охотно отвечала Антуанетта.

Сергею вдруг показалось, что её ответы имели какой-то особый оттенок, будто она давно ждала его вопросов. Антуанетта неожиданно предложила: «Амигос, если хотите, я могу вести на судне кружок испанского языка?». То, что «амигос» по-русски значит «друзья-товарищи» каждый из присутствующих догадался. Значит, кубинка не прочь законтрачить с кем-нибудь из них. К тому же сама пришла, никто её не звал. Однако предложение госты в планы Сергея не входило. У него в голове уже сложилась другая схема: он попросит Антуанетту давать ему индивидуальные уроки испанского. В голове закружились идиллические картины: они по вечерам сидят вдвоем на диванчике в радиорубке, она – доброжелательный учитель, он – послушный ученик. Будет не рейс, а круиз с хэппи эндом.

Но тут в разговор встрял Лихонос: «Антуанетта, я записываюсь первым, прошу учесть на будущее». Он тихонько спросил у неё: «А как по-испански – «лысый»? «Кальвито», – удивлённо ответила шёпотом кубинка. Лихонос неожиданно громко затянул: «Каль-ви-то...» Коля Парамонов, почувствовав что-то неладное, угрожающе захмыкал и, в свою очередь, поинтересовался: «Ну-ка, и мне переведите». «О, это будет по-русски «Луна», – едва сдерживая смех, пояснила Антуанетта. Чувствовалось, она вот-вот расхохочется, поэтому, не желая обидеть Колю Парамонова с его лысиной, девушка вышла на крыло капитанского мостика.

Сергей Казбеков последовал за ней. Стоял полный штиль, и траулер, чуть покачиваясь с борта на борт, словно летел в ночном пространстве. Будто золотые кленовые листья, парили над океаном крупные южные звезды. Сбоку от судна светилась узкая дорожка от соприкосновения корабельного корпуса с фосфоресцирующими морскими микроорганизмами... Сергей восхищённо произнес: «Хорошо...» Антуанетта ответила: «Си...». Сергей знал, что это слово «Да».

Но тут на крыло мостика выскочил Лихонос и с противной улыбочкой сказал: «Граждане, хватит отрываться от коллектива, а то от избытка чувств можно упасть в океан. Не хватало ещё, чтобы на моей вахте пришлось давать команду «Два человека за бортом».

Вернувшись в рубку, Казбеков почувствовал лёгкую неприязнь к этому ловеласу. Ясно, что этот отец семейства – пошляк и прохиндей. К тому же нахал, каких свет не видывал. На отходе в рейс Лихонос заметил, как Казбеков принёс со склада три литра спирта-ректификата для протирки контактов в радиоаппаратуре. После выхода в море он не отстал от радиста, пока банка полностью не опустела. И вот в отношении Антуанетты он проявляет себя таким, каков есть.

Очередной лихоносский вопрос к госте был, конечно, ни к селу, ни к городу: «А какой на Кубе самый любимый напиток?» Антуанетта с готовностью ответила: «О, это прохладительный

коктейль «Мохито». В его состав входят ром, лимонный сок, миндальная вода и, травка, которая у вас в России тоже растёт. Как же она называется по-русски?.. А, вспомнила: у вас это мята...»

Дальше почему-то разговор не клеился. Антуанетта попрощалась: «До завтра, амигос, не опаздывайте на первый урок». Сергей хотел было проводить её, но вовремя опомнился, что они не в городском парке, а на небольшом судне, где женщине идти до своей каюты пять метров. Константин молча покручивал свой чёрный ус, словно обдумывая какую-то сверхважную проблему. Сергей впотьмах нашёл дверь и буркнул: «Ладно, отцы-командиры, бай-бай». Он прошёлся по коридорам судна, но не встретил ни одной живой души, – дело шло к полуночи. Дверь в каюту Антуанетты была плотно закрыта, и, остановившись на миг около неё, Сергей ощутил знакомый аромат женских духов.

Ночью ему приснился сон... Он идёт по выложенному мрамором бульвару в центре Гаваны, по тому самому, где хаживал когда-то Маяковский. Вокруг роскошные здания в староиспанском стиле, особняки с узорчатыми балконными решётками. Идёт Казбеков, вроде, по делу: ищет парфюмерный магазин, в котором продаются духи Антуанетты. Несколько магазинов обошёл, но нет такого аромата – большая, оказывается, редкость. И вдруг повеяло этим самым ароматом, который он выделил бы из тысячи других. Сергей огляделся по сторонам и увидел знакомую фигурку, выходящую из арабского дворика, обнесённого зелёной галереей. Она – Антуанетта!.. На ней было красное шёлковое платье со сборками и купонами. Она без тёмных очков, синеглазая, с распущенными волосами, будто диковинная тропическая бабочка порхает над улицей.

И Антуанетта, узнав Сергея, заспешила ему навстречу, цокая каблучками. Он даже засомневался: к нему ли она так стремительно приближается. Сергей оглянулся для верности – нет ли за спиной третьего штурмана Константина Лихоносова. Может, к этому доморощенному дон-жуану прекрасным мотыльком, как на свет лампы, торопится Антуанетта. Да нет же; вокруг, кроме него и этой женщины, ни души. Это к нему с такой радостью бежит эта красавица-креолка. Сергей поймал её ладони, прохладные, как листья кокосовой пальмы, ощутил вблизи её губы, нежные, словно лепестки жасмина. Без слов, поняв друг друга, они пошли вдвоём по гладкому мрамору бульвара к морю. Такого синего моря Сергей никогда не видел. Правы, оказывается, космонавты, зафиксировавшие, что самое чистое море – у берегов Кубы. А увидев глаза Антуанетты, он поразился ещё больше: это две огромные капли из голубой океанской чаши. То ли море глядело на Казбекова, то ли Антуанетта Эстела де Леон, оказавшаяся кровной дочерью этой чудной природы.

Они сошли на жёлтый песок к самой кромке голубого зеркала Атлантики. На многие километры пляж был пуст и чист. В следующий миг у Сергея перехватило дыхание: Антуанетта вдруг скинула платье из красного шёлка с купонами, оставшись в купальнике чересчур смелого фасона. Сердце у Казбекова застучало с утроенной энергией, но только он сделал шаг к Антуанетте, как её смуглое тело, словно сигаретный дымок, ускользнуло в сторону, стремительно удалилось к морю, исчезло в голубой бездне. Сергей рванулся вдогонку, но навстречу ему хлынуло огромное водяное облако с радугой в центре...

Когда Сергей Казбеков открыл глаза, то увидел перед собой акустика Васильича, который занимал в каюте, согласно возрасту, нижнюю корабельную койку. Он стоял, по пояс обнажённый, в своих домотканых идиотских шортах и брызгал с мокрых рук прямо на Сергея: «Подъём! Пора на завтрак». Васильич по армейской привычке вставал чуть свет и считал своим долгом будить соседа. Сергей, ощущая капли воды на ресницах, крутил головой и не мог понять, а где же Антуанетта? Наконец, проснувшись, понял всю суровую реальность жизни. «Ну, Васильич! – завертелось у него в голове. – Чёрт бы побрал тебя со своей заботой. Такой сон обкарнать...»

«Какого рожна этот экс-авиатор Васильич попёрся в море? – продолжал размышлять Казбеков. – Пять месяцев болтаться в океане, вместо того, чтобы собирать грибки, копать на даче, встречать праздники, как положено, за накрытым столом. Пенсия – двести рэ, дети обеспечены – не романтики же ему захотелось на шестом десятке?»

Формально акустик Васильич был у Сергея в подчинении; как-никак Казбеков числился начальником радиостанции. Но командовать человеком, который старше тебя в два раза, Сергей не стремился. Иногда между ними возникали трения скорее по вопросам жизни, нежели службы. У Васильича была страсть давать советы, хотя сам он то и дело оказывался объектом шуток и приколов.

На днях его опять провели, как лоха. Когда Васильич рано утром вышел на свою традиционную физзарядку, то увидел, как Лихонос, несший утреннюю вахту, командует у шлюпки матросом Пармоновым: «Давай, Никола, побыстрее, а то время упустим, самая пора их тёплыми брать». Васильич сразу навострил уши; мол, куда это вы спозаранку, хлопцы, собрались, да ещё на шлюпке? Константин Лихонос с самым серьёзным видом пояснил ему: «Видишь, Васильич, островок по левому борту? Только что получили по радио приказ отловить пяток обезьян для московского зоопарка за валюту». Васильич забыл про утреннюю зарядку: «Нет, мужики, серьёзно? Так у меня сейчас время свободное, давайте поспим». Третий штурман покрутил ус и нехотя согласился: «Мне-то что; чем больше народу, тем быстрее возьмем макак, пока они сонные. Только без разрешения капитана, сам понимаешь, не могу взять. Случись что, ведь мне отвечать. У тебя же только первый рейс, опыта нет, в джунглях ты не бывал».

Васильич поспешил в капитанскую каюту, хотя все на судне знали, что у командира в это время самый сладкий сон, потому что он всегда поднимался поздно. А тут акустик ворвался в каюту, тормошит за плечо и толкует про какой-то остров и обезьян. Раза три бедному Васильичу пришлось повторить суть дела, пока капитан с трудом вник в смысл просьбы. Долгое время в капитанской каюте стояла тишина, обрубленная затем диким гоготом, какого никто никогда от судового единичника не слышал. Что сказал капитан Васильичу, вдоволь нахохотавшись, осталось тайной, только на другой день по судну объявили приказ с очередным «выговорёшником» третьему помощнику Лихоносову.

Вспомнив этот случай, Сергей уже не сердился на акустика, и, умываясь, с удовольствием восстанавливал утренний сон в ясной голове. «Да, кстати, Васильич, не хочешь заняться испанским языком? Ты же хохол; помнишь, как в твоей любимой «Гренаде» поётся: «Откуда у хлопца испанская грусть?» «Давно ль по-испански вы начали петь? Не иначе, как эта вертихвостка придумала? – отозвался акустик. – Я так и знал, что добра от женщин на судне не будет. Что-то вдруг всех в экипаже потянуло на учебу? От тебя пятого об этом уже слышу».

«Ого, – подумал Казбеков, – быстро разошлась информация по коридорам за ночь».

«Да брось ты, Васильич, перестраховываться, – продолжил вслух. – Лови момент. Научись балакать по-испански».

«Смотри, Серёга, научит вас эта учителька тому, чему не надобно...», – проворчал Васильич. Он почему-то невзлюбил из кубинцев именно Антуанетту. Да и к другим гостям из Гаваны относился настороженно. «Дружба – дружбой, а табачок – врозь», – любил повторять старую истину военный пенсионер.

После полдника в салоне команды собрались все желающие овладеть испанским языком. Первым, как и следовало ожидать, пришел третий штурман Лихонос и уже о чём-то оживлённо беседовал с Антуанеттой. Явился даже матрос Коля Пармонов, одетый по-парадному, а лысина придавала ему вид научного сотрудника. Боцман Андрей успел раздобыть где-то кусок линолеума и булыжник синеватого мела. Казбеков сел подальше от Лихоносова, отчего тот удивлённо посмотрел на Сергея.

Урок Антуанетта вела в шортах и в ковбойке. Сначала она решила начать с рассказа о Гаване. И напомнила слова Христофора Колумба, первого европейца, высадившегося со своим экипажем на острове Куба более 500 лет назад. «Это самая прекрасная земля, какую видели глаза человеческие», – будто бы сказал он тогда. Долгое время Гавана была излюбленной приманкой разного рода корсаров, пиратов и морских флибустьеров.

Здесь встречались парусные флотилии, нагруженные различными ценностями для отправки в Испанию. Постоянный приток иммигрантов и искателей приключений, некоторые из которых селились здесь навсегда, обеспечил непрерывный рост города. «Прекрасная Гавана – La Habana», – так, по словам Антуанетты, сейчас называют кубинцы свою столицу.

«А ещё, – подчеркнула Антуанетта, – жители Гаваны – гостеприимные хозяева этого удивительного мира. Они любят музыку и праздники, застолье и общение...»

После краткой лекции о Гаване Антуанетта приступила к первому уроку испанского языка. Её круглые коленки, словно налитые антоновские яблоки, смущали, видимо, не только Сергея. Он автоматически слушал её пояснения, повторяя вслед за всеми буквы испанского алфавита. Но в то же время перед его глазами то и дело являлась картина из сновидения: Антуанетта в красном и широком,

как парус, платье. Вот шёлковое полотно скользнуло на золотой песок, вот смуглая тень метнулась в голубую пелену тёплых океанских волн... Казбекову казалось, что стоит Антуанетте снять свои тёмные очки, и он увидит те прекрасные синие глаза – огромные капли. Сергей попробовал загипнотизировать учительницу Антуанетту, но она одинаково безразлично смотрела на всех. У Сергея мелькнула идея; а что, если попросить у неё факультативные занятия? Так сказать, визави.

Как раз она объявила, что на первый раз хватит, урок окончен. Сергей решительно двинул в её сторону. Но его опередил Лихоносов. Его, видите ли, заинтересовало, как перевести на испанский слово «любовь». Но что поразило Казбекова, так это та готовность, с которой Антуанетта отвечала на приставания третьего помощника. Сергей на полуслове перебил Лихоносова с первым, что пришло в голову: «Антуанетта, а какая твоя любимая песня? Может, мы разучим её, а на следующем уроке споем хором»? Кубинка заулыбалась и томно ответила: «Беса ме мучо». На русском это звучит примерно так: «Целуй меня, целуй же меня ещё и ещё, ведь это наша последняя ночь...» Её губы затрепетали, и она пояснила: «Только такую песню нельзя петь хором. Она предназначена для двоих...»

За месяц занятий многие уже могли объясниться по простой тематике: как пройти на пляж, сколько это стоит, ты свободна сегодня вечером? Правда, скоро ряды учеников поредели за счет тех, кто хотел обучиться языку за неделю. В конце концов, пришлось перенести уроки испанского на верхний мостик в часы вахты третьего штурмана, ведь учеников осталось лишь двое – Казбеков и Лихоносов. На этих «занятиях» Сергею не раз пришлось сидеть рядом с Антуанеттой на единственном откидном стульчике, имевшемся в рулевой рубке. Занятия проходили в абсолютной темноте. Здесь Сергей Казбеков получил преимущество, так как вахтенному штурману Лихоносову сидеть не полагалось по уставу. Хотя этот нахал так и норовил подсесть к Антуанетте с другого боку, чем вызывал у неё звонкий смех.

В такие минуты Сергею приходилось нелегко. Он боялся лишний раз шевельнуться, чтобы не потревожить Антуанетту, сидевшую вплотную к нему, а иногда, как ему казалось, умело льнувшую к его телу. Хотя, может быть, она просто старалась удержать равновесие на узкой скамейке. От неё всегда исходил всё тот же волнующий запах тонких духов, тот самый, что привёл его к ней в том сневидении... Вспоминался тот нереальный пляж, её глаза, синие и таинственные...

Однажды Сергей всё-таки упросил Антуанетту спеть её любимую песню. Она долго отнекивалась, потом согласилась. Сигнальные лампочки в тёмной рубке горели зелёными кошачьими глазами. Две сигареты, которые курили Лихоносов и Антуанетта, тлели двумя багряными светлячками. Почему-то они вдруг оказались рядом. Через иллюминаторы была видна дощатая палуба, освещённая яркими звёздами, вспыхивал искорками вдоль борта планктон в воде. Антуанетта пела тихим грудным голосом, который чуточку дрожал. Её слова были искренними и передавали её темперамент. Ей можно было поверить, что это она просит целовать её ещё и ещё, это у неё последняя ночь с любимым...

Через несколько дней Казбеков во время сеанса радиосвязи с Гаваной принял радиограмму для Антуанетты. Неизвестный, подписавшийся именем Хорхе, сообщил, что ей надо срочно вернуться домой, что заболел Ромито. Сергей интуитивно догадался, что речь идет о сыне Антуанетты. Она сама на уроке говорила, что все детские имена у кубинцев оканчиваются на суффикс «ито», придающий имени ласкательную уменьшительность.

Антуанетта благодарно и тревожно взглянула на Сергея, когда он принёс ей радиограмму. Как раз накануне у них была договоренность о занятиях в радиорубке вдвоём без Лихоносова. Теперь все планы перечёркивались, – надо возвращаться в порт.

Утром они подошли к причалу, пришвартовались. Кубинки разъехались по домам. После полудня Сергей заскочил в каюту, чтобы переодеться и сходить в город. Антуанетта дала ему свой адрес, пригласила зайти к ней в гости.

В каюте на диванчике за столом сидел Васильич и пил чай с вишнёвым вареньем, которым он запасся на весь рейс. Он сразу предложил: «Садись, Серёга, рядом, поговорим ладком». Казбеков отмахнулся: «Некогда, дед, надо проводить кубинцев, да и в город сходить». Акустик махнул рукой: «Брось ты, они и без тебя простятся, ты только помехой будешь».

– Кто они, о ком ты речь ведёшь?

– А то ты не в курсе? Да третий штурман с Антуанеттой, – усмехнулся Васильич. – Я же говорил, что от баб на корабле только сенсации. Антуанетту не я один запеленговал, как она от Лихоносова на зорьке из каюты выпархивала.

– Что? – чуть не задохнулся от слов акустика и смутных догадок, которые он раньше отбрасывал, Казбеков. – В твои-то годы, Васильич, такое языком молоть. Да тебе бы с бабками на лавочке семечки щёлкать, а не в море ходить.

– Ей-богу, Серёжка, ты, как святой. Все знают, только ты в неведении. А компания у вас одна была. Ничего; придём домой, там, кому положено по должности, разберутся в этой ситуации.

Сергей, оглушённый неприятной для него правдой, но в душе признавший себе, что он просто не хотел раньше замечать той реальности, о которой талдычит акустик, только и бросил: «Ладно, Васильич, дуй пока на блюдечко, после поговорим о международной обстановке...»

Он инстинктивно пошёл наверх по трапу в рулевую рубку, зачем-то понося в мыслях Васильича, словно тот виновен во всей этой истории. Да ещё и каким-то сексотством от него повеяло; мол, на берегу сделают выводы по этим урокам испанского. «Подделом тебе, Васильич», – подумал Казбеков, вспоминая недавний случай. Кто-то из матросов сыграл с акустиком злую шутку. Пока Васильич мылся в душевой, оставив в коридоре свои известные каждому в экипаже тапки грубого кроя, из чёртовой кожи, похожие на две тупоносые лодки, неизвестный юморист налил в каждый тапочек фиолетовых чернил. Акустик обнаружил «злодейство» только перед сном, когда Сергей спросил: «Ты что, аксакал, педикюр что ли сделал?» Васильич поохал, поворчал, даже посмеялся, но через минуту крепко спал, в меру похрапывая. Привык человек рано ложиться, с солнцем вставать.

На верхнем мостике Константин Лихоносов занимался делом: раскладывал морские карты по номерам, корректировал лоцию. У него был вид озабоченного человека. Невыплаченная кооперативная квартира, трое детей, жена-домохозяйка. Всем своим видом он показывал: кому-кому, а ему забот хватает. Вот, попробуй пропусти цифирку из «навипа», который ему накануне принёс Сергей, и судно может нарваться на район ракетных стрельб, проводимых американским флотом. Вот такой он важный человек – штурман Лихоносов. Они переглянулись. Казбеков понял, что бесполезно что-то ему высказывать, да и что он к нему имеет? Не будешь ведь выяснять у человека, который сейчас находится при исполнении служебных обязанностей, спал он с Антуанеттой или нет. Но Сергей всё-таки машинально задал свой вопрос: «Слушай, корнет, правда, что у тебя с ней что-то было?»

Лихоносов сделал каменное лицо: «А что кто-то у нас в ногах со свечкой стоял?» Казбеков только теперь понял, как он выглядит со стороны. Действительно, парень, у тебя бзик, наверное, произошёл? Ну, были у тебя в отношении Антуанетты туманные планы вперемешку с полуэротическими сновидениями, ну, чувствовал ты, сидя с ней на скамеечке в рулевой рубке вечерами, её гибкое, влекущее тело с темпераментной дрожью. А у Кости Лихоносова с ней сложились свои отношения, сугубо личные и натуральные, поэтому он и крутит свой щёгольский ус с полагающимся достоинством.

Казбеков понял, что надо быстрее уйти, хоть провалиться сквозь железную палубу, настолько глупо его положение. Но открылась дверь и вдруг вошла Антуанетта Эстелла де Леон. И Казбеков невольно остался; на него нахлынули совершенно иные чувства, словно нашло состояние гипноза. Он сморозил вдруг очередную глупость, ляпнув ни к селу ни к городу: «Антуанетта, спиши мне на память слова той песни на испанском, твоей любимой...». Она пожала плечами, взяла на столе у штурмана листок и карандаш, и через пару минут Казбеков получил текст песни «Беса ме мучо» на испанском, написанный её витиеватым почерком.

Константин Лихоносов продолжал заниматься с картами, словно его, кроме работы, в этот час ничто не интересовало. Что-то заставило Сергея оглянуться на Антуанетту. Он не поверил своим глазам. Она стояла в углу рубки возле иллюминатора и, словно шестнадцатилетняя девчонка, плакала, глотая слезы. Антуанетта сняла свои тёмные очки и старалась нежной ладошкой остановить бегущие из-под пушистых ресниц крупные слёзы. Она плакала беззвучно, как плачут, наверное, лесные косули. Она и показала Казбекову этим красивым животным, которое обидел дикий, сильный зверь. Тот, к кому она пришла за последним поцелуем, хмурился и молчал, как усатый тюлень. Ему, судя по выражению лица, было не до сантиментов. Он выполнил свою программу, а телячьих нежностей Лихоносков не терпел. За весь рейс он послал жене только одну телеграмму, да и ту деловую – по квартирному взносу на кооператив.

Только сейчас Сергей Казбеков смог, наконец, увидеть настоящие глаза Антуанетты. Да, у неё действительно были большие голубые глаза. Но не эти глаза он ожидал увидеть. Оказывается, на самом деле у неё глаза сорокалетней женщины, несравнимые с теми, которые он обнаружил во сне. Те были голубыми и бездонными, как море у острова Куба, самое чистое и прозрачное на планете.

«Боже мой! – изумился Казбеков. – Почему у неё такие усталые и грустные глаза, так много повидавшие в жизни, миллионы раз улыбавшиеся, миллионы раз плакавшие...»

Он вышел из рубки, оставив Антуанетту и Лихоносова наедине. В душе он жалел эту женщину, в которую ещё несколько часов назад был по уши влюблен. Антуанетта слишком хорошо сохранилась для своих лет, не утратила обаятельную эффектность, ведь ей на судне никто не давал больше тридцати. Но когда-то эти глаза были совсем другими, именно такими, какими их увидел Казбеков там, на пляже, в том цветном сне. Две огромные голубые капли, удивительно гармонизировавшие со светло-шоколадной кожей её тела. Не зря говорят, что голубые глаза встречаются чаще у непостоянных людей, хотя и многие кареглазые верностью не отличаются. И вообще за тёмными стеклами очков мы можем встретить совсем не то, что часто ожидаем. Ему подумалось, что тогда, в ту встречу во сне с Антуанеттой на пляже Варадеро, где песок отсвечивает латунным блеском, а море на горизонте сливается с ярким небом, ей очень бы пошел к голубым глазам и красному платью с купонами букет синих июльских васильков, которые в это время пронзительно зацвели на полях России...

Душа Казбекова заняла от постылой мысли о том, что прошла только половина рейса, что впереди два месяца в этой корабельной тесноте, в каюте с казённой койкой, в экипаже с одними и теми же лицами. Выйдя на палубу, он облокотился на ржавый борт: в акватории порта вода внизу была грязноватой, с нефтяными разводами, с остатками погибших водорослей. Вернувшись в каюту, Сергей Казбеков, забрался на второй этаж в свою койку и достал томик стихов Эдуарда Асадова. Эту книжку перед отходом ему подарила девушка Зося из Гродно. Они познакомились на танцах во Дворце культуры моряков в Калининграде. И он сразу выделил её из толпы танцующих по русым волосам, пышной волной покрывавшим плечи, по статной фигуре. И дальше всё его внимание в тот вечер было приковано только к ней. Сергей проводил Зосю до самого дома, не испугавшись в полночь пойти на окраину Калининграда в поселок Южный, пользовавшийся бандитской славой. Потом ему пришлось после полуночи топтать пешком в обратном направлении, но всё обошлось. То ли местная шпана в ту ночь рано легла спать, то ли ему просто повезло. А утром он ушёл в полугодовой рейс.

В книге Асадова у него хранились две цветные вырезки из журнала «Огонёк». На одной красовался Владимир Маяковский с сигаретой и симпатичным щенком на руках, на другой Юрий Гагарин в лётной форме держит в ладонях белого голубя. Каждый из этих снимков стал для Казбекова реликвией в полугодовых рейсах. И ещё между книжных страниц хранилась фотография Зоси, на которой она казалась настоящей артисткой. Фото было чёрно-белым, цвет глаз не различался, но Казбеков вспомнил, что обратил внимание в ту первую и единственную встречу на её серые глаза, идеальный овал лица. Он ничего о ней толком не знал, да и что можно было успеть за те пять часов, которые они виделись. Единственное, что хоть адрес успел записать и фотку выпросить. Послал он Зосе одно письмо, но ответа пока не было. К плавбазе из Калининграда давно не швартовались, хорошо, если через месяц придёт почта. Фотографию девушки Казбеков доставал часто, с каждым разом находя в ней что-то новое.

Неожиданно в каюту пулей влетел Васильич; всё-таки шустрым для своих лет оказался он ветераном военной службы. «Не дрейфь, Серёга, найдём мы тебе не красивую, но работающую. Что у нас там, на Родине, девок подходящих нет? Разве их сравнишь с кубинками? Сам же видишь; с ними надо ухо остро держать, – поднял палец к потолку акустик. – Того и гляди, влипнешь в какую-нибудь историю. Хоть и дружественная нам страна Куба, но наши женщины нам важней. Патриотизм случайной любовью не заменишь».

«А что; может, и прав старый пень с акустическими мозгами?» – подумал Сергей, вкладывая опять в книгу между страниц, словно иконки, фотографии Маяковского, Гагарина и Зоси. Но всё равно Куба, – сделал для себя окончательный вывод начальник радиостанции Казбеков, – это прекрасная страна. Теперь из сердца её никакими силами никогда не выпроводишь...

Берега памяти

Геннадий Сазонов

К 85-летию Василия БЕЛОВА

Осенью этого года, 23 октября, исполнится 85 лет со дня рождения известного русского писателя Василия Ивановича Белова, а также 5-летие его ухода из жизни – 4 декабря 2012 года.

В. И. Белов – классик современной русской литературы, открывший читателю глубины народного духа, народного быта, народной культуры. Лирические стихи, очерки, повести «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», «Воспитание по доктору Споку», роман «Всё впереди», трилогия «Час шестой», пьесы «Александр Невский», «По 206-й», книги публицистики и другие произведения Белова получили широкое признание в России и во многих странах мира. Он автор более 60 книг, общий тираж их превышает 7 миллионов экземпляров, книги переведены на десятки иностранных языков.

При жизни писатель был удостоен за свой труд ряда высоких литературных и государственных наград.

Художественный мир Василия Ивановича Белова поистине огромный, как великий океан, его не окинешь взглядом и не вычерпаешь. И он, этот «беловский мир», вместил в себя наиболее значимые общественные явления, выпавшие на долю русскому народу в XX веке.

Не будем забывать, что внутренний мир любого из нас составляют большие или малые события повседневности. Одно из таких, особо важных, событий произошло 28 августа 1992 года – в праздник Успения Пресвятой Богородицы и для Василия Белова.

В тот день состоялось освящение Сохотского Никольского храма, восстановленного руками писателя и на его средства.

Об этом событии – мой рассказ

Храм у чистого озера

1

Помню, накануне, позвонил Василий Иванович, сказал, что закончил делать Никольский храм и пригласил в Тимонику на его освящение.

– Приезжай, будет интересно, – предложил он. – Погода стоит хорошая. Я встречу на подъезде к деревне.

– Ты ведь у меня не был? – уточнил писатель.

– Не был, Василий Иванович, – ответил я.

– Надо побывать, тем более и повод есть, – продолжал Белов.

Я сразу подумал: все дела в Вологде никогда не переделаешь, пора отложить их в сторону и съездить, наконец, в знаменитую деревню.

Я пообещал приехать, договорились, что в определенный час буду в Тимонихе.

Ещё раньше возникли какие-то неполадки в моей машине, отправляться на ней в неблизкий путь было рискованно. Поэтому я связался с коллегой, журналистом Е. Соловьёвым, собкором «Известий». Он тоже выразил желание побывать у Белова. Его редакционный «Уазик» был в порядке, и рано утром мы выехали из города.

На исходе лета природа уже обретала первые осенние краски, но ещё ярко и весело сияло солнце. Под ровное гудение мотора хорошо мечталось о предстоящей встрече. Поскольку мы ехали к известному мастеру слова, то и мысли вращались вокруг того, в чём же состоит назначение писателя.

«Зеркало!» – подумал я.

Конечно, зеркало. А что ещё?!

Взгляни в него – увидишь себя и ещё многое чего вокруг, что составляет суть многотрудной

жизни человеческой. Так и литература, помимо нашего желания или нежелания, была и остаётся зеркалом всего, что происходит в обществе.

И писатель – то же зеркало сам по себе, ибо в нём отражается окружающий мир.

В современном разномастном потоке словесности, поднявшем на поверхность не только светлое и возвышенное, но и тёмное, потаённое, порой даже бесовское, голос ведущих русских писателей стал, кажется, совсем приглушённым, едва различимым в громком «хоре», воспевающим «голубое сало» или какой-нибудь антиправославный «цветочный крест».

Но так ли уж всё уныло?

Если вдуматься, впечатление это – о приглушённости голосов русских писателей – скорее обманчивое. Нет, голоса их продолжают звучать. Только звучат они теперь уже не на всю страну, как это было в Советском Союзе, а, так сказать, в масштабах «местной аудитории», локально – «внутри региона». Да, вне сомнения, русским писателям трудно: и в бытовом – житейском смысле, и в творческом, трудно находить выход к читателю и поддержку у читателя. Ведь в конечном итоге писатель и трудится-то ради читателя, чтобы облагородить и укрепить его душу.

И всё же русские писатели, поддерживая великие литературные традиции, не ушли в затвор на «вынужденное молчание», а продолжают служить своему призванию, своему народу.

Это подтвердил и Василий Белов, когда недавно выступал на полувековом юбилее Вологодского отделения Союза писателей России. «Где исток нашей организации? – обратился он к литераторам. – Я думаю, он берёт начало от молитв Даниила Заточника, стихов Константина Батюшкова, пророчеств Николая Клюева, пронзительной лирики Николая Рубцова. Служение России, Слову было и будет главным смыслом жизни писателя на этой многострадальной земле».

Пожалуй, лучше и не скажешь!

Стояние в Слове – в этом и весь Василий Белов.

...Мы уже свернули с автострады, ведущей на Архангельск, и теперь катили по владениям лесного царя Берендея, они казались бескрайними. Вдоль песчаной грунтовки над ней столбом стояла пыль, тянулись убогие северные деревеньки, свидетельствуя о страшно ненормальном отношении к земле-кормилице нынешних людей. Я имею в виду не только тех, кто живёт в глубинке, но и всех, кто ходит по асфальту. Лишь немногие сёла сохранили настоящий крестьянский уклад. Дорога начинала утомлять однообразием.

Но вот, наконец, вдали возникла маковка церкви и крест на ней – их хорошо было видно с холма, на который мы въехали. Они всё приближались и приближались. Кажется, мы добрались. Да, далеко от «цивилизации» затерялась родная деревенька писателя – Тимониха.

Навстречу нам по колее, разрезавшей поле, катила красная «Нива», за рулём я сразу узнал Василия Ивановича.

Мы притормозили, вышли на улицу.

– Встречайте гостей! – протянул я руку Василию Ивановичу.

Он крепко пожал ладонь, скупно улыбнулся.

– Припозднились вы что-то, – слегка укорил писатель. – Служба почти закончилась. Но отец Георгий ещё в храме и народу там полно.

Василий Иванович отозвал меня в сторону.

– Это кто с тобой? – спросил он, показывая на моего коллегу.

Я ответил, объяснил, что вынужден был воспользоваться машиной собкора.

– Нет, – запротестовал Белов, – с «Известиями» не хочу разговаривать, это такое русофобское издание...

Я почувствовал себя неловко. Что делать? Не назад же ехать моему коллеге! Всё-таки Василий Иванович, ещё раз выслушав меня, внял объяснениям, махнул рукой – мол, ладно. Мы сели к нему в «Ниву» и поехали на берег Сохотского озера, где только что освятили храм и состоялся торжественный молебен.

Вокруг действительно было много народу. Все радовались необычному событию – возвращению Храма к его изначальному назначению.

Будто невеста в подвенечном уборе, стояла церковь Николая Чудотворца на Сохте – такая красивая, откуда ни посмотри! Задержишь на ней взгляд, и душу наполнял дивный покой, охватывало умиротворение.

Эта церковь упоминалась в окладной книге Вологодского уезда в 1691 году. Видимо, тогда она была деревянной, а оделась в камень позже – в 1842 году. Главные святыни в ней – икона Божьей матери «Казанская» и икона Успения Пресвятой Богородицы.

И вот, как раз в праздник Успения, произошло освящение храма после его ремонта, сделанного писателем Беловым.

Такое удивительное совпадение!

Мы вступили в Храм, Василий Иванович начал показывать и рассказывать, что он делал. Тут подошёл священник – отец Георгий из Вологды – и поделился своими впечатлениями о событии.

– Многие люди, которые будут соприкасаться с этим храмом, – сказал он, – начнут спасать свои души, возрождать наше Отечество – Святую Русь. Слава Богу, прошло сегодня всё очень хорошо. Мы очень довольны.

Как всё замечательно организовано Василием Ивановичем, и люди пришли, хотя храм на отшибе.

Прекрасно так!

Главное – такое единение духовное, восторг, радость!

85 человек приняли Святое Крещение в этом храме вчера и сегодня – это же прекрасно!

Люди тянутся к вере, люди ищут её. Видимо, это необходимо, Слава Богу!

Великое дело!».

Ещё священник Георгий вспомнил, что он участвовал в освящении Храма Андрея Первозванного в Вологде. А здесь, на Сохте, он впервые самостоятельно освящал церковь.

– Так что это моё «боевое крещение», – добавил он.

Моё внимание снова вернулось к Василию Ивановичу. Я попросил его рассказать в деталях, как проходило восстановление Храма. Накануне я уточнил по историческим источникам, что в 1920-е годы церковь в честь Николая Чудотворца закрыли: зимнюю часть, колокольню разрушили, а в летней части устроили школу. Знал я также и о том, что Белову помогали его друзья – кинооператор

Анатолий Заболоцкий из Москвы и известный художник, академик живописи Валерий Страхов из Вологды.

Мне удалось сохранить запись рассказа Белова.

Для читателя я воспроизвожу его таким, каким он был, без какой-либо правки.

Говорит Василий БЕЛОВ:

– Третье лето я строю церковь. Когда я увидел, что её растаскивают, мне стало жаль её.

Тогда ещё лес и кирпич были не очень дорогими. Я на полученный гонорар купил всё и привёз сюда в Сохту.

Начали мы с того, что выгребли из церкви всякий хлам, удобрения. Но всё равно запах такой – всё пропиталось удобрениями.

Потом начали вести кирпичную кладку – кирпич, цемент.

Это всё – новая кладка, видите!

Всё было выломано – вон до того места, видите, почти до сводов.

А с той стороны тоже дыра была.

Освещал церковь отец Георгий из Вологды. Он быстро приехал. И спасибо ему. Народу на освещении было много.

– *Василий Иванович, а для проведения постоянных богослужений будет ли здесь священник?*

– Не знаю. Это уж пусть решают прихожане. Как они решат – не знаю. Вот сегодня собирали деньги, много денег. Дом надо священнику. Может, будут приглашать, но приглашать им не выгодно.

– *Василий Иванович, а православный приход будет на сколько деревень?*

– Да во всем районе нет ни одной церкви, всё разрушено. Только в самом Харовске какая-то деревянная церковь одна есть. Раньше в каждой деревне часовни были и приходы были. В Ильинском приходе – восемь километров отсюда – прекрасная была церковь.

В это время из храма вынесли младенца, который плакал на руках у молодой мамы.

– Вот уже и покрестили – видите, – сказал Белов. – Испугался чего-то!

Василий Иванович засмеялся.

Василий БЕЛОВ продолжал:

– У меня прадед и отец были очень религиозными. А дядя почему-то не любил священников. Я боюсь, что он был неверующим – он Гарибальди читал, Реннако читал какого-то. Вообще, как я думаю, народ неглубоко воспринял христианство, иначе бы и революции не было бы, а так сохранилось язычество – бей, круши, бунтуй. Но хозяйственным Иван Михайлович был отменным – вводил севообороты, горох начал сеять и вообще мастерской был. Но священников не любил. А вот один из прадедов был верующим. И все бабки и прабабки были, конечно, верующими.

Я в этом здании, – Василий Иванович показал рукой на стены храма, – в школе учился. Школа здесь была. Первый и второй класс кончал я тут. «Интернационал» нас заставляли петь здесь в храме. Ещё до войны я пошёл в первый класс, я с 1932 года.

Василий Иванович, а иконы в церкви откуда? Я вижу тут большие красивые иконы!

– Две иконы – «Тайная Вечеря» и другая – мои, я отдал сюда в храм. Икона «Богоматерь» у меня над кроватью висела в моём доме в Тимонихе. Обычная Богоматерь. А икону «Спасителя» вот Валерий Страхов купил и сам отреставрировал и подарил нашему храму, а одну икону принесли вон из той деревни, вон хозяин.

Белов показал на хозяина иконы. В это время мы уже вышли из Храма и стояли на улице.

Это был Громов Леонид Александрович из деревни Алферовская. Громов подошёл к нам, мы с ним познакомились. Он коротко рассказал, как хранил эту икону.

Я снова беседовал с Василием Ивановичем.

– *А когда закрыли церковь? – спросил я писателя.*

– Одновременно всё происходило, колхозы начинались и церкви разрушались, – ответил Василий Иванович.

Подошла какая-то женщина, знакомая Василия Ивановича, из окрестной деревни, вступила в наш разговор, добавила:

– *Ломали её! Отец Николай, священник, был арестован ещё до начала колхозов.*

Леонид Громов тоже вступил в разговор:

– Уже всё было заготовлено, чтобы крышу на церкви спихнуть.

Василий Иванович продолжал:

– Да, деревни, знаете, какие большие были? В нашей Тимонихе было 26 домов, а сейчас 4 осталось. Вот! И вся Россия так же, учти, братец (это Белов так обратился ко мне), северо-западная я имею в виду. На юге, может, получше было.

Сорок шесть человек у нас было в первом классе, когда я учился. И почти все погибли. Один или два осталось. И всё. Но погибли не на войне. После войны. Наш год на войну не попал. Моложе меня уже лежат на кладбище. И все почти смерти связаны с вином. Я об этом уже писал статью. Второй раз повторяться не охота.

– Везде дворов понастроили, а домов не строили, – недовольно сказал Василий Иванович.

Это он по поводу того, что внизу от церкви, под склоном отлогого берега, ближе к озеру, стоит полуразвалившаяся ферма – бывший скотный двор. И сейчас вот тут построили летнюю дойку так называемую, вон там за кладбищем.

– В Тимонихе пять домов вместе с моим. Пенсионеры живут и один холостяк. Не может жениться, девчонки не остаются. Мужчин всех убили на войне. Потом Хрущёв начал зорить, когда объединял колхозы. А были прекрасные колхозы, даже во время войны они не бедствовали. Работников было много. А как объединили, от Лукина и туда дальше – сорок километров. Это был способ уничтожить остатки сельского хозяйства. Да! Так что погубили деревню централизованным порядком, государственными мерами.

С улицы мы опять вошли в храм.

– *Ростиси, Василий Иванович, это что остатки?*

– Их соскребали когда-то лопатами. Замазывали. Восстановить их можно, но очень дорого. Пусть смотрят, что сделано.

Мы вышли из храма и немного прошли к озеру.

– Озеро Сохотское, – показал рукой вперед Белов. – Речка Сохта. Она сейчас маленькая стала, на моём веку прекратила существование. Леса вырубали. Там озеро в лесу есть, из озера вытекает эта речка Сохта. Впадает в Уфтюгу, а она в Кубенское озеро.

– *Василий Иванович, а Вы делали всю эту работу в храме как, на чём?*

– Да вот верстак у меня до сих пор в амбаре стоит. Хороший верстак. Как раз дядюшкино наследство. Он винты вёз аж со Шпицбергена. Ну, свет когда провели, у меня есть дрель, пила электрическая – облегчила немножко. Московский гость привёз рубанок шведский электрический, а то ручным строгать тяжело было.

СОЛОВЬЕВ (собкор Известий) обратился к Белову:

– Ну, а дальше-то что тут, Василий Иванович? Тут ещё, ой-ёй, сколько работы?

БЕЛОВ:

– Дальше пусть прихожане действуют, надо пристраивать паперть, многое чего надо. Пусть приход сам решает.

К Белову подошёл какой-то молодой парень, обратился:

– *Мой отец говорил, что Белов был озорником в школе, на гармошке играл.*

БЕЛОВ: – *Чего? Я могу тебе хоть сейчас, давай гармонь – дык и сыграю.*

ПАРЕНЬ: – *Гармонь-то у меня дома есть.*

БЕЛОВ: – *Есть! А ты чего не играешь?*

ПАРЕНЬ: – *Слуха нет, медведь на ухо наступил.*

Мы дружно рассмеялись.

Василий Иванович продолжал рассказывать про округу:

– Деревни рядом стояли – это Заозерье, дальше Алферовская, там – моя Тимониха, дальше там Чичериха, Печиха, там ещё за рекой были деревни; все они в куче были, и на эти деревни был здесь приход в Никольском. Об особенностях говора деревень: даже артикуляция разная была. А сейчас. Сейчас даже в Нью-Йорк приедешь, то же одно говорят.

– *Василий Иванович, а высота здесь большая какая, когда вы крест водружали?*

– Не знаю, – ответил он. – Довольно высоко!(засмеялся). Качалось всё – вот так! Оттуда видно всю округу далеко.

– А как вы туда забирались-то?

– Там леса – по лесам. Леса я сам строил. Крыша на куполе – железо, 130 лет, сохранилось железо. Но всё простреленное – дробью, картечью, пулями. Палили по галкам или просто так. Мне пришлось тампоны делать.

– А крест сам как, по веревке поднимали?

– Крест-то сам дубовый, он не тяжёлый, – ответил писатель. – Просто по лесам шёл, на себе нёс, поднимал – и всё.

Перед алтарём в храме я обратил внимание на два дорогих подсвечника, спросил про них у писателя.

– Их подарили нашей Никольской церкви русские эмигранты из Америки, – пояснил Василий Иванович. – Это Михаил Юрьевич и Петр Юрьевич Хлебниковы. Один из них гостил у меня летом – Михаил, он живет в Нью-Йорке, и брат его там, он работает в газете «МЫ».

Моё любопытство, в основном, было удовлетворено. Я выключил диктофон, а коллега воспользовался этой паузой и приступил к Василию Ивановичу со своими вопросами.

– А Вы могли бы по совместительству быть в Никольской общине? – спросил он писателя.

– Мне некогда! – отрезал Белов. – У меня своё дело стоит.

Между ними завязывалась беседа. А я, чтобы немного развеяться, стал спускаться к Сохотскому озеру – хотелось полюбоваться его окрестностями.

Озеро действительно очаровывало. А чем? Трудно объяснить; не было в нём какой-то «изюминки», но оно притягивало к себе. Местные жители называли озеро «Чистая слеза», что, наверное, близко к истине.

Родная сестра Василия Ивановича – Александра Мартемьянова, писательница, автор стихов и прозы, в одном из очерков так писала об Сохотском озере: «Внезапно набежит грозовая тучка, потемнеет ликом зеркальная гладь. Игривая волна разбежится из глубины и, стихая, достигнет зелёного бережка, где шепчутся грустные ивы, где сочные травы и россыпь полевых цветов. Волна ослабляет напор, замирает на прогретом песчаном плёсе, ласково пошлёпывая о забереги. До боли напоминают эти шлепки бережные прикосновения ладоней мамы к нежному тельцу дитяти. Речка Сохта может пересохнуть, но озеро – вечно свежо, не мелеет, ибо питается реликтовыми подземными водами».

Когда я возвратился от озера к храму, то увидел картину, которая меня, честно говоря, удивила. Василий Иванович и Соловьев сидели чуть ли не в обнимку на лавке у могилы Анфисы Ивановны, матери Белова, и о чём-то горячо говорили.

– А как я искал могилу отца, погибшего под Смоленском? – спросил писатель. – В трёх братских могилах искал его. Только в одной братской могиле в списке было одиннадцать Беловых...

– Да! – сочувственно воскликнул коллега.

Ещё несколько часов назад, когда я упомянул название «Известия», писатель как бы с большим недоверием отнесся к незнакомцу. Теперь же, похоже, проникся к нему доверием, посвящал в какие-то сокровенные чувства.

Русский характер – ни дать, ни взять!

Многое в характере, как признавал и сам Василий Иванович, он взял от родной матери. «Как от удара молнии, сердце твоё заплачет при виде немощной женщины, – вспоминала о матери Александра Ивановна. – Казалось, годами всё могла, всё умела, как-то умудрялась не болеть – но ведь этого не может быть, что не болела! Значит, ради спокойствия в семье умела не показывать, скрывать свои немощи! О, мама, какой пример подавала нам, какой образец стойкости, выносливости – и без слов, без внушений. Всё это не напрасно, не кануло в бездну. В слове Василия Белова слышатся, звучат посеянные примером мамы мудрые слова о бесконечном терпении, об умениях, о деловитости и о пагубности безделья. Выдумка, юмор, находчивость – всё от неё».

Я и Соловьев засобирались домой в Вологду.

– Надо же вам хотя бы чаю попить! – заволновался Василий Иванович. – Как же так уехать?

– Ты же не был у меня в доме? – спросил меня Белов.

– Нет, Василий Иванович, не был, – сказал я.

– Тогда я вас не отпущу, – решительно произнёс писатель. – Поехали в Тимонику, тут рядом.

Мы опять сели в «Ниву» к Василию Ивановичу, а соборовский «Узик» покотился следом.

Проехав поле, мы оказались в деревне Тимониха, и Василий Иванович пригласил нас в свой дом.

Про дом Белова, с виду обычный, в северном стиле, можно говорить долго. Здесь столько любопытного! От застывших в смоле сосновых брёвен в обхват, из которых срублены венцы и крыльцо, до уютной мансарды под крышей, где писатель любил поработать творчески за столом на ранней зорьке. На стенах висят картины-пейзажи, исполненные рукой самого писателя. Показывая мансарду, Василий Иванович достал откуда-то из потайного места большой чёрный портфель.

– Вот в нём то, что пока никто не напечатает, – сказал писатель. – Но когда уйду из жизни, возможно, что-то и пойдёт в печать.

Что это были за произведения, мы, конечно, постеснялись спросить.

На просторной кухне – настоящие деревенские широкие лавки, на которых сидеть гораздо удобнее, чем на городских стульях или креслах. Мы уселись на этих самых лавках, кстати, сделанных Василием Ивановичем. Сестра писателя Александра и с нею ещё какая-то женщина собирали на стол. Задымила свежесваренная картошка, рядом появилась зелень с грядок. В центр стола хозяйка поставила «злодейку с наклейкой», кстати, зелёной наклейкой, похоже, припасёна бутылка была ещё с советских времён. Хотя сам Василий Иванович давным-давно забросил это дело, но нам он предложим отметить событие.

– Пойдите, я совсем забыл, – встал я и пошёл к портфелю. – Я же привёз вам из Вологды письмо. Я передал конверт Василию Ивановичу.

– От Бондарева, – сказал писатель, взглянув на адрес.

Юрий Бондарев, с ним Белова связывали дружеские отношения, сообщал в письме, что Василию Ивановичу присуждена литературная премия имени Льва Толстого.

Мы дружно поздравили Василия Ивановича с наградой.

Какой всё же удивительный был этот день – праздник Успения Богородицы, освящения храма, новость о премии!

Столько событий!

Наверное, на радостях Василий Иванович взял гармонь, сел рядом на лавке и стал играть.

Играл он, конечно, бесподобно!

Играл часто, зазывно, ноги сами просились в пляс.

Потом он менял настроение и заводил какую-нибудь лирическую мелодию.

Это надо было слышать и видеть!

Мы пели разные песни – и русские старинные, и задушевные советские.

И тут отворилась дверь, к столу заглянул известный в округе плотник Осип Самсонов. Сразу подумалось: не прообраз ли это какого-нибудь героя из «Плотницких рассказов»? Осип Александрович, высокий, широкоплечий, решил тряхнуть стариной – пустился в пляс, выдавал коленца, да ещё спел пару-тройку частушек, от которых невозможно было не рассмеяться.

Я слушал негромкий говорок Белова, прибаутки плотника Самсонова, и понимал, что герои писателя рождались здесь, на этой грешной и любимой им земле.

Их помыслы и сердца омывали чистые воды Сохотского озера, воды, которые, согласно преданию, скопились от горючих слёз простых русских женщин, великих в своём терпении и в своей любви.

Берега Новороссии

Владимир Казмин

Мы из Кронштадта, мы из Донбасса

В этом очерке пойдет рассказ об удивительном случае, который произошёл в Донбассе весной 2015 года под Горловкой. Несмотря на так называемые «Минские соглашения» по мирному урегулированию военного конфликта на Юго-востоке Украины, Донбасс полыхает в братоубийственной войне до сих пор. Не проходит и дня, чтобы не рвались мины и снаряды на линии соприкосновения Луганской и Донецкой Народных Республик с украинскими войсками и нацбатальонами в так называемой украинской стороне зоне АТО («антитеррористическая операция»), а по сути, в зоне гражданской войны. ДРГ (диверсионно-разведовательные группы), как с одной, так и с другой стороны заходят на подконтрольные территории, ведут поиск и устраивают засады, минируют подходы к своим позициям, порой вступая в огневой бой друг с другом.

Речь пойдет о советском военно-морском флаге с большого противолодочного корабля «Кронштадт», о флаге, вызволенном из вражеских рук украинских националистов.

* * *

Разведгруппа отдельной бригады Армейского корпуса вооруженных сил ДНР во главе с капитаном с позывным «Волк» ранним мартовским утром пятнадцатого года вышла в боевой поиск в районе Доломитное под Горловкой и обнаружила группу морских пехотинцев 73 Очаковской бригады ВСУ, которые вторглись на территорию ДНР. Завязался бой. В результате неожиданной атаки донецких разведчиков морпехи были частично уничтожены и развеяны. Вот что рассказывает непосредственный участник этих событий Андрей С. «Волк» (фамилию командира разведгруппы по понятным причинам я не буду называть).

– Это было в районе Гольмовский – Доломитное. Ранним утром, когда ещё не взошло солнышко, наша группа, скрытно обойдя по балке небольшой ставок, у лесополосы обнаружила передвижение БТР противника, на котором было около пятнадцати «укропов». Они шли по нашей территории, с какой целью – не известно. Я дал команду: рассредоточиться и занять огневые позиции. У меня было четверо бойцов; ещё трое разведчиков и водитель «Урала», на котором мы приехали в этот район, были в группе прикрытия. Они стояли на дороге у пруда. Учитывая фактор внезапности, мы открыли огонь на поражение. Как оказалось потом – это были разведчики морской пехоты 73 Очаковской бригады ВСУ. Вояки ехали устанавливать минные ловушки на окраине Горловки.

«Панихан» ударил из «Шмеля». Вакуумный заряд разорвался в нескольких метрах от вражеского бронетранспортера, взрывом повредило колёса БТР и, разбросав «укропов» в разные стороны, машина перевернулась. Если бы заряд «Шмеля» попал непосредственно в БТР, шансов выжить у них бы не было. Мы открыли огонь из пулемётов. Уложили снайпера и ещё несколько врагов. Остальные контуженные, отстреливаясь, скрылись в лесополосе, оставив на поле боя трупы своих товарищей и раненого бойца, которого, как потом оказалось, вояки хотели добить, – он был ранен в ноги. Под нашим огнём они забрали его оружие и бежали в «зелёнку». Моя группа разделилась, и мы с двух сторон вышли к горящему БТР. Простреливая лесополосу «Панихан», «Боря» и «ВДВ» заняли позицию на дороге за посадкой, но я приказал им вернуться, потому что эта дорога была под перекрёстным огнём огневых точек ВСУ, которые были за полем на укрепленных позициях. Я и «Нохча» подхватили раненого морпеха и стали отходить к группе прикрытия. Теперь уже «Панихан», «Боря» и «ВДВ» прикрывали нас. Трупы «укропов» мы не стали собирать, так как по нам уже начали «свидомые» набрасывать из минометов. Мы быстро ушли из зоны обстрела, сели на свой «Урал» и уехали в безопасное место без потерь.

При первом допросе раненый пленный морпех рассказал, с какой целью они шли, а именно: устанавливать мины-ловушки на окраинах Гольмовского и Доломитного, хотя здесь по балочкам и полям ходят в основном мирные жители со своими коровами и козами... Когда мы сняли с раненого бронезилет и сделали обезболивающий укол, из-за пазухи у него выпал советский военно-морской флаг. Я спросил у него:

– Откуда ты взял этот флаг и зачем он тебе?

– Я пидмотав цю тряпку, шоб броник краше сыдив...

После этих слов желание было прибить этого вояку, но я сдержался.

– Ты знаешь, урод, что под таким флагом наши отцы и деды кровь проливали, с фашистами бились насмерть, а ты – «цю тряпку»! Говори, где взял! А ещё называешься морским пехотинцем!

– Хлопци, я на память соби узав цэй флаг у краеведческом музее, ще в прошлому роци в Краматорске...

Вот она – вся суть этих укровоаяк! Для них нет ничего святого, даже музеи грабят! Для них всё, что связано с советским прошлым – это оккупантская москальская история! Для них, фашиствующих, герои – только вояки УПА Бандеры, Шухевичи и вся остальная предательская шушера, которую давили наши отцы и деды, и не додавили... Вот теперь и на нашу долю выпало, простите за резкие слова, но я не могу говорить иначе о них – убийцах наших детей, сестёр и матерей. Я сам родом из Краматорска. Мой город, я считаю, оккупирован вот такими негодьями, которые пришли на мою землю устанавливать свои нацистские порядки. Я не пришёл в их дом, а они пришли ко мне с огнём и мечом, поэтому я буду с ними сражаться до последнего...

Мы отправили раненого вояку в Донецк. Потом, по моим сведениям, его вместе с другими «укропами» обменяли на наших пленных ребят – этот морпех оказался родственником какого-то крупного военного моряка. Дальше не знаю что с ним было, но мы его спасли, оказав первую медицинскую помощь, а так бы он с перебитыми ногами истёк кровью. И пусть молит Бога, что его не прибили свои, когда бежали под нашим огнём!..

– И что было дальше с этим флагом?

– Больше года я его хранил у себя, выяснял, как этот флаг попал в музей и с какого корабля. Потом я узнал, что этот флаг с большого противолодочного корабля «Кронштадт», и его в музей передал один из служивых этого корабля, после того как судно было выведено из строя флота. Этот моряк был жителем Донбасса и служил в семидесятых на «Кронштадте», ходил под этим флагом в боевые морские походы. Я думал, что делать дальше с реликвией, не хотелось, чтобы флаг где-то затерялся, тем более что он был добыт, освобождён из вражеских лап, в бою...

И вот судьба меня свела с прекрасным человеком Владимиром Васильевичем Березовским, руководителем Международного Центра развития социально-значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной», – рассказывает Андрей С. – командир разведроты ДНР с позывным «Волк». – Кстати, Владимир Васильевич тоже родом из Донецкой области. Центр «Святые Лавры Руси Православной» находится в Москве. Владимир Васильевич продвигает в жизнь один из грандиозных проектов по установке закладных камней на местах будущих памятников великому князю Александру Невскому, как символ непоколебимого русского духа. Эти памятники должны стать духовным поясом на страже веры православной и символом единства нашего народа по периметру земли русской. По задумке организаторов проекта памятники Александру Невскому будут устанавливаться в местах боевой славы вдоль границ Руси Православной, и завершится эта акция в 2021 году, к 800-летию юбилею великого русского князя.

Гранитные природные многовековые камни с родины Александра Невского из Переславль-Залесского, где великий святой Александр принял княжеский постриг. Там они освящаются и крестным ходом направляются в места их установки.

Один из таких камней был заложен в знаменитом на весь мир Звёздном Городке космонавтов России, стоят такие камни в Матвеевом Кургане Ростовской области, Луганске и в Донецке.

Когда я познакомился с Владимиром Васильевичем и рассказал ему об истории с флагом корабля «Кронштадт», он был потрясён моим рассказом. Оказывается, что в Попечительский совет Центра входят крупные флотоводцы, адмиралы, и я понял, что отдам этот флаг только в его руки...

Дальнейшая судьба флага с большого противолодочного корабля «Кронштадт» такова: директор Центра «Святые Лавры Руси Православной» Владимир Васильевич Березовский связался с Сопредседателем Попечительского Совета, депутатом Государственной Думы России, Председателем комитета по обороне, адмиралом Владимиром Петровичем Комоедовым, и реликвия была торжественно отправлена в Петербург, в музей Кронштадта на вечное хранение.

Война в Донбассе не закончилась, тлеющий конфликт гражданской войны, которую развязала преступная киевская власть в результате госпереворота в феврале 2014 года, может в любое время перейти в активную фазу. Все уже устали от этой ненужной войны, все хотят мира. Но есть уверенность в том, что если война вспыхнет с новой силой, всё равно победа будет за такими людьми, как Андрей С., и его боевыми товарищами, потому что для них наше героическое прошлое – не пустой звук, а флаг с боевого корабля «Кронштадт» – настоящая реликвия и святыня.

Берега Новороссии

Лиана Мусатова

Сведения о подпольной работе девушек я собирала из рассказов многих людей. О деятельности городского подполья во время оккупации города у меня издана книга «Реабилитирован посмертно». Я 20 лет хожу по школам и рассказываю о наших жителях, жертвовавших своими жизнями ради свободы последующих поколений. Как мне сказала Надежда Васильевна Попова – Герой Советского Союза, лётчица из нашего Мушкетово: «...выбор был не между войной и миром, а между свободой и рабством». Поэтому я двумя руками за Вашу работу в патриотическом направлении. Кое-что и я сделала в своём городе, собрав информацию о годах оккупации и героических поступках земляков, отразив в книгах.

Марта Носкова

Святиться имя будет ваше
На всех наречиях в веках

Среди множества «белых пятен» в истории Великой Отечественной войны – история зарождения подпольного движения в городах на временно оккупированной территории и его роль в разгроме фашизма. И эти «белые пятна» смогут обрести цвет, а, значит, и смысл, если складывать их мозаику из отдельных ярких осколочков, какими и являются судьбы героинь. Отечественная война была не только большим горем для всего советского народа, но и испытанием на мужество и преданность идеям коммунизма. Огромная любовь к Отечеству и забота о последующих поколениях определяла их мысли и поступки. Для них главным было то, чтобы их дети и внуки могли жить в свободной стране и петь:

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,

Преодолев пространство и простор...», и осуществлять это.

Преыдушие поколения ценою своей жизни очищали им путь, устраняли помеху, каким встала на их пути фашистская Германия. Марта ничего не знала об оставленных в городе подпольных комитетах и сформированных подпольных отрядах. Её никто не приглашал в их ряды. Но появление врага в городе, его расправы над мирными жителями, поиск и уничтожение коммунистов и евреев, вызвало в ней чувство протеста. А то, как они обращались с пленными солдатами, никакими словами невозможно было высказать.

Присущее с испокон веков русскому человеку милосердие, взяло верх над страхом и инстинктом сохранения жизни. Как только привели пленных в здание швейной фабрики имени Володарского, она ежедневно приходила к лагерю. Во-первых, проверяла, нет ли среди пленных её мужа, который ушёл на войну в первые же дни, а во-вторых, хотела им помочь, и искала возможность это сделать.

До войны Марта с мужем Иваном, мамой Анной Демьяновной и приёмной дочерью Люсей жила на Мушкетово. Люсю родила её старшая сестра Мария. И, так как у неё не было мужа и, чтобы скрыть позор сестры, Марта взяла девочку себе, тем более, что у них с мужем своих детей пока ещё не было. В первые дни бомбёжек в дом попала бомба, и их приютила на 8-й Александровке армянская семья. Они жили в летней кухне, состоящей из одной комнаты и коридора, из которого вела лестница на высокий чердак. Люся любила играть на нём, перебирая старые вещи хозяев. Но однажды мама ей запретила там играть. Люсе было любопытно: «Почему?» Она стала следить за чердаком и постепенно поняла, что там кто-то находится, потому что мама и бабушка носили какие-то свёртки. Она решила спросить:

– Бабушка, а кто у нас на чердаке живёт?

– Тебе знать это не надо.

– Но мне интересно. Можно, я полезу и посмотрю?

– Ни в коем случае! Хорошо, я тебе скажу, только ты никому об этом не должна рассказывать,

иначе нас всех расстреляют. Там – мамин двоюродный брат. Он скрывается от немцев и скоро от нас уйдет.

Этого «брата» Марта освободила из плена. Из окон пленные бросали в толпу записочки, сообщая свои данные и адреса, по которым можно найти их родственников. Во дворе всегда толпился народ, в основном женщины и подростки. Записочки ловили и громко кричали, читая написанное в них, в надежде, что отыщутся родственники из присутствующих или знакомые или чужие, согласные пойти по этому адресу. Прочитали адрес из Мушкетово, и Марта, взяв записочку, пошла по нему. В доме никого не оказалось. Соседи сказали, что мать и отец красноармейца эвакуировались, а жена с маленьким ребёнком ушла в село к своим родителям. Было очень обидно: парень дома, собственно говоря, а забрать его некому. Как же она скажет ему, что никого нет дома, ведь он уже ждёт, уверенный, что за ним придут. И по мере того, как она приближалась к городу, у неё зрело решение. А решила она сама его забрать, назвавшись сестрой. Только вот, как бы правдоподобнее сыграть, чтобы полицаи не заподозрили обман. Она решила последние метры перед фабрикой пробежать, чтобы запыхаться, ведь она бежала освобождать брата.

– Вот, записка, – совала она полицаю под нос отрывок бумаги с адресом, – мой брат. Где он? Позовите! Андрей Тимохин, братик мой родной, ты где? Андрюша, брат – это я, твоя сестра Марта.

– Тимохин, выходи! – гаркнул полицай.

Из проёма двери показался худой, раненный в плечо парень. Он неуверенно подходил, но Марта решительно шагнула навстречу, протягивая руки для объятия. Парень понял жест, и обнял её, приговаривая:

– Марта, как я рад, а где же мама, жена?

– Их нет в городе. Я за тобой пришла, – и, улыбаясь, добавила, – или не пойдешь со мной?

– Пойду, пойду, – поспешил подтвердить парень, но тут вмешался полицейский:

– Принеси документы, подтверждающие ваше родство.

– Так идти далеко, аж, на Мушкетово.

– Ничего, я подожду, мне спешить некуда, да и ему тоже, – кивнул он на Тимохина.

Марта знала, что никакие документы она не принесет, а, значит, надо искать другой выход, а пока тянула время:

– Нет, я без него никуда теперь не пойду.

Они так и стояли, обнявшись, и не хотели расходиться, но полицейский настаивал на своем:

– Неси документ!

И тогда Марта сняла с пальца золотое обручальное кольцо, и протянула упёртому полицая:

– Вот, возьми документ.

– Ну, это другое дело! Теперь вижу, что брат, за чужого бы не отдала обручку. Идите.

И они пошли.

– Как же я отблагодарю тебя?

– Немцев будешь бить.

– Да это само собой, вот только бы руку вылечить.

– Вылечим.

К Александровке она повела его через навесной мост над заводом, который не контролировался немцами. В развалинах мартеновского цеха дождалась темноты. Ночью, чтобы не видели хозяева, провела Андрея на чердак.

Марта продолжала ходить к лагерю на фабрике так же, как и многие другие. За эти дни люди перезнакомились друг с другом, рассказывали, кто кого смог освободить, так как ходили с записками по адресам. Когда полицаи отворачивались, кто-нибудь из толпы бросал съестное в окна или записки. Здесь же Марта познакомилась с подругами из Рутченково – Зиной, Капой, Клавой и Шурой. Зина, узнав, что Марта замужем, а муж на фронте, попросила принести одежду мужа. Потом они вместе ходили по адресам. Очень радовались, когда находили родственников пленных. Если близкие уехали, искали дальних, расспрашивая у соседней адреса.

Пленных водили на улицу Артема убирать кирпичи и мусор от разрушения после бомбёжки. Однажды Марта обратила внимание на пленного в разорванной исподней рубахе. Он чем-то ей напомнил мужа. В первое мгновение даже сердце ёкнуло, но, присмотревшись, она поняла, что это не Иван. Каково было её удивление, когда на следующий день увидела его в мужниной сорочке и

пиджаке, которые она передала Зине. И Марта догадалась, что девушки, каким-то образом связываются с пленными и где-то, скорее всего, вне лагеря, передают им одежду, а, может быть, и ещё что-то. Потому, что через несколько дней, она увидела этого пленного в городе, свободно идущего без всякой опаски. Чтобы так ходить по улицам, надо было иметь соответствующие документы. Но она ничего им не сказала о своей догадке. Понимала, что время военное и их на каждом шагу подстерегает опасность, поэтому, чем меньше они рассказывают, тем лучше для них. И она не обижалась на скрытность девушек. Марта была старше подруг на шесть лет, выше их ростом, замужем, и они считали её солидной женщиной. Может быть, поэтому и не очень делились, а, может быть, просто соблюдали конспирацию. Марта очень хотела быть равноправным членом их коллектива, и старалась войти в доверие.

Время шло. В начале ноября пленных перевели в другое место. Для лагеря выбрали территорию заводского Дворца культуры им. Ленина. Там собрали не только пленных с фабрики им. Володарского, но и из других мест. Зима началась рано. Выпал снег. Уже в ноябре начались лёгкие морозы. В декабре завьюжило так, что намело сугробов по самые колена. Марта получила от Зины задание: просовывать свёртки с одеждой в дырку в заборе в определённом месте. Для этого она каждый день ходила на прогулку с Люсенькой – катала её на саночках. Маршрут выбрала такой, чтобы было не подозрительно – по протоптанной дорожке вдоль забора лагеря. Она катала дочку, а в санях в одеяле, в которое была завернута девочка, находился свёрток с одеждой. Поравнявшись с указанным местом, останавливалась, высаживала Люсю из саней и «поправляла» одеяло, а в это время быстрым движением просовывала сверток в нужное место. Ни разу не было случая, чтобы она не выполнила задание. Девушки прониклись к ней доверием, и Зина просила её время от времени провожать мужчин на квартиру. До этого Марта туда относила собранную одежду.

Первая в лагерь сумела попасть Клавдия Баранчикова. Она работала медсестрой в областной поликлинике, что рядом с лагерем. Клаву и ещё одну медсестру послали в лагерный лазарет для оказания медицинской помощи раненым. В лазарете работала только одна санитарка, раненых было много и ей трудно было всех их обслуживать. Вторая медсестра ходила туда один день и больше не пошла; сказалась больной, а попросту не смогла видеть ужасов лагерного лазарета. Тогда Зина предложила Клаве переоформить её пропуск на Марту, предварительно договорившись с ней. Девушки не только лечили пленных, но и искали среди них офицеров и, в первую очередь, лётчиков и танкистов. Помогал им в этом лагерный полицай Даня. Даниил Быльченко работал в лагере по приказу командира центрально-городской группы Андрея Андреевича Вербоноля. Марта знала, что спасённые ими мужчины уходят через линию фронта в действующую армию, некоторые остаются в городе. Теперь она не сомневалась, что является единичкой подпольного отряда и выполняет только свою часть работы, а остальную часть – другие. И здесь действует целая цепочка, обеспечивающая перемещение офицеров от лагеря до линии фронта. И тогда она призналась Зине, что прячет на чердаке «брата», которому надо перейти через линию фронта. Она вылечила его плечо, и он собирался уйти, но не знал, куда ему податься. Зина достала документы, и Марта под покровом ночи увела его на известную ей уже квартиру.

– Марта, если останусь живой, приду после войны. Ты действительно мне стала сестрой. Я буду тебе писать с фронта, когда освободят Сталино, мне ведь писать больше некому. Не знаю, где родители, не знаю, где жена с дочкой.

– Буду ждать тебя Андрюша. Пиши, приезжай живой.

Пришёл новый 1942-й год. Праздника не было, не было ёлки. У хозяина, который работал переводчиком в гестапо, собирались гости. Марта подметала снег во дворе. Вошёл красивый голубоглазый офицер:

– Такой красивый девушка не должен убирать, – обратился он к Марте, – сегодня праздник. Я вас приглашал.

Он взял Марту за руку и повёл в дом:

– Это мой девушка, – сказал он хозяину.

– Марта, проходи, – сдержанно, не выказывая радости, пригласил хозяин.

– Я пойду, переоденусь – праздник всё-таки.

Не удивительно, что немецкий офицер обратил внимание на Марту. Выше среднего роста, статная белокожая красавица с удивительными карими глазами покорила немца. Но Марте не очень

хотелось встречать Новый Год в компании врагов. Ведь на Украине бытовало поверье: «Как встретишь Новый Год, так и весь год проживёшь». Не хотела Марта с немцами якшаться и не спешила переодеваться. Но минут через десять пришёл хозяин:

– Ты ещё не переделалась? – возмутился. – Если не хочешь иметь неприятности, быстро переодевайся и приходи. Он из гестапо, а эти шутить не любят.

Пришлось Марте надеть свое любимое чёрное платье, которое так оттеняло белизну алебастровой кожи лица и облегалo ладную фигуру. Ей совсем не хотелось производить впечатление на гестаповца, но у неё не осталось других приличных платьев – остальные поменяли на продукты. Она оставило только это любимое. Подумала: «Плохая примета Новый Год встречать в чёрном».

Уже под утро подвыпивший кавалер разоткровенничался и поделился с Мартой своими «победами», желая ей понравиться. Он рассказал, что они разрабатывают группу девчонок, которые помогают пленным бежать из лагеря. Они внедрились в лагерь провокатора, который вышел на Клаву.

– Мы арестовать Клаву, но она ничего не рассказывает. Не мог она один быть. Их есть много. Они все быть в гестапо! – выкрикнул он в запале.

Марта сидела ни живая, ни мертвая: «Клаву взяли, значит, и за мной скоро придут. Надо девчонкам сказать, что внедрился провокатор и уходит из города. Но, как? Где они живут, она не знает. Раньше встречались возле лагеря, потом вся связь была через Клаву. Клавы нет и связи нет». Ей стало плохо.

– Ты совсем белый. Ты плохо?

– Да, мне плохо. Живот болит. Я пойду домой.

Она еле сдерживала рыдания, а как только вбежала в своё жилище, сразу же поднялась на чердак и дала волю слезам – не хотела, чтобы их видели мама и дочь. Марта поняла, что это конец. «Как-то так неожиданно всё случилось, – думала она, – а как хорошо всё шло. Как по маслу! Слаженно работал отрегулированный механизм – каждый знал свои функции... «сколько веревочка не вьётся, а конец всегда будет». Вот он и пришёл».

Внизу постучали в дверь. Она вздрогнула, но это был хозяин.

– Демьяновна, скажи Марте, что её Фридрих зовёт.

– А Марты нет дома.

– Как нет? Она же домой пошла, сказала, что у неё живот заболел.

– Не приходила она. Как ушла вечером к вам, так до сих пор и не приходила.

Из двора доносился мужской разговор, но Марта, наплакавшись, засыпала. Проснувшись она от громкого стука в дверь.

– Марта Носкова здесь живет?

– Да, но её нет дома, – испуганно отвечала Анна Демьяновна.

Отталкивая её, в комнату вошли два немецких солдата и с ними офицер. Солдаты стали перерачивать всё вверх дном. От шума проснулась Люся и, увидев незнакомых дядей, расплакалась. Марта спустилась с чердака, взяла на руки дочку, успокаивая:

– Не плачь, дяди только посмотрят, что у нас есть и уйдут.

Но Люся продолжала плакать, крепко обнимая Марту и прижимаясь к ней.

– Собирайтесь, пойдете с нами.

– Почему? Я ничего не делала противозаконного.

– Приказано доставить в полицию. Если не виноваты, вас отпустят, – сказал немецкий офицер.

Марта пыталась отцепить от себя Люсю, чтобы переодеться, но детское сердце, видно, почувствовало, что теряет свою мать, и девочка не хотела отпускать её. Марта набросила на себя полубелье и белый шерстяной шарф, всё ещё держа Люсю на руках. Вышла во двор, пытаясь объяснить Люсе, что она должна её отпустить, что мама сейчас уйдет, но скоро вернётся. В дверях хозяйского дома, появился Фридрих. Он спросил, что происходит. Некоторые немецкие слова Марта понимала. Фридрих просил, чтобы её оставили в покое, так как у неё маленькая дочь. Но тут, из-под его руки вынырнул хозяин:

– Это не её дочь, а сестры.

Фридрих возмутился:

– Так ты мне врал! (Марта ему рассказывала, что живёт с мамой и дочерью). Забирать! – разозлился Фридрих.

Анна Демьяновна сама вся в слезах насилу оторвала плачущую навзрыд Люсю. Марту увели. В полицейском участке её сразу же допросили. Она отрицала своё участие в освобождении пленных. Подозрение у них вызвал поддельный документ на работу в лагере. Если подделала документ, значит, стремилась туда попасть. Если стремилась, то с какой целью? Она пояснила это тем, что искала мужа. На вопрос: «Кто подделал документ?» сказала, что купила на базаре, а фамилию сама вписала. Пояснение было неубедительным, и её отвели в тюрьму на 3-ю линию до полного выяснения её причастия к работе разрабатываемой группы.

Через два дня её снова повели на допрос. На этот раз устроили очную ставку с Клавой. Конечно, они сказали, что знают друг друга, потому что работали вместе. Но на вопрос: «Помогала ли Марта устраивать побеги?», Клава ответила отрицательно. Тогда в комнату ввели Григория, которого они освободили в декабре. Он заявил:

– Они обе помогали мне переодеться и провели к канализационному люку, где меня ждали две девушки. Одна из них повела меня к себе домой, накормила и отвела в следующий дом. Там я переночевал, а утром с поддельным паспортом Шура повела меня на квартиру, где я находился несколько дней. Я изъявил желание работать в подполье, но мне сказали, что, так как я офицер, я должен перейти линию фронта и воевать. Есть приказ – всех офицеров переправлять на ту сторону. Когда нас собралось три человека, нас повели в сторону Мариупольской развилки. Вели ночью. Выбрав момент, я сбежал, спрятавшись за деревьями.

– Ну, что скажите? – обратился к девушкам следователь.

– Что он – сволочь, – ответила Клава.

Отрицать не было смысла. Он видел лица, знал адреса. Значит, и Зину с Капой взяли. Но, пока девушки, не сговариваясь, решили их не выдавать.

– Кто ждал его на улице? Марта, отвечайте!

– Я не знаю. Я только помогла ему переодеться.

– Врёшь! – заорал взбешённый следователь. – Ты не могла не знать. Вы – одна банда! Вы передавали пленных из рук в руки! Надо же – Жанны д Арк!

– Я никого не знаю, – твёрдо повторила Марта.

– Сейчас узнаешь! Сразу всех узнаешь!

Он кивнул палачу, который стоял с плёткой в руках. Тот швырнул её на пол, и начал избивать. Но на третьем ударе, она потеряла сознание, и у неё начался приступ эпилепсии, которой она страдала с детства.

– Врача! – приказал следователь.

После того, как врач купировал приступ, её отправили в камеру и принялись за Клаву. Она тоже говорила, что не знает имён тех, кто ждал Григория на улице у люка. Настаивала на том, что это был единственный случай, что он так просился, и они пожалели его. Но следователь ей не верил, и приказал бить. Клаву били до тех пор, пока она не потеряла сознание. Несмотря на жестокую боль, она не добавила ни слова к сказанному.

В начале января Марту повели на очную ставку с Зиной Полончук. Зину и Капитолину взяли в один день. Вначале их держали на территории лагеря на Стандарте, потом перевезли в тюрьму и до проведения очных ставок их держали в разных камерах. Капа и Зина договорились никого не выдавать, отрицать все знакомства, и всё, что им предъявят брать только на себя.

– Представьтесь, – следователь обратился к Зине.

Она назвала своё имя и отчество, фамилию. В комнату ввели Марту. Зина увидела её и ужаснулась. Рассечённая бровь уже не кровоточила, а почти чёрная корка запекшейся крови, искажала выражение лица. Следы побоев были видны и на руках. На них были вспухшие полосы, тоже с запекшейся кровью. Зина поняла, что если её били, значит, она ни в чём не признается.

– Кто это? – спросил следователь, обращаясь к Зине, и кивая на вошедшую.

– Не знаю.

– А ты её знаешь? – спросил он у Марты.

– Не знаю.

Ввели Григория.

– Кого из них ты знаешь?

– Видел обоих, но как зовут, не знаю. Знаю только одно имя Шура. Эта та, которая меня отвела на квартиру. Ещё я слышал, как эта называла имя «Марта», – кивнул он на Зину.

– Что скажешь? И после этого будешь утверждать, что не знаешь Марту?

– Буду. Не знаю я эту женщину. А имя он, наверное, перепутал. Мою младшую сестру зовут Майя, я могла её называть, но она ещё ребёнок.

Но очной ставке с Капитолиной почти всё повторилось. Марта была старше всех, и немцы предполагали, что она может быть у них главной. Но подтверждений этой версии не было. Все трое отрицали её участие, кроме одного-единственного раза, когда освобождали Григория. Девочки надеялись, что Марту отпустят, ведь у неё маленькая дочка. Проведя очные ставки, следователь стал разрабатывать направление документов. Но, Марта даже, если бы и хотела, не могла бы сказать, кто и где брал документы, потому что она этого не знала. Арестовали и Шуру. Григорий, наконец-то, нашёл дом, у которого он встретился с Шурой. Теперь их всех держали в одной камере. При допросах сильно избивали. Тюремный охранник принёс им матрац один на всех. На цементном полу даже соломы не было. По ночам вылезали клопы – это было самое отвратительное. Водили их на допросы пешком в сопровождении охранников местных или немецких. Местные не разрешали говорить с матерями, немцы иногда разрешали.

Анна Демьяновна приходила с Люсей. Она шли сзади и коротко переговаривались. Много говорить не давали. Люся пыталась подойти к маме, взять её за руку, но её отгоняли прикладами. А один раз местный полицейский, направил на неё винтовку: «Застрелю, если будешь под ногами вертеться!» Люся в ужасе отпрянула, спряталась за бабушкину юбку и расплакалась. С тех пор она боялась приближаться к Марте.

– Дочечка, тебя сильно бьют?

– Они меня только начинают бить, я сразу теряю сознание, и у меня начинается приступ. Так что у них не получается меня сильно побить.

– Ну, хоть что говорят? Отпустят тебя?

– Пока ничего неизвестно. Они не говорят, как с нами поступят. Идёт следствие.

– А что же ты такое сделала, что они тебя держат?

– Да, ничего особенного. После следствия должны отпустить, – успокаивала она мать.

Из девочек выбивали признание. Но они твердили, что нет у них руководителя, что они сами всё выполняли, что нашли чистые бланки паспортов в паспортном столе, который, эвакуируясь, их оставил. Были там и старые заполненные паспорта, вот они ими и воспользовались. Им предъявили фотографии, на которых они в паспортном столе пытались достать документы Янковскому – офицеру Красной Армии. Но кроме фотографий, других подтверждений не было. Они действительно просили отца Зины достать Янковскому документы, но у старшего Полончука не получилось. Этим он и сохранил себе жизнь. Его отпустили.

В конце следствия Марту привели на очную ставку с Дидковой. Она впервые видела эту женщину. И та сказала, что не знает Марту. Против Марты не было никаких улик, кроме того, что она помогала переодеться Григорию. Это был единичный случай. Марта и девочки надеялись, что её отпустят, учитывая ещё то обстоятельство, что у неё маленькая дочь. Но в ходе следствия, припёртые доказательствами, девочки признались, что они освободили 240 пленных. Их зачислили и на счет Марты.

Завтра им должны были объявить приговор. Последнюю ночь они не спали. Им хотелось последние часы на Земле провести наяву, а не во сне. Девочки молчали. Каждый думал о своём. Им надо было мысленно попрощаться со своими дорогими и любимыми. Завтра они ведь и в глаза им не смогут посмотреть и не только оттого, что принесли столько горя, но и оттого, что их лица были изувечены до неузнаваемости. Марта выглядела лучше всех, потому что не было смысла её сильно бить, она сразу теряла сознание. Клаве почти оторвали ухо и выбили передние зубы. Зине разбили нос, брови, губы, белки её глаз налились кровью. На неё страшно было смотреть. И лица остальных девочек представляли собой ужасающее зрелище, не говоря уже о телах, которые были скрыты под одеждой.

Забрезжил рассвет. Наступало последнее утро их жизни. Девочки старались побороть страх перед смертью. И старались держаться мужественно. Они отдавали женщинам некоторые свои вещи. Зина отдала пояс для чулок, понимая, что больше он ей не понадобится, Капа – вязаный платок. Зина попросила свою соседку: «Сохраните память о нас, расскажите людям, что мы уходим из этой жизни с гордо поднятой головой, никого не выдав и никого не потянув за собой. Расскажите это

своим детям, а они пусть расскажут своим. Ради них, ради светлой жизни последующих поколений без рабства и насилия, ради освобождения Родины от нашествия фашизма мы пошли на смерть».

Когда они вышли за ворота тюрьмы, увидели своих матерей. Видно, почувствовав опасность, они сегодня как никогда были все в сборе. Анна Демьяновна взяла с собой Люсю. Пришла с ней к тюрьме и её двоюродная сестра Катя. На этот раз девочек долго не выводили, а день был морозный, и маленькая Люся замёрзла. Чтобы она не простудилась, Катя повела её домой. Наконец-то из ворот тюрьмы показались девочки в сопровождении немецких солдат. Это значило, что матери смогут перекинуться с дочерьми несколькими словами. Но девочки боялись не только поднять глаза на матерей, но и показать свои лица. Зина отвернулась в сторону и втянула голову в плечи, чтобы Анна Семеновна не разглядела следы побоев. Капа не раскрывала рта, чтобы не показать отсутствие зубов. Девушки старались не смотреть в сторону матерей, и им в этом помогали солдаты, отгоняя матерей прикладами. Только Марта позвала мать и, снимая полушубок, попросила:

– Дай мне свою фуфайку.

Она бросила матери серую кроличью шубёнку со словами:

– Возьми это себе и береги Люсю, – давая понять матери, что не увидит их больше никогда, акцентируя её внимание на словах: «Береги Люсю. Некому её не отдавай».

Но женщина не уловила прощальные нотки в голосе дочери, потому что и представить себе не могла, что её дочь замешана в партизанской деятельности и будет казнена. Она была уверена, что Марта ни в чём не виновата, что её арестовали по ошибке, и что немцы разберутся и скоро её отпустят. На следующий день она собрала Марте передачу, и понесла в тюрьму. Охранник не взял передачу, и сказал ей:

– Нет здесь твоей дочери. Их сюда не приводили. И вообще их нет, так что забирай свою передачу и сама ешь.

И только при этих словах защемило материнское сердце, почуяло беду. Она постояла и пошла домой. Они с Люсей уже жили на 10-й Александровке. Когда Марту арестовали, хозяин выгнал их. 10-я Александровка была почти на самом вершине холма, выше стоял только Дворец. Подниматься ей было тяжело, и она останавливалась, чтобы перевести дух. Ещё её внимание привлекали какие-то листки газеты, расклеенные на заборе. От них веяло бедой, но она не могла узнать, что там написано, так как не могла читать. Она попросила прочитать проходящего мимо парня. То, что она услышала, повергло её в ужас. Ноги подкосились, и она села в сугроб.

– Вам плохо? – забеспокоился парень.

– Мою дочь расстреляли. Мою Марточку, – закричала она на всю улицу. – Изверги, душегубы, такую красавицу... молодую.. мою дочку... будьте прокляты... Чтоб земля разверзлась у вас под ногами! Чтоб мина разорвалась и разнесла вас в клочья.

Долго ещё рыдала, причитая и проклиная фашистов, Анна Демьяновна пока не обессилела. Парень, сочувствуя горю женщины, молча стоял рядом. Он понимал, что сама она не дойдет до дома, и ей будет необходима его помощь. Он не утешал, потому что знал: никого, кроме собственного сердца, она не услышит. Постепенно, по мере того, как её оставляли силы, крик сходил на нет. Она уже только шептала проклятия, время от времени, всхлипывая. И когда уже совсем замолчала, парень взял её под руки, осторожно поднял, и повёл домой.

Люся бросилась к заплаканной и почерневшей бабушке:

– Бабушка, чего ты плачешь?

– Нет больше нашей Марты – немцы расстреляли.

Два дня Люся отказывалась есть, тоскуя по своей маме, и тогда Анна Демьяновна решилась открыть ей то, что от неё скрывали:

– Люся, не переживай так, у тебя ещё одна мама есть. Марта – не настоящая твоя мама. Настоящая – Мария.

Это было ещё большим ударом для маленькой девочки. Но потом затеплилась надежда, что к ней придет её настоящая мама.

– А где она, – спросила у бабушки.

– Она сейчас живет в другом городе и не может к тебе приехать, потому что идёт война.

Но настоящая мама к Люсе так и не приехала. Когда бабушка болела, она жила в детском доме, потом у дальних родственников, но никому она не была такой родной, как Марте.

На фото: верхний ряд слева направо – Васильева Александра, Полончук Зинаида, в центре Носкова Марта, нижний ряд – Кастрикина Капитолина, Баранчикова Клавдия.

Берега Новороссии

Ирина Бауэр

Бауэр Ирина родилась в городе Донецке в 1958 году. Волонтер гуманитарного штаба «Поможем», спасавшего жизни жителей Донбасса. Член Союза писателей ДНР, ЛНР. Автор книги прозы и стихов «Тата». Лауреат литературного фестиваля «Камбала». Лауреат I премии в номинации «Поэзия» VI Всеукраинского песенно-поэтического фестиваля «Город Дружбы приглашает». Победитель 2-го Всероссийского ежегодного литературного конкурса «ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ». Печаталась в различных изданиях, в том числе в литературно-художественном альманахе «Территория слова» Союза писателей Луганской писательской организации им. В. И. Даля.

Три конфетки

Корабельные сосны вторили ветру, упираясь в край горизонта. Продёрнутый жёлтой ряской берег речки достал из коралловой шкатулки солнце, когда я покинул уютный ресторанчик при станции. Плотно пообедав, вдохнул тугой хвойный воздух, словно возвращая себе устойчивую симметрию окружающего мира. Необыкновенно счастливыми казались вокруг предметы. Уровень погружения в изобретённую и проверенную радость оставался неизменным. Достаточно усвоить нехитрый пустячок: по-настоящему счастлив лишь тот, кто не вникает без надобности в дела других людей.

Узкая дорожка прыгнула под ноги, приятно поскрипывал гравий, смешиваясь с тёплым песком. Я нащупал в кармане пачку сигарет, но она оказалась пустой. До поезда у меня оставалось предостаточно времени. Основной пакет документов оформлен, дела фирмы шли великолепно.

Я неспешно прогуливался вдоль обрыва поросшего можжевельновыми кустами. Упираясь в тонкошку синеву, дрожали в воздухе жирные цикады. Пахло прелым листом, сырым грибным духом из тёмных проплешин чащи.

Среди ветвей ивняка под высоким изломом неба послышалась напряжённая перебранка. Придя в необычное волнение, один из заговорщиков принялся орать во всё горло, что именно он обнаружил сакральную вещь.

- Где ключ?
- Там!
- Точно?
- Точней не бывает!
- Как взять?
- Не раздумывая!
- Молодец! Умён! Ты же Ленин!

В кустах мелькнула шишкастая розовая плешь, а затем возник и сам охотник за ключами: маленький жилистый мужичок.

- Сигаретой не угостишь? — спросил я.

Пренебрежительно сплюнув, мужичок оглядел меня так, точно я, чужак, выкрал вселенскую тайну, при этом узкие щёлочки глаз вдруг вспыхнули, напоминая замочную скважину.

- Есть поблизости магазин?
- Иди прямо!

Через минуту он растворился в кустах так же быстро, как и появился.

И вот, наконец, после десяти минут интенсивных поисков, посреди набирающей густоту смоляных травостоев улочки, мелькнул магазинчик. В зале повсюду красные, помеченные местечковой глушью лица. Я напористо протиснулся сквозь толпу, бросил на прилавок купюру, но продавщица царским жестом пальца похожего на стручок красного перца ткнула перед собой.

— Самый умный? В очередь!

Запах чеснока, самогона и припечённого ржаного хлеба растекался по всем углам. Суетно, обезличенно дышала толпа. Продавщица, на синем фартуке которой было выведено чёрным фломастером имя «Катя», то и дело отсылала жаждущих немедленно заполучить «красненькую» — рубиновый портвейн в конец очереди.

— Когда хлеб будешь давать? — слышалось со всех сторон.

Катя деловито выкладывала горкой тёплые буханки с деревянных поддонов прямо на прилавок и при этом что-то неразборчиво бубнила под нос.

Перекатывались из рук в руки последние новости. Я определил точку очередности в системе магазинных координат, а затем принялся рассматривать то, что трудно назвать витриной. Вперемежку со стопами ночных сорочек, рейтуз и тапочек, ведра разной вместимости напоминали блеском каски кавалергардов.

Но во всём чувствовалась соразмерность неспешной жизни. Тишина лоснилась, а война казалась запредельным крохотным пятном на рубахе. Выбросил и забыл. Повторяемость рутинных на первый взгляд дел вроде покупки хлеба или сигарет ранит значительно больше, чем осколки. В этом заключается парадокс: попав в мирную жизнь, ты ощущаешь собственную незащищённость перед ней и тогда война, встав на пути, как ледяной торос, с новой силой всасывает тебя.

Она, война, способна изменить твой личный штрих-код!

Отдалённый тяжёлый гул сотрясал горизонт, медленно накатывал, как похмельный синдром, как звуки жестяного барабана Оскара Мацерата, когда предвоенный психоз овладевает сознанием каждого.

В то лето мы с Наташкой устроились в тени дерева у небольшого пруда, под копчёного леща поглощали пиво.

— Слышишь, как гремит?

— Это рядом.

— Может, обойдётся? — спрашивала меня Наташка, то и дело заглядывая в глаза.

Происходящее напоминало линию кардиограммы. Обнуление — смерть. Мошкара хороводом праздновала август, покусывая тонкие Наташкины лодыжки.

— Я окончательно в тебя влюбился.

— Окончательно? Смешно, — говорила Наташка, пожимая узкими плечами.

Было ветрено. В воздухе кружили души влюблённых, охраняя клочок травостоя в который умещалась сейчас наша с Наташкой судьба. Мы приросли к пруду, лоскутному небу и лапкам кроважной мошкары. Я ещё рассматривал происходящее под микроскопом, увеличивая расстояние между двумя графиками функций, грохочущими миномётами и моим городом. Война казалась мне далёким и абстрактным действием.

Спустя несколько месяцев Наташкин звонок ворвался в предрассветное утро со снежной крупкой. По тому, как она брала высоко ноту, подменяя среду обитания людской речи неким клёкотом, случилось непоправимое!

— Это ужас! Началось!

Дома подышали, глядя на меня с экрана компьютера глазами неизлечимо больного зверя.

— Мне страшно! Помоги! — выла она в трубку.

Высокий жилистый, похожий на строительный трос, мужик с большими несуразно узловатыми руками ходил по развороченному двору в одних трусах и майке всё повторял и повторял:

— Это я виноват! Из-за меня началась война! Я что-то сделал не так!

Я ощутил полное обнуление вокруг себя. Сжался до боли в скулах родной город. Жизнь мучи-

лась жадной. Той самой, что томит мошкору, стремящуюся защитить своё поле брани, каждый раз жая с новой силой.

Мысль работала мерно, спокойно и уверенно. Терпеливый чемодан предлагал себя в кровники, давая понять, что способен обеспечить безопасность пути в иную виртуальную реальность.

Полупустой троллейбус принял нас двоих. Это не бегство, нет, это лёт мошкары! Вначале не замечаешь, а на второй день зуд на всём теле.

Музыка под тёплым светильником дрожит тончайшим неонам, как янтарные бокалы, округлая скань пиццы, глянец улиц и тишина подворотен. Город, где я осел, разомлев от снегопада, от белизны божьих простыней, напоминал мне детство. Разгадать бы его живописный ряд, умиленных тонконогих барышень в джинсах и деловитых парней! Понимая, что размеренная жизнь – такая же огромная удача, как принять в кровники чемодан, я наслаждался каждой отпущенной мне минутой счастья.

Проходит время, и категория дураков, подвергая прошлое бесстрастному анализу, оживляет затянувшийся фурункулёз прежних душевных ран. Но только не я! Спазмы совести казались мне противоестественными.

Внезапно дверь магазина с шумом распахнулась, и на пороге появилась молодая коротко стриженная черноволосая женщина, обожжённая загаром, в плюшевом халате с обвисшими краями. Мягко ступая в войлочных тапочках, вошла, прижимая к груди тщательно спелёнатого ребенка. Я угадал её, вспоминая всё, от чего избавился, как мне казалось, навсегда. Я не поверил своим глазам! Каким образом Наташка попала сюда из зоны конфликта? Бежала, так же как и я?

Странно, но очередь сдалась сразу безо всякого сопротивления, расступаясь перед ней. Женщина гордо проследовала к прилавку. Продавщица всплеснула руками.

— Наташка, ты опять?

— А в чём дело?

— Ну, и когда ты перестанешь сюда ходить?

— Когда надо, — парировала покупательница.

— Ну? — тихо спросила Катя.

— Три конфетки, пожалуйста.

— А у тебя деньги есть?

Наташка пошарила в кармане плюшевого халата и протянула яркую конфетную обёртку.

— У меня только крупные. Сдача будет? — спросила она.

— Я так и знала, — выдохнула Катя в синем фартуке.

Магазин, напоминавший жалящий улей, затих.

— Три конфетки, пожалуйста, — настойчиво тыкала она в руки продавщицы мнимую купюру.

— Не дам, надоела. Иди отсюда!

— Три конфетки, пожалуйста.

— Подходите следующий, — Катя нервно метала буханку за буханкой.

Очередь налилась густым вязким любопытством. Три конфеты, как Вифлеемская звезда,плыли в воздухе дугообразными буквами перед моими глазами. Перекос ощущался в каждом жесте, не сочетаясь с гибкой симметрией её фигуры. Я шагнул навстречу. Маленькая щуплая, с раскосыми скулами она смотрела на покупателей просинью больших воздушных глаз, оцарапывая и притягивая одновременно. «Караимка, — подумал я. — Узнаёшь ли ты меня?»

Наши взгляды сошлись, но Наташка отвернулась, как от случайного прохожего, надоедливой фотографии.

— Бездушные, злые люди, — она осыпала толпу упрёками, не обращая на меня никакого внимания, — мне же маленького кормить. А если пропадёт молоко?

Три конфетки, как спасение, как последнее желание. Когда подошла моя очередь, я купил самые дорогие сладости. Катя почесала затылок, одёрнула синий лоснящийся фартук на округлом животе, затем облизнула морковные губы и осторожно спросила:

— И зачем ты её прикармливаешь? Надоела до чёртиков.

Я выхватил пакет и подошёл к Наташке. Она, неожиданно присмирив, стояла у окна, лишь поскуливала, как раненый живодёрами щенок, заботливо прижимая к груди дитя.

— Угощайся.

Такого спрессованного счастья, граничащего с безумным восторгом благодарности, мне не приходилось видеть.

— Наташа, привет, — я тихонько окликнул женщину.

Моя дублёная шкура приспособлена к любому неожиданному повороту судьбы, я ждал упрёков. Но здесь я сплоховал. Я дрогнул. Наташка меня не узнала!

Полупрозрачными пальцами прикоснулась к глянцевой упаковке так, точно боялась поверить в реальность происходящего, как вдруг ребёнок выпал из рук. Грохот накрыл присутствующих. Из пелёнок, распластавшихся на полу, выкатилась шестерёнка, отшлифованная до серебряного блеска. Сделав круг, деталь замерла, а затем, вибрируя, успокоилась. Наташка бросилась к ней и осторожно подняла.

— Маленький мой, родненький, — запричитала она. — Ты не ушибся, сыночек? А вот я сейчас поцелую мои сладкие ноженьки, рученьки. Не плачь, всё устроится, обойдётся. Скоро дома будем.

Она закончила пеленать, вновь прижала к груди выдуманного ребёнка, и покинула магазин. Очередь с облегчением вздохнула.

Дорога, единственная в этом месте, воздушным кружением вела меня в гору вдоль синей кромки леса. Наташка свернула влево и подалась к небольшому зданию, перед которым сиял изумрудный от солнечных лучей газон.

Война — гибельное состояние души, в момент наибольшей опасности проявляется некое отторжение её как таковой. Война — это затвердевшая субстанция, способная вытолкнуть из души человеческое начало, заполнив собой образовавшиеся пустоты. И вот ты уже клон самого себя.

Я мысленно попрощался с Наташкой, мне не было до неё никакого дела с момента, как я покинул прифронтовой город. Я вовремя выплеснул эту женщину вместе с войной из своей жизни. И если бы не провидение, что схватив за шиворот, тащит нас по жизни, мы бы не встретились! Она испугала меня своей чужеродностью, тугим узлом собранных воедино потерь, жёсткой стойкостью прострелянного дорожного знака.

«Психиатрическая лечебница» — сияла тщательно очерченная надпись на свежескрашенном здании.

Я обернулся, Наташка смотрела мне вслед, застыв, как каменная баба, у излучины дорог.

Счастье схлынуло. Я торопился на поезд.

— Лёт мошкеры начался! — пели прощальную цикады.

Берега Новороссии

Галина Стеценко

Галина Стеценко родилась в Донецкой области. Живёт в Москве. Пишет стихи, прозу, произведения для детей. Автор 5 книг и многочисленных публикаций в журналах и альманахах. Лауреат конкурса Национальной премии «Золотое перо Руси» (2013, 2015), «Русский стил» (2015, 2016 – Германия), «Славянские традиции» – (2010, 2013 – Крым), «Славянская лира» (2015 – Беларусь), «Большой финал» (2013, 2014), «Редкая птица» (2015– Украина), «Вслед за путеводной звездой» (2014), победитель интернет-конкурса Грушинского фестиваля (2014) и других. Член Союза писателей России. Член Международного творческого объединения детских авторов.

Запах костра

Рассказ

До поезда оставалось больше часа. Никита с мамой и младшей сестрой Марусей коротал время на вокзале в Харькове. «Почему время здесь имеет особое измерение, течёт медленно? – размышлял он, сидя на скамейке в зале ожидания. – Когда-нибудь я найду этому объяснение...»

Он медленно провожал взглядом движущихся по залу пассажиров с рюкзаками на спине и чемоданами в руках. Они напоминали ему муравьёв, а вокзал – огромный муравейник.

– Мы едем, едем, едем в далёкие края, – напевала Маруся. При этом она наклонялась то к маме, то к брату. – Ну, скоро уже в поезд сядем?

– Скоро. Потерпи немного. Ночью в дороге поспишь, а проснёшься уже в Москве. Давай пока почитаем, – мама раскрыла книгу с яркими картинками.

– А мы ходим в большой зоопарк? – девочка примостилась поближе к маме.

– Обязательно. И слонов, и мишек увидим.

– Ура! И потом на Красную площадь пойдём?

– Да, конечно.

– А эта площадь красная как моё новое платье? – Маруся соскочила с места, взялась за юбочку платья с двух сторон и закружилась. – Я в нём пойду. Никита, а ты наденешь новую рубашку? Хочешь на Красную площадь?

Никита улыбнулся:

– Да.

Он любил путешествовать: радовался каждой поездке и новым купленным вещам в дорогу, но не хвастался, как его сестрёнка.

– И ещё хочу в Кремль, – окончание последнего слова он произнёс нечётко.

– И я крем люблю. Он сладкий, – облизнулась сестра.

Никита рассмеялся.

– Иди к маме, она тебе сказку почитает, а я пока поиграю, – он достал из кармана рубашки телефон, и вскоре на его экране начались автогонки с препятствиями. Мама негромко читала сказку.

– Костром запахло. Мама, значит, шашлыки будут, как на даче? – послышался голос Маруси. Никита тоже почувствовал запах гари.

– Не пожар ли где? Или курит кто? – беспокойно заёрзала на месте бабуля в летней шляпке в горошек, сидевшая напротив. Мама закрыла книжку:

– Что такое? Непонятно...

Никита прекратил игру, сунув телефон в карман рубашки, желая понять, что происходит. По соседству коренастый мужчина отложил газету, встал и огляделся:

– Вроде не курит никто, – прошёл между сидениями, приглядываясь и стараясь найти, отчего исходит запах. – А это чьё имущество? – он легонько ткнул ногой в пухлую, из клетчатой ткани, сумку под скамейкой.

– Ой, осторожнее, вдруг там... – испуганно зажмурилась бабуля, будто в эту минуту должен был грянуть взрыв.

Никто из находящихся рядом пассажиров не признал поклажу своей.

– Кажется, её здесь не было, когда мы сюда пришли, – мама пыталась вспомнить и понять, как сумка здесь оказалась. – Да, точно не было. Но мы могли не заметить, как её нам подсунули: каждый из нас был занят своим делом...

Взрослые гадали, строили догадки, откуда она взялась и что в ней. Никита слушал их разговор и тоже недоумевал, как появился недалеко от него этот багаж.

– Об этой находке надо сообщить, – решительно высказался мужчина.

Но тут подошёл темноволосый коротко стриженный парень, в шортах и выцветшей майке, в резиновых шлёпанцах на босу ногу. Он наклонился к сумке и медленно потащил её из-под сидения к себе.

– Вот ты и попался! – мужчина схватил незнакомца за ухо.

– Пустите, – съёжился пойманный, бросил ручки сумки и спокойно оттолкнул руку мужчины от уха. Но мужчина тут же крепко обхватил его запястье и не отпускал:

– Я как раз хотел сдать этот груз в милицию, а теперь пусть забирают его вместе с тобой. Там разберутся! Документы с собой?

– Нету... А что я такого сделал? – взволнованно произнёс малолетний подозреваемый. Никита оценивающе смотрел на него, своего ровесника. Ни внешним видом, ни поведением он не вызывал симпатии. «Вокзальный воришка», – определил Никита.

– Ещё отрок, а уже бомжонок. Не дай Боже! – сочувственно покачала головой бабуля.

Парнишка передёрнулся от таких слов. Что-то попытался ответить:

– Э-э-э... У-у-у... Да-а-а... – он выглядел растерянным и беспомощным.

Вокзальный шум заглушил его слова, и Никита ничего из сказанного не понял, подумал, что тот заикается, болен.

– Ну что вы пугаете мальчишку? – заступилась мама.

– Хэ, несовершеннолетние дети с родителями ездят, – не смягчился мужчина, – а этот сам по вокзалу шастает! Родители твои где?

– Нету, – еле слышно ответил парень.

– Ну, вот, пожалуйста! Самостоятельный уже! Что хочешь, то и ворочу! А эту старую сумку, зачем тащишь? Что в ней ценного? Признавайся! – настойчиво продолжал разбираться мужчина. – Я, кажется, догадываюсь... Кто хозяин её?

– Я. Это мои вещи, – тихо сказал парнишка, глядя в пол.

– Твои? Тогда открывай! Показывай, что здесь.

Все наблюдавшие замолчали и ждали продолжения. Паренёк сначала стоял как застывший. Было заметно, что он стиснул зубы и внутренне сжался, едва удерживая слёзы. Никите вдруг стало жаль его: он казался незлобным и неагрессивным.

Парень неохотно присел и расстегнул молнию сумки. Все любопытные, и Никита в том числе, окружили его и впились взглядами в загадочное местоположение. Из него новой волной пахнул уже известный запах от доверху плотно набитых, на вид, обгоревших тряпок. Все молча с недоумением переглянулись. Никита скривил лицо и отошёл. Маруся за его спиной радостно выкрикнула:

– Костром пахнет!

Мама смотрела на парнишку огромными глазами, полными непонимания:

– Что там внутри?

– Шмотки... Мои... – с трудом выговорил он, будто ком в горле мешал ему.

– А внизу, что под этими угольками спрятано? – прищурив глаза, спросил мужчина, надеясь всё же уличить пойманного в чём-то ужасном.

– Ничего не спрятано. Одежда, все вещи мои... Собрал, что осталось... Остальные – сгорели, когда снаряд в наш дом попал... А папку с мамкой соседи на огороде похоронили: кладбище обстреливали... – он присел на корточки и застегнул сумку. Повисло молчание. Никите стало не по себе: обидно, что взрослые пытали его, подозревая во вредительстве, да и он сам слёту назвал его «воришкой». И ужасно жалко, что он остался без родителей и крова. Как теперь жить сироте?

Тут к нему подошла в форменной одежде работница вокзала:

– Пойдём!

– Не надо! – выкрикнул Никита. – Вы его куда, в милицию, ведёте?

– погодите, – вскочила мама, – куда его...

– А что вы переполошились? – удивилась железнодорожница. – Он в Белгород едет, к тётке. Сказал, что кроме неё, у него из родных никого нет... Он смог как-то сам доехать сюда из-под Горловки, на перекладных. Попросил нас переправить его через границу. Мы ему билет купили, поможем добраться, а там... – она помолчала. А потом скомандовала подопечному: «Бери свою кладь, ты за одну ручку, а я за другую, и вперёд!»

Никита пока слушал её, сердце болезненно сжималось, а в голове стучало: «Чем помочь?» Сейчас он взволнованно смотрел вслед парню и женщине со злополучной ношей, боясь упустить их из виду в многолюдном зале. И вдруг его осенило:

– Мама, давай отдадим мои вещи! Они ему в пору будут!

– Ой, как же я не догадалась! Конечно! – она мгновенно расстегнула чемодан, достала из сумочки пакет и стала пихать в него джинсы, шорты, майки, – в Москве тебе новые купим. Беги, догони, отдай!

– Возьми вот, с капустой, – бабуля опустила в пакет поверх вещей завернутый в салфетку пирожок, – тёплый ещё, себе купила на перекус...

И, вглядываясь вглубь зала, перекрестила дорогу, по которой удалялся юный беженец.

Никита летел, не чувствуя под собой пола. Толкая пассажиров, обегая чемоданы и сумки, чуть ли не перепрыгивая через них, догнал парня:

– Это тебе, на первый случай, – запыхавшись, протянул ему пакет.

Тот удивлённо посмотрел на Никиту и, заглянув в пакет, несмело взял его:

– Спасибо, – в его безрадостных карих глазах вдруг вспыхнули огоньки.

– Удачи, брат! – Никита ладонью хлопнул его по плечу. Развернулся и пошёл обратно. Он радовался, что смог вложиться в считанные минуты. – Да, на вокзале их то очень много, то едва хватает, чтобы успеть... А ещё время здесь – разное и бывает непредсказуемым...»

Когда Никита вернулся, на скамейке отдохали новые соседи, и уже не было ни мужчины, ни бабули.

– Немного отдышись, да на поезд скоро пойдём, – сказала мама.

Никита рухнул на сидение. Пригладив русые волосы, влажные от пота, он сидел неподвижно, ничего не видя перед собой и не слыша вокзального шума. Не было рядом сумки с обугленными вещами, но он чувствовал запах костра – того огромного, что полыхал неподалёку, на востоке его страны...

– Сынок, сынок, – мама толкала его в спину, – ты, что, уснул? Бери свой рюкзак! Пора на посадку!

Они двинулись к поезду. Маруся, не отставая, подпрыгивала и размахивала сумочкой:

– Мы едем, едем, едем...

Переводы

Гейза Дьони (1884—1917)

Стихи

*Перевод и вступительная статья Арона Гаала, поэта, переводчика.
Будапешт – Пилишясфалу, Венгрия*

Солдат мира

Мысли по поводу нескольких стихотворений, написанных в Красноярске великим венгерским поэтом Гейзой Дьони

Около ста лет назад на кладбище для военнопленных в Красноярске был похоронен великий венгерский поэт Гейза Дьони (родился 25 июня 1884 года в Дьоне, Венгрия – умер 25 июня 1917 года в Красноярске, Россия). Его авторское имя – псевдоним, взятый им от названия его любимого родного села Дьон. Древний Дьон сегодня является частью маленького городка Дабаш, расположенного в пятидесяти километрах от Будапешта. Настоящее имя поэта – Гейза Ахим. Его отец – пастор лютеранской церкви, хотя и служил в селе Дьон – был родом из комитата Бекеш (район Большой Венгерской Степи), расположенного далеко от села. В юности поэт изучал теологию (богословие), но выбрал своей профессией журналистику. В 1914 году, когда разразилась Первая мировая война, он стал волонтером австро-венгерской армии. Уже в начале войны, в 1915 году, при штурме крепости Перемышль Гейза Дьони попал в плен русской армии. Поэту пришлось побывать в разных лагерях для военнопленных, прежде чем его отправили в лагерь Красноярска. Именно там Гейза Дьони написал свои известные стихи, сделавшие его великим, бессмертным поэтом военных лет.

Если прочтёте его биографию, то сразу обратите внимание на особенный факт: поэт умер в день своего рождения в возрасте тридцати трёх лет, как Христос. Кажется, что уже сам этот факт является знаком, символом человеческой самоотверженности.

Неслучайно, что его известные короткие письма-стихи из плена получили название «Письма с Голгофы». От какого-то предчувствия появилось это название и отразилось в читателях ассоциацией с судьбой Иисуса. Я говорю о предчувствии, ведь циклы стихов поэт начал писать в 1915 году, уже в Красноярске, и не он сам, а смерть окончила их летом 1917 года. Гейза Дьони сознательно создал это стихотворение-венок, что формально стало венком из военных открыток, похожих на те, что военнопленные пишут на далёкую родину своим любимым. Размер этих стихов – не более четырёх строф, которые свободно помещались на открытке. Сам венок состоит из двух частей. Первая часть, написанная поэтом в 1915 (или в 1916-м) году, состоит из тридцати трёх писем (опять ссылка на предчувствие, что это письмо Христа, хотя ни в 1915-м, ни в 1916 годах поэт не мог знать, что в 1917 году он умрёт в возрасте тридцати трёх лет). Во второй части поэт написал только семнадцать стихотворений-писем. Это чуть больше, чем половина первой части. Вместе две части составляют пятьдесят стихотворений. Помимо этого цикла стихов, в красноярском плену Гейза Дьони написал ещё около пятидесяти-шестидесяти стихотворений. Сейчас у меня нет возможности глубже и подробнее анализировать сибирские произведения поэта, хотя я с удивлением обнаружил параллель между стихами Гейзы Дьони и любимого мною с детства поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Конечно, в моих мечтах и планах – издание в Красноярске сибирских стихов Гейзы Дьони на русском языке в моём переводе. Считаю, что эти стихи, написанные в русском плену в период Первой мировой войны, являются частью русской литературы и истории. Сам поэт, знакомясь с классикой русской литературы, с уважением относился к ней. Он верил, что народ не виноват в развязывании кровавой бойни. Главное место в стихах Гейзы Дьони занимают большая венгерская «пуста» (степь) и безграничная русская степь. В объятиях двух степей обнимаются два народа – простые люди. Ещё

до начала войны в одном цикле стихов он писал: «Маленький жёлтый цветок/ Прислала нам безграничная русская степь... / Плакала скрипка, – И рыдали наши сердца от её всхлипов. // Маленький, жёлтый цветок... / Ах, сколько выплеснулось боли, / Пока звучала голосом скрипки в душах/ Наша венгерская мечта. // Маленький жёлтый цветок / Притягивал наши сердца друг к другу, / И обнимая нас, плакала с нами вместе / Сырая безграничная пустота». («Скрипка Лолы Теши» из цикла «Любовная жизнь 1909-1914 гг.» Перевод Арон Гаал, корректор Кселена Литвинова).

В самом начале войны, поддавшись военной пропаганде, Гейза Дьони воевал против русской армии, уверовав, что русские солдаты – враги его родины. Это был очень короткий период в жизни и в творчестве поэта. Он довольно быстро «очнулся от этих фальшивых сновидений» и начал писать о страданиях солдат и простого народа, ставших жертвами войны. В 1915 году, уже находясь в плену, в бессмертном цикле стихов «Письма с Голгофы» он пишет о степи Венгрии, и эти строчки удивительно перекликаются с написанными ещё в 1914 году строками стихотворения «Скрипка Лолы Теши». «Посвящается Богородице и нашим венгерским Мариям, чьи сердца не устают ни в надежде, ни в молении. Тем, на кого белым снегопадом спускаются благословляющие вздохи из Сибири». (Из цикла «Письма с Голгофы. Первая часть, 1915 г. (Перевод – Арон Гаал, корректор – Кселена Литвинова).

Трудно представить, сколько ещё сильных стихов смог бы написать поэт, умерший во цвете лет! Он нашёл успокоение в чужой земле, в неизвестной могиле, над которой не цветут посаженные с любовью цветы и не шепчут молитвы родные уста. Гейза Дьони провёл свои последние дни жизни в плену. Там завершилось его творчество, там погасла свеча его жизни. Он чувствовал, что такова его судьба, потому и написал для самого себя стихотворение-эпитафию, из строк которого можно ясно понять, что поэт всегда хотел мира на земле между народами, мира в душах людей. Его предостережение для потомков особенно актуально сегодня в нашем беспокойном мире: «Моя грустная могила порастёт ли травой, / Холм родной ли то будет иль чужая канава?... / Пусть на древе иссохшем надгробного памятника / Надпись стёртая станет посланием странникам // Знай, счастливый бродяга, бредущий в пыли, / За тебя принял муки спящий здесь, под землёю. / И хотя стал известным в битвах кровавых, / Он не более чем простой солдат Мира». («Стихотворная Эпитафия» из цикла «Тем, кто придёт после меня». Перевод Арон Гаал, корректор Кселена Литвинова).

Неизвестно, о чём думал поэт, когда ясно увидел, что последнюю точку в его творчестве поставит Смерть. Мы, его венгерские потомки, конечно, уже по-другому относимся к Первой мировой войне, которую раньше называли в Венгрии «Большая война». Никто и не мог подумать, что через двадцать лет разразится ещё более масштабная, более ужасная в своих жертвах Вторая мировая война.

Я вижу, что красноярские стихи Гейзы Дьони связывают две наши литературы и два народа друг с другом. Думаю, что эти стихи интересны и важны для сибирских литераторов, и я надеюсь, что перевод стихов Гейзы Дьони на русский язык поможет сделать творчество великого венгерского поэта доступным и понятным русским читателям.

В рамке публикации этих трёх стихотворений из известного цикла «Письма с Голгофы» хочу поближе познакомить русских читателей с творчеством поэта.

ТИШЕ...

(Из цикла «В рабстве» 1915–1917 гг.)

Живые, ходите тише!

Пойте вполголоса тихую песню!

Стоят тысячи надгробных плит

Над могилами на чужой земле.

Проливают слёзы тысячи невест,

И будут плакать они теперь вечно:

В далёких могилах беспробудно спят

Тысячи красивых женихов.

Девицы, соберите букеты на лугах,

Украйте ими могилы!

У вас больше нет женихов,

Некому вас нежно приглубить.

Все павшие были настоящими мужчинами,

О них слагают легенды....

И из их глазниц теперь глядит на нас зима....

Тише ходите, живые!

Перевод с венгерского на русский язык Арон Гаал
Корректор Кселена Литвинова

Псалмы в пустыне, 1916 г., Сибирь

СРЕДИ ПОДЛЕЦОВ

Давай, давай...! Это приказ!
Давай! Ступай по пути животных!
Безлюдная, бескрайняя пустота,
Бессолнечное, серое небо окружают меня!

«Ай, Голгофа ещё далеко?» —
Напрасно спрашиваю надсмотрщика.
Под своей ношей – погребальным крестом
Подгибаются мои утомлённые колени.

«Ай, Голгофа ещё далеко?
Дай мне лишь каплю жидкости, хоть уксус!»
Но только капли солёных слёз
Стекают в моё охрипшее горло...

«Среди подлецов наверх, на Голгофу,
Почему ты гонишь меня, Бог, мой Бог..?»
Ни звука! Как сама тайна молчит пустота...
А вороньё летает над безграничной степью.

*Перевод с русского на венгерский язык Арон Гаал
Корректор Кселена Литвинова*

ВДОВА ДОСТОЕВСКОГО

(из цикла «Кто провожал меня»)

«Скажите мне, Анна Григорьевна,
Когда он, бледный, входил в Вашу комнату
И слышал, как громко звучит за спиной
«Распятый!» из грязного рта сволочи...
Когда он склонял голову к Вашим коленям,
И его губы искали Ваши благословенные руки,
Что шептали Вам его страждущие губы,
Целовавшие крест святой правды?»

«Когда он до дна выпил горькое питьё из стакана,
Наполненного ядом человеческой глупости...
И под Вашими нежными пальцами
В последний раз дрогнули его чёрные ресницы,
Когда Вы тронули его безжизненное веко,
А очи ясно увидели самое дно чёрной глубины,
Когда его последний вздох проскользнул
рядом с Вами,
Благословениями или проклятиями
он осыпал мир?»

«Скажите мне, Анна Григорьевна...
Лишь этот секрет могу ли я узнать от Вас о Нём?»
Пожилая женщина присела на стул
в наступивших сумерках,
Как на картине, написанной старым художником.
Она присела и улыбнулась тихонько,
Как улыбались в древние времена верные жены,
Любившие страстно своих Мессий...
И тихо ответила Анна Григорьевна:
«Он всё понял и всем за всё простил».

*г. Красноярск, 1916 г.
Перевод с венгерского на русский язык Арон Гаал
Корректор Кселена Литвинова*

ЛИШЬ
НА ОДНУ-ЕДИНСТВЕННУЮ НОЧЬ...

Пришлите их сюда однажды ночью...
Их, пристрастных, чванливых,
Их, объявляющих заносчиво: «Мы не забываем!»
Хотя бы однажды, на одну-единственную ночь...
Когда машина смерти играет свою музыку над головой,
Когда во мгле из невидимого свинцового семени рождаются
И летят во все стороны свинцовые убийцы-ласточки,

Пришлите их лишь на одну-единственную ночь...
Их, у кого чужие грехи перед очами, а свои за плечами,
Хотя бы на одну-единственную ночь,

Когда оглушительно режут гранаты,
И визжит окровавленная земля, словно ей вспарывают живот,
Когда разрывные пули становятся вдруг снопом лучей,
И кровавые волны старой Вислы выходят из берегов,

Пришлите их лишь на одну-единственную ночь...
Их, сберегающих каждую ростовщическую копейку,
Хотя бы на одну-единственную ночь,
Когда разрываются гранаты, и в раскалённом центре
Этого вулкана, как листья в листопаде, кружатся мужчины,
А когда падают на землю (какой страшный суд!),
Румяные храбрецы превращаются в обугленные скелеты,

Пришлите сюда лишь на одну-единственную ночь
Всех безбожников, всех спекулянтов, всех торгашей,
Хотя бы на одну-единственную ночь,
Когда открыто горячее устье сернистого Ада,
И кровь поливает луга, и кровь капает с деревьев...
Когда палатка становится тряпкой, терзаемой ветром,
И умирающий солдат вздыхает: «Сынок..., жёнка...»,

Пришлите их сюда лишь на одну-единственную ночь...
Их, которые лают, как хитрые собаки, пока родина в опасности,
Хотя бы на одну-единственную ночь,
Когда шрапнель падает, как ослепительные кометы.
Чтобы при этом свете увидели они своё отражение в реке Сана,
Где кровь венгерских солдат смешивается с речной водой,
Чтобы они, рыдая, закричали в Небо: «Боже мой! Хватит!»

Лишь на одну-единственную ночь пришлите их сюда,
Пусть вспомнят они ещё и о родовых болях своих матерей...
Хотя бы одной-единственной ночью
Пусть прижимаются один к другому, дрожа от холода и страха,
Пусть падают на поле, повторяя „mea culpa”¹,
Пусть рвут на себе рубаху, бьют себя в грудь.
Пусть кричат в Небо: «Что ещё ты хочешь от меня, Христос?!»

«Христос мой, что хочешь ещё от меня?! Родные мои,
Что вы ждёте от меня, что мне сделать в обмен за вашу кровь?!»
За свою жизнь пусть каются они,
И, сбросив безбожную спесь, просят помощи у Христа,
Которого никогда не признавали, пусть просят помощи у Бога....
«Против наших родных никогда больше не согрешим!»
Лишь на одну-единственную ночь пришлите их сюда...

*г. Перемышль, ноябрь
Перевод с венгерского на русский язык Арон Гаал
Корректор Кселена Литвинова*

---

¹ «Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa» – «мои грехи, мои грехи, мои большие грехи» – лат., из католической литургии.

Берега культуры и искусства

Владислав Краснов

Д-р Владислав Краснов, бывший профессор и глава Русского отделения Монтерейского Института Международных Исследований, возглавляет общество американцев за дружбу с Россией (www.raga.org). Живёт в Москве. Email: president92@gmail.com

Памяти Ильи Глазунова, художника-провидца

Кончина художника Глазунова 9 июля 2017 г. в возрасте 87 лет заставляет оглянуться на эпоху, из которой он вырос. Мне довелось наблюдать за его ростом с его первой выставки в Москве, потом издалека – даже из-за океана, но с пристальным вниманием, наконец, снова в Москве крупным планом. Скажу сразу: для меня он, прежде всего, феномен героического выживания русского художника во враждебной, жестокой и капризной среде тоталитарного однопартийного государства на поводу *всеобъемлющей и всезнающей глобальной идеологии*. Эти условия вынуждали идти на нравственный компромисс даже очень сильных людей, оставляя самую малую толику для манёвра и выживания индивида, который сохранял в себе врождённое национальное чувство. Илья Сергеевич сумел мастерски воспользоваться этой толикой, выразить своё провидение будущего страны в монументальных полотнах и «выйти из игры» триумфатором, когда многое предвиденное им уже сбылось. Он победил благодаря яркому таланту, огромному мужеству и способности чувствовать настроения в обществе, которые подтачивали государственную идеологию, пока она сама не рассыпалась в прах с приходом гласности.

Негласная выставка в МГУ

Будучи студентом истфака МГУ в 1955-60 годах, я и мои сокурсники жадно вдыхали дуновение оттепели: XX-й съезд КПСС, антисталинская речь Хрущёва, восстание в Венгрии (несколько студентов венгров с истфака были отозваны или сами вернулись домой). Зашевелился и наш факультет. Сначала – дело комсомольского секретаря Льва Краснопевцева, по которому он и ещё с десятком студентов и аспирантов «схлопотали» по десять лет лагерей за создание подпольного «Союза патриотов», за то, что проповедовали уравнилельный социализм.¹ Потом порицание однокурснику Владимиру Осипову² за то, что написал в стенной газете статью «*Евтушенко – горнист поколения*». Ещё одного студента исключили из комсомола за курсовую работу «*с троцкистских позиций*».

¹ Лев Николаевич Краснопевцев (род. 1930) — советский диссидент и историк. Политзаключённый (в 1957—1967 годах). Будучи аспирантом, секретарём комитета ВЛКСМ исторического факультета МГУ и членом КПСС, основал и возглавил подпольный марксистский кружок (1956—1957 гг.). Автор работы «Основные моменты развития русского революционного движения» (1955—1956 годы) и антихрущёвской листовки (1957 год). По «университетскому делу» были арестованы девять человек, включая Льва Краснопевцева (14 августа 1957 года), Леонида Ренделя, Николая Покровского, Вадима Козового, Марата Чешкова, М. Гольдмана, В. Меньшикова, Н. Обушенкова, М. Семёненко. Приговорены Мосгорсудом 12 февраля 1958 г. https://ru.wikipedia.org/wiki/Краснопевцев,_Лев_Николаевич

² Владимир Николаевич Осипов (род. 9 августа 1938, Сланцы, Ленинградская область) — публицист, общественный деятель, политик. Глава Союза «Христианское возрождение» (СХВ), член Главного Совета Союза русского народа. В 1971—1974 издавал машинописный журнал «Вече», имевший православно-патриотическую направленность и выходивший тиражом 50-100 экземпляров. Указывал на обложке журнала свою фамилию и адрес. Также издал один номер журнала «Земля». За издание журналов, признанных распоряжением руководителя КГБ Ю. В. Андропова «антисоветскими», был арестован 28 ноября 1974 и приговорён к 8 годам лишения свободы. Виновным себя не признал. В 1975—1982 был в заключении в лагерях для политзаключённых в Дубравлаге. Принимал участие в акциях протеста против произвола лагерной администрации, за что водворялся в ШИЗО и ПКТ. В 1987 возобновил издание православно-патриотического журнала «Земля». [https://ru.wikipedia.org/wiki/Осипов,_Владимир_Николаевич_\(публицист\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Осипов,_Владимир_Николаевич_(публицист))

Подробнее см. на сайте Русская Народная Линия http://ruskline.ru/author/o/osipov_vladimir_nikolaevich/

Появились *инакомыслящие*. Пошёл *самиздат*. Разумеется, *иные мысли* и *самиздат* передавались шёпотом и доверительно. Мы зачитывались копиями сочинения югославского диссидента Милована Джиласа «*Новый класс*»,¹ в котором выдвигался тезис, что если и были некогда бескорыстные борцы за народное дело, то теперь нами уж точно правила *партийная номенклатура*, которой всячески прислуживала *привилегенция*.

О конспирации мы и понятия не имели. 7 ноября 1957 года собралась группа студенческой молодёжи, человек 20–25, праздновать годовщину Великой Октябрьской Революции. Пригласили и меня, разумеется, *шёпотом*: «будет неординарный юбилей у одного переводчика с голландского языка». Юбилей оказался более чем неординарным. Собрались, стоя вокруг хорошо обставленного стола. Первый же тост был: «*Выпьем, товарищи, за то, чтобы 40-я годовщина оказалась последней!*» Как ни странно, но все выпили. Без протеста, без прений. И как ни в чём не бывало, стали закусывать. Выпил и я, признаюсь, с большим удовольствием. Но диву дался, что всё прошло так гладко и единодушно. Мне и в голову не пришло, что каждого могли арестовать и посадить за недоносительство.

Жили мы тогда уже в высотном здании МГУ. Разумеется, здесь было гораздо лучше, чем в общежитии на Стромынке, где ютились по восемь человек на комнату. Тут и столовые лучше, и даже был магазин. И вот однажды Володя Осипов приглашает меня «*помочь опальному художнику Глазунову из Ленинграда*» выставить свои картины на обозрение студентов. «*Евтушенко тоже придёт*», добавил Володя, для пушей убедительности ссылаясь на героя, за которого он уже пострадал. Пригласили мы на подмогу и нашего товарища москвича Анатолия Иванова, хотя он и не жил в общежитии.² Мы с Володей уже были наслышаны, что молодой Глазунов попал в опалу за реалистическое изображение блокады Ленинграда, «как это было на самом деле». Его иллюстрации к романам «*Идиот*» и «*Бесы*» могли только возвысить его в нашем мнении, ибо и Достоевский считался тогда если не опальным, то нежелательным. Мы сочли долгом чести помочь опальному ленинградцу устроить негласную выставку в высотном здании МГУ.

Вот и появились именитые диссиденты: модно одетые Илья Сергеевич с супругой Ниной Александровной Бенуа³, а с ними и «герой нашего времени» Евгений Евтушенко⁴. Знакомство было односторонним: студентов, вызвавшихся помогать, было человек пятнадцать, а художник один. Разговора по существу тоже не было, но был радостный ажиотаж: не мы одни *иначе*, а с нами и Сибирь, и Ленинград.

Мне больше запомнился Евтушенко, который демонстративно пришёл с книгой под мышкой, явно букинистического ряда. Это была книга Ренана «*Жизнь Иисуса*». Евгений как бы сигнализировал нам, юнцам, что он не просто *инакомыслящий*, а *религиозно настроен и даже в европейском смысле!*

Сейчас это может показаться наигранным. Но время было такое, что даже нам, историкам, разрешалось почитать «*Библию*» только в аспирантском зале библиотеки на Моховой, и только тем,

¹ Милован Джилас (серб. Милован Ђилас; 12 июня 1911 г., с. Подбишче, Королевство Черногория — 20 апреля 1995 г., Белград) — югославский политический деятель и литератор черногорского происхождения, известный как популяризатор концепции «нового класса» — партийной номенклатуры, правящей в коммунистических странах. https://ru.wikipedia.org/wiki/Джилас,_Милован

² Иванов Анатолий Михайлович родился 2 апреля 1935 года в Москве. Родители – учителя средней школы, преподаватели русского языка и литературы. Окончил исторический факультет МГУ. Трижды – в 1959, 1961 и 1981 годах попадал в тюрьму за так называемую “антисоветскую деятельность”. В общей сложности провел в тюрьмах и ссылке около семи лет. Основные труды и вехи биографии А.М.Иванова см. на сайте: <http://www.ateney.ru/k-80-letiyu-a-m-ivanova>. Подробнее на сайте <http://velesova-sloboda.vho.org/antrop/ivanov00.html>

³ Нина Александровна Виноградова (Бенуа) р. 1936 ум. 24 май 1986. Художник. Дочь архитекторов Марианны Людвиговны Шретер (Виноградовой) и Александра Николаевича Виноградова. Училась на искусствоведческом отделении исторического факультета ЛГУ. С 1957 с мужем художником Ильёй Сергеевичем Глазуновым жила в Москве, где окончила отделение графики Полиграфического института. Оформляла книги; работала в технике линогравюры; писала акварельные натюрморты. Исследовала историю русского костюма («Русский костюм». М., 1987). Создавала эскизы костюмов к театральным постановкам: «Князь Игорь» (1980, Немецкая государственная опера, Берлин), «Маскарад» (1981, Одесский академический театр оперы и балета), «Пиковая дама» (1982, Берлин), «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (1983, Государственный академический Большой театр СССР, Москва).

Дети – художники Иван Ильич Глазунов (род. 1969) и Вера Ильинична Глазунова (род. 1973). <http://ru.rodovid.org/wk/Запись:98157>

⁴ Евгений Александрович Евтушенко (18 июля 1932, Зима — 1 апреля 2017, Талса, Оклахома, США — советский и российский поэт. Получил известность также как прозаик, режиссёр, сценарист, публицист, чтец-оратор и актёр. https://ru.wikipedia.org/wiki/Евтушенко,_Евгений_Александрович

кто проходил курс История Религии. Явление Глазунова помогло нам осознать, что мы – новое поколение, не заикленное догмами псевдо-западной идеологии марксизма-ленинизма, но мечтающее возродить и восстановить корневую базу русской культуры.

Русофобия на Западе

Волею судьбы, моя следующая встреча с Глазуновым состоялась в конце 1970-х в Монтерее, штат Калифорния, где я был профессором русского языка и литературы и руководителем отдела по изучению СССР при Монтерейском Институте Международных Исследований.¹ Встреча была *виртуальной*, но гораздо более насыщенной, чем первая *реальная*. Главной темой моих исследований было освобождение русской культуры от шор официальной советской идеологии. Вопрос о пробуждающемся национальном самосознании русских вставал сам собой.

Однако, среди моих коллег-советологов, в том числе и в нашем институте, отношение к русскому национализму было крайне отрицательным. Да какому там «национализму»? Даже самое простое *оживление* национального чувства в литературе, искусстве, не говоря уж о вероисповедании, воспринималось в штыки. Национализм вообще не был в почёте, но русский национализм вызывал просто истерику. Автоматически предполагалось, что он ведёт к восстановлению самодержавия, великодержавному шовинизму, антисемитизму и еврейским погромам.

Теперь слово русофобия, как доминанта отношения США и Запада к путинской России, звучит повседневно на всех каналах информации страны. А в те годы о русофобии на Западе в СССР не говорили. Говорили об антикоммунизме и антисоветизме, которые, якобы, доминировали в США. На самом же деле, в американских университетах и на СМИ доминировала *советофилия* как форма русофобии, ибо леволиберальный истеблишмент считал тогда советский эксперимент «прогрессивным явлением» и главным барьером против «русского национализма».

Попав в США в 1974, Солженицын удивлялся, что на американских СМИ весьма уважительно говорили о достижениях Soviet women, Soviet education, Soviet science, Soviet astronauts. Но когда СССР вторгся в Афганистан, то писали о “Russian aggression.” Якобы корни советской экспансии заложены в русском национальном характере и в планах Петра Первого достичь Персидского залива.

Начиная с 1970-х, в США стали прибывать тысячи советских евреев, которые не хотели ехать к родственникам в Израиль (у многих их там и не было), а хотели поселиться в США. Вскоре в эмигрантском скоплении на Брайтон Бич около Нью Йорка возникла значительная преступность, которую американские СМИ проштамповали *Russian mafia*. Многие эмигрировали не из-за «анти-семитизма» в СССР или ради прав человека, а в надежде на якобы лёгкую жизнь на Западе. Этих преступников американские СМИ избегали называть бывшими советскими евреями. Конгресс Русских Американцев неоднократно протестовал против такого словоблудия, напоминая, что старые «белоэмигранты» отличались законопослушностью. Увы, протесты остались безуспешными.

Мне уже приходилось писать о русофобской составляющей политики США в период Холодной войны.² В дополнение к этой теме я познакомился тогда с американской библиографией по «русскому национализму», в том числе, о Глазунове. В 1980 году русское эмигрантское издательство «Град Китеж» опубликовало книгу «Художник и Россия», в которой были воспроизведены отзывы посетителей двух выставок Глазунова в Москве и в Ленинграде,³ кем-то скопированных и нелегаль-

¹ Монтерейский институт международных исследований занимается подготовкой квалифицированных специалистов для работы как в частном, так и в государственном, некоммерческом и образовательном секторах во всем мире. Институт находится в городе Монтерей, штат Калифорния, и предлагает степени магистра по специальностям международный бизнес, экологическая политика, устный и письменный перевод, международные отношения и преподавание языка; также предлагаются различные специализированные программы и курсы. В институте обучается около 750 студентов из более чем 50 стран. С 2010 года институт является магистратурой Middlebury College.
<https://theoryandpractice.ru/organizations/11010-monterey-institute-of-international-studies/grants?type=added>
<http://www.middlebury.edu>

² Владислав Краснов. «Была ли стратегия США в Холодной Войне антисоветской или антирусской?», Русская народная линия 17.07.2015
http://ruskline.ru/analitika/2015/07/17/byla_li_strategiya_ssha_v_holodnoj_vojne_antisovetskoj_ili_antirussoj/

³ Отзывы были помещены в книге «Художник и Россия», опубликованной издательством «Grad Kitez», Gesellschaft für Forderung russischer Kunst. D-4000 Dusseldorf, West Germany, 1980.

но доставленных *за Бугор*. Я сразу же заинтересовался «отзывами советских людей» как мерилom общественных настроений в стране, в которой тогда не было ничего, подобного Левада-Центру¹.

Хотелось статистически определить, насколько «инакомыслие» и «диссидентство» проникло из студенческой среды конца 1950-х в широкие массы в 1978-1979, то есть через двадцать лет после выставки Глазунова в МГУ. Результаты анализа я опубликовал в статье на английском языке в Японии в 1985.² Тут не место излагать всю статью, но вот её выводы.

Выставку в Москве (в июне 1978) посетили 600 тысяч человек и миллион в Ленинграде (с 28 сентября по 27 октября 1979).

Всего было 1,465 отзывов в Москве и 622 в Ленинграде. Из них анонимных около 57 % в Москве и почти две трети в Ленинграде. Некоторые отзывы содержат намёки, что авторы иногда чувствовали себя стеснёнными присутствием других лиц, особенно, в Ленинграде.

В Москве 80% отзывов были позитивны, в Ленинграде около 65%. В обоих городах около 20% написали негативные отзывы.

Значительная часть отзывов касалась не искусства, а идейной направленности работ художника.

Отзывы отличались страстностью, непосредственностью, уверенностью, что роль художника связана с судьбой страны.

Некто Касаткин, военнослужащий, упрекает художника в отвержении марксизма-ленинизма, что Ленин-Маркс (Sic!) уже 60 лет триумфально шествуют по всей стране, что Великая Отечественная Война гораздо дороже нам, чем ушедшая в небытие старая царская Россия. Упрекая Глазунова в нейтральном отношении к всемирной битве двух мировых систем, он перефразирует Горького и вопрошает: «С кем вы, художник Глазунов?» И под конец угрожает, в стиле сталинской эпохи, что у Глазунова не только не будет никакого будущего в СССР, но и его старые работы не выживут.

Здесь неуместно заниматься пересказом статьи или спорить с откликами зрителей 1970-х годов, но некоторые работы Глазунова, например, «Возвращение блудного сына», смотрелись как пророческие. Замечательное то, что эти пророчества оправдались. И оправдались не только и не столько в развале «великой державы и всего социалистического лагеря», сколько в том, что после 1991 года произошёл – и сейчас ещё происходит – тектонический сдвиг в сознании русского народа – и других народов России – в сторону культурной и религиозной традиции, так бездумно, насильственно и жестоко отвергнутой в Октябре 1917 года.

Когда сегодня видишь толпы народа, стремящиеся посмотреть на мощи Св. Николая в Москве и в Петербурге (!), когда зайдёшь в любую восстановленную или новую церковь сейчас, летом 2017, хотя бы в День Петра и Павла 12 июля, невольно задаёшься вопросом: разве это не Возвращение Русского Народа, подавшегося сто лет назад *блудному* искушению построения рая на земле – без Бога и против Бога – к христианству в образе всепрощающего Отца Христа и к «отцам» русской исторической и культурной традиции, изображённым на картине?

Разумеется, процесс возвращения далеко не завершён. Соблазн материализма, будь то в марксистском антикапиталистическом варианте или в нынешней олигархической экономике социального расслоения с упором на безудержное *потребительство* (свиньи перед корытом!), никуда не делся. Но тоску по духовности, именно в отечественном варианте, Глазунов угадал среди современников правильно и увидел начало её воплощения в наши дни.

Но, вернёмся на выставки Глазунова 1978–79-х годов. Жительница Ленинграда Кислова пишет от имени рабочих Кировского завода, что возмущена отношением художника к советской системе, что, не видя ничего хорошего в ней, Глазунов призывает вернуться к старому. Другой зритель, наоборот, упрекает и Глазунова, и Евтушенко в том, что оба пошли на компромисс с советской властью.

И всё-таки огромное большинство отзывов, 1602 из 2087, то есть около 77%, не только хвалебны, но и полны энтузиазма. Хвалят Глазунова за то, что он возвращает людям великое историческое, куль-

1 Левада-Центр (Аналитический центр Юрия Левады) — российская негосударственная исследовательская организация. Центр регулярно проводит собственные и заказные социологические и маркетинговые исследования и является одной из крупнейших российских организаций в своей области. Центр носит имя социолога Ю. А. Левады (1930—2006). В России организация имеет статус «иностранный агент». <https://ru.wikipedia.org/wiki/Левада-Центр>

2 Сейчас у меня нет под рукой русского первоисточника, поэтому я восстанавливаю русский текст в обратном переводе цитат в моей статье на английском, изданной в Японии: Vladislav Krasnov, “Il’ia Glazunov’s Russian Nationalism: Notes from Two Exhibits,” в серии Acta Slavica Iaponica в 1985. Читайте ссылку: <http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/7945/1/KJ00000034093.pdf>

турное и религиозное наследие России. Читая их, чувствуешь себя частью огромной лавины, которая не остановится, пока не сметёт искусственную *внутреннюю Берлинскую Стену*, некогда возведённую, чтобы отделить не только русский народ, но и все другие народы СССР от их прошлого.

28 посетителей ударились в оратории и стихи. Пишут не просто «спасибо», а «Низко тебе кланяюсь», и употребляют такие эпитеты, как «гений», «чародей», «богатырь Илья Муромец», «бард русской души» и «Илья Пророк». Один посетитель пишет, что он впервые почувствовал гордость за то, что он русский. Другой заключает: *«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»*.

Есть и прямые сопоставления с мастерами русской живописи, такими как Васнецов, Суриков, Репин, Михаил Врубель, Михаил Нестеров, Борисов-Мусатов, Борис Кустодиев, Павел Кузнецов и Николай Рерих. Но чаще всего Глазунова сравнивают с Андреем Рублёвым, намекая на то, что если Рублёв символизирует духовное освобождение Руси от монголо-татарского ига, то Глазунов освобождает от «иностранной» марксистской идеологии.

Неоднократно Глазунова сопоставляют с писателями: Достоевским, Василием Шукшиным, деревенщиками.¹ Оставил свой отзыв и Лев Гумилёв,² отметивший *пассионарность* искусства Глазунова.

Русские, несмотря на их численное преимущество в стране, чувствовали себя не менее культурно обездоленными, чем любое этническое меньшинство. Их мнение выразил анонимный автор, который символически обобщил искусство художника: *«Глазу Нов, а русскому сердцу мил»*.

Иные, хваля Глазунова за его *русскость*, не побоялись подчеркнуть христианские корни его русской культуры. Некто Левин, врач, пишет, что выставка заставила его почувствовать *«глубокую веру в Христа Спасителя нашего бедного отечества»*. Он упрекнул организаторов выставки за цензурное исключение из экспонатов картины *«Мистерия XX века»*, ключевой для понимания идейной направленности искусства Глазунова. Он же упрекнул их за преднамеренное ограничение доступа к книге отзывов, а то посетители написали бы ещё откровеннее.

Некто Владыченко пишет: *«Сначала татары, потом немцы и французы и всякие разные шведы пытались нас поработить. Нелегко талантливому русскому человеку всё это выдержать и добиться своего иногда ценою жизни. И всё-таки мы едины с тобой, Илья Глазунов, не только кровно и судьбой, но и нашей верой. Мы верим, что наш народ никогда не смирится с духовным рабством под иностранцами. Ни один человек, кто не мёртв духовно, не посмотрит на эти картины с безразличием»*.

Не все осмеливались писать откровенно. Многие отзывы были анонимны. Один сформулировал суть творчества Глазунова очень ёмко: *«Вот это – Россия. Спасибо. Ведь мы теперь почти безголовые. И всё это так трудно для одного человека!»*. Увы, *гласность* была разрешена генсеком Горбачёвым с большим опозданием.

Пока мы говорили об отзывах предполагаемых этнических русских. Гораздо труднее сделать статистический анализ отзывов этнических меньшинств, тем более, что в СССР было непринято обозначать этническое происхождение. Всё-таки нашлись красноречивые отзывы, по крайней мере, одного кавказца и двух десятков, предположительно, евреев.

Кабахан Штанчаева, аспирантка Института Философии Академии Наук СССР, сравнила выставку с гимном духовности и красоте. *«Духовное воздействие колоссально. Нравственный заряд его полотен так велик, что на выходе чувствуешь себя в состоянии катарсиса»*, пишет Штанчаева.

Среди московских отзывов я нашёл два открыто юдофобских. Один анонимно пишет, что *«после 60 лет жидовского засилья, наконец-то, запахло Русью. Да здравствует российское государство!»* Некто Иван Рукавицын присоединил к отзыву стихотворение «Засекреченный поезд», в котором обвинил «еврейских безбожников» вообще, и особенно «Мойшу Свердлова» и «Льва Бронштейна» (Троцкого) в расстреле Царской семьи. Несколько других отзывов прямо евреев не называют, но намекают на то, что Глазунов «погромщик» и его *«идеология пугает своей простотой, ибо он за Россию без...»*.

¹ Деревенская проза — направление в русской литературе 1950—1980-х годов, связанное с обращением к традиционным ценностям в изображении современной деревенской жизни. https://ru.wikipedia.org/wiki/Деревенская_проза

См. авторов <https://ru.wikipedia.org/wiki/Категория:Писатели-деревенщики>

² Лев Николаевич Гумилёв (18 сентября (1 октября) 1912, Санкт-Петербург — 15 июня 1992, там же) — советский историк-этнолог, археолог, востоковед, писатель, переводчик. Сын известных поэтов — Анны Ахматовой и Николая Гумилёва. Автор теории пассионарности. https://ru.wikipedia.org/wiki/Гумилёв,_Лев_Николаевич

И всё-таки явные или подразумеваемые евреи оставили гораздо больше похвальных и даже восторженных отзывов. Начинаящий пианист М. Л. Рабинович назвал Глазунова «великим художником, великим мыслителем, великим гражданином и великим гуманистом». Юлий Наумович Кантор просто сказал: «Спасибо, что Вы есть». Рафаил Абрамович Зак благодарил художника за то, что его искусство доставляет «радость бытия» и особенно отметил картину «Русская Венера». Инженер Тепельбаум советует власть имущим «построить Глазунову дворец для экспозиции его трудов» (что и было сделано двадцать лет спустя!)

Инженер Л. Вайсман набрался смелости и упрекнул организаторов за недопущение на выставку картины «Мистерия XX века», в которой, кстати, Глазунов символично изобразил себя и Солженицына, как двух главных свидетелей зловещей мистерии.

Роза Марковна Шруг назвала Глазунова «гениальным художником», поблагодарила за «эстетическое наслаждение» и вызвалась позировать моделью. Р. Слуцкер, 27-летняя женщина-инженер из Свердловска, пишет: «Сегодня один из счастливейших дней моей жизни. Вы наполнили мою жизнь светом». Экономист Я.Р. Коган назвал Глазунова «выдающимся художником современности» и похвалил его за мастерство владения кистью, за эмоциональный заряд его портретов. Инженер В. Вайсберг пишет: «Наконец, я увидел настоящего, оригинального, нестандартного, гуманного, философски мыслящего и очень талантливого русского художника. Несомненно, сегодня Вы лучший художник России».

Некто Е. Хайкин назвал Глазунова «гениальным националистом». Что это: комплимент или порицание? Думается, что комплимент, в котором заложен смысл «Мистерии XX века»: конфронтация между наднациональной, интернациональной, якобы «научной» и «прогрессивной» марксистско-ленинской идеологии, которая на поверку оказалась утопией – с одной стороны, и здравым смыслом простых людей, которые скромно, неустанно и героически трудятся, возделывают свою землю, завещанную отцов, упоая при этом на мудрость предков, «предания старины глубокой», включая религию, обычаи и культуру.

В результате анализа отзывов о двух выставках Глазунова, как он был представлен в той «японской» статье 1985 г., я делал вывод, что художник представляет широкий спектр общественного мнения, единственно способного дать реальную альтернативу однопартийной диктатуре. Я назвал это альтернативу умеренным русским христианским национализмом, который не угрожает другим народам страны или за границей. Я назвал его Движением за Национальное Возрождение (National Rebirth Movement), в котором помимо Глазунова участвуют такие незаурядные люди как Владимир Осипов, Анатолий Иванов, Игорь Огурцов,¹ многие писатели-деревенщики и подвижники ВООПИКа.

Национальные чаяния русских лучше и раньше всех выразил Александр Солженицын. Ещё в 1973 году он написал «Письмо советским вождям»,² в котором предложил мирный и эволюцион-

¹ Игорь Вячеславович Огурцов (род. 1937) — советский политический и общественный деятель, лидер антикоммунистического подполья в СССР, основатель и руководитель Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (ВСХСОН), бывший политзаключённый. Учился на философском и восточном факультетах Ленинградского государственного университета (ЛГУ), который окончил в 1966 году. Работал редактором в ЦНИИ информации и технико-экономических исследований. В 1964 году вместе со своими единомышленниками (М. Ю. Садо, Е. А. Вагиным, Б. А. Аверичкиным) основал и возглавил подпольную антикоммунистическую организацию – Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа (ВСХСОН). Автор «Программы ВСХСОН ЧАСТЬ ВТОРАЯ» (1964), «Народной хартии». 15 февраля 1967 года арестован КГБ. 3 декабря 1967 года приговорён к лишению свободы по ст. ст. 64 п. «а», 72 УК РСФСР на 15 лет с отбыванием первых семи лет в тюрьме, а остального срока — в исправительно-трудовой колонии строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет. В 2006 году И.В. Огурцов в числе группы лидеров русских организаций подписал обращение в ПАСЕ «Русские — в поддержку идеи международного осуждения коммунизма». Тюремный срок отбывал во Владимирской тюрьме (7 лет) и Чистопольской тюрьмах (3 года), а лагерный — в Пермской области (зона Пермь-35 — 5 лет). За участие в забастовке заключённых срок заключения был переквалифицирован — 10 лет тюрьмы вместо семи.

За свою деятельность удостоен почётного французского гражданства (Экс-ан-Прованс), почётного гражданства города Энн-Арбор (штат Мичиган, США), званий члена ПЕН-клуба, почётного члена Союза Русских Белогвардейцев и их потомков в Болгарии и других наград. В настоящее время живёт в Санкт-Петербурге. Властями Российской Федерации не реабилитирован. https://ru.wikipedia.org/wiki/Огурцов,_Игорь_Вячеславович

² Александр Солженицын. *Письмо вождям Советского Союза*. Изд-во: YMCA-PRESS, Париж, 1974.

Вот его вступительная часть: «Это письмо родилось, развилось из единственной мысли: как избежать грозящей нам национальной катастрофы? Могут удивить некоторые практические предложения его. Я готов тотчас и снять их, если кем ни будь будет выдвинута не критика остроумная, но путь конструктивный, выход лучший и, главное, вполне реальный, с ясными путями. Наша интеллигенция единодушна в представлении о желанном будущем нашей страны (самые широкие

ный путь вращающегося русского патриотизма в существующую систему. Увы, их засорённые марксистскими догмами мозги «вождей» не услышали патриотический призыв, и писатель был просто вышвырнут из страны. Отсутствие открытого диалога коммунистов с радетелями национального возрождения было одной из причин, почему развал СССР сопровождался шоковым лихолетьем 1990-х.

Ни в нынешней России, ни в США, ни в ЕС «националистов» не любят. При этом запугивают такими крайностями, как национал-социализм в Германии. Думается, однако, что *никакое умственное направление от экстремизма не застраховано*: ни советская приверженность «*всемирной революции*» под серпом и молотом на Земном Шаре, ни нынешний американский «*глобализм*», за которым, как ни странно, стоят так называемые «*неоконсерваторы*», многие из которых бывшие троцкисты, переметнувшиеся на сторону «*однополярного*» господства США.

Возвращение на круги своя

После эпохальных выставок Глазунова в Москве и в Ленинграде 1978–1979 годов не прошло и тринадцати лет, как СССР развалился. Мне довелось быть свидетелем этих событий. Как член делегации русских эмигрантов из США – я был тогда членом правления Конгресса Русских Американцев¹ – в августе 1991 я прибыл в Москву на Первый Конгресс Соотечественников², по приглашению правительства РСФСР. К этому времени я был реабилитирован за отсутствием состава преступления в том, что стал невозвращенцем.

Съезд оказался эпохальным: впервые после изгнания из Советской России парохода русских философов в 1922 году,³ русские люди могли встретиться, как братья. И случилось это как раз 19 августа 1991 года, в день Преображения. Но на пути из гостиницы к Успенскому Собору, где нас должен был встретить глава РСФСР Б.Н.Ельцин, мы оказались в центре путча ГКЧП-истов⁴. Некоторые из делегатов стали бронировать билеты обратно, подозревая, что путч начался из-за приезда «белых». Но нас приветствовал сам Патриарх, не преминувший напомнить о Дне Преображения.

Занятый подавлением путча, Ельцин приветствовал нас во Дворце Съездов только через пару дней. И порадовал нас сообщением, что над Кремлём взвьётся национальный трёхцветный флаг. Тогда-то я и подарил «*моему земляку из Пермского Края*», свою книгу *Russia Beyond Communism: A Chronicle of National Rebirth*, в которой по стопам Солженицына и опираясь на голоса гласности (Сахарова, Лихачёва, Распутина, деревенщиков и десятков других россиян), предсказал неминуемое падение тоталитарного коммунизма⁵.

свободы), но также единодушна она и в полном бездействии для этого будущего. Все заворожено ждут, не случится ли что само. Нет, не случится... http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_letter.txt

¹ Конгресс русских американцев — общественная организация США, объединяет американских граждан русского происхождения, отрицающих коммунистическую идеологию. Большинство членов организации придерживается верований Русской Православной Церкви и отрицает какой-либо антагонизм между людьми — расовый, национальный, этнический или религиозный. Конгресс русских американцев имеет отделения во многих штатах и возглавляется Национальным советом директоров. Конгресс русских американцев был основан в 1973 году.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Конгресс_русских_американцев

² https://books.google.ru/books/about/Первый_конгресс_сооте.html?id=IowTDAEACA AJ&redir_esc=y

³ «Философский пароход» — название двух рейсов немецких пассажирских судов Oberbürgermeister Haken (29—30 сентября 1922 года) и Preussen (16—17 ноября 1922 года), доставивших из Петрограда в Штеттин (Германия) более 160 насильственно высланных из Советской России представителей интеллигенции, включая многих известных философов и мыслителей. Операция советских властей по насильственной высылке за границу деятелей науки, медицины и литературы была произведена по инициативе В. И. Ленина в 1922–1923 годах в рамках борьбы с инакомыслием.

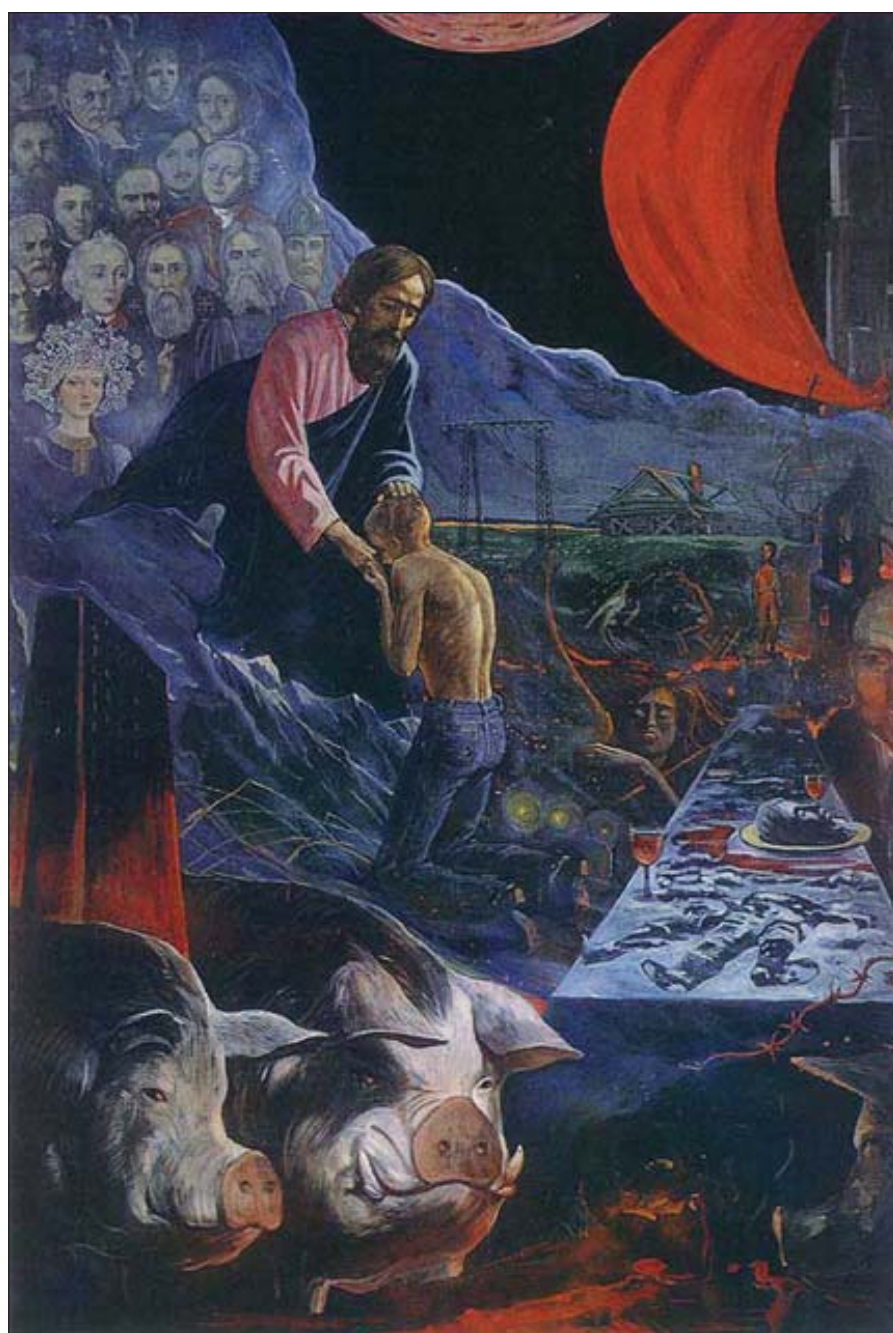
https://ru.wikipedia.org/wiki/Философский_пароход

⁴ Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) — самопровозглашённый орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 года. Включал в себя ряд высокопоставленных должностных лиц Советского правительства. Члены ГКЧП выступили против проводимой Президентом СССР М. С. Горбачёвым политики Перестройки. Главными оппонентами ГКЧП были сторонники Президента РСФСР Б. Н. Ельцина, объявившие действия членов Комитета антиконституционными. После поражения и самороспуска ГКЧП их действия были осуждены органами законодательной и исполнительной власти СССР, РСФСР и как государственный переворот. В историографии получили название «Августовский путч». https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственный_комитет_по_чрезвычайному_положению

⁵ Vladislav Krasnov, “Russia Beyond Communism: A Chronicle of National Rebirth”, Bolder: Colorado, August 1991. <https://www.amazon.com/Russia-Beyond-Communism-Chronicle-Contemporary/dp/0813383617> Сейчас книга переведена, Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению. Изд-во «Литературная Россия», Москва, 2014

Мистерия XX века

*Возвращение
блудного сына,
1977*

Полотно преподавателя академии художника Льва Ивановича Первалова

*В церкви Св. Екатерины 12 июля 2017, г. Ветлуга, где меня застала весть о смерти Глазунова.
В память о нём я поставил свечку. «Вечная память Илье Глазунову»*

С Глазуновым я тогда не встречался, но не сомневаюсь, что он радовался бесславному концу однопартийной диктатуры. Встретились мы где-то в середине лихих 90-х, сначала в его особняке-музее близ метро Арбатская. Он не помнил меня по мимолётной встрече в конце 1950-х. Но по телефону сразу же узнал мою фамилию и выразил желание «*посмотреть на японца*», что меня несколько озадачило. Но при встрече выяснилось, что он знаком с моей статьёй о двух выставках, которая в 1985 появилась на английском языке в научном журнале Хоккайдского университета. Там, в Саппоро, я провёл один год в качестве приглашённого исследователя, что давало мне право писать на любую тему, и я выбрал “Russian nationalism” Глазунова.¹

Ни Глазунова, ни меня не радовали происходившие перемены в сторону *прихватизации* и засилья *Семибанкирщины*. Но и жалуясь на отсутствие государственного порядка, инфляцию, социальное расслоение, рост преступности и общий «*беспредел*», он не унывал, верил в будущее России и делился планами продвижения *академической* школы живописи по стране и за рубежом.

Меня радовало, когда он настаивал, что, несмотря на униженное положение постсоветской России, нам не надо хаять Запад. Надо исходить из того, говорил Глазунов, что «*за одного битого двух небитых дают*» и что Россия не только выживет и станет великой державой, но ещё и сыграет свою роль по спасению Западной цивилизации от наплыва коммерческой псевдо-культуры. Несколько раз он приглашал меня на встречи с именитыми людьми и пытался устроить мне интервью для СМИ. Он соглашался с Солженицыным, что ельцинская власть убрала «железный занавес» так неумело, что из-под него потекла к нам с Запада навозная жижа. «*К нам уже и сейчас едут иностранцы, даже из Италии, чтобы здесь учиться навыкам академического искусства*», говорил Глазунов. Наверняка, его любовь к Достоевскому, проявившаяся на заре его карьеры, подсказала и укрепила в нём идею всемирной отзывчивости русской души.

Пермский филиал Академии Глазунова

Помимо всемирной отзывчивости русского человека, нашлась у нас и более заземлённая тема. Узнав, что родом я из Перми, Илья Сергеевич сразу повеселел и возвестил, что «*у нас там филиал Академии*». Я знал, что в Перми есть художественная школа, но что она была Уральским филиалом Академии Глазунова было для меня новостью². «*А где у Вас есть ещё филиалы?*», спросил я, будучи уверен, что его школа востребована по всей стране. Увы, он не мог похвастаться всероссийским масштабом. Я же стал ещё больше гордиться родным городом.

Поскольку в конце 1990-х и начале 2000-х я продолжал ещё работать в США, мои приезды на родину были sporadическими, хотя и частыми. В следующий заезд в Пермь я познакомился с директором Уральского филиала архитектором С. И. Тарасовым³, а потом и заменившим его М.В. Каёткиным, живописцем и выпускником Московской Академии, рекомендованным на директорство самим Глазуновым.⁴ Оба очень высоко отзывались о Глазунове, и у нас начал

¹ Vladislav Krasnov, “*Il’ia Glazunov’s Russian Nationalism: Notes from Two Exhibits*”, изданной в серии Acta Slavica Iaponica. 1985. Статью легче читать по ссылке: https://www.academia.edu/26799477/Ilia_Glazunovs_Russian_Nationalism_Notes_from_Two_Exhibits

² Официальное название «Уральский филиал Российской Академии Живописи, Ваяния и Зодчества Ильи Глазунова». <http://artacademy.perm.ru/about/>

³ Тарасов Сергей Иванович (род. 1954, Крым). Архитектор. Окончил Горьковский инженерно-строительный ин-т (ныне Нижегородский инженерно-строительный ун-т), архитектурный факультет (1977).

В 1977 – 1982 гг. – архитектор ин-та «Пермгражданпроект», в 1982 – 1991 гг. – гл. художник г. Перми, в 1991 – 2003 гг. – директор Уральского филиала Российской Акад. живописи, ваяния и зодчества, с 2003 – доц. инженерно-архитектурного отделения Пермской государственной сельскохозяйственной академии. Один из инициаторов, поддержавших идею Глазунова о создании филиала в Перми и его первый директор. <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1804128589>

⁴ Каёткин Максим Владиславович (род. 11.05. 1972, г. Челябинск), живописец, член Союза художников России (с 2001 г.) Окончил Свердловское художественное училище им. И.Д. Шадрина (1992) по специальности «Преподаватель живописи и рисунка»; Уральский филиал Российской академии живописи, ваяния и зодчества (1998) по специальности «Художник-живописец»; аспирантуру Российской академии живописи, ваяния и зодчества (2001). В 2003 г. назначен директором Уральского филиала РАЖВиЗ. <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1805018504>

развиваться проект извлечения пермской истории «из-под глыб»¹. Тарасов недвусмысленно заявил «Идёт битва за Россию, не за географическое пространство, а за пространство русской души»².

Уже во время моего первого возвращения в Пермь, в рамках Конгресса Соотечественников в сентябре 1991 года, я озаботился возложением венка на бывшую гостиницу «Королевские номера» по улице Карла Маркса, 5, откуда Михаил Александрович Романов, младший брат царя и инициатор Учредительного Собрания, был выкраден вместе с его секретарём Брайаном Джонсоном и отправлен чекистами на бессудный расстрел³. На возложение венка собралась небольшая группа пермских горожан, в том числе пара узников ГУЛАГа, священник и журналисты. Появилась заметка в газете. К зданию было привлечено внимание, и мы знали, что его не постигнет судьба Ипатьевского дома в Екатеринбурге. В конце года на здании уже висела мемориальная доска. Через год доску кто-то сбил, мы повесили вторую идентичную, и та провисела до 2008, пока вандалы опять её не разрушили.

Пермяки подхватили инициативу, опубликовали сборник архивных материалов «Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы» и вернули улице её историческое название: Сибирская. В 1997 году на здании «гостиницы» установили мемориальную доску Михаилу работы скульптора и преподавателя Уральской Академии А.А. Уральского⁴. Увы, хотя это было красивое художественное произведение, в нём ничего не было сказано о похищении Михаила, а Джонсон вообще не был упомянут. Тем не менее, совместный проект Пермского Краевого ВООПИКа⁵ (кстати, Глазунов был одним из его основателей) и Свято-Троицкого Стефанова монастыря привёл к завершению строительства часовни Михаила Тверского, небесного покровителя Великого князя Михаила Александровича, построенной при участии архитекторов из Академии.

Начиная с конца 2005 года, в Перми ежегодно 12 июня, в день предполагаемого убийства, проходит крестный ход памяти Михаила Александровича, как местночтимого святого. 12 июня 2017 мне довелось принять участие в крестном ходе памяти Михаила. В подсобном здании у часовни устроена выставка в память об убийстве Романовых, в том числе Михаила. Меня порадовало новое обширное полотно преподавателя академии художника Льва Ивановича Перевалова⁶ с девизом «Памяти Михаила Романова». Оно напомнило мне монументальные судьбоносные полотна самого Глазунова. Мне не приходилось беседовать с Глазуновым на тему убийства Царской семьи, но думаю, он одобрил бы участие Уральского филиала Академии в пробуждении памяти о великом князе Михаиле.

¹ «Из-под глыб» (1974) — сборник статей живших в СССР авторов (два из которых под псевдонимами — «А. Б.» и «Ф. Корсаков») о настоящем и о возможном будущем России. Впервые опубликован издательством ИМКА-Пресс в Париже на русском языке (1974 г.), в СССР нелегально распространялся в Самиздате. В 1975 году сборник был переведен на европейские языки и издан во Франции, США, Англии и Западной Германии. В России впервые вышел в издательстве «Из глубин» в 1990 году, три статьи А. И. Солженицына были напечатаны также в журнале «Новый мир» (№ 5, 1991).

² <http://glazunov-academy.ru/sveden/branch/>

³ Подробнее о Михаиле Романове см. недавнюю статью Владислав КРАСНОВ. ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ ИМПЕРАТОР МИХАИЛ II (Начало) Газета «Литературная Россия», Архив: №10. 24 марта 2017

<http://litrossia.ru/item/9832-vladislav-krasnov-propavshij-bez-vesti-imperator-mikhail-ii-nachalo>

(Окончание) <http://www.litrossia.ru/item/9854-vladislav-krasnov-propavshij-bez-vesti-imperator-mikhail-ii-okonchanie>

⁴ Анатолий Александрович Уральский (28 октября 1932, ст. Шумерля, Чувашская АССР — 27 августа 2003, Пермь, Россия) — скульптор, автор памятников Стефану Пермскому, В. Н. Татищеву, Н. Г. Славянову и ряда других памятников в городе Перми, профессор кафедры скульптуры Уральского филиала Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Уральский,_Анатолий_Александрович

⁵ Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (сокращённо ВООПИИК) — общественная организация, которая была учреждена в РСФСР в 1965 году и продолжает работу в современной России. Основными целями имеет охрану, восстановление и популяризацию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Глазунов был одним из его основателей.

https://ru.wikipedia.org/wiki/Всероссийское_общество_охраны_памятников_истории_и_культуры

⁶ Перевалов Лев Иванович, художник, педагог. Родился в 1937 г. в Нижнем Тагиле. Окончил Харьковский государственный художественный институт. Профессор, заведующий кафедрой живописи. Заслуженный художник России. Член Союза художников России с 1967 г. http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803853822&viewMode=B_1803401803&link=1

Увы, такие проблемы не волновали городские власти Перми, когда они увлеклись коммерческой затеей галериста Марата Гельмана¹ по превращению Перми в Мекку сугубо не-национального, космополитического искусства, потратили на это огромные бюджетные средства и отодвинули на задний план не только проект Св. Михаила, но и Уральский филиал академии Глазунова и других пермских художников².

Юбилей 80

У художника Глазунова всё творчество было героическим подвигом по извлечению Святой Руси «из-под глыб», под которыми коммунисты надеялись похоронить её навсегда. Об этом я говорил на торжественной встрече, организованной в Манеже в июне 2010 в связи с 80-летием художника. Он сам пригласил меня на это чествование, правда, сделал он это через Володю Осипова, моего товарища по инакомыслию, который отсидел два срока, в общей сложности 15 лет, за русский православный патриотизм. Теперь же он преподавал историю в самой Академии. Чествование было на высокой ноте. Высокие гости выступали один за другим, вспоминали, соревнуясь друг с другом, кто раньше всех и больше всех любил юбиляра и его искусство. Мы с Володей затесались где-то в толпе, но Илья Сергеевич заметил меня и распорядился, что *«теперь будет выступать наш американский гость»*.

«Кто-то из выступавших знал и любил Илью Сергеевича с 1997 года, кто-то с 1987-го, и даже с 1978-го. А я, «наш американский гость», развешивал его картины в общежитии МГУ на Ленинских горах в 1957-ом, когда власть совсем не давала ему ходу. Инакомыслящие студенты сразу увидели в его творчестве возрождение Святой Руси. Мы, несколько студентов истфака МГУ, первыми бросились выразить свою солидарность опальному художнику из Ленинграда, старавшемуся сказать правду о блокаде города и о творчестве Достоевского». Не ручаюсь, что я сказал именно эти слова, но их посыл был именно таков. Знаю, что художник был доволен и по окончании церемонии охотно сфотографировался со мной.

Сию минуту вышел я на интернет и нашёл отзыв об этом юбилейном событии самого художника на канале Культура под заголовком *«Мне всего 80, я полон сил и энергии.»* Репортёр цитирует Глазунова о начале его подъёма: *«Мне было 26 лет. Это была моя первая выставка, после которой было признано, что я не помогаю своими работами строить коммунизм, и долгие годы меня потом не показывали на выставках»*.

Далее репортёр канала ТВ Культура приписал: *«На этой выставке, среди других студентов, развешивал картины Владислав Краснов, из среды так называемых инакомыслящих. Сейчас он живет и работает в Америке. «Мы, студенты, чернорабочие, мы помогли таскать ему картины. Он меня помнит, потому что я написал о нём статью в американском научном журнале», – вспоминает профессор, председатель Общества российско-американской дружбы Владислав Краснов»*³.

И возвращаемся «к началу своему».

¹ Марат Александрович Гельман (род. 24 декабря 1960 года, Кишинёв, СССР) — российский коллекционер, галерист и публицист, арт-менеджер. Бывший директор пермского музея современного искусства PERMM. С июня 2002 по февраль 2004 года — заместитель генерального директора ОАО «Первый канал». Политтехнолог, один из создателей «Фонда эффективной политики», член Общественной палаты созыва 2010—2012 годов. https://ru.wikipedia.org/wiki/Гельман,_Марат_Александрович

² Пермское отделение Союза художников России (ПО СХР) в адрес и.о. министра культуры Пермского края Игоря Гладнева направило обращение. Оно касается деятельности «творческого тандема» Мильграм-Гельман. В нем говорится, что гостей города и туристов, в первую очередь, интересуют наши пермские достижения, а не привозные «звезды». Интересно и современное искусство, но совсем не то, что привозит Гельман, а то, что творят пермские художники. «Хотелось бы отметить и патриотическое воспитание молодежи. Любовь к Родине начинается «с картинки в твоём букваре» ... Нельзя воспитать патриотов на работах музея современного искусства М.Гельмана, где пропагандируется ненависть ко всему святому для русского человека». http://nsk.bergmanooo.bget.ru/culture/12801/permskie_hudogniki_osugdaut_tandem_mil_grama_gel_mana

³ 27.05.2010 | 19:37 Илья Глазунов: «Мне всего 80, я полон сил и энергии» http://tvkultura.ru/article/show/article_id/20424/

С тех пор наши контакты были не часты. Но однажды он пригласил меня на выпускное собрание Академии, чтобы я мог воочию убедиться в её развитии, педагогическом, нравственном и финансовом благополучии его детища. Подробно поговорить с ним не получилось, но по атмосфере в зале я понял, что Илья Сергеевич добился своего и как художник, и как администратор, и как сын отечества. О нём можно сказать словами Солженицына при получении Нобелевской премии по литературе в 1972 году:

Так может быть, это старое триединство Истины, Добра и Красоты – не просто парадная обветшалая формула, как казалось нам в пору нашей самонадеянной материалистической юности? Если вершины этих трёх деревьев сходятся, как утверждали исследователи, но слишком явные, слишком прямые поросли Истины и Добра задавлены, срублены, не пропускаются, – то, может быть, причудливые, непредсказуемые, неожиданные поросли Красоты пробьются и взвоятся в то же самое место, и так выполнят работу за всех трёх? И тогда не обмолвкой, но пророчеством написано у Достоевского: «Мир спасёт красота»? Ведь ему дано было многое видеть, озаряло его удивительно¹.

Это ключ к феномену художника Глазунова: почти за 70 лет советской власти было практически невозможно для людей гуманитарных наук сказать слово правды о состоянии общества: ни историкам, ни философам, ни экономистам, ни священникам, не говоря уж о политиках и общественных деятелях, ибо «поросли Истины и Добра (были) задавлены, срублены, не пропускаются». Последний генсек Михаил Горбачёв сетовал, что даже высшее начальство «думали одно, говорили другое, а делали третье». К чести России надо сказать, что правду удалось сказать, лучше других, именно служителю Красоты: художнику кисти Глазунову.

Вечная память моему другу и покровителю Илье Сергеевичу Глазунову!

¹ Александр Солженицын. *Нобелевская лекция по литературе (1972) Одно слово правды весь мир перетянет...* <http://www.nnov.kp.ru/daily/24140.5/358716/>

Русский мир без границ

Берега Лондона

Россия 1917 года

На вопросы журналиста Неониллы Пасичник на тему 100-летия исторических событий – февральской революции и октябрьского переворота – ответил представитель одного из знатных родов России князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, потомок Рюрика, основателя Российского государства, святого равноапостольного Великого князя Владимира, Крестителя Руси.

Почему в нашей великой стране произошла эта катастрофа?

Основным событием 1917 г. было то, что в феврале произошла революция – коренное изменение власти от полной автократии к относительно демократическому правительству.

Это случилось по ряду исторических причин, начиная с того, что Николай II был не на своём месте. Он был человеком настолько изолированным от реального общества и не знающим, что происходит в стране, что не мог принимать объективные решения. Император не был глупым человеком, судя по тому, что он писал и по рассказам его собеседников. Но супруга его совершенно изолировала даже от своих близких друзей, так что никто не мог донести главе государства правду. Подобное случилось и с его кузеном Вильгельмом, который также ничего не знал, что происходит в Германии. То же самое совершалось и в британской королевской семье. Таким образом, глава законодательной и исполнительной власти не знал о своей стране и был неадекватным главнокомандующим. Поэтому его принудили отречься от престола.

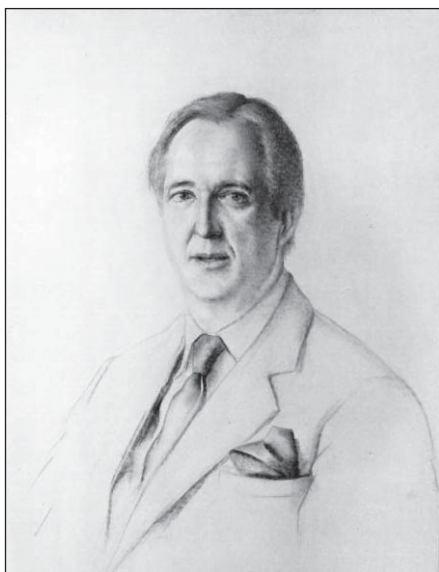
Второе – это огромное социальное неравенство в России. У привилегированных классов отсутствовало государственное и международное социальное сознание и мышление. В большинстве их устраивала их жизнь. Несмотря на то, что они практически были такими же невольными, как и крепостные. То есть, например, аристократ не мог покинуть территорию Российской империи без повеления Государя. И если Государь хотел бы забрать его имение, он мог это сделать. В отличие, скажем от Франции, где, если король путешествовал из Версаля в другое место и проходил через имение маркиза или графа, он должен был у него спросить разрешения, можно ли ему проехать через их владения. И, в-третьих, это было абсолютное пренебрежение к евреям в России, которое так пагубно потом отразилось на истории в октябре. Вот предпосылка обстоятельств.

Затем командование армией, которое было не на высоте, ибо главнокомандующие получали назначение по знакомству и связям, как часто бывает во многих странах. А те гениальные командиры, которые существовали у царской власти, смогли доказать свои возможности только во время Гражданской войны, как, например, Корнилов или Врангель. Так что пагубные обстоятельства на фронте Первой мировой были неизбежны.

Почему последствия отречения царя Николая II привели к столь радикальным переменам?

Пришёл к власти князь Львов. Мой дед был товарищем министра, должность, которая сейчас имеет наименование «заместитель». В его команде были люди умные, образованные, но не умеющие править. Дума же была только консультативным органом. А есть очень большая разница между тем, кем служить в Думе – советником или законодателем. Вот Вам пример: Трамп явно очень умный человек. Без этого нельзя стать мультимиллионером в США, даже будучи одарённым жуликом. Он оказался президентом и тут же, в первую неделю, стал делать ошибки.

Тема Временного правительства мне близка, потому что я жил в Париже в квартире князя Львова, которую унаследовал мой дед В.В. Вырубов. Я общался с Керенским в Париже и позже в Нью-Йорке, когда мы были соседями... Так что, узнав их лично, я понимал, что они не были людьми, которые могли бы приказывать расстрелять поголовно такое-то количество народу, лишь бы остаться у власти.

*Портрет Н. Д. Лобанова
работы Шахена Хачатряна,
Москва, 1985 г.*

*Василий Васильевич Вырубов,
дедушка Н. Лобанова, Париж,
1935 год*

Подобное случилось и с Ельциным. Когда был мятеж против него в Москве, он не смог дать команду армии пойти на Белый дом. И только генерал Волкогонов, который служил у него в советниках, имел своего подчинённого – командира танкового отделения, которому он дал приказ на атаку. Так что это слабость некоторых людей, на вид даже мощных, но которые не могут перейти черту жестокости, что Ленин, конечно же, умел.

Почему нельзя было остановиться после Февральской революции?

Потому что государство распадалось. И удержать его без жестокости было бы невозможно. А Временное правительство на это не смогло пойти. У них не было этой силы воли и совершенно другой менталитет. В июле 1917 года, уйдя в отставку, князь Георгий Евгеньевич Львов передаёт управление Временным правительством в руки Керенского. Таким образом, Октябрьский переворот совершается против правительства Керенского.

Мой дядя Николай Васильевич Вырубов – племянник главы Временного правительства князя Львова – оставил воспоминания о тех событиях, много общаясь с очевидцами. Революция происходила активнее в Петрограде, чем в Москве, до такой степени, что в любых исторических текстах задается вопрос: почему члены Временного правительства не отправились в Москву вместо того, чтобы бежать? Москва была более безопасной потому, что Ленин и его штаб-квартира находились в Петрограде, и там же – Советы рабочих депутатов, которые стали проявлять себя с 1916 года. Постепенно это движение заводских рабочих Петрограда распространяется и на солдат – на призывной контингент, и понемногу – на кадровых военных.

В день отречения Императора (14 марта 1917 года) обрушивается именно система, так как его брат, великий князь Михаил отказался принять престол. Это значит, что правительство, которое назначил Император, распадается. Всё государственное устройство, построенное на принципе монархизма, исчезает вместе с монархом.

Временное правительство – это некоторое количество депутатов Думы, которые говорят: «Ну, надо же, чтобы кто-то отдавал приказы», – и они привлекают людей, до сих пор не причастных к управлению государством: профессоров университета или руководителей крупных военных предприятий, а также князя Львова, являющегося главой Земства, чтобы те взяли на себя всё управление. Действительно, брат Императора, отказываясь от престола, говорит: «Я прошу, чтобы Россия созвала Учредительное собрание, и именно решением Учредительного собрания я буду руководствоваться в своих действиях. Если оно призовет меня стать конституционным монархом, я стану монархом; если оно хочет другую систему, мы подчинимся решению Учредительного собрания».

Дума обладает только совещательным правом, но не решающим.

И с этого момента нет больше власти в России. Эта огромная государственная машина с армией, с полицией – без управления. Члены Думы по просьбе брата Императора готовились созвать Учредительное собрание и не хотели, чтобы глава Временного правительства реально мог бы повлиять на выборы, потому что все прекрасно знают, что такое власть. А когда воцаряется беспорядок, и рабочие внезапно нападают на жилые здания, разоряют и поджигают их – это сразу же необходимо пресечь, даже если приходится стрелять. И кто тогда стал бы стрелять? Ведь уже нельзя использовать армию, вовлечённую в революцию. Ранее офицеры приносили клятву царю. Главного же элемента прежнего государственного устройства – царя – уже недостает.

Каковы последствия для русских людей незаконного захвата власти большевиками в октябре?

Русское дворянство после падения Императора сталкивается с Октябрьским переворотом, который лишает их всего имущества и выгоняет из страны, чего не было после революций в Европе.

Второе. Русские люди оказались лишёнными источника их духовной жизни. Имущество уже теряло для них значение. Для русского, дворянин он или нет, царь – это национальный символ, как Бог для верующего. Всякий раз, когда происходила встреча с Императором, крестьянин и в канун революции говорил ему «ты», в то время как люди других слоёв говорили ему «Вы», потому что они уже внутренне изменились. Но крестьянин говорил «ты» своему землевладельцу, но не его знакомцам, приходящим к нему в гости, не всем людям; «ты» – своему хозяину, и «ты» – царю, потому что он воспринимал его в какой-то мере как отца. Русский разделял понятие «царь» и понятие «государство», как он разделяет понятия «Бог» и «церковь».

Когда Император говорит: нужно воевать, страна воюет. Ведь страна идет за Императором.

Третье. Очевидно, что если бы Россия остановила войну в 1917 году, это уничтожило бы огромное преимущество большевиков, позволившее им совершить переворот, потому что Россия тогда потеряла очень много мужчин. Большевики требовали окончания войны уже в течение нескольких лет, потому что они были противниками войны, а также надеялись восстановить контакты с коммунистами Германии, при этом осознавая, что их призывы всё более и более доходят до населения. Кульминацией распада дисциплины был указ Керенского – передать Советам командование армией. Это лишило Россию возможности продолжать войну против уже истощённой Германии. А также подготовило почву для плана Германии подорвать правительство в России. Хитрый и удачный план Германии плюс его финансирование еврейскими банкирами, способствовал возвращению Ленина в Петроград и захвату им власти в октябре.

Учредительное собрание должно было созвать Временное правительство, чтобы решать судьбу страны, и в марте 1918 года было, наконец, созвано Лениным. Большинство собрания состояло из социал-демократов и социал-революционеров, выступавших против мер, выдвигаемых большевиками. Ленин, обладающий реальной силой – советами рабочих и солдат – распустил собрание, запретил политические партии и установил террор.

Получается, что во время переворота кроме террора ничего не нужно? Большевики в большинстве были дворянами и имели хорошее образование. Они понимали, как работает государственная машина...

Да, жестокость-террор – важная составляющая. Плюс популизм – обещать массам всё, что они хотят, в «светлом будущем». У тех, кто взял власть в октябре, было европейское образование, как у Ленина... Но, в принципе, у правящего класса пролетариата таких знаний не было...

С Лениным пришли к власти интеллигенты-евреи. Есть очень интересное фарфоровое блюдо 1921 года – «деятели великой Октябрьской революции». На нем 17 подписей. Русские в меньшинстве. Доминируют евреи. Сталина и Бухарина там нет. Отсутствие подписи Сталина свидетельствует о том, что он не был в центре событий в течение 4 лет после Октября 1917 года. И не стоял вместе с Лениным у «колыбели революции», как утверждается в истории КПСС. Это блюдо является убедительным разоблачением мифа об «отце всех народов». Интеллигенты – деятели революции – имели очень разные подходы к власти. Это блюдо было потом уничтожено. Сохранилось только несколько экземпляров за рубежом, потому что русский революционный фарфор был чрезвычайно дорогим продуктом, и его дарили делегациям «левых», которые приезжали в РСФСР, а среди них и левым англичанам. Таким образом, в Англию попали два таких блюда, одно из которых затем появились на аукционе «Кристис».

Блюдо «Деятели великой Октябрьской революции 1917 г.», Петроградский фарфоровый завод, по рисунку С. Чехонина, 1921 г. 17 подписей на ободке, по часовой стрелке снизу: А. Енукидзе, В. Яковлева, В. Володарский, Г. Зиновьев, Л. Троцкий, М. Урицкий, Н. Подвойский, К. Еремеев, А. Рязанов, Н. Крестинский, А. Луначарский, В. Ульянов, Г. Чичерин, А. Коллонтай, В. Бонч-Бруевич, С. Гусев, С. Зорин. Сталин и Бухарин отсутствуют.

Каковым было влияние иностранных держав на то, что происходило в России между февралём и октябрём?

Оно было значительным. Иностранные державы воспользовались хаосом в России. Совокупность подпольной политики Германии и международного еврейства дала Ленину возможность вернуться в Россию и там утвердиться. Это был очень ловкий маневр со стороны Германии. Германия дала Ленину и его соратникам право транзита для переезда поездом в Россию. А еврей Яков Шиф, т.е. Джейкоб Шиф, пайщик в банке «Лоуб» (где я когда-то работал) и миллионер-банкир Отто Хан, который дал 100 тысяч золотых долларов Социал-демократической партии (которая потом перешла в коммунистическую), помогли финансировать возврат Ленина. И это было понятно. Они болели за своих соотечественников-евреев в России, к которым так плохо относились, и были готовы целеустремлённо способствовать свержению власти в России. Далее деятельность Ленина финансировалась благодаря блестящему предпринимателю Александру Львовичу Парвусу (Гельфанду) через созданную им сеть прибыльных торговых компаний.

А роль других государств после октября?

Соединенные Штаты остались в стороне. Ни князь Львов, ни его товарищ-министр – мой дед В.В. Вырубов – не поняли сути и принципов деятельности Соединенных Штатов. Потеряв власть, они поехали в Вашингтон к президенту Вильсону. Цель поездки: просить вмешательства американ-

Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, дед Н. Лобанова, Одесса, 1918 год

ских войск в Гражданскую войну. Вильсон не то, что не мог, но не хотел этого делать. Соединенные Штаты были созданы как раз на противостоянии монархии. И то – на противостоянии конституционной монархии британского стиля. А монархия самодержавная, как в России, была для Вильсона абсолютным врагом. Так что они оттуда уехали без результата... Такой же ответ они получили от Пуанкаре во Франции, которая являлась республиканской страной. Они, в общем, не понимали особенностей международной арены и политические реалии. Вот одна из причин, почему Гражданская война не была выиграна белыми. Потому что, если Соединенные Штаты вошли бы на стороне белых, конечно, исход был бы совершенно иной.

Почему, на Ваш взгляд, Белое движение потерпело неудачу?

У Белого движения была стратегия – за единую и неделимую Россию. А тактика – победить Красную армию. Затем уже решать, какая власть будет на Единой Руси. В отличие от большевиков, у которых была идеология: власть – народу и сейчас! Вот этого – конкретного – народ (большинство) и желал!

Считал ли Ваш дедушка, как участник тех событий, что возможно было бы в России установить конституционную монархию и сохранить то положение, которое намечалось Февральской революцией?

Да, он был убежден в том, что, чтобы управлять империей, нужен, во-первых, символ, который бы её объединял... Россия же – огромная многонациональная страна. Во-вторых, нужно иметь сильную централизованную власть. Объединить эти требования могла бы конституционная монархия.

Как сложилась жизнь Ваших дедов в эмиграции?

Наша эмиграция прошла по-разному. Со стороны моей матери, мой дед и князь Львов не эмигрировали. Они в 1918 г. выехали в Соединенные Штаты по поручению оставшегося законным правительства России под управлением адмирала Колчака, а затем – в Париж. Мой дед оставил семью в России. Его супруга скончалась от тифа в заключении. Оставшаяся семья из 7 человек и няни была выкуплена у РСФСР братом моего деда. Он был женат на богатой немке, которая заплатила РСФСР 100 тысяч марок за них. У меня есть этот документ на выкуп этих членов семьи. Все семеро приехали в Париж и поселились вначале в квартире князя Львова по адресу 4 рю де Сэз, в 9-ом районе. 150 лет тому назад это был модный район. Он находится между церковью Мадлен и Оперой. Это там, где на углу у Оперы известное Кафе-де-ла-Пэ на «Гран бульвар», так изумительно запечатлённое на картине Коровина.

Семья деда со стороны моего отца уехала в Одессу. Их старшая дочь – 25-летняя Ольга, жила с отцом в Лозанне, где она училась в университете. Она решила поехать в Одессу и «освободить» мать и братьев. Для этого она предприняла двухдневную поездку в Бухарест в первом классе поезда. В её купе оказался попутчик. Они разговорились, и она ему рассказала причину своей поездки. Он ей ответил: «Вы безумная. Но я Вам помогу. У меня в подчинённых есть тоже безумный человек, как и Вы. Вот моя визитка». На ней он написал имя коменданта порта Констанца. Спутник оказался морским министром Румынии. Помогая Ольге, его подчиненный, капитан Улик, совершил государственное преступление. Выбрав безлунную ночь, он взял Ольгу на военный катер, который остановился напротив Одессы на середине Днестра, тогдашней границы Румынии и РСФСР. Один из матросов отвёз Ольгу на шлюпке до берега, сказав ей вернуться туда же через 3 дня в полночь для того, чтоб он её забрал. Переодевшись в крестьянскую одежду и снабжённая фальшивыми документами, она нашла в Одессе свою семью. Мать отказалась уехать, чтоб не оставлять бабушку Ольги – свою пожилую мать – одну. Тогда было принято решение: оставить временно мать и бабушку и вернуться за ними позже. Дети же переоделась в крестьянскую одежду и благополучно добрались до Днестра. Частично им это удалось, потому что их внешность имела выраженный калмыцкий вид. Когда они добрались до Констанцы, их арестовали на основании договора между РСФСР и Румынией возвращать перебежчиков. К счастью, у моего деда в

Лозанне были деньги, и он выкупил семью у румын. Тем временем его дочь влюбилась в капитана Улика и осталась в Румынии. Со временем вся семья моего отца переехала в Софию, в Болгарию, потому что мой дед интересовался только двумя сюжетами: это музыкой и православием. В огромном соборе Александра Невского в Софии пел хор Софийской оперы... Дед играл на «Страдивари», которую захватил с собой и имел ещё в Софии. Таким образом, часть семьи была в Болгарии, в результате чего я там родился, а часть семьи во Франции.

Ваши предки – дедушки, бабушки, родители – каковы были их ожидания, связанные с будущим России, пока они жили в эмиграции?

Мой дед по отцу, живший с нами в Болгарии, имел иллюзию, что строй в России изменится. Частично из-за того, что семья была англофилами (мой отец учился в Англии). Поэтому в царской Болгарии (союзнице Германии) во время войны, семья считалась неблагонадёжной, и за моим дедом и отцом был установлен полицейский надзор. Мы ждали советскую оккупацию Болгарии с открытыми объятиями. Мы не знали о Ялтинском соглашении и думали, что в Болгарию придут войска союзников, а именно: советские, американские, английские и французские войска. Что и происходило в первые шесть месяцев. И только потом мы узнали, что произошло в Ялте. Тем не менее, мой дед продолжал ожидать перемен.

Мой другой дед Вырубов, живущий во Франции, будучи человеком более трезвого мышления, не ожидал перемен.

Будучи в эмиграции, занимались ли Ваши дедушки политической деятельностью?

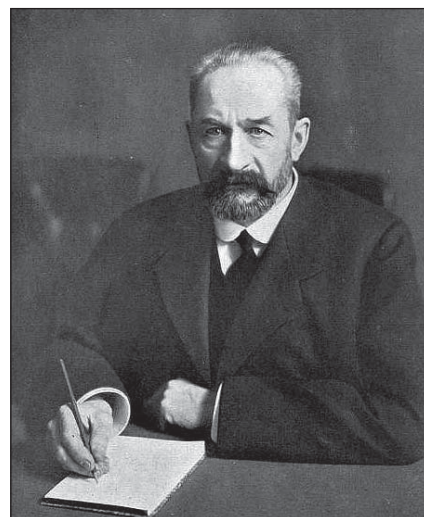
Мой дед по отцовской линии не занимался политикой. Он участвовал только в благотворительных и общественных мероприятиях, связанных с диаспорой в Болгарии. Возглавлял Красный Крест в Софии. Был далёк от всего, кроме религии и музыки. Мой дедушка Вырубов в Париже активно занимался общественной деятельностью; сперва с князем Львовым, который создал Земство, а после ухода Львова возглавил Земство в Париже. Организация существовала, главным образом, на деньги, полученные во время их поездки к Вильсону. Это были деньги из так называемого российско-посольского фонда, которые были предназначены для закупки оружия у Соединённых Штатов. Земство удачно просуществовало в Париже 85 лет, где оно занималось благотворительностью среди эмиграции. Ныне оно на закате, ибо почти не осталось в живых эмигрантов первой волны.

Большой интерес у современников вызывает личность князя Георгия Евгеньевича Львова, Вашего двоюродного дедушки. Каким Вам представляется образ первого премьера Временного правительства?

Значимость выдающегося общественника и управленца, говоря современным языком, Георгия Евгеньевича Львова приобретает всё более важное значение потому, на мой взгляд, что князь Львов был сторонником конституционной монархии.

Облик Георгия Евгеньевича мы можем воссоздать благодаря воспоминаниям его племянника и сподвижника по Земгору Николая Васильевича Вырубова, а также мемуарам самого князя Львова. Николай Васильевич знал доподлинно, что князь Львов не был масоном. Об этом говорил ему отец – мой дед, сам масон, соратник князя Львова. Ни в образе жизни, ни в увлечениях Георгия Евгеньевича не было ничего масонского. Он избегал светской жизни, плохо говорил на иностранных языках, был привязан ко всему русскому, а в конце письма ставил аббревиатуру Г.С.Т. – “Господь с тобой!”. В 1917 году князь Львов совершил паломничество в Оптину Пустынь. Об этом свидетельствует рисунок его спутницы, вдовы его друга Евгении Писаревой, выполненный по просьбе Георгия Евгеньевича на память об их пребывании там. На рисунке изображена келья преподобного Амвросия Оптинского.

Князь Львов знал хорошо “мужика”, был мистически расположен к русскому народу и верил, что русский человек сможет продвинуться своими силами, если будут надлежащие условия. В этом отличие его от масонов, видевших спасение в Западе. Князь Львов видел “мужика” активным бу-

Князь
Георгий Евгеньевич Львов

душим деятелем российской экономической жизни. И не увлекался вопросами равноправия и братства народов. Понимал неготовность народа к республиканскому строю, но был противником самодержавия, стоял за конституционную монархию.

Другие политические и общественные деятели уклонились тогда от ответственности, а он, со свойственной ему прямоотой характера, не побоялся этого сделать. Не домогаясь власти, он посвятил свою деятельность облегчению участи народа, изнемогавшего под тяготами войны и бурного периода исторических перемен.

Почему выбор пал на князя Львова как главу Временного правительства?

Георгий Евгеньевич обладал безупречной репутацией опытного общественника и делового работника, чуждого интригам и политическим подоплёкам, а также нравственной личности, на которую можно положиться. В земской работе проявился практический склад его характера, хозяйственный и деловой опыт, организаторские способности. Этот опыт открыл ему глаза на недостатки государственного правления. Кроме того, привлекала его беззаветная преданность человеку, отсутствие властности, умеренные политические взгляды. В условиях крайнего недоверия членов Государственной думы друг к другу, личность князя Львова виделась единственной, соответствующей обстоятельствам времени. Его фигура представляла какую-то степень законности, поскольку на пост главы будущего правительства он был назначен Государем ещё до отречения.

В этом контексте возникает вопрос о легитимности Манифеста Великого князя Михаила. Ведь, отказавшись от регентства, Михаил Александрович уже не располагал властью?

Этот вопрос очень важен, и ответ должен находиться в юридической компетенции. Тем не менее, Временное правительство полагалось на моральное значение обоих Манифестов, и было вправе считать себя законной властью. В этом статусе оно получило от начальника Генштаба генерала Алексеева присягу “На верность службы Российскому Государству”, где говорилось: “Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления воли народа при посредстве Учредительного собрания”. Это свидетельствует о национальной мотивации решения – продолжать войну до победного конца, в противовес распротранённому обвинению относительно того, что это решение Временного правительства являлось результатом повиновения воле союзников или масонских лож.

Какое было предназначение Временного правительства?

Следует учитывать то, что последствия отречения Государя обезглавили государство и упразднили сознание державной власти. Никакой другой формы управления страной предусмотрено не было. И нескольким ответственным людям пришлось спасти страну, создав сначала Временный комитет, а затем Временное правительство. Оба Манифеста Николая II и его брата Михаила положили конец самодержавной монархии, возлагая на Учредительное собрание право – выбирать будущий строй государства.

Временное правительство взялось спасти обезглавленное государство, потерявшее свой вековой объединяющий символ – царя. Но сам принцип монархического строя всё ещё продолжал вызывать в стране широкое признание. Больше всего потрясло объявление Михаила, что будущий способ правления будет определён всенародным голосованием! Таким образом, было подорвано сознание неприкосновенности и вечности монархического строя, которому многие оставались верны и в народе, и в Думе, и среди членов Временного правительства, включая и князя Львова.

Единодушие в правительстве не было: там работали люди диаметрально противоположных политических устремлений – сторонники конституционной монархии стали заложниками стремившихся основать республиканский строй Советов. Следует учитывать, что в первые дни, когда был составлен Временный комитет, его создатели считали, что принимают временные меры для “отправления государственных дел” в ожидании Учредительного собрания. В этом заключался смысл названия – Временное правительство. По этой причине во главу Комитета нежелательно было ставить яркую личность, способную повлиять на ход выборов. Требовался человек, пользовавшийся широким доверием, не властолюбивый, умеренных взглядов, сторонник постепенных изменений, а не переворотов. Таким “управляющим” оказался князь Львов.

Было известно заранее, что он не склонен быть вождём, как и то, что он воздействовал на своих сотрудников убеждением и требовательностью в работе. Также следует учитывать, что демократические принципы правления исключают применение насильственных мер в борьбе с политическим

противником. А революция – это бунт, применявший и террор в стремлении к власти. Князь Львов знал, что принудительные меры ведут только к вооружённым столкновениям и репрессиям. Лилась кровь всё тех же крестьян, на пользу которых всю жизнь он трудился! Вера в человеческую личность и в то, что спасение находится на пути разума, не позволили князю Львову прибегнуть к насилию. А с другой стороны, группа штатских, хоть и видных деятелей, оказавшихся в военное время на месте самодержца-царя, не могла вызвать народного энтузиазма, т.к. не обладала тем символическим авторитетом, что вековая монархия!

В деревнях, к примеру, просто отошли от Временного правительства, узнав о решении распределять землю на основе компенсации владельцам. Монархический лозунг о царе, Боге и отечестве стал терять своё духовное воздействие. Народ, веками не участвовавший в государственных решениях, не имел гражданского сознания и понятия права и долга.

В чем заслуга князя Львова перед Россией на международной арене?

После неудавшейся поездки в 1918 году в США, князь Львов и его товарищ-министр Вырубов прибыли в Париж, где в это время готовилась мирная конференция по итогам Первой мировой войны. Большевистское правительство не было приглашено из-за подписания Советами Брест-Литовского мира, и Россия, будучи одной из главных участниц войны, рисковала вообще не быть представленной на Версальском конгрессе. Во главе с князем Львовым в Париже организуется «Русское политическое совещание», поставившее себе целью: добиться присутствия на конференции русской делегации, хотя бы на правах совещательной, и защиты на ней интересов народа, так много сделавшего для достижения победы. В состав Совещания вошли русские послы в Париже, Вашингтоне, Риме, Мадриде, Берлине, Лондоне, Стокгольме, а также представители Омского, Екатеринодарского и Архангельского правительств и русской общественности. Основным препятствием на этом пути оставалась разобщённость антибольшевистских правительств, ни в одном из которых Запад не признавал общего представителя нации. Следовало срочно склонить все антибольшевистские силы к признанию всероссийским одного правительства. Миссия В.В. Вырубова на юг России завершилась успехом, и Россия была представлена на Версальской конференции делегацией из пяти человек во главе с князем Георгием Евгеньевичем Львовым.

Чем стал Земгор для Георгия Евгеньевича во Франции?

Помощь бедствующим соотечественникам – прекрасное поприще, и он проявил качества организатора, которыми обладал мой двоюродный дедушка! Главная сила князя Львова состояла в непоколебимой вере в простого человека. В самых тяжёлых условиях он реально помог многим русским, оказавшимся в изгнании, устройством рабочих мест, детских учреждений, старческих домов. Ему принадлежала заслуга убеждения американских организаций и чешских властей в надобности – принять финансовое участие в проведении программной помощи эмигрантам, им разработанной. В США князь Львов пробыл 5 месяцев – с 16 октября 1921 по 16 марта 1922 года – столько, сколько занимал пост главы Временного правительства. За это время провёл сложные переговоры со многими общественными и государственными деятелями, в том числе с Губертом Гувером, тогдашним министром торговли. Князь Львов сумел убедить Гувера не только в необходимости помочь нуждающимся эмигрантам, но и в том, чтобы ввиду повального голода помощь продуктами была оказана Советской России.

Русский мир без границ

Берега Варшавы

Елена Черпакова

Диалог культур. Польша и Россия

О временах грядущих, когда народы,
распри позабыв, в великую семью соединятся.

А.С. Пушкин

Русский и польский народ веками проживали по соседству, связаны многочисленными узами и общей историей. С другой стороны, трудное историческое прошлое в отношениях поляков и русских утрудняют связи, а существующие стереотипы кажутся непреодолимым барьером.

Друзья из России, с которыми мы общаемся через интернет, спросили: «Сразу ли нашли себя там? Это всё же другая страна, другой менталитет, традиции, нравы?»

И мы откровенно отвечали: «Каждый из нас здесь – своеобразный «остров»; поначалу чужого языка, чужих праздников, обычаев. Человек живёт, обустроивается, приспосабливается к новой обстановке. Очень важно не замыкаться в своём мире и общаться с людьми, встречающимися на нашем пути».

В начале нашего приезда в Польшу мы встретили приятных людей, которые охотно нам помогали в разных ситуациях. Мы не чувствовали себя чужими в Польше. Подтверждение мы находили также в любви поляков к нашей культуре и литературе, некоторые из них хорошо говорили по-русски.

Здесь, изучая польский язык и культуру народностей на территории Польши, мы имели возможность ближе познакомиться с историей государства польского народа.

«Язык и культура – это код нации». Любопытный факт, что значение слова иностранец в переводе на польский язык *cudzoziemiec* или *obcokrajowiec*, означает человек с чужой страны или края, а составное слово *cudzy*= чужой и *obcy*=чужой, посторонний, а как пример в словаре *obcym wstep wzbroniony* = посторонним вход запрещён. И тогда я подумала, что правильно говорят: язык народа отражает характер народа, исторически сложившегося. Вспомнила выражение, которое встречается в средствах массовой информации: *Rosjanin zaborca* = Русский оккупант. Трудно было понять, а тем более принять эту точку зрения. Мы часто встречались с поляками в нашей стране при разных обстоятельствах: в учебных заведениях, где они учились; в Крыму, где они отдыхали; в общественных местах, где они работали на строительстве газопровода для Польши. И всегда наши взаимоотношения оставляли очень приятные воспоминания: мы сразу находили интересующие нас темы о культуре, близкие нашим народам.

Также в Польше, посещая фестивали, спектакли, литературные встречи, которые организовывались в местных домах культуры, парках и театрах, часто встречали полюбившихся певцов и актёров. Нам нравилось, что после выступления артистов, можно было с ними свободно общаться.

Так мы с мужем познакомимся с Даниелем Ольбрыхским, вышедшим в фойе Дома культуры по окончании литературно-музыкального вечера. Актёр услышал, что мы говорим по-русски и продолжил беседу на русском языке. Было приятно узнать о его любви к песням Владимира Высоцкого, а некоторые он сам перевёл на польский язык. В ответ Владислав прочитал своё стихотворение «Эпитафия Джорджу Харрисону», за которое получил оценку – очень хорошее стихотворение.

Не упускаем возможности дополнить свою заинтересованность к русской литературе, знакомясь при случае с польскими учёными в литераторах в клубе «Салон Литерацки», проводимый Людмилой Радин на польском языке.

На их вопрос: «Как мы оцениваем встречу?» Мы ответили: «Остались под впечатлением и душевным удовлетворением от общения с творческими людьми близкими нашему мировоззрению».

В ответ услышали: «Не все поляки поддерживают политику против россиян. И хотим, чтобы наша позиция к близкому по духу и культуре народу давала хоть малый вклад к сближению наших народов».

Там познакомились с писателем, поэтом, переводчиком Марек Вовжеквичем. Его подарок – сборник стихов в переводе на русский язык «Вычерпать море» пополнил нашу библиотеку. Там подружился с профессором, историком русской литературы Вальдемаром Гаевским. Он перевёл на польский язык поэму «Евгений Онегин» А.С. Пушкина.

Нам нравится отсутствие бюрократии в творческих мероприятиях. Посещая Международный Фестиваль Поэтический «Варшавская Осень» в Доме Литераторов, мы узнали, что можно предварительно записаться на Турнир Одного Стихотворения. Владислав дважды участвовал в турнире. В сентябре 2015 года читал стихотворение «Бабье лето» на русском языке, а наш друг Анджей Томашевский перевёл и прочитал на польском языке. В следующем году на турнире Владислав представил своё стихотворение «Здесь и начало и конец», а Вальдемар Гаевский перевёл и прочитал его на польском языке.

Сбылась наша мечта побывать в «Театре Большом» в Варшаве на представлении балета «Евгений Онегин» Чайковского, в исполнении польских артистов. Польская публика восприняла этот спектакль с эмоциональным восторгом – зал то и дело взрывался аплодисментами, а после спектакля к сцене выстроилась очередь зрителей для вручения цветов артистам.

Интересный факт: в начале XX века в Польше гастролируют русские балетные артисты А. Павлова, Н. Легат, Т. Карсавина, Н. Богданова, А. Бекефи. Ставят балеты в Польше Л. Иванов, М. Фокин.

После второй мировой войны и фашистской оккупации в Польше не осталось ни одной балетной труппы. С образованием Польской Народной Республики начинается возрождение польского балета. Формируются балетные труппы в Познани, Гданьске, Бытоме, Вроцлаве, вновь открылся в Варшаве «Театр Большой». Польским артистам помогают расти советские специалисты-хореографы: Н. Дудинская, К. Сергеев, Н. Конюс, А. Соболев, А. Чичинадзе и другие.

Ансамбль песни и пляски Российской армии им. А.В. Александрова является наилучшей визитной карточкой России на свете. Неоднократно посещали Польшу, и каждый раз заполнялись залы до предела. 18 сентября 2016 года мы с членами Российского Общества были на концерте ансамбля Александрова и были под большим впечатлением и от самого концерта, и от того, как польские зрители тепло принимают артистов ансамбля. И совершенно не мешало им то, что они представляют армию «оккупантов» и одеты в мундиры, на которых символы Российской армии. Их репертуар и исполнение чем-то завораживает зрителя, миллионы людей влюбляются в русскую культуру. Кроме традиционных военных и народных песен, исполнялись также польские песни. Я не могу теперь представить мир без Ансамбля Александрова. Польский народ также скорбел с нашим народом, примером служит Соболезнование от сообщества КУРСК:

«В связи с трагической катастрофой 25 декабря 2016 года российского самолета и гибели многих выдающихся людей, передаем искренние соболезнования семьям погибших и властям Российской Федерации. В наших сердцах всегда будут оставаться великие артисты хора им. Александрова, который всегда пытался своим творчеством объединить наши народы, исполняя по-польски известные песни, такие как: «Эй, соколы», «Красные маки», «Монте-Кассино» и другие. Множество песен хора им. Александрова были связаны с Советской Армией, борьбой против немецких оккупантов, борьбой за свободу народов Европы. Не так много мы можем сделать, чтобы почтить память людей, которых уже никогда не увидим. Несмотря на это, мы решили отремонтировать кладбище советских воинов, о которых они так часто поют».

Стоит отметить культурные мероприятия в Российском центре науки и культуры в Варшаве, которые охватывают также общение с соотечественниками. Мы, конечно, часто бываем в РЦНК на концертах, спектаклях, конференциях, художественных выставках, фестивалях.

Очень популярны Международные фестивали посвященные творчеству Владимира Высоцкого, Анне Герман, Булату Окуджаве, а также фестиваль Сближение культур.

Идея проведения фестиваля песни и поэзии Владимира Высоцкого возникла давно и созрела на протяжении нескольких лет. «Любовь поляков к Высоцкому, наконец-то, переродилась в фестиваль. Это был многолетний процесс, требовавший определённой зрелости», – сказала вице-президент Фонда во имя сближения культур, ставшего главным инициатором и организатором фестиваля,

Эва Гоц. Как выяснилось, в Польше есть несколько десятков групп, которые исполняют песни Высоцкого, переведенные на польский язык. Они с успехом выступают по всей стране и даже за её пределами и с удовольствием согласились поддержать фестиваль. Все мероприятия, состоявшиеся в рамках фестиваля, пользовались огромной популярностью среди поляков, обеспечивавших аншлаги на концертах и кинопоказах. В Российском посольстве в Варшаве, которое выступило соорганизатором смотра, считают, что такие творческие встречи помогают сблизить наши страны и народы, становятся важной вехой в развитии двусторонних отношений.

20 июля 2015 года на открытии IV Международного Фестиваля Песни и Поэзии Владимира Высоцкого в киноконцертном зале Российского центра науки и культуры в Варшаве Российский посол Андреев Сергей Вадимович поздравил всех участников и зрителей фестиваля: «Высоцкий – уникальное явление в нашей жизни, в нашей культуре. В его песнях нашла своё отражение непростая история, непростая жизнь, не простая реальность нашей страны. Его потрясающая фронтовая, военная лирика – прекрасная лирика. И что для нас особенно ценно – Высоцкий, несмотря на всю свою независимость, несмотря на всё своё острое критическое отношение к жизни, к тому, что происходит вокруг него, тем не менее, был всегда советским человеком. Он был продуктом нашей действительности, он был сыном нашей страны, он был патриотом. Это никогда, наверное, и никем не ставилось под сомнение».

В открытом конкурсе песни и поэзии Высоцкого выступили представители Польши, России, Германии, Белоруссии, Чехии и других стран. Владислав Черпаков прочитал свою поэму «О Владимире Высоцком» на конкурсе V Фестиваля в январе 2016 года.

Фестиваль Анны Герман «Мы эхо друг друга...» стартовал в 2014 году в Варшаве.

«Союз женщин России» совместно с «Лигой польских женщин» учредили фестиваль «Мы эхо друг друга...», посвящённой творчеству великой польской певицы Анны Герман. Министерством культуры Российской Федерации этот фестиваль включён был в программу «перекрёстных» Годов России в Польше и Польши в России в 2014-2015гг. Заместитель Председателя Совета Федерации Галина Карелова провела встречу с организаторами и участниками Фестиваля имени Анны Герман из трех стран – России, Польши и Белоруссии. По словам Галины Кареловой, организация фестиваля в Москве стала возможной благодаря успешному сотрудничеству российских, польских и белорусских женщин, а сам фестиваль является примером народной дипломатии, для которой нет границ. «Хотим мы того или нет, но сегодня мы все становимся эхом друг друга. Чем крепче и теснее культурные и гуманитарные связи, чем больше мы реализуем добрых умных идей, тем адекватнее будет на них отклик – меньше места останется для агрессии и нетерпимости, чаще будут находить своё воплощение в наших взаимоотношениях идеи поддержки и мира». Лига польских женщин и Союз женщин России организовали этот фестиваль, не обращая внимания на политику. Официальная Варшава отменила мероприятия перекрёстного года Польши в России. Далеко не все в Польше поддержали это решение. «Невозможно показывать творчество Анны Герман, не показывая двух сторон, понимаете; российской и польской. Она же объединяла наши обе культуры, оба народа», – уверила председатель Лиги польских женщин Альдона Михалык. Любимый город Анны Герман – Варшава, принял первым эстафету фестиваля её имени. Конкурс решено было сделать ежегодным. Следующий финал в Москве, и он расширит географию стран-участниц. Белоруссия и Казахстан не остались равнодушными. Песни Анны Герман – часть нашей общей истории.

VI Международный фестиваль Сближения культур состоялся 28-30 октября 2016 года в Российском центре науки и культуры в Варшаве. Организаторы фестиваля – фонд «Openart» и РЦНК в Варшаве подготовили программу разнообразную и интересную. В этом году фестиваль посвящен сближению культур России и Польши.

В праздничном концерте выступили артисты России и Польши: народный ансамбль из Заозерья Калининградской области «Подруги» и ансамбль наших соотечественников «Родник», Р.Галич, Ф. Николас, Е. Малиновский, Наталия Барткова, Р. Кудельский, П. Лещинский и др. Театрально-литературное представление «Бал поэтов» в исполнении российского артиста Рустэма Галича стало также ярким событием фестиваля.

На встречу с российским писателем, журналистом, сценаристом Дмитрием Стрельниковым, книги которого изданы в Польше и написаны им на польском языке, пришли любители и ценители литературы.

Профессор Объединения государственных художественных школ им. В. Герсона Ежи Межвяк сказал: «Очень важно, что молодежь России и Польши объединяются, чтобы создать совместные проекты. Такая работа дает возможность лучше узнать друг друга, познакомиться с образом жизни и ценностями молодежи России и Польши. Фестиваль сближения культур – это та площадка, на которой можно представлять совместные проекты».

2 сентября 2015 года в Российском центре науки и культуры открылась мультимедийная выставка «ПОМНИ...», посвящённая 70 годовщине Победы над фашизмом, которая была предоставлена Российским Военно-Историческим Обществом, представителем которой был Директор Владислав Владиславович Кононов.

Авторы экспозиции выставки – Народные художники России Василий Нестеренко и Саламат Щербаков. Раньше выставка с успехом была принята в Москве, Смоленске, Волгограде и в Женеве откуда приехала в Варшаву. В сумме выставку посетило около 200 тыс. человек.

«Хотим припомнить, какую цену заплатила за победу наша страна и что было бы у нас, если бы победил немецкий фашизм, и как бы была освобождена Европа?» – сказал на открытии выставки Посол России в Польше Сергей Вадимович Андреев. Также впечатляющими были выступления Директора РВИО Владислава Коконова и Директора РЦНК Сергея Антуфьева.

На выставке присутствовали представители разных общественных организаций Польши и других стран. Выставка, на которой показано три стороны войны: виновники-нацисты, их жертвы и солдаты-освободители, а также какую высокую цену заплатила за победу наша страна, возбудила у гостей необычные эмоции. После торжественной части и осмотра выставки гостей пригласили на террасу, где ждала солдатская кухня. Все гости имели возможность пообщаться и выразить свои эмоции от впечатлений, полученных на выставке. Председатель Российского общества Лидия Ходницкая представила Владислава Черпакова как поэта. Владислав прочитал свою поэму «70– летие Победы», а слушателями были Владислав Кононов, Матеуш Пискорский – лидер партии «Смена», Тадеуш Сикорский и Болеслав Тейковский – представители Польского славянского комитета. Мы сделали несколько видеозаписей и фотографий, чтобы показать нашим друзьям и членам Российского общества.

В 2015 году в Польше произошли значительные общественно-политические и культурные события, которые оставили глубокий след на пути взаимопонимания славянских народов. События на Украине 2014 года, которые поделили народы Украины и России, сильно повлияли на духовное состояние наших соотечественников и одновременно стали движущим фактором для более активного участия в деятельности, направленной на укрепление добрососедских отношений между Польской Республикой и Российской Федерацией в сотрудничестве с организациями: Ассоциация сотрудничества Польша-Россия во главе с председателем Ежи Смолинским и Ассоциация сотрудничества Польша-Восток.

31 октября 2015 года в Варшаве состоялась VI Всепольская конференция российских соотечественников, посвящённая 70-летию Великой Победы. Конференцию приветствовали: Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Польше – Сергей Вадимович Андреев; Руководитель представительства Россотрудничества в Польше – Сергей Владимирович Антуфьев; Президент Ассоциации сотрудничества «Польша-Восток» – Иозеф Брыль; Президент Ассоциации сотрудничества «Польша-Россия» Иозеф Смолинский.

С. В. Андреев, в начале своей речи, поздравил участников конференции:

« Вторая мировая война стала тяжелейшим испытанием для всех народов Европы. Мы не имеем права забывать о многомиллионных жертвах, об огромной цене, которую заплатили народы Советского Союза, бойцы Красной Армии, труженики тыла за победу над фашизмом, за освобождение стран Европы от нацизма. Мы объединены общей памятью с событиями тех трагических лет, для нас общими остаются и подлинная правда о войне, и стремление не допускать искажений её истории. К сожалению, в последние годы война и память о ней стали предметом многочисленных политических фальсификаций и спекуляций. Уничтожаются памятники советским воинам, переписываются учебники истории. На уровне целых государств происходит ревизия итогов Второй мировой войны».

Сергей Вадимович Андреев рассказал о недавнем интервью, которое он дал польским журналистам и как его намеревались скомпрометировать, подавая в печать это интервью с искажёнными и

перекрученными интерпретациями. Впоследствии обвинили посла в оскорблении польского народа, когда посол хотел обратить внимание и своё отношение к недопустимым актам сноса памятников советским воинам и высказал, что не было таких плохих отношений между Россией и Польшей от давнего времени. В ответ со стороны польских властей последовала реакция возмущения, за которым последовало действие: С. В. Андреев был вызван в МИД Польши, где должен был объяснить «своё поведение». В заключение своей речи С. В. Андреев сказал: «У меня такое ощущение, что польское общество и информационное польское пространство – две таких реальности, которые существуют параллельно друг от друга. Другой журналист договорился до того, что, как можно работать дипломатом в Польше, если так Польшу ненавидеть? Не испытываю к Польше столь сильного негативного чувства. Польша мне глубоко симпатична и прежде всего симпатичны мне люди с которыми я здесь встречаюсь, к нам относятся доброжелательно. «Первая миссия посла – защищать интересы и позиции своей страны и граждан, стремиться к улучшению отношений со страной пребывания на основе взаимного уважения, понимания и учёта интересов».

С. В. Андреев, завершив выступление, предложил участникам конференции высказывать свои мнения и задавать вопросы, связанные с темой его выступления. В результате завязался интересный диалог между послом и участниками конференции, среди которых были участники польских общественных организаций и российских обществ. В том числе я, как член «Российского общества», получила возможность подтвердить на примере слова С. В. Андреева «Никто не собирается оправдывать преступления сталинского режима, в том числе и Катынь.»

Я рассказала, как мы с мужем, уроженцы города Харькова, не раз посещали Мемориал – место, которое называют кладбищем польских офицеров, хотя похоронены здесь не только офицеры и не только поляки. Сюда, в шестой квартал Лесопарка, свозили тела расстрелянных НКВД граждан СССР, ещё с 1937 года. В 2010 году, будучи с визитом в Харькове, Президент Польши Бронислав Комаровский посетил Мемориал. И, конечно, вспомнила о том, что ранило сердца наших соотечественников: о барбажинском акте уничтожения памятников Советским воинам, погибшим при освобождении Польши от фашистских захватчиков: «Христиане так не поступают!» В заключении передала Послу стихотворение Владислава Черпакова «Памятник Ивану – освободителю Польши».

Президент ассоциации сотрудничества «Польша-Россия» Иозеф Смолинский подчеркнул в своём выступлении упадок экономического и культурного обмена между Россией и Польшей: «Заблокированы были выступления и культурные мероприятия, отменён был год 2015 Культуры России в Польше и Польши в России; введены экономические санкции; ликвидировались памятники российским солдатам. В сентябре 2015 года в городе Пененжно был совершён позорный акт – снос памятника генералу Красной Армии Ивану Черняховскому». Мы призываем к консолидации и диалогу все конструктивные силы. Необходимо всячески сохранять и распространять память о Великой Победе! «Мы обязаны вместе бороться с существующими угрозами, силой нашего единства, общим стремлением к тому, чтобы ужасы прошедшей войны больше никогда не повторились» В конце выступления Иозеф Смолинский выразил надежду, что сотрудничество между нашими организациями будут продолжать развиваться.

Иозеф Брыль представил широкий объём сотрудничества между нашими обществами. Он подчеркнул, что, невзирая на сложную атмосферу между Польшей и Россией после событий на Украине, мы всячески поддерживаем политику Российской Федерации в Польше и показываем с другой стороны, чем это показывают другие политики и средства массовой информации. И самое важное, что помним и напоминаем, кто освободил польские земли от немецко-фашистских захватчиков».

В этой связи хочу процитировать фрагмент письма-обращения Польского национального общества от 2 октября 2015 года к Президенту Республики Польши Анджею Дуде:

Снос памятников советским солдатам полностью противоречит польскому и международному праву, а также справедливости, которая велит уважать и почитать миллионы солдат, сражавшихся во Второй мировой войне с нацистской Германией, и прежде всего более 600 тысяч советских и несколько десятков тысяч польских воинов, погибших при освобождении Польши от чудовищной немецкой оккупации.

Во имя почтения и уважения к ратному труду и пролитой солдатской крови мы требуем сохранить в Польше могилы и памятники советским солдатам, а также названия объектов и улиц, им посвященных. Мы требуем восстановить разрушенные памятники советским солдатам и прежде

всего восстановить памятник генералу Ивану Черняховскому в Пененжно. Мы требуем большего проявления в общественной жизни почёта и уважения к Войску Польскому, внесшему значительный вклад в Великую Победу 1945 года, одержанную главным образом Советской Армией, благодаря чему Польша существует.

Во имя любви к Польше, во имя дружбы Польши и России – мы призываем всех, в том числе и Вас, Господин Президент, выступить против сноса памятников советским солдатам и разрушения могил, выступить против антироссийской политики власти в нашей стране, выступить против присутствия в Польше враждебных нам войск НАТО!

Председатель Болеслав Тейковский

17 января 2016 года в порядке празднования 71-й годовщины освобождения Варшавы, участники церемонии возложили венки к могиле Неизвестного солдата в Варшаве на кладбище и мавзолее советским воинам. Организатором мероприятия были Ассоциация традиции народной армии им. Генерала Зигмунда Беринга. В церемонии приняли участие представители дипломатических миссий, жители Варшавы и молодёжи. На кладбище похоронены 21.468 солдат, погибших в боях в 1944-45 годах.

18 января 2016 года в РЦНК состоялся праздничный вечер, посвящённый 71-й годовщине освобождения Варшавы от немецко-фашистских оккупантов, который был совместно организован с ассоциацией «Польша-Восход». Среди гостей мероприятия были польские ветераны, жители Варшавы, члены ассоциации сотрудничества «Польша-Россия», организации русских, живущих в Польше.

С вступительной речью выступили: посол Р.Ф. в Польше Сергей Вадимович Андреев; Президент ассоциации «Польша-Восток» Иозеф Брыль.

Церемония включала выступление хора из Калининграда.

18 марта 2016 года в центре Варшавы состоялась уличная фотовыставка «Посвящение Крымской весне» сообщает «Российская газета». Мероприятие приурочено ко второй годовщине присоединения полуострова к России. Акция прошла у станции метро «Центрум». В ней участвовали польские политические и общественные деятели: лидер партии «Смена» Матеуш Пискорски, председатель Партии регионов Польши Болеслав Борисюк, генеральный директор организации «Реституция Кресов» Томаш Янковски, член правления Военно-исторического общества Польши Мацей Поремба.

«Для моих соотечественников это возможность представить, что тогда происходило в Крыму и как этому воссоединению радовались люди», – прокомментировал содержание выставки Матеуш Пискорски. Политик возглавлял делегацию международных наблюдателей на крымском референдуме 2014 года. Пискорски высказал мнение, что присоединение Крыма – «это исторический выбор народа».

«Я лично видел энтузиазм крымчан», – подчеркнул он. В ходе мероприятия политические и общественные деятели рассказывали о своих впечатлениях после посещения полуострова в 2015 году и угощали зрителей крымским чаем.

Через два месяца Пискорски был задержан польским Агентством внутренней безопасности (ABW) в среду, 18 мая в день его рождения. Прокуратура заявила, что лидер «Смены» подозревается в шпионаже в пользу третьего государства. Хотя на самом деле расплачивается за независимые политические взгляды и симпатии к России.

Уголовное преследование Пискорского более всего напоминает политическое преследование за инакомыслие. А это значит, что в Третьей Речи Посполитой начался первый в её истории политический процесс.

Многие ожидали, что арестованного действительно выпустят через три месяца, но политик продолжает томиться в тюрьме и по сей день. По рассказам близких ему людей, своё заключение он переносит достойно и даже отчасти воспринимает его как должное – мол, сильным и самостоятельным политикам, желающих возглавить нацию, нередко приходилось переносить подобные испытания. Секретарь Русского культурно-просветительного общества в Польше Андрей Романчук на вопрос о дальнейшей судьбе Пискорского развёл руками: «Официального заключения по Матеушу до сих пор нет, он всё ещё под следствием. И это самое ужасное – неопределенность». Однако А. Романчук подтверждает мнение Пискорского о том, что в основной массе польского общества нет стремления к затяжной холодной войне с Россией.

Во всех славянских странах существуют десятки культурных и общественных организаций, которые ставят своей целью защиту и развитие Славянского Мира. «Образ славянского будущего – это, прежде всего, общность суверенных народов, создающих в мирном сотрудничестве цивилизованные ценности, как материальные, так и духовные.» Барбара Кригер – философ, культуролог и член общества Польско – Российской Дружбы. Во время составления нынешней статьи Б. Кригер прислала мне материал «Может ли славянская цивилизация быть универсальной». Доклад был представлен в Москве на Юбилейном Всеславянском съезде «Возрождая 150-летнюю традицию», проходившего в Москве и Санкт-Петербурге с 26 мая по 3 июня 2017 года.

Но мы и члены «Российского общества» не можем поддаваться пессимистическим настроениям. Тем более, когда наши польские друзья бескорыстно ангажируются в дела связанные с восстановлением памятников советским солдатам.

Общество КУРСК занимается волонтерской деятельностью на военных кладбищах в Польше. Возглавляет общество Ежи ТЫЦ. С ним нас познакомил наш старый польский друг Мачик Поремба – военный историк в День победы 9 мая на кладбище советским воинам в Варшаве. По окончании церемонии возложения венков перед обелиском мы продолжили беседу. Отвечая на мой вопрос, Ежи сказал: « В сфере нашей деятельности находятся ремонты и восстановление памятников. Кроме этого, сотрудничая с Польским Красным Крестом, разыскиваем места последнего захоронения солдат, погибших на территории Польши во время военных действий. Решительно реагируем на все акты вандализма, сообщая соответствующим службам и государственным органам. Активно противодействуем извращению истории, защищая доброе имя солдат, погибших во время освобождения Польши от гитлеровской оккупации.

В день Памяти в России 22 июля 2017 г. наш польский друг Ежи Тыц пригласил на открытие памятника Советским воинам после ремонта в селе Миколин Опольского воеводства.

Историческая справка: это бывшие территории Германии, так называемые Возвращённые земли. Согласно решениям Потсдамской и Ялтинской конференций (июль-август 1945), за которой последовал Советско-польский договор 1945 (16 августа) к независимой Польше были присоединены восточные области Германии: Западная Пруссия (часть), Силезия (часть), Восточная Померания, бывший Вольный город Данциг, а также округ Щецина к западу от реки. Факт переноса границы и «взыскания» земель в качестве послевоенной репатриации имел очень важные социально-экономические последствия для Польши и польского народа. Их влияние на польско-германские отношения было и остаётся неоднозначным, так как передача земель сопровождалась массовым бегством или депортацией этнических немцев в Германию. Термин «Возвращённые земли», по замыслу его авторов, должен был отражать славянское и, в частности, польское историческое прошлое этих регионов, подвергшихся долгой, в том числе насильственной, германизации в Средние века и Новое время. Польша фактически смогла вернуться в свои границы X начала XI веков, времён Пястовской династии.

Утром 22 июня 2017 года мы с мужем на специально заказанном автобусе для участников торжества, выехали в Микалин. Пассажирами были: члены общества «Профессиональных солдат в состоянии покоя и резерва», члены общества «Смена» и гости из России. Нужно было проехать более 300 км. – четырёхчасовой путь от Варшавы до Миколина. В автобусе познакомились с людьми, деятельность которых направлена на содействие в укреплении союза между Польшей и Россией. Томаш Коваль – председатель общества «Профессиональных солдат в состоянии покоя и резервы» организовал в салоне автобуса «открытый микрофон» для желающих рассказать о себе и о своей общественной деятельности. Владислав прочитал свою поэму «Беженцы». Общаясь с единомышленниками, не заметили, как переехали мост через Одру и перед нами предстал Мемориал – цель нашего путешествия. Мы прошли через ворота с часовыми в военной форме, которые нам указали направление к месту, где под навесами на установленных столах стояли самовары и различные угощения, а местные жители Миколина сердечно приглашали прибывших гостей. Мы были приятно удивлены таким сердечным приёмом. Обстановка была торжественной – играла музыка военных лет.

Ежи Тыц на торжественном открытии памятника погибшим советским воинам сказал по-русски: «Поздравляю всех жителей Миколина и Пани Саутист Иоланту Заглобу, без которых не удалось бы восстановить памятник. Поздравляю гостей заграничных: из Москвы, Питера, Минска, Кали-

нинграда, а также Военного Атташе дипломатического корпуса России». В заключение Ежи Тыц сказал: «Благодаря таким людям, фашизм не пройдёт!»

Тот же памятник почти два года назад – если сказать, что это были руины, лишь немного преувеличишь. Памятник в Миколине стал 26-м монументом, который восстановлен силами активистов польского общества «Курск». Ещё четыре года назад его главу в Польше называли агентом влияния, работающим по приказу Кремля. Наличие «приказа» Ежи, впрочем, не отрицает. «Только Москва здесь ни при чём, работаю по приказу моей мамы. Представляете, мою маму в 1945 году зимой спасли ваши солдаты. Она была девушкой, 13 лет ей было. Всех детей этой деревни ваши солдаты убрали в тыл, потому что там через два-три часа было сильное сражение между советскими и немецкими войсками».

Памятник в Миколине один из первых, если не первый памятник советским воинам в Польше. Открыт спустя лишь несколько месяцев после Победы в память о красноармейцах 1-го Украинского фронта, погибших во время форсирования Одера в феврале 1945 года. На торжественное открытие после ремонта приехали те, кто помнит войну. Один из них, Ян Стахов, в 1942 году двенадцатилетний мальчишка, два года был с партизанами Ковпака, затем 30 лет прослужил в Польской армии. «Нам сказали, что есть такое торжество. Я говорю: «Я посмотрю, как это». Чудно!» – говорит Ян Стахов.

Слова благодарности прозвучали также от представителей организаций Москвы, Питера, Минска. Выступил представитель молодёжной организации парламентарной в Калининграде, подчёркивая, что их организация тесно сотрудничает с «Курск».

Представитель немецкого национального меньшинства поблагодарил от имени проживающих на польской земле, и убедил, что сделают всё, чтобы это место содержать в порядке, потому что это место отражает всю нашу историю.

В заключение был совершён обряд освящения памятника. Совершил чин освящения батюшка Евстафий из Денжина.

Затем наступила церемония награждения памятной медалью «70 лет Великой Победы». Медали были вручены: Иоланте Заглобе, Тадеушу Сарна, Петру Константюк, Яцку Лойка, Владимиру Дойко.

Под музыку «Вставай страна огромная» к памятнику были возложены венки.

На обратном пути нам сообщили информацию – «Польский парламент 22 июня принял закон, позволяющий снести все памятники советским воинам».

Из Варшавы пришла новость, которая на фоне памятных мероприятий 22 июня выглядит особым цинизмом. Именно 22 июня, в День скорби, парламент страны принял закон, позволяющий снести все памятники советским воинам. Демонтировать их собрались в рамках декоммунизации, чтобы, как сказано, избавиться от символов тоталитарных режимов. Эксперты подсчитали, что в Польше почти 500 памятников советской эпохи и половина из них – монументы красноармейцам. Тем, кто проливал кровь как раз за освобождение Польши от фашизма.

Совместные встречи, игры по интересам – это уже народная дипломатия. Мы должны опираться на позитивные инстинкты человека, которые скорее выбирают мир и коммуникацию, чем войны и разногласия. И только политики хотят нас поссорить и сеют вражду. Нормальные люди хотят жить в мире. Мы с мужем поддались желанию более активно участвовать в общественной жизни соотечественников. Так зародилась идея привлечь любителей русской культуры и литературы к созданию общества. Наш клуб стал называться «Литературный островок», где мы собирались каждый месяц на тематические литературные вечера, проводя беседы за круглым столом и турниры Что? Где? Когда? А наша команда, за участие в международном турнире по интеллектуальной игре «Что? Где? Когда?» на Кубок Российского центра науки и культуры в Варшаве, была награждена дипломом.

Нам приятно читать отзывы наших польских приятелей: Уважаемые Приятели!

Я ищу в памяти и не нахожу одинаково магического события, как вчера.

Повеяло мне Бесами Достоевского. Мой приятель Тадеуш также был в восторге.

Может русский был моментами на слишком высоком уровне для нас, но сама атмосфера интеллектуальных дебатов... хватило, чтобы понять их содержание.

Большое спасибо и приветствую, Рафаил

Приятно отметить активное участие в клубе «Литературный островок» нашу молодёжь: Кароля Потенюк и Яну Павловскую, обладающих общей эрудицией и знаниями русской литературы и поэзии.

«На дальнейшее укрепление работы с соотечественниками направлена соответствующая программа на 2015–2017 годы. Одним из её важных мероприятий стал проект «Здравствуй, Россия!». В его рамках проводят образовательные поездки по историческим местам России для победителей конкурсов по истории и культуре нашей страны. В текущем году такой возможностью воспользовались уже порядка тысячи человек из 47 стран мира», – сказал В.ПУТИН на Всемирном конгрессе соотечественников в Москве 5-6 ноября 2015 года.

В рамках этой программы 12-18 октября 2016 года была организована образовательная поездка «Здравствуй Россия», в которой приняли участие 4 школьника из Польши – победители Олимпиады по русскому языку и истории для детей соотечественников, а среди них Кароль Патенюк.

«Молодёжь 32 стран и 4-х континентов собралась в Москве, чтобы познакомиться с культурой и историей России, наяву увидеть всё своими глазами, а также подружиться с ребятами из других стран, узнать о жизни русскоговорящей молодёжи.

Кароль рассказал о своей поездке на 8-й Общий Съезд «Российского общества», проходивший 5 декабря 2015 года в РЦНК: «Хочу высказать свою благодарность Российскому Центру Науки и Культуры за предоставленную мне возможность посмотреть прекрасный город, столицу России – Москву, а также познакомиться с молодёжью из других стран. Огромное впечатление произвели на меня величественный ансамбль Кремля, богатство Третьяковской галереи, сказочная красота Коломенского... Экскурсия в музей киностудии «Мосфильм» напомнила мне добрые, старые фильмы, которые хранит моя семья. Это была не только поездка с осмотром достопримечательностей; я встретил там настоящих друзей. Как поётся в песне – «Друга я никогда не забуду, если с ним подружился в Москве!» Ещё раз огромное спасибо всем, кто сделал это чудо!»

«Российское общество» организует разные культурные мероприятия. Вместе с польскими общественными организациями и Российским Центром, мы завершили многочисленные проекты по продвижению русской культуры и традиций в Польше.

Стало традицией ежегодное проведение праздника «Масленица»

25 февраля 2017 года общество российских соотечественников «Российская община» в Польше при поддержке Российского центра науки и культуры в Варшаве отпраздновали Масленицу. Мероприятие прошло в живописном пригороде Варшавы на «Ранчо Бэма», оточенное лесом. Празднование началось на лоне природы. Членам общины и её председателю Лидии Ходницкой удалось продемонстрировать польским гостям красоту русского народного праздника, олицетворяющего радость народа с приходом весны и прощаясь с зимой. Наши соотечественники в русских народных костюмах встретили гостей традиционным угощением блинами, символизирующими солнце и приход весны под музыкальное сопровождение группы «AS» – белорусский фольклорный коллектив из Белостока. В программе группы были русские, белорусские, украинские и польские песни. И закончился ярким хороводом праздник Масленицы с танцами и забавными конкурсами. Затем хоровод переместился на полянку, где произошло символическое сожжение чучела зимы. Продолжение праздника с угощением состоялось в банкетном зале «Ранчо Бэма». Певец Леонид Володько подготовил для гостей прекрасный, разнообразный репертуар песен: русских, польских, латвийских, французских, которые распалили жар гостей до танца.

На мероприятии присутствовали главы администрации города Станиславов, заместитель директора РЦНК – Андрей Сергеевич Потёмкин и гости из Посольства РФ в Польше.

Основой единства народной дипломатии являются общечеловеческие интересы.

Диалог культур позволяет преодолеть возникающие сложности в отношениях между Польшей и Россией. Культура помогает лучше понимать друг друга и строить отношения на иной основе – основе признания.

Русский мир без границ

Берега Вильнюса

Владимир Кольцов–Навроцкий

Литовский акцент «серебристов»

Расцвет поэзии серебряного века, обогатившего мировую литературную сокровищницу новыми художественными приёмами стихосложения, в России пришёлся на предреволюционный период, что даёт право отметить в этом году своеобразный юбилей. Отрадно, что сто лет назад заметный вклад в «копилку поэтики» внесли и россияне, пишущие с легким «литовским акцентом».

«Мы – туманные ступени к светлым высям божьих гор» – начал отсчет «нового века» один из виднейших представителей символизма в России, литовский поэт Юргис Балтрушайтис (Jurgis Baltrusaitis) (1873-1944), издававший стихи на русском и литовском языках:

Всё тот же холм... Всё тот же замок с башней...
Кругом всё тот же узкий кругозор...
Изгиб тропы мучительно-всегдашней...
Пустынный сон бестрепетных озер...

Основоположник этого литературного течения русский поэт Валерий Брюсов (1874-1924) так характеризует собрата по перу: «Балтрушайтис ничего в жизни и ничего в мире не принимает просто, как явление, но во всём хочет видеть иносказание, символ...» Хочется отметить, что в русской поэзии этот литовский поэт стал родоначальником мотивов «католического мистицизма» и мэтру символизма посвятил «Сонет» призывая:

Восстаньте, спящие у Божьего порога,
И, воздевая руки к звёздным небесам,
Войдите, поздние, во храм!

Через десять лет Балтрушайтис преуспеет на несколько ином поприще, за что будет фигурировать в фельетонах Аркадия Бухова, после революции 1917 года «страна, которая всех дольше знает зиму и гулкую тюрьму сцепляющего льда...», объявила «красный террор» инакомыслию и поэт, ставший чрезвычайным и полномочным послом Литовской Республики в Советской России, помог многим россиянам с выездом за границу, фактически спасая им жизнь.

На свете, правда, много зол,
Но существует Балтрушайтис,
Поэт литовский и посол...

Помог посол-лирик покинуть страну «для изучения революционного творчества народных масс» и Константину Бальмонту (1867-1942), этих поэтов связывала многолетняя дружба которую они пронесли через всю жизнь. У Бальмонта есть стихотворение «Ветер», посвященное другу из Литвы:

Ширит вихрь, свирель живая,
Звон вблизи и звон вдали, –
Воет, веет, раздувая
Искру светлую в пыли.

Этого русского поэта тоже многое связывало с Литвой, так как по отцу его генеалогия происходила от древнего литовского дворянского рода Бальмонт и он изучал язык предков и историю края, переводил народные песни и стихи литовских авторов, делая их достоянием более широкой аудитории.

За то, что русскую супругу
Любил и холил Гедимин,
За то, что мощь свою и слово
Он в ту же сторону стремил...

1928 г.

Впоследствии Бальмонт неоднократно посещал Литву, издав во Франции сборник с лаконичным названием «Северное сияние. Стихи о Литве и Руси» (1931).

Есть в каждом поле грань и в каждой яме дно.
Навеки втянут в тень убитого Кейстута,
Ягайла в западни укрыл Витовту путь,
Но зоркий рулевой, ладью направив круто,
Проплыл бестрепетно лихую водокруть.
Германцы жизнь Литвы ломали, рвали, гнули,
Но, вихри закрутив, Витовт их перевозмог,
Грюнвальд, зелёный лес, хранит в протяжном гуле
Победный клич Литвы, литовский гудкий рог.

В современной Литве с благодарностью помнят о популяризации литовской культуры в Российской империи, а также об активной поддержке Бальмонтом в литературных дискуссиях статус Вильны межвоенного периода.

Да расширится дом ваш и сад!
Я пришёл из степного разгула
К вам, в янтарную вашу державу,
Чтоб сказать, что с Литвою я – брат!

В декабре 1942 года супруги Балтрушайтисы были среди немногих близких, кто провожал его в последний путь в пригороде Парижа, оказали они и помощь по возведению монумента на могиле, где на французском написано: «Constantin Balmont. Poete russe». Через 50 лет по инициативе фонда имени Юргиса Балтрушайтиса и потомков литовского поэта в Вильнюсе поставлен памятник с выбитым на граните на литовском: «Poetui Konstantinui Balmontui atminti». К сожалению, автору, сумевшему одной строкой передать тоску по родине – «есть в русской природе усталая нежность...», в России пока не установлено даже мемориальной доски.

Поэтесса Вера Гедройц (1876-1932) удостоилась этой чести, но только памятная доска установлена ей как «первой в России женщине – профессору хирургии и доктору медицины...». Её родословная так же происходит из древнейшего литовского княжеского рода, фамильное имя Гедройцы находилось возле древней литовской столицы Кернаве и отраднo, что её именем названа не только больница на Брянщине в городке Фокино где она работала главврачом до перевода в госпиталь Царского Села, но и в Вильнюсе есть улица Гедрайчė.

В Царскосельском госпитале княжна Вера стала наставницей императрицы Александры Федоровны и её дочерей Ольги и Татьяны по обучению их навыкам сестёр милосердия для оказания помощи раненым в ходе Первой мировой войны.

Мельканье фонарей неясных,
Борьба любви и духов тьмы,
Где трёх сестёр, сестёр прекрасных
Всегда привыкли видеть мы.

Впоследствии княжна стала домашним лекарем семьи императора, несмотря на вызывающую внешность и подчеркнuto своеобразную манеру поведения, что в начале XX века было вызовом обществу. «Большая, немного грузная, она одевалась по-мужски. Носила пиджак и галстук, мужские шляпы, шубу с бобровым воротником. Стриглась коротко. Для её роста руки и ноги у неё были малы, но удивительно красивы. Черты лица – суховатые и слишком тонкие для грузной фигуры – при улыбке молодели...» – из воспоминаний И. Д. Авдиевой «Лица. Биографический альманах» 1. М.; СПб., 1992.

Свои стихи и рассказы хирург-лирик начала публиковать под псевдонимом Сергей Гедройц, печатаясь в журналах «Светлый путь», «Новый журнал для всех», «Вестник теософии», «Северные записки». По признанию современников, на литературном поприще её успехи оказались немного скромнее достижений в медицине, но в «Цех поэтов», возглавляемый Николаем Гумилёвым (1886-1921) её приняли. Основателю акмеизма она посвятила строки:

На Малой улице зелёный, старый дом
С крыльцом простым и мезонином,
Где ты творил и где мечтал о том,
Чтоб крест зажётся над Иерусалимом.

«Задабривающие» стихи поэтесса адресовала и суженной Гумилёва – Анне Ахматовой (1889-1966):

За него молись, мольбой горячею
И проси пощады у Того,
Кто тебя страданьем сделал зрячею.
Ты не наша – ты Его.

Как известно, Рождество 1914 года супруги Гумилёвы встретили в прифронтовой Вильне. Анна приехала проводить мужа на передовые позиции, и по совету кого-то из литовских друзей они остановились в маленькой гостинице, из окна которой были видны старые городские «Острые ворота» с иконой «Мадонны», взирающей на город задумчивым взглядом. Предчувствие надвигающейся катастрофы и предстоящее расставание были настолько горестными, что никем из них, к сожалению, не опозитизированы. Поэтесса лишь вздохнула:

Теперь никто не станет слушать песен,
предсказанные наступили дни.
Моя последняя,
мир больше не чудесен...

Николай Гумилёв о боевых действиях оставил «Записки кавалериста», в которых упоминается наш край: «В доме пастора я нашёл лишь служанку – литвинку, говорящую по-польски, она объяснила мне, что хозяйева бежали час тому назад, оставив на плите готовый завтрак, и очень уговаривала меня принять участие в его уничтожении...».

Учёный с мировым именем, знавший шестьдесят два языка и посвятивший себя ассириологии – науке, изучающей древние цивилизации Шумера, Вавилонии и Ассирии, Владимир Шилейко (1891-1930) как поэт дебютировал в 1914 году на страницах ежемесячника акмеистов «Гиперборея». Также печатался в журнале «Аполлон», выступал на вечерах поэзии в арт-кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». Анна Ахматова посвятила ему стихотворение «Косноязычно славивший меня, ещё топтался на краю эстрады...». Поэт-учёный ответил ей циклом: «О, муза плача», в который вошли стихотворения «Юродивая», «Ты поднимаешься опять...», «Уста Любви истомлены...», отмечающие начало истории их дружбы и нежной любви, затем брака, развода и вновь многолетней дружбы.

И мнится мне – что, однодумный,
в подстерегающую тень
я унесу июльский день
и память женщины безумной

1916 г.

Как вспоминает современный литовский поэт Томас Венцлова (р. 1937): «Наше знакомство и началось с того, что Анна Андреевна сказала: «Вы второй литовец в моей жизни. Первым литовцем был Владимир Казимирович Шилейко, фамилия его происходит от слова «шилас», что означает «бор». Ахматова с гордостью говорила о его высокой репутации востоковеда, но тут же сказала и то, что она повторяла многим и что, по-моему, зафиксировано мемуаристами: «Как муж он был катастрофой в любом смысле». К сожалению, по мнению литературоведов, оригинальных стихов у Владимира Казимировича сохранилось немного, но он оставил заметный след в истории русской поэзии начала XX века как тонкий лирик, авторитет которого благотворно сказался на деятельности «Цеха поэтов» и «Общества ревнителей художественного слова».

В ожесточённые години
Последним звуком высоты,
Короткой песнью лебединой,
Одной звездой осталась ты;
Над ядом гибельного кубка,
Созвучна горестной судьбе,
Осталась ты, моя голубка, –
Да он, грустящий по тебе.

Литовское происхождение, со времён Великого княжества Литовского, отслеживается у декламировавшего в «Бродячей собаке» свои стихи с украинским акцентом Владимира Нарбута (1888–1938). Поэт-новатор знакомит читателя с провинциальной окраиной, где «степная Русь – ковыль да таборы» – напевы, которые со времён «кобзаря» в русской лирике ещё не звучали:

Ой, левады песнопенныя
украинския земли!
Что мне Рим? И что мне Генуя?
И в Версале короли?

Окончив с золотой медалью уездную Глуховскую гимназию, Нарбут приезжает в Петербург и в первый же вечер арестовывается «за оскорбление городского при исполнении служебных обязанностей», когда тот пытался помешать залезть на коня на Аничковом мосту. Обучаясь в университете, вольнодумный студент сменил три факультета и издаст книгу стихов пейзажной лирики, на которую обратили внимание Брюсов и Гумилёв. В 1912 году подготавливает вторую – «Аллилуйя», но её цензура изъяла за «богохульство и порнографию», и поэт вынужден был бросить учебу и уехать с этнографической экспедицией по Абиссинии. В Россию он смог вернуться только после амнистии по случаю 300-летия дома Романовых.

Но мне – прости меня, я болен,
я богохульствую, я лгу –
твоя раздробленная голень
на каждом чудится шагу.

«После грозы», 1913 г.

В одном из стихотворений поэт обращается к Ахматовой:

Зачем ты говоришь раной,
алеющей так тревожно?
Искусственные румяна
и локон неосторожный.

Поэтесса ответит ему посвящением «Про стихи», включенным в цикл «Тайны ремесла» (1936–1960):

Это – выжимки бессонниц,
Это – свеч кривых нагар,
Это – сотен белых звонниц
Первый утренний удар...

После Февральской революции Владимир Нарбут примкнул к большевикам и занимал ряд ответственных постов в Наркомпросе и отделах печати ЦК РКП(б), что и погубило его. «За сокрытие обстоятельств, связанных с пребыванием в плену у белых в 1919 г.» он был исключён из партии и осужден по делу «украинских националистов». В 1938 году жизнь одного из самых заметных поэтов «галлюцинирующего реализма» трагически оборвалась в колымском лагере, в день, когда ему исполнилось пятьдесят лет и его имя на долгое время попало под запрет.

Синий купол в бледных звёздах,
Крест червонной поздней ржи.
Летом звонким режут воздух
Острокрылые стрижи.

Уходящий Серебряный век запечатлели в своих воспоминаниях многие авторы, одним из первых это сделал в «Петербургских зимах» Георгий Иванов (1894-1958). Отвечая на анкету американского издательства, выпустившего эту книгу, он напишет: «Родился 29 октября 1894 г. в имении Пуки Росиенского уезда Ковенской губернии», супруга поэта Ирина Одоевцева в своих воспоминаниях «На берегах Невы» добавит : «...в семье гвардейского офицера Владимира Иванова и его жены Веры, урождённой баронессы Бир-Брау-Брауэр ван Бренштейн». Позже родители Иванова переехали в имение Студенки, расположенное вблизи польской границы, – немецкий домик с французским парком, комнаты которого украшали картины с английскими пейзажами и сценами охоты в Шотландии – «пожелтевшие гравюры, рамок круглые углы». Отчий край узнаётся в строчках:

Месяц стал над белым костёлом,
Старый сад шепнул мне: «Усни»...
Звёзды вечера перед Божьим престолом
Засветили тихие огни.

1910 г.

Поступив в петербургский военный корпус, начинающий поэт напишет: «Была у меня и пачка писем Блока – из его Шахматова в наше виленское имение, где я проводил каникулы». Литовские пейзажи из «картинок юности» можно найти в раннем творчестве, и связь поэта с нашим краем не прекращалась вплоть до Первой мировой войны:

Настали солнечные святки,
И, снег полозьями деля,
Опять несут меня лошадки
В родные дальние края.

«Святочная поездка», 1916 г.

В 17 лет Иванов издал первую поэтическую книгу «Отплытие на о. Цитеру», названную по одноименной картине Антуана Ватто (1684-1721). В 1916 году вышла вторая книга «Вереск», в которой преобладают стихотворения с созерцательным описанием картин и гравюр, но нашлось там место и ландшафтам, среди которых родился, провёл детство и юность этот русский поэт:

Растрёпанные грозами – тяжёлые дубы,
И ветра беспокойного – осенние мольбы,
Над Неманом клокочущим – обрыва
И дымная и плоская – октябрьская луна.

«Вереск», 1914–1915 г.г.

Участие Иванова в акмеистском «Цехе поэтов» и работа во французской секции издательства «Всемирная литература», возглавляемой Гумилёвым, помогло поэту выжить холодной зимой 1919 года в голодающем Петрограде, когда только зарегистрированные литераторы имели право на паёк от «Дома искусств» – пшённую кашу с селёдкой. В 1922 году поэт добивается командировки в Германию для «составления репертуара государственных театров», понимая, что никогда не вернётся в Россию.

Я вижу со сцены – к партеру
Сиянье... Жизель... Облака...
Отплыть на остров Цитеру,
Где нас поджидала Че-Ка.

Грусть по утраченному миру заполняет его стихи новым смыслом:

Даже больше того. И совсем я не здесь,
Не на юге, а в северной царской столице.
Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится –
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.

Современники отмечали, что «без Георгия Иванова, его личного присутствия, его стихов, прозы и критики сама поэзия русского зарубежья была бы иной».

Стоят рождественские ёлочки,
Скрывая снежную тюрьму.
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.

Они ныряют над могилами,
С одной – стихи, с другой – жених...
...И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

Зарисовки жёсткой действительности всего несколькими строками, вывели нашего незаслуженно забытого земляка, прошедшего долгий путь от парадов под «конногвардейскими знаменами» до французской богадельни, в ряды лучших поэтов «беженства».

Я люблю безнадежный покой,
В октябре – хризантемы в цвету,
Огоньки за туманной рекой,
Догоревшей зари нищету...

Тишину безымянных могил,
Все банальности «Песен без слов»,
То, что Анненский жадно любил,
То, чего не терпел Гумилёв.

После октябрьского переворота в России, среди первых «вынужденных переселенцев», осевших в Литве, был один из ярчайших представителей того далёкого серебряного века поэт-сатирик Саша Чёрный (1880-1932), ранее не один раз навещавший наш город и пытающийся разгадать «Виленский ребус»:

Но, дитя, всего смешнее,
Что в придачу к Гименею
Ты такому дуралею
Триста тысяч хочешь дать...
О, Рахиль, царица Вильны!
Мысль и логика бессильны, –
Этот дикий ребус стильный
И Спинозе не понять.

1910 г.

В поэтических кругах виленчан существует красивое предположение, что «царица Вильны», актриса немого кино – Рахиль Мессерер, мама Майи Плисецкой, родившаяся в нашем городе. Позднее город не раз будет фигурировать в произведениях Чёрного: «Кто по ночам теперь по Вильно рыщет?..», «Матвей Степаныч, адвокат, владелец хутора под Вильно...».

Первая книга стихов Саши Чёрного «Разные мотивы» (1906), содержащая наряду с лирикой политические юморески, была запрещена цензурой, и только в 1910 году поэт сумел издать сборник «Сатиры» с ироническим посвящением «всем нищим духом».

Благодарю Тебя, Создатель,
Что я в житейской кутерьме
Не депутат и не издатель,
И не сижу ещё в тюрьме.

«Молитва», 1908 г.

В 1914 году поэт призывается в армию и служит солдатом при лазарете.

О своих впечатлениях того времени написаны несколько стихотворений, объединенных в «Солдатские сказки».

Тишина. Поля глухие,
За оврагом скрип колес...
Эх, земля моя Россия,
Да хранит тебя Христос!

«На поправке», 1916 г.

В 1918 году, не дожидаясь последствий «октябрьского переворота», поэт покинул советскую Россию, переселившись в Литву. В этот период Чёрным была написана книга стихов для подростковой аудитории «Детский остров» и цикл «Русская Помпея». В сборнике «Жажда», в стихах, объединённых темой «На Литве», увековечивается край, предоставивший кров: «Уходит в даль грядой литовский лес...», «Шумит, поёт и плещет Вилия...», «За Вилией штыки на солнце блещут...».

Сегодня утром в тишине сырой
К ней постучалась путница чужая.
С большим мешком на худеньких плечах,
Косясь сквозь сад на алые амбары,
Она, сияя в утренних лучах,
Спросила: «Где дорога в Кошедары?»

«Докторша», 1922 г.

В Кошедарах, нынешний Кайшядорис, поэт проживал некоторое время, и в этот период впервые зазвучали эмигрантские нотки:

Очнись. Нет дома – ты один:
Чужая девочка сквозь тын
Смеётся, хлопая в ладони.
В возах – раскормленные кони,
Пылят коровы, мчатся овцы,
Проходят с песнями литовцы –
И месяц, строгий и чужой,
Встаёт над дальнею межой...

1922 г.

В «Аистах» поэт вставляет литовские словечки: «Дождь схлынул. Замолкли перуны...» В стихах «Подарок» и «Табак» вспоминается дружба с литовцами:

Я у ксендза-приятеля в июле был в гостях.
Средь белых стен, как стяг,
Из поясов настёганных ковер дышал в дверях.

* * *

Я поэт, а вы ксёндз литовский, –
Дай вам Бог и сил, и здоровья!
Налетает ветер чертовский
И доносит мычанье коровье

В 1920 году поэт переезжает в Берлин, где начинается новый эмигрантский период его творчества, в котором исчезает псевдоним Саша Чёрный, а появляется «А. Чёрный». Там выходит отдельной книгой его «Детский остров», где поднимается религиозная тема, ранее чуждая поэту:

В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лён его волос...

Сто лет назад, поэты-«серебристы», отвергнувшие существующую реальность и создавшие свой мир без правил, на переломе эпох и не предполагали, что вскоре «мир без правил» превратится в суровую действительность.

Слово имеет силу и не стоит забывать об этом в наши дни, ведь и они тоже в одночасье могут стать переломными...

Русский мир без границ

Минские берега

Тамара Коваленок–Корнелюк

Тамара Александровна Коваленок-Корнелюк родилась на Полесье. Окончила Гродненское музыкальное училище и МГПИ им. М. Горького. Работала в Белорусской Академии искусств, в Белорусском Государственном педагогическом университете имени Максима Танка. Член литературного объединения «Пламя». Награждена медалью Лауреата Всесоюзного конкурса.

Этюды Полесья

I

Светлана лежала в высокой траве на берегу реки Ясельды среди ромашек и смотрела вверх. Через солнечные очки голубое небо было синим, а проплывающие по нему белые облака – светло-голубыми сугробами. Они медленно и плавно превращались в важных слонов, которые, казалось, мирно общались между собой. Иногда, нарушая их идиллию, как маленькие серебряные птицы, пролетали самолёты, оставляя за собой дымчатую кисею. Светлана смотрела в небо и, ощущая себя частью этой гармонии, испытывала тихую радость.

Она была дома.

После окончания учебного года и завершающей его летней сессии, чувствовалась усталость. Хотелось побыть одной наедине с природой, поэтому она не стала вчера вечером сообщать подругам о своём приезде и сегодня, как только проснулась, сразу отправилась на встречу со своими любимыми местами. Деревня была достаточно большой и располагалась вдоль реки. Из-за этого называлась – Поречье. Светлана лежала в мягкой душистой траве, наслаждаясь наступившими каникулами. Тёплое солнце ласково грело, а лёгкий ветерок, играя травой, как будто, что-то нащёптывал. Девушка закрыла глаза и стала слушать. Ей вдруг вспомнилась одна из передач «Что? Где? Когда?». Однажды туда пришло письмо с вопросом от школьницы. Её маленькая сестрёнка как-то зимой, попросила родителей поехать на дачу. Когда у неё спросили, зачем же ехать туда зимой, ребёнок с удивлением ответил: «Там всегда лето!». Знатоки тогда не смогли дать правильный ответ. А ведь это так просто. Светлана родилась здесь и маленькой росла у бабушки с дедушкой, пошла в первый класс, но вскоре мама забрала её в город, и сюда она стала приезжать только на школьные каникулы. Отец был военным, поэтому их семье часто приходилось путешествовать за папой к его новому месту службы. В восьмом классе ей даже пришлось учиться в Мурманске. В результате этих перемен появилось много друзей. Но где бы Света не находилась, Поречье для неё оставалось маленьким сокровищем на Полесье, где всегда было только лето.

Вдруг шум на реке привлек её внимание. Света приподняла голову и сквозь траву посмотрела на воду. Там плавали небольшие утята, а по берегу бегал жёлтенький утёнок с черным пятнышком на боку, которого соседка тётя Оля хворостинкой пыталась направить в воду. Тут же вспомнилась известная детская песенка про ёжика «...с дырочкой в правом боку...». Не сдержав улыбки, девушка села, продолжая наблюдать за этим поединком. Было видно, что утёнок определённо игнорировал требование тёти Оли. Он громко пищал, бегал по берегу и, путаясь в траве, пытался взлететь. Когда же, наконец, тёте Оле всё-таки удалось поймать его и забросить в речку, утёнок с диким визгом, почти кролем, пронёсся по воде, выскочил на берег и, раскинув маленькие крылышки в разные стороны, побежал под куст.

– Ну, что ты с ним будешь делать? – раздосадовано произнесла женщина. – Одно слово – сирота.

- Здравствуйте, тётя Оля,– поднимаясь на ноги, произнесла Света.
- Здравствуй, Светочка. А я и не знала, что ты приехала. Твой дед уже все глаза проглядел. На прошлой неделе, почти каждый день автобус встречал.
- Да. Он мне говорил. Я вчера вечером приехала. А Вы, что тут с утятами воюете?
- Ой, детка, в этом году просто беда. Остались мы без утки, и пришлось инкубаторских купить. А они ещё пока такие бестолковые. Особенно вот этот герой. Представляешь, воды боится.
- Да Вы что?
- Серьёзно. Не первый день ведь на речке. Все плавают, чистенькие стали, из воды не выгнать, а этого – не загнать.
- Вот умора!
- Ну, не говори. Сидит в траве и всё.
- Света посмотрела на утёнка. Тот тихонько сидел под веткой куста и не шевелился, только время от времени испуганно моргал.
- Так не трогайте его. Подрастёт, глядишь, поумнеет и сам плавать начнет.
- Я тоже так думаю, но хочется ж поскорее искупать дурня такого. А ты на целое лето приехала, или попозже отправишься куда-нибудь отдохнуть?
- Посмотрю потом. Пока ничего не планировала. Во время сессии не до этого было. Да и каникулы я люблю здесь проводить. К тому же дедушка за год соскучился, надо бы с ним побыть подольше.
- Скрипку-то с собой взяла?
- Конечно. Как же я без неё.
- Ну, поиграешь как-нибудь. Послушаем, что ты за год нового выучила.
- Это обязательно. Мне столько на лето задали, что замучаю ещё всех своей игрой. Ну, ладно, тётя Оля. Воюйте тут. Пойду я. А то солнце начинает припекать, да и Катька обидится, что я приехала и до сих пор ещё не объявилась. А ты, – обратилась Света к утёнку, – давай умней быстрее, а то так и останешься грязнулей.
- Утёнок глянул на девушку, моргнул очередной раз и глубже забился в траву.

II

Сергей сидел в автобусе и смотрел в окно. Вот уже скоро год, как он после окончания Гродненского медицинского университета работал по распределению врачом в Поречской больнице, куда приехал целенаправленно сам. На Пинщине он родился. В большой семье был самым младшим и поздним ребёнком. Пока он рос, его два старших брата и сестра окончили школу, стали студентами, а создав свои семьи, разъехались по разным городам. Когда же Сергей поступил в медуниверситет и уехал учиться, мама осталась совершенно одна. Он уже давно решил для себя, что потом обязательно заберёт её к себе в свою семью, а пока, чтобы чаще у неё бывать, распределился ближе к дому. На эти выходные он ездил к ней. После очень снежной зимы в этом году и дружной весны, наконец, установилась сухая погода. Надо было отремонтировать крышу над крыльцом дома, а заодно поправить памятник дедушке. Тот умер из-за неизлечимой болезни, когда Сережа учился только во втором классе, но уже тогда, будучи ребёнком, мальчик дал себе слово обязательно в будущем получить профессию врача, чтобы спасать жизни людей, абсолютно ещё не понимая и не представляя насколько это не просто. Зато он точно знал, что врачом может быть только отличник, поэтому к учёбе стал относиться очень серьёзно.

Прошли годы. Обещание, данное в детстве, было исполнено. И сейчас, сидя в автобусе, Сергей незаметно для себя, окунувшись в эти воспоминания и, улыбаясь над собственными детскими стремлениями, смотрел в окно, за которым сменялись картинные пейзажи небольших озёр и берёзовых рощ, обрамлённых ромашковыми лугами с важно вышагивающими по ним аистами. «На Полесье летом их всегда много. Любят наши места эти грациозные птицы», – с гордостью подумал Сергей и тут же вспомнил случай прошлого лета, когда к нему в гости из Минска приезжал близкий друг Паша. Тогда Сергей встречал его с автобуса, и у магазина на столбе они увидели стоящего на одной ноге аиста. Пашка долго рассматривал птицу, а затем восхищённо сказал: «Ну, и умельцы же здесь творят! Как живой получился». Изумлению не было предела, когда аист,

вдруг, взял и сменил ногу... Они тогда долго смеялись и даже вспоминали этот случай зимой в разговоре по телефону. Этим летом в июне Паша заканчивает свою учёбу в Академии и обещал после вручения дипломов приехать на пару недель. Сергей ждал его с нетерпением. За год, прожитый здесь, он уже хорошо изучил окрестности, и ему очень хотелось показать другу наиболее полюбившиеся места, где можно было неплохо провести время. Одна река Ясельда только чего стоила. После рабочего дня он часто любил приходить на её берег и, сидя у воды, смотреть, как закат золотистой дорожкой переливается в её течении. Иногда они с младшим сыном тёти Нюры, у которой Сергей снимал комнату, катались на лодке. Петька, не глядя на юный возраст ученика пятого класса, был неплохим рыбаком и загорелся желанием научить этому искусству Сергея. Он настолько серьёзно подходил к данному вопросу, что порой даже покрикивал, если тот делал что-то не так. Сергей в свою очередь, подыгрывая ребенку, беспрекословно слушался его. Он с серьёзным видом старался правильно подобрать наживку, насадить её на крючок и забросить в воду, а потом, получая огромное удовольствие, наблюдал за ярко-красным поплавком, который маленьким корабликом всякий раз стремился уплыть по течению реки вслед за отражающимися в ней облаками...

Сергей оторвал взгляд от окна автобуса и раскрыл ноутбук. Вот уже несколько дней из его головы не выходили строчки. Он с детства по секрету от всех писал стихи и свои пробы пера, конечно, никому не показывал. А вот будучи студентом, как-то ко Дню медицинского работника, написал поздравительный буклет. Стихи, на удивление, всем понравились, и их опубликовали в студенческой газете. С тех пор будущий врач серьёзнее стал относиться к этому увлечению, со временем перестав скрывать своё хобби. Вот и сейчас, открыв ноутбук, он увлечённо набирал слова.

Дописав последнюю строчку, Сергей перечитал стихотворение и, подняв глаза, увидел, что скоро его остановка. Надо было готовиться к выходу, и он посмотрел на сидящего рядом соседа.

– Приехали, Сергей Сергеевич, – сразу отреагировал тот. – Вы так увлеклись, что могли проехать свою остановку, и тогда, чего доброго, мы лишились бы нашего доктора.

– Не волнуйтесь, Павел Адамович. Наши места я никогда не проеду, – приветливо ответил Сергей и стал собираться.

III

Павел Адамович не спеша ехал на велосипеде, всей грудью вдыхая бодрящий воздух раннего летнего утра, которое каждый день встречало его своей свежестью и прохладой. Лёгкий туман стелился от речки над лугом, где сквозь его дымку в высокой траве, покрытой ещё нетронутой солнцем росой, просматривались силуэты мирно пасущихся коней.

Подъехав к лесничеству, он, как всегда, оставил велосипед под окном конторы, а сам напрямую через луг, протоптанной тропинкой, направился к лошадям. Вскоре одна из них подняла голову, прислушалась и приветливо фыркнула. Вслед за ней так же подняли голову две другие. Павел Адамович подошёл к ним, ласково потрепал каждую по холке и расстроenoжил их. Почувствовав свободу, лошади сразу оживились.

– Ну, что, Ласточка? – обратился он к чёрной лошадке с белыми, похожими на надетые гольфики, ногами. – У меня хорошая новость. Приехала, наконец, наша любимица. Дождались мы её с тобой. Так что пошли готовиться к встрече. Ведь она не выдержит. Непременно сегодня к тебе придёт.

Ласточка, как будто в знак согласия тут же покивала головой.

– Ах, ты моя красавица, умница моя, – Павел Адамович погладил лошадь и, набросив на неё уздечку, повёл в сторону реки. Две другие послушно пошли следом...

Пока лошади пили воду, мужчина занялся установкой двух донок. Он хорошо знал, что именно под этими кустами с утра можно выловить крупного сазана, поэтому иногда, под настроение, любил посидеть тут пару часов с удочкой. Правда от того, что обычно торопился на работу, чаще приходилось ставить донки, но зато к обеду рыба, как правило, находилась на крючках. Сегодня был тот день, когда самому с удочкой посидеть не получалось, а домой хотелось вернуться с уловом. Увлёкшись маскировкой снастей, он не сразу увидел спускающегося к реке врача, а когда оглянулся, то тот уже стоял почти у воды с полотенцем через плечо.

– Доброе утро, Павел Адамович, – улыбнулся он.

– Доброе! Сергей Сергеевич.

– Вот, хочу освежиться перед рабочим днём. А Вы, я вижу, на рыбалку пришли?

Павел Адамович поднялся с колена, поправил ветки кустика и усмехнулся:

– А, что тут рыбалить. Сама наловится, пока я на работе буду. Внучку, наконец, из Минска дождался. Приехала на каникулы. Вот хочу рыбкой побаловать. В городе то в основном, она в магазинах морская и вся перемороженная, а в речной, да в свежей, совсем ведь вкус другой.

– А внучка у Вас взрослая, или ещё маленькая школьница?

– Для меня всегда маленькая. Но вообще-то уже студентка четвёртого курса. В Академии музыки учится. На скрипке играет.

– Вот как!? Ну, теперь Вам веселее будет. А я хотел здесь искупаться, но, наверное, не стоит, раз Вы снасти настроили.

Павел Адамович не спеша подошёл к стоящим у воды лошадям:

– Купайтесь, Сергей Сергеевич. Я донки только что поставил, Вы же все равно сюда пришли ненадолго.

После этих слов, он потянул Ласточку за уздечку, вывел её на берег и направил в сторону лесничества. Две другие лошади так же послушно последовали рядом.

– Ну, тогда хорошего Вам дня.

– И Вам всех больных вылечить.

Сергей посмотрел вслед пожилому человеку: «Какой же все-таки замечательный этот Павел Адамович. Не зря к нему здесь все относятся с большим уважением. А вот, что касается его внучки – это интересно...»

После утренней встречи и беседы на реке Сергей целый день находился в приподнятом настроении. Мысли о внучке не покидали его. Он не мог найти этому объяснение, поскольку не только никогда не видел её, но до сегодняшнего дня даже не предполагал о её существовании. Когда же в конце рабочего дня Сергей поймал себя на том, что уже пытается представить её образ, ему стало не по себе. Посидев немного в своём кабинете и подумав, он пришёл к выводу, что эту внучку надо срочно увидеть, тогда тема закроется сама собой. Вопрос заключался только в том, как это сделать. Сегодня был понедельник, и в местном доме культуры, где обычно собиралась по вечерам молодёжь, работала только библиотека. Он, конечно, может туда сходить, но где гарантия, что девушка тоже туда придёт. И вообще, что ей сейчас в библиотеке делать? Сергей сразу вспомнил отрывок из фильма «Операция «Ы» и, рассмеявшись, произнёс вслух:

– Да-а, так можно и до абсурда дойти. Так, как же достать мне эту скрипачку? Можно, конечно, пройтись мимо её дома, – продолжил он размышлять, – но ведь не факт, что она будет во дворе. Да и привлечь к себе внимание людей такими прогулками не к лицу. Оставшись наедине с извечным классическим вопросом «что делать?», Сергей, поразмыслив, решил, что как ни крути, а без Пашки тут не обойтись. Придётся дожидаться его приезда. Вот с ним все прогулки будут оправданы. Сергей быстро достал из кармана смартфон и, отыскав номер друга, сделал вызов. Паша не заставил себя долго ждать.

– Привет, Серёга!

– Привет. Ну, чем занимаешься? Когда уже, наконец, я смогу тебя лицезреть?

– А тебе, что там, уже совсем скучно? Больных всех повылечил, что ли?

– Паша, кончай паясничать. Ну, правда, когда приедешь?

– А аист на столбе по-прежнему стоит на одной ноге?

– Я тебе его сам поставлю. Буквально завтра, если он туда ещё не залетел.

– Да-а? Ну, тогда приеду. И вот ещё что: постарайся, чтобы на дискотеке девчонок побольше было. Они на полесье все такие красавицы!

– С тебя и одной хватит.

– Одной-то хватит, но выбор должен быть.

– Ну, и балабол же ты, Пашка.

– Сам ты балабол. Я в отличие от тебя, позитивный человек и всегда искренне верю в лучшее будущее, что и определяет мою оптимистичную жизненную позицию. Кстати, можешь меня поздравить. Я, наконец, статус юриста получил.

– Так с тебя причитается!

– Это с тебя причитается, что ты в моём лице обрёл бесплатного профессионала Службы государственного управления и права, который, заметь, в любой момент готов сразу прийти к тебе на помощь по первому зову, если будет нужно.

Выслушав такую пыльную тираду друга, Сергей рассмеялся:

– Пашка, я тебя за это всегда буду бесплатно лечить по первому зову. Честное слово! Так, когда тебя, все-таки ждать?

– Я планировал к следующим выходным, но раз ты там уже страдаешь, то завтра соберусь и постараюсь в среду утром выехать. Годится?

– Годится.

– Может, что-нибудь надо привезти из столицы?

– Да, ничего, вроде не горит. Себя привези уже скорее, наконец.

– Договорились. К вечеру в среду буду.

– Ну, тогда до звонка?

– Да. Давай... Пока.

– Пока.

«Вот и чудненько, – отключая телефон, подумал Сергей. – Пашка приедет, вместе что-нибудь замутим».

В предвкушение чего-то очень интересного, Сергей бодро встал из-за стола, снял халат, повесил его на вешалку и, дав необходимые указания дежурному медперсоналу, вышел на улицу. Не глядя на то, что часы показывали семь вечера, летнее солнце светило вовсю. Поскольку больница находилась почти в лесу, воздух в её дворе и округе всегда был пропитан запахами трав и хвои. Сергей на мгновение остановился и глубоко вдохнул. Со студенческих лет ему нравилось это время года, когда в двадцатых числах июня ночи всегда короткие, дни самые длинные, а впереди целое лето, и никакой учебы. Сейчас, находясь уже в новом качестве, он ощущал себя несколько по-другому, но с тех пор прошёл всего лишь год, эмоции студенческих лет были ещё не забыты, и Сергей даже не заметил, как попал в состояние летней эйфории. Домой идти совершенно не хотелось, поэтому, поразмыслив, он решил пройтись через парк. Когда-то это были владения пана Скирмонта. Имение чудом оказалось почти нетронутым войной, хотя в нём в период оккупации располагался немецкий штаб, а во время отступления немцев, через Поречье даже прошёл фронт. Некоторые местные жители до сих пор помнят, как накануне наступления наших войск, взрослые с помощью партизан по ночам рыли землянки, прямо на огородах и, когда фронт проходил через деревню, люди прятались в них. На протяжении всего боя они с замиранием сердца слушали вой пролетающих артиллерийских снарядов. Дети жались к взрослым, а совсем маленькие плакали, когда снаряды взрывались, казалось, прямо над головой. Деревня тогда очень сильно пострадала. Многие дома потом пришлось отстраивать заново, а вот имение, изрешечённое осколками и прилегающий к нему парк, уцелели. Вскоре после войны в эти места приезжала съёмочная группа, и в Поречье, с участием даже некоторых местных жителей, был снят один из первых фильмов «На Ростанях». С тех пор и до наших дней в имении обосновалось лесничество, а в парке сохранились очень редкие теперь уже величественные деревья.

Сергей не спеша шёл по дорожке. Окунувшись в свои мысли, он не сразу увидел изящную всадницу в лучах клонящегося к закату солнца на мчащейся вдоль реки галопом лошади, которая исчезла из вида за деревьями так же быстро, как и возникла. От неожиданности он сразу остановился, а через мгновение, сойдя с тропинки, быстро пошёл из парка напрямик через кусты. Он настолько был заинтригован, что не заметил небольшую канаву и, оступившись, чуть не потерял равновесие. На счастье дождей последнее время не было, канава оказалась сухой и, схватившись за ветку вербы, Сергей выбрался из неё. Выйдя из парка, он огляделся. Лошади с всадницей нигде не было. Сергей отряхнул джинсы, вытер о траву запylённые кроссовки и направился к реке, туда, где промелькнуло это удивительное видение. Не успел он пройти и половину пути, как услышал позади себя приближающийся стук копыт. Сергей повернулся. Вдоль парка, откуда он только что вышел, бежала чёрная лошадка. В её седле сидела тёмноволосая девушка с короткой стильной стрижкой, в джинсовых бриджах и белоснежной лёгкой рубашке, завязанной на поясе узлом. Всадница сидела в седле очень уверенно. Одной рукой она держала поводья, ладонь другой свободно лежала на её ноге. Лошадь послушно шла рысцой, грациозно неся на себе наездницу. Её белые ноги, казалось,

танцевали. «Не хватает только вальса «Сказки Венского леса» Штрауса», – подумал Сергей и, сам того не замечая, улыбнулся, провожая взглядом это чудесное явление.

IV

– Здохнуть. Ой, здохнуть. Я вам говорю – здохнуть!

– Деда Коля, успокойся. Ничего с твоим Ванечкой не делается. Он сдохнет, если его не купать.

– Ой, ой. Он же ещё совсем малюсенький.

– Вот именно. Посмотри на него. Его бедного грязнулю совсем блохи заели. Он из-за них уже ни есть, ни спать не может.

– Кота никто никогда не моет. Котов мыть нельзя! Они сами моются.

– Это раньше, в твою молодость не мыли, а сейчас, вот посмотри! Для котов специальный шампунь есть. Дедуля, мы ведь уже в двадцать первом веке живём, – укоризненно произнесла старшая внучка.

– Ой, не знаю, не знаю. Напридумать всего можно, а кот возмёт и здохнуть!

– Бабушка, ну скажи хоть ты ему.

– А, что я ему скажу? – Бабушка Шура гордо расправила плечи, подчёркивая и без того статную осанку. – Я тоже не видела, чтоб котов мыли, но я верю в науку. Раз такой шампунь изобрели, значит, наверное, можно.

После слов жены дед немного приумолк, но, когда котёнка опустили в воду и тот, не желая купаться, уцепился коготками за край таза, пытаясь вылезть, дед полуприсел, положил левую руку на грудь в области сердца и опять запричитал:

– Здохнуть! Ну, здохнуть же!..

Когда же, наконец, маленькую, протестующую, возмущенно-пищащую грязнулю намочили, облили шампунем и стали мыть, дед Коля всплеснул ладонями, обопёрся руками о полусогнутые колени и обречённо, будто вся эта экзекуция проходила над ним самим, стал покачивать головой из стороны в сторону, приговаривая: «Ай-яй-яй, ай-яй-яй...». Успокоился он немного только тогда, когда котёнка достали из таза, ополоснули тёплой чистой водой и закутали в большое банное полотенце.

Спустя полчаса дед Коля сидел во дворе на лавочке и нервно курил, а Иван чистый и накормленный забылся крепким, безмятежным сном. Котёнок спал целый день. Внуки вместе с бабушкой втихаря посмеивались над дедом, когда тот, стараясь, чтобы никто не заметил, на цыпочках подходил к котёнку и, бормоча про себя: «Хоть бы не издох, хоть бы не издох», прикладывал к нему ухо, прислушиваясь, дышит ли.

Проснулся Ванюша лишь вечером и тут же, громко заявляя о себе, направился к своей мисочке. Когда же дед Коля вышел на веранду, Ваня взахлёб лакал парное молоко с вечерней дойки.

– Ну, видишь, как твой Иван уплетает, – с усмешкой произнесла баба Шура. – Appetit лучше, чем у тебя, а ты всё причитал: «Здохнуть, да здохнуть».

– Ничего ... яй ... не говорил, – сконфуженно хихикнул дед Коля, надел свою любимую пилотку, прихватил мешочек с табаком-самосадам и вышел на улицу, где уже громко огрызнулся: «Ну, и хорошо, что аппетит здоровый!»

Налакавшись вдоволь, котёнок потянулся, зевнул и тоже отправился во двор. Деда он нашёл сидящим на скамейке за калиткой и тут же, ухватившись коготками за его штанину, стал по ней карабкаться вверх.

– Ах ты, проказник! Решил меня всего исцарапать, да? – проворчал тот и, отцепив котёнка от штанины, посадил рядом с собой. Ванюша внимательно изучил скамейку, обнюхав её, затем доверчиво перебрался к старику на колено, устроился на нём поудобнее и заурчал.

Вечер был тёплым и тихим. Луна, как всегда удивлённо смотрела на землю. На тёмном бархате неба звёзды казались рассыпанным жемчугом. Только лёгкий ветерок шелестел листвой осины, да слышно было, как в реке плещется рыба. Прислонившись спиной к забору, дед Коля тихо сидел на скамейке, поглаживая котёнка и, погружившись в свои мысли, глядел в сторону реки. Вскоре издалека стали доноситься нежные звуки скрипки. Удивительная по своей чистоте, величественная

мелодия плавно разливалась над лугом и, завораживая своей красотой, улетала в бесконечность. Дед Коля ласково посмотрел на котёнка:

– Ну, что урчишь? Тебе тоже нравится, как Светлана играет? Вот видишь, Ванюшка, что значить иметь усердие и учиться. Все-таки, Вань, что не говори, а наука – это великая сила!

Дед Коля глубоко вздохнул, прикрыл глаза и стал слушать...

– Добрый вечер, Николай, Николаевич. Да у вас тут компания оказывается.

Дед Коля открыл глаза:

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич. А мы тут с Ванюшей скрипку слушаем. Прямо почти в театре сидим. Такая талантливая эта Светлана. Так играет! Так играет! А Вы на прогулку вышли, али как?

– Я с работы, Николай Николаевич.

– Что-то поздновато Вы сегодня. Больные, небось, совсем замучили.

– Ничего страшного. Всё нормально. Просто сегодня так получилось.

– Присаживайтесь, Сергей Сергеевич. Передохните чуток. – Дед Коля пододвинулся на край скамейки. – Такой вечер нынче хороший. Я тут даже почти приснул.

– Спасибо. С удовольствием. – Сергей присел на лавочку. – С Вашей скамейки такой замечательный вид открывается и на луг, и на речку.

– Да. Это точно. Отсюда, даже иногда видать, как звёзды в ней отражаются. Я когда-то специально именно здесь дом решил построить. И построил!

– Николай Николаевич, я Вас всё спросить хочу. Почему Вы всегда пилотку носите, когда все здесь носят кепку? В чём секрет?

Дед Коля внимательно посмотрел на молодого человека и усмехнулся:

– Да, какой тут особенный секрет. Мне кажется, я в ней лучше мир слышу. Можить, это от того, что я её долго носил в молодости.

Сергей посмотрел на старенькую, выцветшую от времени пилотку и невольно прислушался сам. Ему вдруг показалось, что, доносившаяся издалека, мелодия Ave Marii зазвучала более возвышенно и ярко, а не покидающий его, вот уже который день, образ мчащейся на лошади тёмноволосой всадницы с короткой стильной стрижкой и в обдуваемой ветром белоснежной рубашке окунул в состояние волнения и тревоги.

– Николай Николаевич, а я вчера видел Вашу чудо-Светлану на лошади в парке.

– Да. Светлана, она с детства такая: то на скрипке играет, то на лошадке верхом летает, а летом на каникулах в клубе, бывает, целые концерты устраивает, когда на пианино играет и поёт.

– Павел Адамович, наверное, очень ею гордится.

– Да, что там говорить. Он души в ней не чаить. Светлана – дедава внучка.

– Ну что, Николай Николаевич, спасибо Вам за такую замечательную компанию. – Сергей с улыбкой потрепал по голове котёнка и поднялся со скамейки. – Пойду отдыхать. Завтра у меня, как в песне «...будет хлопотливый день...». С утра на работу, а к вечеру приезжает близкий друг из Минска. Надо подготовить встречу.

– Конечно, идите, отдыхайте, Сергей Сергеевич. Всего вам доброго. Мы с Ванюшкой тоже сейчас отправимся на боковую. Да и комары уже начинают одолевать.

Разговор с Николаем Николаевичем оставил Сергея в очень приятном состоянии. Молодой человек шёл по улице и, вслушиваясь в тишину, думал о Светлане. Она больше не играла, но воздух, казалось, был по-прежнему насыщен нежными звуками скрипки, и Ave Maria продолжала парить, наполняя мир добром, светом, благородством. На душе становилось удивительно хорошо и хотелось, чтобы эта музыка не заканчивалась... Придя домой, Сергей на кухне из кувшина попил молока, зашёл в свою комнату, открыл ноутбук и написал:

Я помню удивлённый взгляд, //Кокетливость твоей улыбки...

V

Светлана сидела на небольшом брёвнышке и смотрела на огонь костра. Языки пламени, потрепывая ветками, то плясали, играя между собой, то взлетали вверх, выбрасывая фейерверк искр, подхватываемых и раздуваемых ветром.

– Вот и лето прошло,– вдруг произнесла она с грустью в голосе, чем сразу вызвала общий смех.
– Светка, ну, ты даёшь! Впереди ещё целый август, а она уже с летом распрощалась. Мы не ожидали от тебя такой сентиментальности.

– Ты ничего не понимаешь, Катюша.– Света оторвала взгляд от костра и посмотрела на сидящих вокруг друзей. – Лето впереди, когда ещё не началось, а с первого июня оно сразу идёт на убыль. Оставшийся август, не успеет заметить, как пролетит. Вот – Пашка. Давно ли приехал? Завтра уже уезжает.

– Ну, у меня всего лишь отпуск закончился. А я тебе звонить каждый день буду. Хочешь?

– Хочу, Пашенька.

– Договорились.

– Я тебе позвоню! Ишь ты! Звонить он, понимаешь, будет! – Сергей погрозил кулаком в сторону сидящего друга и подбросил в костёр хворост.

– А чего ты волнуешься? – В глазах Паши сверкнули озорные искорки. – Ты же тут остаёшься.

– Это неважно. Никаких мне звонков. А то знаю я тебя.

Все снова дружно рассмеялись.

– Да, Пашка, нет к тебе доверия, – Коля с нежностью посмотрел на Катю. – Вот мы с Катюхой доверяем друг другу полностью. Правда, зайка?

– Правда, правда, – откликнулась Катя. – Ревнивцы знаменитые. Посмотрите лучше, как там шашлыки, а то подгорят чего доброго.

– Да не должны. – Сергей взял небольшую палку, заранее заготовленную для разбивания углей, и подошёл к мангалу. – Сейчас тихо. Сильного ветра нет, так что угли нормальные. А завтра вообще погода обещает быть чудной. Вы видели, какой сегодня красивый закат был.

– Ой, ребята, как же хорошо. – Катя глубоко вздохнула. – Какие мы всё-таки счастливые, что родились в этих местах. Ну, посмотрите, какая красота кругом. Тут же куда не глянь – песня.

Паша взял в руки гитару, стоявшую под деревом, и стал перебирать на ней струны:

– Вот не родись Света именно здесь и, глядишь, не играла бы так хорошо на скрипке.

– Ты совершенно прав, Паша. Скрипачей много есть, но они просто хорошей техникой игры владеют, а наш Светик, – Катя приобняла подругу за плечо, – душа этого края.

– Ну, это ты уже, конечно, преувеличиваешь, Катюша. Просто вы меня все любите и не можете быть объективными. Хотя, не скрою, мне это слышать приятно. – Последние слова Света произнесла, смеясь. – Но если серьёзно, то я ведь действительно с песней росла. Сколько себя помню, в нашем доме довольно часто звучала песня. Мои бабушка с дедушкой были очень гостеприимными, и у нас на праздники всегда собирались родственники, да и соседи заходили. Вы не представляете, как все пели! А песни какие были замечательные: мелодичные, глубокие. Но лучше всех, конечно, пела тётя Зоня. Объяснить, какой у неё был тембр голоса – это не реально. Просто сердце замирало – и всё. Особенно в памяти остались зимние рождественские вечера, когда я, будучи маленькой, забиралась под высокую и очень пушистую ёлку, которую дедушка на лошади привозил из леса. Он рассказывал, что ему всегда помогали выбирать её все лесные зверушки. Было столько радости! Так вот: залезала я под эту красавицу, укладывалась на ковёр, рядом с находившимися там подарками и, уничтожая конфеты, слушала, как мелодии исполняемых песен раскладывались на несколько голосов. А после коляд десятого января ко мне на день рождения приходили подружки, и я разучивала с ними эти песни. Так что я здесь не просто росла, а очень даже формировалась, как личность.

– Между прочим, – перехватил эстафету Сергей, – Михаил Иванович Глинка стал основоположником русской оперы тоже благодаря тому, что с детства рос в деревне и воспитывался народной песней, которую и заложил в основу своего творчества. Так что, Светлана, тебе очень повезло – с детства соприкоснуться с бриллиантом нашего Полесья.

– Да нам всем, Серёжа, очень повезло. Вы же видели, какие картины наш Коля рисует. А Катюха! – Уже почти дипломированная актриса. Ещё академию не закончила, а в фильмах уже снимается. Ты вот на достойного врача претендуешь, но при этом стихи пишешь. И нас всех объединяет то, что мы очень любим наш край. Может, всё сказанное и звучит несколько пафосно, но, согласитесь, – это ведь действительно так. Я вот, например, даже представить себя не могу вне своей Земли.

– Света абсолютно права. – Паша оторвал взгляд от струн гитары, на которой всё это время, что-то наигрывал. – Песенно-полесская, да и вообще наша народная культура – это же изюминка

всей профессиональной музыки. Ну, что может наполнить человека богатым внутренним миром и сделать его действительно личностью, как не составляющее высокую культуру: искусство, хорошая литература, поэзия, музыка. Без этого можно и страну потерять.

Сергей посмотрел на Свету. Она сидела, положив локти на полусогнутые колени и, свесив крест-накрест кисти рук, серьёзно смотрела перед собой. Вдруг она поймала его взгляд и улыбнулась:

– Серёж, а почему бы тебе не написать стихотворение о Поречье.

– А оно насколько я вчера понял, уже есть. Сергей мне его вечером читал. «Отчий уголок» называется, если я не ошибаюсь. Да?

– Нет. Ну, нормально. Как Пашке, так он читает! А нам? Так! Всё! Шашлык не получишь.

Коля, как старательный школьник закусил язык и перевернул шампуры на импровизированном мангале, откуда уже давно долетал соблазняющий запах. Сергей глянул в сторону Коли и снисходительно ухмыльнулся:

– Вот так. Все слышали? Наш Николай имениннику поесть не даст. Тоже мне, Кастусь Калиновский выискался. Пашка у меня, между прочим, вот уже месяц живёт. Ему и первое прочтение слушать.

– Кстати, – прервал их перепалку Паша, – пока вы тут размышляли о великом и вечном, я на эти стихи мелодию попробовал набросать. Может песня получится.

– Как интересно! – тут же отреагировала Катя. – А, ну-ка, спой!

– Нет, Катенька, петь ещё рано. Да и слова я хорошо не знаю. Пусть лучше сначала Сергей почитает, а я под его прочтение попробую поиграть. Сергей, давай...

Сергей глянул на Свету. Та смотрела на него, не отрывая взгляда очень проникновенно. Её губы были тронуты лёгкой нежной улыбкой, а отражающиеся в её глазах пляшущие огоньки костра, делали их сверкающими, счастливыми и бесконечно красивыми. В эти глаза хотелось смотреть. Но, чтобы не нарушить состояние девушки и не испортить это очарование, Сергей быстро перевел взгляд на костёр и стал читать:

...Искрятся серебром твои озёра,
И неба синева так высока.
Как вязь национального узора,
Среди полей проносится река.

После того, как чтение стихотворения под музыку к нему было завершено, на какое-то время воцарилась тишина. Осмысливая только что услышанное, все молча смотрели на костёр, где огонь, по-прежнему играя на ветру, весело потрескивал сучьями сухих веток.

Первым заговорил Коля:

– А по-моему, очень хорошо получилось. И мелодия у Пашки такая лирическая, приятная.

– Да. Очень неплохо получилось, – Света посмотрела на Пашу. – Надо эту мелодию на ноты записать.

– Ну, я ещё над ней подумаю немного, чтобы на слова хорошо легла, и тогда не вопрос, ты мне и поможешь.

– Так это в Минске можно сделать. Ты главное обдумай её хорошенько и отшлифуй. Может еще Сергей, тоже над текстом поработает, хотя? Что тут менять? «... Как вязь национального узора, среди полей проносится река...», – процитировала задумчиво Света. – Серёжка, я тебя обожаю. Ну, надо же, такие слова найти. Послушайте, а что если песню назвать «Национальный узор», а? Серёж, как тебе?

– По-моему хорошо. Я бы даже сказал, довольно оригинально. Точно. Пусть песня называется «Национальный узор».

– Вот, ребята, что значит настоящая сила искусства, а вместе с ним и литературы, – восторженно произнесла Катя. – Как очень точно сказал известный поэт:

... Творцу і палац не трэба,
А дзяржаўны асярод.
Дастаткова будзе неба,
Каб уславіць свой народ!

Ненакладно для государства и одновременно – бесценно!

* * *

Сергей сидел на берегу Ясельды и листал музыкальный сборник, полученный сегодня по почте от Светы. В нём на первой странице была напечатана песня «Национальный узор» на его стихи «Отчий уголок». Кажется, совсем недавно был конец июля и его день рождения, когда они все сидели у костра, шутили, читали стихи, пели. Тогда родилась мелодия этой песни. А сейчас листья плыли по реке, унося превратности этого замечательного лета. Все разъехались, но Сергей не чувствовал себя покинутым. В следующем году он тоже уедет в Минск: поступать в ординатуру. Он уже послал своему научному руководителю несколько наработок и получил хороший отзыв. Да и друзья его в Минске ждут. А пока наступила осень. Листья плыли по реке, аист, облюбовавший столб, больше на нём не стоял на одной ноге, а улетел в далёкие теплые края, и только подросший утёнок с темным пятнышком на боку по-прежнему бегал по берегу, волнуясь за своих плавающих собратьев.

– Ну, что ты переживаешь? – не выдержал Сергей. – Видишь, за лето с ними ничего не случилось. Как плавали, так и плавают благополучно. Сядь вот рядышком со мной и посидим спокойно, если не хочешь купаться. Видишь, мы с тобой остались только вдвоём, без Светы. Должны поддерживать друг друга.

Утёнок, как будто понимая всю серьёзность сказанного, тут же прекратил бегать, подошёл к Сергею, присел рядом и, отщипнув несколько травинок, заглянул в сборник.

– Вот и молодец, – рассмеялся Сергей, – ты настоящий друг. Только страницы щипать не вздумай. Видишь, тут песня про Поречье написана.

Сергей посмотрел в сборник, прочитал название «Национальный узор» и от охватившего его приятного чувства глубоко вдохнул свежий речной воздух, полный осенних ароматов.

Русский мир без границ

Минские берега

Александр Ковалёнок

Ковалёнок Александр Васильевич – поэт, писатель, общественный деятель, Советник Международного литературного фонда. Член Союза писателей Беларуси. Член Союза писателей СНГ. Руководитель литературного объединения «Пламя». Публиковался в отечественной зарубежной периодике. Автор шести сборников стихов и восьми сборников прозы.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Как хорошо, что молодостью дышит
Моя строка... Ещё скрипит перо...
Идут дожди, но сердце их не слышит.
А на висках давно уж серебро.

От буйства красок трудно оторваться.
Лежит ковром опавшая листва.
Давно домой мне надо возвращаться,
Но заманила речки синева.

Я через мостик перешёл горбатый –
Везде прекрасной осени пора...
И грусть моя, как старый пёс лохматый,
Уходит без оглядки со двора.

ЛЮБОВЬ И ВЕЧНОСТЬ

Ничто не вечно? Я не верю в это.
Мы с вечностью друзья, а не враги.
Для каждого из нас есть место где-то,
Поэтому себя не береги.

Кто бережётся, тот в себя не верит,
И, значит, не найдёт свою звезду,
А наша жизнь здесь каждого проверит,
Пока мы друг у друга на виду.

Нам всё дано, и только нет ответов.
За многое Господь нас всех осудит,
Но если не читаете поэтов,
То вечности,
как и любви,
не будет.

СВОБОДА

С душою, запертою в клетке,
Мы знаем: невозможно жить...
Вот соловей поёт на ветке,
Чтоб наши чувства пробудить.

Мы открываемся природе,
Когда свободой полны
И видим в чистом небосводе
Великолепие весны.

Тогда для жизни нет предела:
Нам солнце освещает путь.
И, что б душа ни захотела,
Исполнится когда-нибудь.

Пусть не сейчас... Возможно, завтра.
Да, всё получишь ты сполна.
Здесь, в этой жизни, каждый – автор,
У каждого – своя струна

ВЕСНЕ

Прекрасен мир – в обыденности дней
Мы прелести его не замечаем.
Как много отдаёт красоты своей
Нам всем, но поздно это понимаем.

Природа щедрой кистью дарит нам
Всё многоцветье красочной весны.
И видим мы, как над водой туман
Целует грудь поднявшейся волны.

Омытые свежают берега,
И запахом чаруют нас цветы.
А вишни бесконечные снега
Садам лишь добавляют красоты.

В лесу пленяет стройностью сосна,
И ею восхищаются дубы...
Пусть будет каждому дана весна,
Чтоб одолеть превратности судьбы.

АПРЕЛЮ

Сонет

В ручьи стекает талая вода,
Дрожит стекло небес, звенит капель.
К нам с южным ветром прилетел сюда
Непостоянный юноша, апрель.

И бойся: увлечение заманит.
Тогда в душе не будет красоты,
А девушка обыденною станет,
Ещё вчера достойная мечты.

Её славянских губ прикосновенье,
Как поцелуй весны, воспринимай.
И если исчезают все сомненья,
Желанию любви себя отдай.

Но берегись: любовь не всем дана.
Другой весной проверится она.

ТВОРЧЕСТВО

В безвременье чужом поэт затих,
В пространстве мироздания затерялся.
И только на бумаге нам остался
Его души кровотокающий стих.

Как наша жизнь бывает бестолкова...
В хитросплетениях высокопарных фраз
Мы ищем мысль, так нужную сейчас,
А достаём совсем другое слово.

Чтоб в бесконечность творчества уйти
И больше никогда не возвращаться,
В безвременье зачем нам оставаться,
Когда открыты звёздные пути?

Но даже от обиды мы стремимся
Не боль свою, а радость вам отдать,
Перед Всевышним на колени стать...
И, может быть, с душою примиримся.

ОЧИЩЕНИЕ

Мы все прошли страной немых,
В стране жестоких были тоже.
Познали «радости» слепых
И жизнь прочувствовали кожей.

Как это сложно – понимать!
Гораздо легче просто жить,
Себе всё лучшее забрать,
С оглядкой везде ходить.

Как это трудно – оторвать,
Избавиться и навсегда забыть,
Чтоб снова человеком стать
И просто так других любить.

И вы поверьте: коль дано
Наш мир по-новому открыть,
То счастье будет всё равно
Лишь от любви происходить.

НАРОЧЬ

Рукой, скользящей по воде,
Я солнца блики собираю
И снова озеру бросаю
В искристом, радужном дожде.

До берегов так далеко,
Но не хочу к ним возвращаться
И воздух пью – не оторваться,
Как от кувшина с молоком.

Я здесь до неба дотянусь,
И мне не нужно крыльев даже:
Всю красоту свою покажет
Моя родная Беларусь.

Манит сапфирная среда,
А впереди такие дали...
Уходят все мои печали,
Как за моторкою вода.

ИСКУССТВУ

Незавершённый бег строки,
Остались в прошлом наши чувства
Любви, а может быть тоски
И недосказанность искусства.

Нам очень сложно начертать
Судьбы изменчивые строки,
На общий суд себя отдать,
Свои надежды и пороки.

Не стоит, может возвращать?
Когда всё, кажется, забыто.
Крыло бывает перебито,
Но хочется опять летать.

И несмышлёнышем птенцом,
Подняться в небо голубое
Чтоб там, не ведая покоя,
Парить, пока не наградят свинцом.

К НАЧАЛУ

Как хочется часто вернуться к началу!
На мир не испорченным взглядом смотреть,
Прислушаться к сердцу и мало по малу
Любить научиться и не взростеть.

Так новые чувства даёт наша слабость,
Когда мы на грани безумства стоим.
А в нашей душе поднимается ярость
И боль, от которой порою кричим.

И время опять, будто тонкая пряжа,
Сквозь пальцы течёт, всё теперь понимаем,
Но разве на свете нам кто-нибудь скажет,
Кому это надо, за что же страдаем?

Уходят друзья для того, чтоб вернуться...
В стихах и поэмах любви скоротечность,
И жизнь коротка, не даёт оглянуться,
Нам смотрит в глаза бесконечная вечность.

ДАЙТЕ МНЕ НЕМНОГО ВОЛШЕБСТВА!

Дайте мне немного волшебства!
Чтобы время повернулось вспять,
Чтобы только лучшие слова,
Стал моей любимой посвящать.

Я прозрел от красоты такой,
Значит, не влюблялся никогда.
Думал, повстречаюсь, но с другой,
А с тобой останусь навсегда.

Даже разлюбить я не могу,
Забывая пропасть наших лет.
Но твоим глазам теперь не лгу,
Посвящая новый свой сонет.
Много в жизни я разбил сердец –
И мое разбито, наконец.

Григорий Блехман

ПЕСНЯ МЕТЕЛИ – НЕ ЯБЛОНИ ЦВЕТ...

(Смятения и преодоления Сэды Вермишевой)

Размышления о поэзии выдающегося современного поэта и публициста Сэды Вермишевой назвал строчкой из стихотворения «Адептам чистого искусства», вошедшего в один из её сборников – «СМЯТЕНИЕ»:

*Что они пели,
Курлыкали –
Что?
Песни метели не слышал
Никто...*

*Песня метели – не яблоны цвет, –
Где пролетела – там её нет.
Белая мгла только вьётся-клубится,
Белую лебедью,
Лебедью птицей...
Бельём туманом
За краем небес...*

*В белой метели
Их голос исчез,
Там,
Где кончаются
Поле и лес...*

Начал с этого стихотворения потому, что оно – о сути Художника, хотя и написано о тех, в ком она отсутствовала.

Да, никто из них не слышал «песни метели». Если хочется слушать только себя любимого, как её услышишь. Дай Бог, увидеть «яблони цвет».

Таков удел «чистого искусства», не рождённого высокими эмоциями, а, следовательно, и не несущего их.

И потому знаменитые «фиолетовые руки на эмалевой стене», которые уже больше века «полусонно чертят звуки в звонко-звучной тишине», давно «чертят» их лишь для литературоведов, занимающихся в основном поэзией Серебряного века.

Хотя это – очень красивое «полусонное» стихотворение знаменитого адепта чистого искусства В.Я. Брюсова многозначительно названо «Творчество».

Время определило нежизнеспособность того,

что является искусством ради искусства. И потому «в белой метели их голос исчез...».

А те, кто могли «Глаголом жечь сердца людей», остались на века.

И написанное почти два века назад: «Струн вещей пламенные звуки до слуха нашего дошли...», вероятно, жить будет вечно.

Строчки о мыслях и судьбах людских – их высокой драме или не менее высоких восторгах, оказываются нетленными.

Об этом, в конечном счёте, и стихотворение Сэды Вермишевой.

Стихотворение грустное. Да и каким ему быть в сборнике, который назван «СМЯТЕНИЕ». Именно смятение сейчас живёт в сердцах тех соотечественников, в ком сохранилась совесть – «охранная грамота» понятия «ЧЕЛОВЕК».

Эта «охранная грамота» позволяла во все времена хранить то, что, казалось бы, легко утратить, когда вокруг «всё расхищено, предано, продано».

Приведённое в начале стихотворение датировано 2003-м годом, однако, в строчках уже далёкого 1970-го, хоть и другое настроение, но «дыхание Музы», на мой взгляд, то же:

*Приходит день, когда мне невозможно
Не взять перо и не начать писать.
Всё прочее и суетно, и ложно,
И только эта мука –
Благодать.
И только эти вдохновенья всплески,
И только эта странная звезда,
Хоть отдыха и скупы перелески,
Гор высока влекущая гряда...
И дивное соприкосанье с небом,
С прозрачностью, свободой, синевой,
И с мирозданья непонятным светом,
Отроги скал камнями под стопой, –
Такая ласка и восторг, и счастье,
И облаков струящаяся грусть...
И сердце –
Храм
Высокого
Участья,
Преодолеть которое я тщуся...*

Когда у поэта ТАКОЕ сердце, то первые и заключительные строчки стихотворения особенно понятны. Ведь день «когда...невозможно не взять перо» приходит к нему, наверное, постоянно – вне зависимости от того, возьмёт ли он перо физически. Приходит потому, что сердце его – это «Храм Высокого Участья».

И хотя, на первый взгляд, настроение в двух приведённых стихотворениях разное, для меня их роднит мысль, выраженная в знаменитой «Белой гвардии»: *«Всё пройдёт. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звёзды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»*.

Скорее всего, потому, что суетность, сиюминутность, тщеславие, выход наружу мефистофельского начала нередко заглушают в человеке эту мысль. И мы не замечаем, как наше духовное начало нередко уступает этой сиюминутности, которую принято именовать успокаивающим: «целесообразность».

Хотя сколько зла от такой «целесообразности» знаем не только из мировой литературы, но и повседневной жизни знакомых, близких и самих себя.

И, наверное, давно бы рухнули от такой «целесообразности», если бы противовесом не звучали в окружающем нас пространстве слова тех, в ком духовное начало никогда и ничему не уступает.

Эти люди называются Поэтами – вне зависимости от того, в какой форме выражают они свои мысли. Их мало. Но им дано Слово. А поскольку: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Всё через Него начало быть»*, то, наверное, и Поэтов не может быть много. Потому что они – Избранные, и несут именно то Слово, какое, в конечном счёте, хранит нас, как человеческую особь, от мощных проявлений мефистофельского начала на земле.

Никогда не мог согласиться со знаменитой строчкой знаменитого соотечественника: *«Поэт в России – больше, чем поэт»*. Конечно, понимаю, о чём он говорит в прекрасном, на мой взгляд, стихотворении, но не могу представить ни в России, ни где-либо ещё человека, который *«больше, чем поэт»*. Именно, исходя из того, о чём сказал.

* * *

Такие мысли приходят мне во время чтения Поэта. В данном случае Сэды Вермишевой, к сборнику которой пора вернуться.

Книга состоит из разных разделов, каждый из которых объединяет стихотворения, близкие по конкретной теме: «Время пришло говорить», «Разбит наш дом», «Омут свободы», «Помоги нам, Боже!», «Горящие мосты»... Но все они об одном – о Смятении.

И потому можно произвольно открыть любую страницу и читать с любого места:

*Мы попадаем под
Колёса...
Мы сходим с рельс,
Летим с откоса...
Своей ли волей,
Волей рока,
Не весть какого
Скомороха,
Так неожиданно жестоко
К нам повернулось мирозданье,
Событья,
Ход времён,
Эпоха...*

*И, поведя надменно бровью,
Они нам шлют
Своё
Посланье –
Грозят нам мороком
И кровью –*

*И нас уж нет –
Одно преданье...*

*...И никакие
Пароходы
К нам в трудный
Час
Не подплывут...*

*Мы тонем
В омуте
Свободы...*

*А ближний берег
Наг и крут.*

Для скольких соотечественников объявленная нам в начале 90-х свобода стала «омутом», потому что оказалось – не готовы мы к ней. Не готовы к тому, что: *«свобода любого человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека»*. Чтобы жить ТАК, нужна другая культура или другое состояние души, путь

к которому, может быть, преградил нам октябрь 17-го.

Однако, хоть «ближний берег наг и крут», Поэту это не преграда. Он чувствует свою миссию – ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. И потому:

*Когда нет сил
Подняться
Для полёта,
Когда мне жить
Почти
Невозмогу,
Крест-накрест
Предо мной
Все двери, все ворота, –
Я говорю себе,
Что я – пехота...
А впереди лишь топи
Да болота,
Но я их всё-таки
Когда-нибудь
Пройду...*

Вот эта уверенность: «всё-таки когда-нибудь пройду», тоже, думаю, от ответственности. И от СВОБОДЫ. Внутренней свободы, которая ни в какие времена, ни при каких обстоятельствах ничему не подвластна, если ты наделён ею от природы. Она и даёт силы даже, когда:

*Передо мною странная картина
Вдруг возникла,
Встала,
Разрослась.*

Нет истории.

Осталась только глина.

Нет страны.

Но есть чужая власть.

*Я, наверное, куда-нибудь
Уеду –
Не глядеть,
Не видеть бы напасть...*

*Оглянусь –
Она ползёт по следу,
Ухмыляется,
И щерит пасть.
Мне корёжит дух она и душу,
Бьёт с оттяжкой,
Наотмашь бьёт,
И всласть.*

*Океаны перешли на сушу,
Словно тать,
В ночи подобралась...*

*Я стою
Перемогаю стужу,
Я креплюсь,
Стараюсь не упасть...*

И тут же чуть дальше:

*Всё, что случится
С моею страной,
То и со мною,
Случится,
С ветвью системы её корневой...
Не
Разлучиться!*

*Как мне уйти от неё,
Как бежать? –
Видано ль
Дело?..*

*Вместе мы жили.
Вместе умрём.*

*Нет нам
Предела!..*

Читал и вспомнил блоковское: «И всё уж не моё, а наше, / И с миром утвердилась связь...».

А на следующей странице, будто в подтверждение этой ассоциации, читаю:

*Хоть унижена муза,
И унижено сердце,
И бредут, как слепые,
В слезах и в снегу,
Но от радости жизни
Никуда им не деться, –
Не зарыться, не кануть
В стогу...*

*И звучит её музыка,
И волнуется детство,
И прекрасная юность танцует,
Вскинув руки,
На тёмном лугу...*

*Так люби меня,
Музыка!
Не покинь и не брось!
Протяни мне своих незабудок,
Тёмно-пепельных,
Гроздь!
Напиши свои знаки
На облаке лета,
И продлись,
И продли,
И рассыпь меня в искры
Летящего
Света!..*

Думаю, вспомнил Блока ещё и потому, что для меня мироощущение Сэды Вермишевой близко мироощущению этого великого поэта Серебряного века: его предчувствию возмездия: «Над нами сумрак неминуемый...» и тут же всепобеждающее: «Сотри случайные черты – / И ты увидишь: мир прекрасен...».

И когда читаю, что музе и сердцу Сэды Вермишевой: «От радости жизни / Никуда... не деться...», тоже вспоминаю блоковское: «О, весна без конца и без краю – / Без конца и без краю мечта! / Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! / И приветствую звоном щита!».

Чем больше вчитываюсь в стихи Сэды Константиновны, тем больше чувствую духовную близость между ней и Блоком. Может, суть – в обострённой совести обоих. Вот и дальше у Вермишевой:

*А нам – средь всех,
Нам быть – за всех,
За немощных
И малых...*

*С высот невидимых
Креста
Жизнь бесконечна
И чиста
Средь всех времён, пустых имён
И в ведро, и в порошу –
И от распятого Христа
Принять нам ношу!..*

Но, если Блок в какой-то момент стал настолько удручён ходом событий после 17-го года, что «перестал слышать звуки» и не смог без этого жить, мучительно уходя в мир иной, то у Сэды Вермишевой реакция на нынешние бесстыдства и цинизм власть имущих иное – действенное. И её аккорды звучат сегодня так:

*Когда распрямиться
Пружине
Назначенный час
Подойдёт, –
Запомните! –
Память –
Не стынет
И счёт свой обидам
Ведёт...*

*Как сжатая сила
Вулкана,
Как плач заколдованных
Недр, –
Так прошлого
Подвиг
И рана –*

*Предвестье
Грядущих
Побед!*

Мне это отдалённо напоминает «Песню о Буревестнике». Хотя и знаю, что ТАКАЯ «жажда бури», а точнее жажда ТАКОЙ «бури», как у нашего «Буревестника революции», для Сэды Константиновны не характерна. Очевидно, потому, что ТАКИЕ «бури» мы уже проходили, и нас до сих пор от них «штормит».

У Сэды Вермишевой надежды на другое:

*Будем надеяться,
Верить,
Молиться –
Истина Божья
Для нас
Возродится...*

*Крепить
Не канаты,
А с Вечностью –
Связь,
Восходы,
Закаты,
Славянскую
Вязь!*

*И Лики Святые
Проступят
Сквозь тьму –
И люди вернуться
К Христу
Своему!*

Вот в этом – важнейшее: вернуться к тому, что отняли у них почти век назад известные события октября. Отчего и беды последующие пришли и продолжают приходить. А, чтобы так случилось – люди вернулись «К Христу Своему!», поэт Сэда Вермишева делает всё, от неё зависящее, своим Словом, которым природа так щедро её одарила. Делает, выполняя свою миссию на этой земле, и живёт по БОЛЬШОМУ СЧЁТУ, потому что знает – чувствует:

*И время отмерит мне путь
В неизвестность,
По тропам скалистым,
На плаху суда...*

*Глаза распахнёт
Неоглядная нежность,*

*Мятежная вспыхнет
На небе звезда...*

Уверен, что так и будет, поскольку свет «мятежной звезды» её поэтических строк уже дав-

но помогает читателям не утратить веры в своё предназначение – жить по совести и не опускать рук.

* * *

О Сэде Вермишевой сказано и написано много. Среди её читателей были и есть такие известные люди как Николай Иванович Рыжков, Владимир Цыбин, Евгений Винокуров, Виктор Линник, Николай Дорошенко, Николай и Геннадий Ивановы, Сильвия Капутикян, Александр Ревич, Ирина Снегова, Николай Тихонов, Леонид Мартынов, Левон Осепян, Вета Григорян... Каждый из них сказал о творчестве поэта что-то для себя важное.

Но все многочисленные почитатели дарования Сэды Константиновны сошлись в одном – в ВЫСОКОЙ НРАВСТВЕННОЙ НОТЕ её поэзии. В удивительном сочетании боли и теплоты её лирических строчек.

И тут вновь вспоминаю блоковское: «Чтобы от истины ходячей, / Всем стало больно и светло...».

Всё-таки постоянно соединяются во мне своим созвучием эти два выдающихся поэта. И, наверное, не случайно, потому что есть у Сэды Вермишевой стихотворение, посвящённое Блоку или навеянное его мотивами, которое многое объясняет:

«Летит, летит степная кобылица,
И мнёт ковыль.»

Александр Блок.

*Стихия ветра, стихия снега,
Я вас люблю...*

*Какая воля, какая нега...
Земли и неба
Свободу пью...*

*И невозможно
Остановиться –
Звенит ковыль...*

*Нам всё под силу,
Нам всё простится –
И сон. И быть.*

*И потому вот – такая доля –
Легла нам карта –
Дороги власть...*

*За всё, что было,
За всё, что будет,*

*В траву степную
Лицом
Упасть...
И в сердце снова
Очнётся сила
Хулу и славу,
И крест принять...*

Вот такое признание достойнейшего поэта нашего времени Александру Блоку.

Что касается времени, то у Сэды Константиновны можно прочесть такую перед ним исповедь:

*Благодарю века
За то, что дали силы
Мне устоять, –
Господь хранил
Меня...*

*Что вектор обрели
Мои
Усилья.*

*Что не напрасно
Жизнь течёт моя.*

*Что слишком трудною
Была моя дорога –
Не огибала ни страстей,
Ни бед.*

*Что никогда
Я не теряла Бога –
Бог был во мне –
В дни горя и
Побед...*

И поскольку не теряет она Бога никогда – «В дни горя и / Побед», то в какой-то момент приходит к ней:

*... И лишь величие
Идеи
Меня ведёт по сколам льдин,
И смерти нет,
А солнце реет...*

*И оступиться нет
Причин...*

Продолжая размышлять о величии идеи и вообще о величии, Сэда Вермишева уже в другом сборнике, который назвала «ПРЕОДОЛЕНИЕ», пишет:

*Я из прошлого величья,
Из совсем другой страны.
В тёмном поле сердце кличет
Отлетевшей были сны...
И куда ни кинешь взгляда, –
Всё утрата,*

*Всё мираж...
И зачем, какого льда
Здесь разыгрывать кураж?
В мире горестном распада
Я сама себе не рада, –
Так ничтожен мир...
И я –
Лишь осколок,
Скальный сколок,
У замерзшего ручья...

Переправы лёд так тонок...

Под снегами Русь моя...*

Выбрал эту строчку потому, что величие самой Сэды Вермишевой не только в прошлом, но и в настоящем. Хотя корни, как у подавляющего числа тех, кто не утратил совесть, конечно, «из совсем другой страны». И, чем больше проходит времени от начала 90-х, тем больше «сердце кличет» ту страну, как «отлетевшей были сны».

Величие же Поэта в настоящем определяется верностью главному – духовной сути Человека, которую Сэда Вермишева отстаивает изначально день ото дня.

В её предшествующем сборнике «СМЯТЕНИЕ», о котором уже писал, есть строчки, где, на мой взгляд, очень точно сказано об истоках и результатах своего творчества:

*Я мало от себя завишу,
Завишу больше от других.
Они дают мне хлеб
И крышу,
И пару пряников сухих.
Но голоса я утром слышу
В подполье узников своих –
Они скребутся,
В спину дышат,
Идут
Как конники
В прорыв...

На свет выходят.

Книги пишут, –
С постов снимают
Часовых...*

И эти «голоса» действительно «идут как конники в прорыв», и потому каждое её стихотворение и каждая публицистическая статья становятся событием не только в литературной жизни страны, но и в общественном сознании многочисленных читателей Сэды Вермишевой.

Иначе и не может быть, когда литературный

дар, обострённое чувство совести и своего назначения на Земле составляют единое целое. Но давайте послушаем Поэта:

*Я боюсь за Россию
Больше,
Чем за себя.
Хоть меня не просили,
Говорили:
«Напрасно!»
Повторяли,
Что зря...*

*Только так привелось мне,
Так легло на роду...*

*Я здесь Слову училась
В сорок первом
Году....*

Так совпало, что верность Слову как Долгу была в ней заложена ещё в знаковом для страны сорок первом году, когда будущий выдающийся поэт находилась в совсем нежном возрасте. А годом позже Анна Ахматова написала, ставшее сразу знаменитым стихотворение «МУЖЕСТВО», где уверенно сказала: «...И мы сохраним тебя русская речь, / Великое русское слово, / Свободным и чистым тебя пронесём, / И внукам дадим, и от плена спасём / Навеки!».

Вот и по сей день, – рождённая в Армении и волею обстоятельств оказавшаяся совсем юной в России, влюблена Сэда Вермишева в обе эти – ныне страны и в Слово каждой из них, которое для неё свято. Потому так близко к сердцу принимает всё, что связано с преступным разрушением своего великого государства под названием Советский Союз. Где, в отличие от сегодняшних – бывших его республик, а теперь самостоятельных стран, жила Великая Идея, поскольку:

*Без Великой Идеи
Не бывает Великой
Страны....*

*Ну, а мы оскудели
И себя проглядели...*

Мы смертельно больны.

*Наше воинство Духа
Тихо двинулось вспять...*

И эта боль, а также, вера в преодоление пронизывают книгу, в которой, как это присуще поэзии Сэды Вермишевой, много поэтических находок. Вот какими строчками своих стихотворений Поэт предваряет главы:

*Я протянула
Всем невзгодам
Руку...*

*Прощай
Двадцатый век!..*

*В моей душе
Ещё костёр
Дымится....*

*Я молю –
Не стойте с краю
В трудный час
Земли своей!..*

*Идут на снос
Эпохи и дома...*

*Со всей страной говорить
Всем горлом
Всем ознобом...*

*Латать и лечить
Современности драму.
И править безумия
Речь!..*

*Слепиться в храм.
В надежду,
В свет,
В простор...*

Не правда ли, в этих строках не только продолжается вполне понятное настроение предшествующей книги «СМЯТЕНИЕ», но и уже отчётливо звучат нотки того, что и дало повод назвать новую книгу обнадеживающим: «ПРЕОДОЛЕНИЕ». Да и не в характере Сэды Вермишевой, которую подавляющее большинство любителей её поэзии и публицистики зовут «наша Сэда», оставлять непреодоленными смятения, возникающие на каждом шагу человека с обострённым чувством Совесть.

В этом – главном качестве Человека испытывает она полное родство с любимым ею Александром Блоком. О некоторых важных размышлениях выдающегося поэта Серебряного века есть в книге очень ёмкая статья «Послание Блока или Россия между Востоком и Западом».

Мне же, когда думал о переходе от «СМЯТЕНИЯ» к «ПРЕОДОЛЕНИЮ» пришли на память знаменитые строчки Блока: «...Но ты, худож-

ник, твёрдо веруй / В начала и концы. Ты знай / Где стерегут нас ад и рай. / Тебе дано бесстрастной мерой / Измерить всё, что видишь ты. / Твой взгляд – да будет твёрд и ясен. / Сотри случайные черты – / И ты увидишь: мир прекрасен...»

Да, горько и больно Художнику, – а Поэт всегда Художник – видеть эти «случайные черты», которыми люди, утрачивая совесть, населяли и населяют наше пространство во все времена. Но природой дано Поэту чувствовать и нести нам свою уверенность в том, насколько наше пространство само по себе прекрасно, если жить по совести. И конечно, любить. Тогда преодолеешь всё. Не случайно эта книга начинается стихотворением «Поэт», в котором звучит:

*Ты пребываешь здесь
Инкогнито,
Никто не должен в мире знать,
Что солнце ввысь
Тобою поднято,
Что ты велел ему
Сиять.*

*Ты есть Закон.
Твои Владения
Лежат везде,
Где солнца свет!..*

*Ты – сын побед.
Не поражений –
Для духа поражений
Нет!*

Ещё идут твои сражения...

*Гори,
Владей,
Твори,
Поэт!..*

И в этом – «для духа поражений нет» вся наша Сэда. Нередко слышу от неё, что сейчас – в дни непонятной «свободы от совести» не время для её лирики. И не могу согласиться.

Во-первых, без лирики нет того волшебства строчек, которое приводит поэта и его читателя в магическое состояние, сходное с состоянием полёта. Да поэзия и есть полёт, а значит – лирикой является изначально: гражданской ли, философской, бытовой, о природе, любовной... Без неё художественного произведения и тем более поэзии нет. А Сэда Вермишева – Поэт от природы.

И, во-вторых, то, что называет сама Сэда лирикой, настолько для неё органично, что тут же заслушиваешься красотой и глубиной созвучий её душевных струн.

Знаю, каким трудом далось издателю и редактору Николаю Дорошенко уговорить Сэду Константиновну дать то, что она называет лирикой, и очень благодарен обоим за эти стихотворения в сборнике, поскольку они всегда и венчают наши преодоления. Впрочем, давайте послушаем:

*Гуманы с тучами слились,
И неба свет так нищ
И скуден...*

*Ручьи
Как реки
Растеклись,
Базар немногочуден.
Визжит пила на лесопилке
И заполняет звуком дали.
Пройдёшь –
И мягкие опилки
Набьются в мокрые сандалии.
Забор укрыла повилка...
Проходят серо дни,
Безлико,
Безликостью не тяготясь своею...*

*Здесь вызревают зёрна тихо,
И я их торопить
Не смею...*

Согласимся, что мы стали отвыкать от таких её стихотворений. К сожалению. Но, видимо, «лёд тронулся», и потому слушаем дальше:

*Какая тишь стоит над миром
Заснул мой город.
Далеко
Бросает свет полоской узкой
В слепую ночь
Моё окно.
Белеет снегом занесённый
Проспект,
И, словно покрова,
На снег ложатся запоздало
Чеканных листьев кружева.*

*Не шелохнётся тополь тонкий.
Он зачарованно глядит,
Как серп луны, прозрачный
Ломкий,
Туманным облаком кадит...*

*В саду скамеек тёмных тени
Легли полосками на снег –
Прощальный знак поре осенней...
Остановило время бег...*

*А тишь стоит,
Стоит – над миром.*

*Мне в тишь такую –
Не уснуть.*

*Застыло всё...
Лишь звёзды в небе
Неслышно строят
Млечный Путь...*

И пока звёзды «неслышно строят Млечный Путь», давайте насладимся ещё и такими строчками Поэта:

*Начну письмо...
Под дождь так тянет
Лелеять слов обугленную хворь...
Раскрыть окно,
Приставить к двери камень,
Начать письмо...
Писать в стихах,
Без адреса,
Без почты,
Которая бы приняла его.
А шум дождя
Вберут,
Впитают строчки –
Так сладостно с природою родство...
И только к утру тихо прозревая,
Со лба откинуть вымокищую прядь,
И, с подоконных досок дождь стирая,
Легко вздохнуть,
И снова жизнь
Начать...*

Когда читаю стихотворения Сэды Вермишевой, часто ловлю себя на мысли, что Поэт умеет моментально ввести тебя в такое состояние, когда «так сладостно с природою родство». И ты чувствуешь, как эти строчки впитывают всё, что происходит не только вокруг, но и с тобой, даже, если тебе бывает больно и горько. Вспоминаешь, что и сам много раз хотел об этом же рассказать, но ТАК СКАЗАТЬ не сумел.

Потому что ТАК – дано единицам. И они называются Поэтами, вызывая в нас тот «трепет души», какой трудно с чем-то сопоставить. За что мы Поэту и благодарны в любые времена.

Критика

Лидия Довыденко

Поэт о поэтах.

О книге Валентины Коростелёвой «Строки и судьбы».

Повествование о творчестве 28 русских поэтов.

Серия «XX век: Лики. Лица. Личины». Москва: «Звонница», 2017

Сборник статей о поэтах России второй половины 20 – начала 21 века – это укрепление духа и души читателя. Книга «Строки и судьбы» для тех, кто любит Россию и для тех, кому ещё предстоит постичь это великое чувство.

Валентина Коростелёва – поэт, и её публицистические рассказы о своих любимых авторах часто прерывается её собственными поэтическими строчками, что придаёт оригинальности сборнику, где талантливая и вдумчивая автор внимательно и бережно собирает смыслы творчества её избранников, и это даёт редкое наслаждение чтением книги.

Это происходит потому, что наряду с узнаванием, новым повторением любимых стихов, которые в суете жизни как-то подзабыты или отодвинуты, с искренним желанием – подумать о них потом, которое так и не наступает – это потом. И вдруг пути Господни приводят к великой благодарности Валентине Коростелёвой за то, что она тоже обратила внимание на эти запавшие тебе в душу строчки и дала возможность новой встречи, часто нового прочтения, открытия новых глубин, нежности и «сладостных слёз» любви к поэзии и Отчизне. Это очерки об Александре Блоке, об Иване Бунине, о любимом Николае Гумилёве, о Марине Цветаевой, потрясающе о Юлии Друниной, пронзительно о Николае Рубцове и других выдающихся поэтах.

Сергей Есенин писал, что надо быть самому гением, чтобы понять творчество А.С. Пушкина. И вряд ли поэт Валентина Коростелёва задавалась такой целью – гениально понять каждого из поэтов, о ком она пишет, но получилось прекрасно.

Книга – Слово поэта, рождённое душой и волшебным русским языком, потому что, как пишет В. Коростелёва, «истинный поэт умеет так им распорядиться, что простые слова начинают светиться и пленять сердце челове-

ка, способного отозваться на этот счастливый свет...»

Примером могут служить слова автора сборника об Анне Ахматовой:

*Пластинка кружится знакомо,
Ей всё равно, о чём звучать,
А из глубин – великий голос,
В котором мудрость и печаль.
Стихи на исповедь похожи,
В них сила гроз и свет зари, –
И пробегает дрожь по коже,
Как будто Вечность говорит.
Тут всё: с потомками свиданье,
Разлука, горечь забвения
И миг, где счастье и страданье
Равны на чашах бытия...*

Валентина Коростелёва очень удачно назвала свою книгу. Она обращается к судьбам поэтов, многих – наших современников, и раскрывает нам суть их поэзии через их строчки, да какие! – в них душа, согревающая и поднимающая ввысь. А автор чутко улавливает «главную мелодию души, что сопутствует образу героя её документального рассказа». Она взяла на себя очень сложную задачу – рассказать о людях, чьи друзья, современники ещё живы, «и не дай Бог – ошибиться в каких-то фактах!»

И всё же у неё получилось – она поведала нам о главном в судьбе того или иного поэта, приоткрыла важнейшие страницы их произведений. Говоря словами Александра Твардовского, у которого всегда можно поучиться максимально правдивому общению с читателем и оптимизму:

*Нелёгко путь. Но ветер века –
Он в наши дует паруса.*

Да, нелёгко путь, но автор сборника статей, как опытный капитан ведёт нас по океанам судеб и глубинных строчек, часто открывая неиз-

вестные или малоизвестные чёрточки характера знаменитых поэтов.

Повествуя об Агнии Барто, Валентина Коростелёва обращает внимание на её весёлый нрав и чувство юмора: «Агния Львовна отвечала очередными розыгрышами, которые любила и делала с блеском. Вот случай с Иракием Андрониковым, известным знатоком творчества Лермонтова. Однажды она, изменив голос, «обрадовала» тем, что нашла неизвестные письма поэта. Тот был вне себя от счастья. В конце разговора Барто сказала: «Запишите адрес! Лаврушинский переулок, семнадцать...» Тут Андроников вспомнил, что это писательский дом. И спросил: «Как Ваша фамилия?» Она ответила уже просто: «Барто». Иракий Луарсабович от души расхохотался: «Как я попался! Нет, это грандиозно!»

Что касается Юлии Друниной, то она в конце 80-х– в начале 90-х годов прошлого века приняла как свою личную трагедию и своего народа трагедию открывшиеся страницы ужасающей реальности 1930-х годов, когда в лагерях сидели и уничтожались по большей части лучшие слои населения.

И вот строки из письма Юлии Друниной: «Теперь, узнав жестокую правду о второй – трагической, чудовищной, апокалипсической стороне жизни тридцатых годов, я (не примите это за красивые слова) порой искренне завидую тем сверстникам, кто не вернулся с войны, погиб за высокие идеалы, которые освещали наше отрочество, нашу юность и молодость...» В стихотворении «*И откуда вдруг берутся силы...*» незадолго до своего ухода из жизни Юлия Друнина напишет её приговор безвременью 90-х годов и даст свою оценку периоду войны:

*Похоронки,
Раны,
Пепелища...
Память,
Душу мне
Войной не рви,
Только времени
Не знаю чище
И острее
К Родине любви.*

«...Не только строка, – продолжает автор сборника, – но и каждое слово обеспечено золотой валютой судьбы и сердца, остаётся только преклонить голову перед памятью о фронтовых поэтах».

И благодарны будут Валентине Коростелёвой те читатели, кто любит Николая Рубцова, о котором она пишет: «Встаю под недоумёнными взглядами, отхожу к окну, долго смотрю на заснеженный город, заставляя себя успокоиться. А в сознании уже звучат короткие скупые строки и просятся на бумагу...»

*Я обязательно приеду
Хорошим днём в твои края,
Отдам поклон зиме и лету,
Всю эту даль боготворя,
Всю эту быль и эту небыль,
Где наравне – талант и труд,
Где ты навек сроднился с небом
И где нашёл себе приют...*

Но вернусь в Вологду... Зима, гостиница, отголоски юбилея. Память снова возвращается к могиле Поэта, где всё ещё горит пунцовыми ягодами куст шиповника... Будто сами собой вылились у меня на бумагу почти документальные строки:

*Что ж, город, у тебя свои рассветы
И богатырский, скажем прямо, бег,
Но ты не спас, а мог спасти поэта!
И, как укор, ложится первый снег...
Могильный камень ничего не помнит,
Не разорвать сгустившуюся тьму, –
Но пламенеет всё-таки шиповник,
И звёзды откликаются ему!*

И как не согласиться с автором книги: «Какое счастье, что всегда можно взять с полки томик Рубцова, открыть наугад – и никогда не ошибиться! Как постоять у иконы Иверской Богоматери, нашей общей берегини».

Размышляя о судьбе и поэзии Виктора Бокова, Валентина Коростелёва приводит его строчки: «И самое большое чудо – это не стихи, а строка, которая слетает с неба и садится на подоконник... Что за чудо наше ремесло! Слово – основа, а я с ним без дрожи общаюсь, на равных, ну, это всё равно, что с Господом Богом на дружеской ноге».

Идут годы, и можно с уверенностью сказать, что так любимая поэтами Россия отвечает самой искренней привязанностью к нежнейшим из своих сынов, отмеченных светлейшим Божиим даром.

Белла Ахмадулина раскрывается нам в строчках:

*..я думала: не зря, о, нет,
а для таинственного дела
мы рождены на белый свет.*

Валентине Коростелёвой удалось найти точный эпитет к её творчеству. «Именно «таинственное дело» – вся её поэзия»,

*...И широк дивный выбор всевышних щедрот:
ямб, хорей, амфибрахий, анапест и дактиль.
(«Зимняя замкнутость»)*

Автор сборника о русских поэтах даёт себе отчёт в том, что о больших художниках и судить надо совсем по иным, большим критериям, и справляется с этим, потому что поняла: «Россия не утратит своего слуха по отношению к Поэзии». Талантливые люди не прямолинейны, не однозначны в своём творчестве, «их палитра гораздо богаче вымученных рифмованных сен-

тенций». Валентина Коростелёва возвращает нас к истинным ценностям нашей литературы. Ушли в тень «назначенные в классики», а живая вода поэзии искренна и притягательна для человеческой души, не разучившейся сопереживать и мыслить.

О каждом из 28 поэтов сборника «Судьбы и строчки» можно было бы сказать словами Бориса Примерова: «небесами коронованные», часто святые и в то же время – непонятые. Но им удалось сказать: «Незакатное, близкое, чистое...», а нам помогла услышать, почувствовать Валентина Коростелёва необъятные душевные силы, их «очарованные берега», свет их «милой лиры».

Наши друзья

Советуем почитать:

<http://www.rospisatel.ru/>

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistikogo-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

<http://cultinfo.ru> — Культура в Вологодской области

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru